

ЧЕРНОГОРЦЫ в РОССИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ЧЕРНОГОРЦЫ в РОССИИ

Москва «ИНДРИК» 2011

УДК 94(497.1)
ББК 63.3(0)5/6
Ч 49

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук К.В. Никифоров (ответственный редактор),
доктор исторических наук С.И. Данченко,
кандидат исторических наук В.Б. Каширин,
Н.Г. Струнина

Рецензенты:
кандидат исторических наук П.А. Искендеров
кандидат исторических наук Л.В. Кузьмичева

Черногорцы в России / Ответственный редактор К.В. Никифоров. — М.: Индрик, 2011. — 360 с., ил.

ISBN 978-5-91674-156-8

В 2011 году Россия и Черногория отмечают знаменательную дату — трехсотлетие установления прямых межгосударственных отношений. Это событие произошло в эпоху царя Петра I и митрополита Даниила, когда общность русских и черногорских интересов в борьбе против Османской Турции вывела на качественно новый уровень связи двух братских славянских народов. За прошедшие с того времени века отношения двух стран пережили целый ряд драматичных перемен и поворотов — от борьбы с общими врагами к взаимным обидам и разочарованиям, и в обратную сторону. Однако народы двух стран неизменно связывали чувства братской любви и искренней симпатии.

Книга «Черногорцы в России» представляет собой сборник научных статей российских и черногорских исследователей, в которых рассматриваются практически все значимые страницы истории российско-черногорских связей за последние триста лет. Особое внимание уделяется истории черногорцев в России — представителей царственных домов, духовенства, военных и моряков, мужчин и женщин, людей выдающихся и обыкновенных.

Сборник предназначен как для специалистов-историков, так и для всех интересующихся страницами прошлого российско-черногорских отношений.

На первой странице обложки рисунок Н.Г. Струниной

© Коллектив авторов, Текст, 2011
© Оформление. Издательство «Индрик», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Никифоров К. В.</i> Россия и Черногория: 300 лет навстречу	6
<i>Распопович Р.</i> Первые официальные визиты черногорцев к российскому двору: миссия владыки Данилы в 1715 г.	10
<i>Радойчић Д.</i> Бока Которская и Россия	29
<i>Аншаков Ю. П.</i> Черногорский митрополит Василий Пётрович и Россия	36
<i>Хитрова Н. И.</i> Черногорцы в России во второй половине XVIII в.	66
<i>Лециловская И. И.</i> Черногорец Иван Подгоричани — российский генерал	85
<i>Петров А. А. И. Ю.</i> Попович-Липовац — генерал русской службы.	88
<i>Шемякин А. Л.</i> Свой среди «своих». Йован Попович-Липовац и восстание в Герцеговине (1882 г.).	108
<i>Хитрова Н. И.</i> Новые материалы о Йоване Поповиче-Липоваце	129
<i>Сундукова Д. А.</i> Русская судьба Джуро Давидовича	138
<i>Хлебникова В. Б.</i> Жизнь черногорских студентов в России в конце XIX — начале XX в.: надежды и реальность.	146
<i>Струнина Н. Г.</i> Никола Петрович-Негош и его дочери — русские великие княгини Романовы.	174
<i>Ганин А. В.</i> «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть...». Последний роман генерала Бакича в документах	239
<i>Едемский А. Б.</i> Два Велько из титовского окружения	269
Оставшиеся в СССР	316
<i>Едемский А. Б.</i> Четыре визита Милована Джиласа в Москву	322

РОССИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ: 300 ЛЕТ НАВСТРЕЧУ

Как и многое в России, российско-черногорские связи ведут свое начало от Петра Алексеевича. В Боку Которскую на Адриатическое побережье были посланы обучаться мореходству у местного населения будущие командиры строящегося русского флота. Тогда же на русской военной службе появились и уроженцы югославянских областей, включая и Черногорию. Активная внешняя политика Петра I требовала поиска союзников. И жившие в стратегически важном регионе «вольные люди», которые к тому же были «веры христианской, языка славянского», не могли не привлечь взгляды русских дипломатов.

С тех самых пор причудливым образом сложился теснейший союз двух народов, союз, который напоминал скорее родственные отношения. Не так уж легко найти в истории подобные примеры. Что же влекло навстречу друг другу равнинный северный народ и южных горцев, огромную империю и затерянное в горах небольшое племенное образование? Конечно, было совпадение интересов: стремление России к Проливам и борьба черногорцев за независимость.

Однако одними интересами невозможно объяснить столь сильное влечение друг к другу двух столь разнопорядковых величин. В основе этого непреодолимого встречного движения русских и черногорцев был не только голый расчет. Неправильно, на наш взгляд, вслед за некоторыми современными политиками представлять дело так, что времена бескорыстной любви давно прошли и речь должна идти лишь о прагматических связях. Это не только крайне узкий взгляд на существо российско-черногорских отношений, но и попытка поломать генетический код двух народов.

«Мы хотим к русским, а русские к нам, с Божьей помощью приблизиться, чтобы не быть друг от друга столь далеко», — заявил в те далекие годы на скупщине глав черногорских племен владыка Данило¹. И это были не просто слова. Именно тогда начался путь двух народов навстречу друг другу.

Зажатой со всех сторон мощными врагами, оторванной даже от Сербии и основной массы сербского народа, крошечной Черногории придавало силы и стойкости наличие (пусть и где-то бесконечно далеко) великой одноплеменной и единой державы. В данном случае удаленность друг от друга только способствовала идеализации образа «майки Руси». У черногорцев возник даже своеобразный культ России, а любовь к ней стала частью национального самосознания. Недаром в Черногории до сих пор так популярна присказка: «Нас и русских — 200 миллионов». Ее обязательно расскажет гостю из России первый же встречный.

Параллельно и Россия, по мере лучшего узнавания малых славянских народов, начинала ощущать своей обязанностью заботиться о них и пре-

жде всего — о славянах православных. На фоне других черногорцы смотрелись наиболее ярко, с особенным первозданным колоритом. Совсем не на пустом месте в России развивался и креп романтический образ этой «православной Спарты». Каждый раз без лишних раздумий черногорцы по призыву России героически вступали в войну с Турецкой империей и другими могучими неприятелями. Русских не могли не восхищать их удаль, бесстрашие и самоотверженность. Участники совместных с черногорцами сражений в начале XIX в. вспоминали, что французы мгновенно разбежались, заслышав ужасающий «дикий вой», с которым черногорцы шли в атаку, и увидев всыпающие у них за плечами отрубленные головы врагов.

Можно сказать, что Россия оказалась на высоте выпавшей ей большой любви небольшого народа. Никакие недоразумения, возникавшие иногда между представителями двух стран, не могли помешать главному. Фактически Черногория была взята на содержание русским двором, а потом правящие династии двух государств даже породнились. Широко известна история, произнесенная Александром III в честь черногорского князя Николы: «Пью за здоровье князя черногорского, единственного искреннего и верного друга России». Это, конечно, дорогого стоит.

В этот же период, с 1879 по 1906 г. (с некоторыми перерывами), в Черногории жил Павел Аполлонович Ровинский². Он оставил уникальный трехтомный (в четырех книгах) труд «Черногория в ее прошлом и настоящем»³. Лучше о Черногории никто не написал. До и после Ровинского свои стихи посвящали Черногории два, возможно, самых любимых русских поэта — Александр Сергеевич Пушкин и Владимир Семенович Высоцкий.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. в российскую миссию в Цетинье поступало много заявлений от черногорцев и герцеговинцев с просьбой направить их в действующую русскую армию. Ее успехи и неудачи простые черногорцы воспринимали как свои собственные, спрашивали у русских представителей: «Что делают наши в Маньчжурии?... Как наши в Порт-Артуре?»⁴. Это местоимение «наши» очень символично, как символично и рождение мифа о том, что маленькая Черногория в знак солидарности с Россией объявила войну Японии, а потом даже забыла заключить с ней мир.

Верность России сохранили черногорцы и в дальнейшем. Их знаменитое русофильство стало одной из причин того, что представительство черногорцев в югославском движении Сопротивления в годы Второй мировой войны было весьма многочисленным. Их было больше других и среди репрессированных «коминформовцев» после конфликта Сталина с Тито в 1948 г.

После нормализации отношений между СССР и Югославией каждая югославская республика имела своим побратимом одну из советских республик. Черногории досталась Армения. Однако Черногория настояла на том, чтобы одновременно стать побратимом России. Тем не менее, взаимные

связи заметно ослабли. Общая закрытость и подозрительность Советского Союза распространялась и на «ревизионистскую» Югославию.

Фактически только в 2000-е гг. российские туристы стали открывать для себя старого подзабытого друга. Но их поток быстро рос. В прошлом году страну посетило уже около 150 тыс. россиян. По сравнению с другими странами, в полюбившейся Черногории россияне стали задерживаться надолго. Постепенно на черногорском побережье сложилась по-своему уникальная ситуация: массовое и длительное присутствие российских граждан, со своими школами, газетами и т. п. По разным данным, сегодня постоянно проживающих в Черногории россиян — около 10 тыс., собственников жилья — до 20 тыс. Это отнюдь не повторение ситуации с русской эмиграцией межвоенного периода⁵, а чаще всего — жизнь на два дома, на две «локации». Уже выходят первые серьезные работы по изучению этого явления⁶.

Одновременно и черногорцы не забыли дорогу в Россию. Сразу после войны с немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками, а затем после нормализации отношений между Югославией и СССР черногорцы приезжали в Советский Союз на учебу. Много позже к ним добавились и приезжающие на заработки, прежде всего рабочие строительных специальностей. Особенно югославское, в том числе и черногорское, присутствие увеличилось в России во время антисербских санкций 90-х гг. прошлого века.

Сегодня около 4–5 тыс. выходцев из Черногории продолжают работать в России. Их можно встретить даже в ведущих российских футбольных командах. Не затерялся в России и черногорский бизнес.

* * *

Предлагаемый вниманию читателей юбилейный сборник состоит из очерков о черногорцах, приезжавших в Россию за последние триста лет. Это были и обычные люди, и представители черногорской элиты — митрополиты, супруги великих князей из династии Романовых, партийные функционеры из титовского окружения. Одни приезжали в Россию на короткое время, другие — задерживались в ней на долгие годы, а то и навсегда. Случалось и организованное переселение черногорцев в Россию⁷. Одни всеми силами стремились в Россию, другие — оказались в ней вынужденно, волею обстоятельств. Одни запомнились только своим близким, другие оставили яркий след в истории Черногории или своей второй родины — России.

Надо сказать и о том, что историк — это всегда зависимая профессия, зависимая от источников. Наверное, есть еще много выходцев из Черногории, заслуживавших специального упоминания. Но о них не сохранилось документальных материалов, или эти документы не стали еще доступны историкам.

Отсюда в сборнике нет единообразия. Одним нашим героям посвящены более-менее подробные очерки и даже не один, другим — лишь несколько страниц. Но все вместе они составляют пеструю трехвековую мозаику черноморского присутствия в братской стране.

Сборник подготовлен в Институте славяноведения РАН, его авторами стали сотрудники Института и их коллеги (в том числе из Черногории) — от признанного специалиста по черноморской истории Н. И. Хитровой до аспирантов, только начинающих постигать историю этой удивительно интересной и красивой страны. Повторимся, что авторы сборника отдают себе отчет, что их книга совсем не исчерпывает заявленную в заглавии тему. Многие персоналии еще ждут своей очереди, многое из того, что уже попало в сборник, нуждается в дополнении и уточнении. То, что читатель держит в руках, это скорее подход к раскрытию темы, эскиз к будущей картине.

Но самое главное — в изучении этой темы невозможно поставить точку. Российско-черноморские отношения развиваются, ни на миг не прерываются связи между людьми, такими далекими и такими близкими. Путь навстречу продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Бычков Ю. Е. Черногория: от прошлого к настоящему. Страницы истории Черногории и российско-черноморских отношений. М., 2008. С. 228.

² В этом году, 6 марта, исполнилось 180 лет со дня его рождения.

³ Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888–1915. Т. 1–3.

⁴ Хитрова Н. И. Россия и Черногория. Русско-черноморские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 годах. М., 1993. С. 267–268.

⁵ Для сравнения: в период между двумя мировыми войнами на территории всей Югославии русских эмигрантов было около 40 тыс. человек. На Черногорию приходилось не более 5 тыс. Подробнее см.: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.

⁶ Радойчић Д. Миграция русских в Черногорию в начале XXI-го века // Европейская интеграция и культурное многообразие. В 3 ч. М., 2009. Ч. 1. Идентичность и миграции. С. 135–150.

⁷ См., например: Распопович Р. Для службы и верного подданства. Переселение черноморцев в Россию в 1750-х годах // Родина. Россия и Черногория: вехи истории. Спецвыпуск. М., 2006. С. 15–17. См. также опубликованные в этом сборнике статьи Ю. П. Аншакова и Н. И. Хитровой.

ПЕРВЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВИЗИТЫ ЧЕРНОГОРЦЕВ К РОССИЙСКОМУ ДВОРУ: МИССИЯ ВЛАДЫКИ ДАНИЛЫ В 1715 г.

После того как 9 ноября 1710 г. Турция объявила войну России, в высоких политических кругах Санкт-Петербурга была рассмотрена идея графа С. Л. Владиславича-Рагузинского¹ об использовании в борьбе против Турции южнославянских народов. Поскольку в их среде уже господствовали воинственные настроения, было принято предложение отправить в Молдавию, Албанию и другие районы специальных посланников, которые должны были призвать к оружию «тамошние народы»².

Итак, начиная свой Прутский поход, Петр I рассчитывал на антитурецкое восстание на Балканах. В этом духе была составлена и его грамота от 3 марта 1711 г., предназначенная «...благородным, превосходительнейшим, почтеннейшим, преосвященным митрополитам, князем, воеводам, сердарам, арамбашам, капитаном, витезам и всем доброжелательным христианом православныя веры, греческия и римския, и прочим духовнаго и мирскаго чина людям... а имянно черногорцам, никшичам, баньяном, пивляном, дробняком, гачаном, требиньяном, хорватам и прочим христоробивым, обретающимся под игом тиранским турского салтана»³. Грамота через нескольких посланников Петра I была отправлена представителям балканских народов. Алекса Попович был послан в Печский монастырь, где должен был готовить восстание в турецких районах Сербии⁴. Архимандрит Григорий Сербский был отправлен в Австрию сербскими полковниками И. Текели, Вулином, Х. Рашковичем и другими. Одновременно полковник Михаил Милорадович⁵ и капитан Иван Лукачевич должны были передать царский призыв к восстанию митрополиту Даниле Петровичу, его брату князю Луке Петровичу и остальным.

Согласно письму С. Л. Владиславича-Рагузинского полковнику Милорадовичу от 4 марта 1711 г., от него требовалось отправиться в Сербию и Албанию к климентам, кучам, пиперам, черногорцам и другим племенам и дать им совет вступить в борьбу против турок⁶. Царские грамоты с печатями, в которых русский император объявлял свой призыв к восстанию, были вручены Милорадовичу с наказом разослать их или передать лично, кому необходимо, посредством дара или другим способом, который он сам считает наиболее подходящим⁷. Вместе с грамотами ему были вручены и их копии. От Милорадовича требовали, чтобы он сделал всевозможное в деле собирания войска и организации нападения на турок, способствовав тем самым реализации задуманного плана военной операции: «вы бы с одной стороны, а мы бы с другой ударили»⁸.

Сам Милорадович авансом за выполнение порученной миссии был сразу же награжден чином полковника. Ему также было обещано 500 золотых цехинов на содержание и расходы⁹. В случае, если он хорошо справится с делом и поднимет против турок многие народы, Владиславич-Рагузинский пообещал скорое получение генеральского чина и великую благосклонность государя императора¹⁰. Назначенную сумму в 1000 золотых — 500 для него и 500 для Алексы Поповича — нужно было получить в Бухаресте¹¹, у торговца Ангелакия Спаидаки.

По данным российской историографии, грамота русского царя балканским народам была вручена русскому консулу в Венеции Димитрию Боцису 5 июня 1711 г. Затем консул передал ее Милорадовичу¹². Сам Милорадович в письме русскому царю в конце 1712 г. писал, как утверждает в нашей историографии¹³, что он получил грамоту 12 апреля 1711 г. Эта дата наиболее вероятна, ведь Милорадович был в Черногории уже в начале июня.

Согласно письму, в начале апреля он, разрешив свои личные семейные дела, находился в Бухаресте Мунтянском¹⁴, когда к нему приехал «капитан Иван Албанез, то есть монах Моисей»¹⁵, и вручил ему две грамоты — одну, составленную в Москве 10 марта 1711 г., с печатью и распоряжением его царского величества, за подписью первого министра графа Гавриила Ивановича Головкина, и другую, также составленную в Москве 4 марта 1711 г., за подписью Владиславича-Рагузинского¹⁶. Кроме того, он передал ему и «другие 12 грамот, отправленных по царскому указу в Черногорию и Герцеговину и Албанию и остальным»¹⁷. По указу его царского величества, граф Г. И. Головкин и С. Владиславич приказали Милорадовичу принять 12 грамот и тотчас их в упоминавшиеся племена передать, чтобы «стали той часъ единокупно воевати»¹⁸.

Выполняя царский приказ, Михаил Милорадович с капитаном из Подгорицы Иваном Лукачевичем отправились в Черногорию. В начале июня царские посланники прибыли в Грбаль и тут же подняли грбальян на борьбу против турок. Согласно сведениям, полученным из более позднего письма Милорадовича Д. Ф. Боцису (от 5 февраля 1712 г.), когда он приехал в означенную землю с грамотами от 5 июня¹⁹, то разослал их тем командантам провинций, которым их требовалось вручить²⁰. Кроме доставки царского письма и поднятия народа на восстание, в задачи миссии Милорадовича входило осуществление военного руководства над отрядами в Черногории, Герцеговине и соседних областях согласно разработанному военному плану, частично изложенному в письмах Владиславича-Рагузинского и графа Головкина²¹.

В первых числах июня 1711 г. Милорадович передал грамоту митрополиту Даниле²². Владыка, как говорится в более позднем сообщении Гавриила Милорадовича Петру I, тут же начал призывать народ к восстанию против неприятеля, неверных турок, за христианскую веру и честь

«Преосвященного Царского Величества»²³. Собрались князья, сердары, воеводы и другие христиане. На черногорском собрании была прочитана царская грамота. Черногорцы приняли с большим воодушевлением призыв русского царя²⁴, а также своего правителя взяться за оружие и, покинув собрание, уехали, чтобы «каждый на свои деньги приобрел немного пороха и свинца»²⁵.

С началом восстания многие турецкие города в Албании и Герцеговине попали в осаду, так что положение турок в них было тяжелым, а связь между ними оказалась прервана. Османское войско 15 июня 1711 г. было разбито при Гацко, и за короткое время была освобождена значительная территория. На массовость и размах восстания указывают данные, которые приводит Милорадович в продолжении своего письма Боцису²⁶. Считается, что численность отрядов под его командованием составляла около 30 000 чел.²⁷. Для сравнения можно упомянуть, что во время Прутского похода русская армия насчитывала 38 326 солдат и 122 орудия²⁸.

О сражениях, в которых после прибытия Милорадовича принимали участие черногорцы, писал владыка Данило в письме Петру I, датированном 12 (23) октября 1711 г. Это было первое официальное письмо русскому царю с момента приезда Милорадовича в Черногорию. Помимо того, что это письмо, написанное через несколько месяцев после приезда Милорадовича, представляло собой ответ на царскую грамоту, оно также содержало информацию о том, что происходило в Черногории после объявления балканским народам царского призыва к восстанию. Владыка говорил, что черногорцы «принялись воевать ранее всех»²⁹. Между тем, в письме правитель абсолютно открыто обращал внимание на то, какое несчастье может случиться с Черногорией, если она будет оставлена русскими и предоставлена туркам. Поэтому он искал у русского царя защиту и особо просил, чтобы в случае начала переговоров с османами и в случае, если будет подписано мирное соглашение, Черногория не была оставлена султану.

Причина беспокойства правителя в отношении исхода борьбы с турками заключалась в том, что события в войне развивались не так, как было первоначально запланировано и как в своем письме и через своего посланника предсказывал Петр I. Ожидаемая помощь со стороны русского войска восставшим не пришла, однако в Черногории не знали, что виной тому были военные неудачи России.

Речь идет о том, что после неблагоприятного исхода сражения при Пруте, 12 июля 1711 г. Россия была вынуждена подписать Прутский мир. Он, правда, длился недолго, так как 17 декабря 1711 г. Порта вновь объявила войну России³⁰. Эта война, впрочем, тоже быстро закончилась, так что вскоре было заключено новое мирное соглашение, неблагоприятное для России. Обо всем этом в Черногории в то время не было известно.

Это подтверждает содержание письма Михаила Милорадовича русскому консулу в Венеции Д. Ф. Боцису от 5 февраля 1712 г. В письме Милорадович просит Боциса познакомить русского посла в Вене с его донесением о событиях в Черногории и сообщить, что он «многие письма писал ко двору, но никогда ответу не получил и до сего часу не могу ведать, что тамо чинится»³¹. Также из-за этого он решил отправить туда брата Гавриила со своими письмами и письмами глав отдельных областей. Но с того момента прошло уже три месяца, и он никаких вестей о нем и его миссии, как и о положении на русско-турецком фронте, не имел.

Итак, в Черногории имела место полная неосведомленность о военных действиях русских войск. С другой стороны, неяска ожидаемой помощи и отсутствие хотя бы каких-то вестей из России, конечно, не могли увеличить военный энтузиазм у черногорцев. Но, несмотря на это, борьба не прекращалась. С. Л. Владиславич-Рагузинский 12 июня 1712 г. писал Г. И. Головкину: «Иного к доношению не имею, только пишут из Венеции, что полковник Михайло Милорадович, посланный прошлого году, в Албании с монтенегрины и протчим тамошним народом, и ныне воюет против турков з государевыми знаменами»³².

Однако достаточно скоро появились и серьезные трудности, которые значительно ослабили планы восставших. Развитие успехов в начавшейся войне подразумевало под собой захват осажденных турецких городов, в которых находились главные османские силы³³. Но возможностей для этого не было. В начале февраля 1712 г. Милорадович писал Боцису, что «города от платежа солдатам, без пушек, пороху и ядер взять не можно»³⁴. Давал о себе знать и серьезный недостаток в деньгах.

Согласно еще одному более позднему письму Милорадовича царю (вероятно, конец июля 1712 г.), после того как царские грамоты «были отправлены в Македонию, Черногорию, Герцеговину и другие провинции», части под его командованием воевали «в зиму и лето беспрестанно... 14 месяцев» и «много боев с турками совершили»³⁵. В этом обращении Милорадович повторял, что «многие турецкие города и села сожгли» и «турок порубили и разбили...». Однако, когда мир между Россией и Турцией был заключен, «а мы о мире ничего не знали, никто нам об этом не писал»³⁶, Черногория попала в серьезную беду. Тогда, как говорилось далее, «двинулась на нас вся сила турецкая. Самым первым пришел паша Махмутбегович с войском из Румелии и с ним три паши из Албании и из Авлуна и с ними войска 25 000. И мы три недели назад, турок разбивали всякий раз»³⁷. Милорадович далее оповещал царя о том, что после тех нанесенных туркам поражений прибыл великий сераскер боснийский «и с ним пашей семь и турецкие силы от Биограда и Боснии и Герцеговины и вся нижняя краина и с ними турецких войск 40 000»³⁸. «Тогда все турки собрались, вышеозначенные первые паши и их войско разнообразное. И так на нас все вместе навалились. Мы их ожидали и

с ними в тяжелый бой вступили и два раза их разбили, и погибло турок 10 000, а наших храбрых витязей 250»³⁹.

Изучая продолжение письма Милорадовича, мы выясняем, что после этого столкновения события развивались следующим образом:

Потерпев поражение, турки обратились с просьбой отправиться в Цетинье, чтобы там мир заключить». Так как разрешение они получили, то отправились в Цетинье, где посетили «монастырь и дома, и кельи владыки Даниила, который многое потратил ради любви Вашего Царского Величества»⁴⁰. Но «неверные турки на силу понадеялись и монастырь снесли. И другие три церкви в Цетинье снесли, и все дома христианские, что в Цетинье, спалили и снесли»⁴¹. Когда черногорцы увидели «турецкую измену и обман», как писал далее Милорадович, «мы ударили в турок и с помощью Божьей, и благословением Его Царского Величества, побили и зарубили турок 8000. И трое наших погибло. И выгнали турок в Лешко поле под Подгорицей»⁴².

После изгнания турок из Черногории, согласно письму Милорадовича русскому царю, собрались «все князья и воеводы и остались христиане, чтобы совет совершить». Ситуация, в которой находилась Черногория, была очень тяжелой. Помимо того, что все было сожжено и разрушено, существовал и серьезный недостаток во всем. Так как девять месяцев «не было ни его брата Гавриила от Вашего Царского Величества, ни какого другого голоса», в письме Петру I Милорадович пишет, что он тогда все свое личное имущество, «что имел пригосее еще от моего отца потратил, так как еще задолжал людям церковным и владыкам и другим добрым христианам, которые усердие имеют к Царскому Величеству, и все то потрачено на порох и свинец и другие потребности, нужные для войска, бой ведущего четырнадцать месяцев, и на плату солдатам, которые были на страже у турецких границ»⁴³. Больше денег не было, а долг за совершенные расходы составлял 9000 цехинов. В такой ситуации черногорцы решили на собрании послать Михаила Милорадовича к царскому двору⁴⁴.

Милорадович отправился в Россию в августе 1712 г. Из-за того, что он действовал вне инструкций, полученных при отправлении в Черногорию, больше года он ожидал аудиенции от канцлера Г. И. Головкина и русского царя. Превышение полномочий по отношению к инструкции, которую получил царский посланник, касалось грамоты, которую он сам написал и прочитал на черногорском совете 16 (27) апреля 1712 г. Согласно этому документу, черногорцы принимались в русское подданство, им гарантировались церковная самостоятельность, гражданские свободы и освобождение от налогообложения («могут никому не давать ни налогов, ни подушной подати, ни десятины, ни на право собственности, ни на виноград, ни на луг, ни на коня, ни на вола...») ⁴⁵. Россия, согласно этому документу, обязывалась обеспечивать Черногорию материаль-

ной помощью, а черногорцы в свою очередь давали обещание воевать на ее стороне, когда той это будет нужно. Заключение таких соглашений не могло быть в компетенции царского чиновника, отправленного в Черногорию с совсем другим заданием. Именно по этой причине в России были недовольны поступком Милорадовича, и по возвращении высокие сановники отказались его принять со служебным визитом.

* * *

Абсолютно не готовая к дальнейшей войне с турецкими войсками, нападения которых приняли широкий характер, Черногория была практически разгромлена и опустошена⁴⁶. Поход, целью которого было возмездие за ранее нанесенные поражения, вследствие полного опустошения предыдущими сражениями и абсолютного падения боевого духа черногорцев, завершился катастрофическими последствиями: «Наступил такой трагический исторический момент для Черногории и для существования ее населения, что в народном сознании, в ранней черногорской истории ничто не могло сравниться с огнем и мечом, которые грозили в 1714 г. полностью опустошить страну, обезглавить черногорскую верхушку»⁴⁷. В общей панике владыка Данило с несколькими сотнями черногорских предводителей перешел на территорию Венеции⁴⁸. Тогда же было принято решение о его отъезде в Россию.

Учитывая состояние, в котором находилось государство, миссия владыки была вынужденной необходимостью. Из-за специфичных условий, в которых принималось это решение, в Россию владыка Данило отправился без необходимого на то дозволения. Поэтому, добравшись в конце 1714 г. до Вены, он отправил письмо русскому канцлеру Головкину, в котором запрашивал дозволение приехать в царскую столицу⁴⁹. Из Вены владыка Данило написал еще несколько писем русскому канцлеру и царю, в которых детально описывалось происходящее в Черногории и страдания, которым черногорцы были подвергнуты. Но, поскольку разрешение на въезд в Россию не пришло, Данило после трех-четырех месяцев, проведенных в Вене у «венского кесаря», добился дозволения проследовать до польской границы. Так в начале 1715 г. он прибыл в Киев. Оттуда он вновь обратился с просьбой о получении необходимых документов. В этот раз ответ пришел быстро. Помимо разрешения продолжить путь, ему была предоставлена соответствующая финансовая помощь.

До русской столицы владыка Данило добрался в апреле 1715 г. Это был первый визит какого-либо правителя из Цетинье в Петербург. Помимо того, что речь шла о посещении духовных сановников, поездка также носила политический характер. Данило был принят высшими российскими политическими деятелями, включая и самого царя Петра I. Хотя Данило произвел приятное впечатление на своих собеседников, сам он

не был удовлетворен результатами состоявшихся переговоров. На это решительно повлияло осознание того, что направление русской внешней политики поменялось из-за занятости в войне со шведами. Так как это исключало возможность русско-турецкой войны, которая представляла бы собой единственный благоприятный сценарий развития событий для Черногории, Данило понял, что исчезла последняя надежда серьезно поправить положение, в котором находилось его государство. Предоставленные с русской стороны благодарности за помощь в войне с Турцией, материальная поддержка пострадавшим, возможность переселения для черногорцев в Россию — все это для владыки не имело такого значения, какое имели ожидание войны России с Османской империей и надежда на освобождение Черногории.

Однако в ходе обширного доклада Коллегии иностранных дел, который имел характер меморандума, в шести пунктах формулировавшего предложения о дальнейших русско-черногорских связях и взаимоотношениях, владыка заявил, что изменившиеся условия русской внешней политики должны были бы сочетаться с жизненными интересами Черногории⁵⁰. Этот документ, который в известном смысле носил характер петиции, был направлен Коллегии иностранных дел 3 (14) мая 1715 г. С содержанием прошения был ознакомлен и русский царь.

После изучения предоставленного владыкой прошения, 9 июля 1715 г. на него пришел ответ в виде царской грамоты. Было решено предоставить Черногории материальную помощь: выделялось 10 000 рублей — 5 000 рублей в качестве помощи пострадавшему народу, а 5 000 — правителям в качестве компенсации за траты в войне 1711–1714 гг.⁵¹. Цетиньскому монастырю была выделена постоянная субсидия в 500 рублей, которая должна была выплачиваться раз в два года. В Черногорию было отправлено 160 золотых медалей для награждения черногорцев, проявивших себя в боях. Была выделена и соответствующая сумма для покрытия дорожных расходов владыки и его свиты. В отношении всего того, что было предписано указом для черногорской миссии, лишь Московская митрополия проявила непонимание, посчитав одеяния и митру для владыки, церковные книги и другую утварь слишком дорогими подарками. Но поскольку и для этой проблемы было найдено решение, практически все пункты царского указа по отношению к Черногории были выполнены.

Между тем, царская грамота содержала положения, относившиеся и к другим балканским народам. С одной стороны, из ее содержания вытекало признание несоизмеримо более значительного вклада черногорцев в борьбу с турками в период 1711–1712 гг. по сравнению с другими славянскими народами Балканского полуострова, которым также были направлены воззвания Петра I. С другой стороны, о Черногории говорилось как об очень важном для дальнейшей русской политики в

этих областях центре антитурецкой борьбы. Разумеется, основой для такой оценки могли быть только военные победы, а не поражения в 1711–1712 гг. Несомненно, что, несмотря на особые отношения России и Черногории, установившиеся, как известно, благодаря участию черногорцев в военных операциях, приезд правителя Данилы к русскому двору был использован и другими балканскими народами для того, чтобы получить сообщение об изменениях в российской внешней политике на европейском юго-востоке в тот период.

В грамоте русский император, «царь и самодержец всероссийский», обращался с благоволением к «преосвященным митрополитом, преосходнейшим и почтеннейшим господам губернаторам, капитаном, князем и воеводам и всем христианом православно-греческого, также и римского вероисповедания, духовного и мирского чина в Сербии, Македонии; черногорцам и приморцам, герцеговцам, никшичам, баняном, пивляном, дробняком, гачаном, требиняном, кучам, белопавличам, пипером, васоевичам, братоножичам, климентам, граховлянном, рудинаном, поповлянном, зубцем»⁵².

Далее Петр I с особенным почтением отметил преданность и храброе поведение черногорцев, которые на царский призыв, врученный через Михаила Милорадовича и капитана Лукачевича, поднялись и, вооружившись все вместе, «всенародно показали воинские против того общего христианству неприятеля храбрыя и славныя действия»⁵³. Поэтому позднее, «когда тот салтан турецкий паки с нами мир возобновил, прислал в провинции ваши турецкие свои войска, которые многих из ваших народов порубили и мученически умертвили, иных же по каторгам развезли, монастыри же и церкви пожгли и церковныя утвари и ваши пожитки разграбили»⁵⁴. Будучи оповещенным «как из других сообщений, так и из ваших известий, посланных на наш двор о несчастье, которое застало Черногорию», Его Царское Величество «из чувства христианского долга» изъявил свои соболезнования⁵⁵.

Подробное описание событий в Черногории, данное в грамоте Петра I, имеет отношение ко всем военным событиям, т. е. к периоду с середины 1711 г. до конца 1714 г. По этой причине весьма ощутима разница в оценке успешности борьбы, которую вели черногорцы против турок в период 1711–1712 гг., по отношению к ситуации, в которую они попали во время похода Джуприлича в 1714 г. Более того, общеизвестно, что Петр I в своей грамоте новый турецкий поход связывал с предыдущими военными успехами черногорцев. Из-за масштабов трагедии, которую переживала Черногория, русский царь распорядился, как далее говорилось в грамоте, чтобы во всем русском православном царстве, «в божиих церквах и в монастырях за оных пострадавших за веру христианскую и венчавшихся мученическим венцем соборно богу молиться и поминовение творить»⁵⁶.

Воинам, оставшимся в живых, Петр Великий передавал: «Мы, великий государь, наше царское величество посредством этой грамоты желаем, чтобы за ваш этот подвиг с начала этой войны, преданный христианству и единоверию с нами, и совершенное военное действие, наимилоство вас похвалить и поблагодарить за помощь, оказанную тогда нам, великому государю и всей нашей империи»⁵⁷.

Вне всякого сомнения, переданное в царском письме столь сильное выражение благодарности за оказанную помощь, которая оценивалась так серьезно, что ее значение связывалось с Российской империей и христианством в целом, не могло передать действительный масштаб того, какую важную роль эта помощь играла. Также ясно, что русский царь не имел никакой надобности по каким-то причинам преувеличивать значение черногорской помощи. Очевидно, что в России хорошо знали о том, что происходило в Черногории в 1711–1712 гг., какую военную пользу черногорцы принесли, какой подвиг совершили.

Сообщив решение по поводу материальных потребностей владыки Данилы, Петр I далее в грамоте описал и достаточно неблагоприятную внешнеполитическую ситуацию, в которой находилась Россия. Она обуславливалась продолжительной истощительной войной, которую вела Российская империя со шведским королем. Поэтому эту войну сначала требовалось завершить, чтобы сократить большие расходы государственной казны. Этим объяснялось, почему материальная помощь, оказанная Черногории, была столь невелика, то есть по какой причине Петр I не мог наградить черногорцев по достоинству и заслугам⁵⁸. Царь дал понять, что в будущем, после заключения мира и освобождения от нынешних военных расходов, он не забудет их за верную службу наградить большой царской милостью. В завершение он вселил в черногорцев надежду на великую царскую милость и награду, которая в будущем никогда не будет у них отобрана. Грамота завершалась наказом сообщить остальным славянам на Балканах, «нашу к вам милост бывшей здесь при нашем дворе преосвященный Даниил, митрополит скендерийский»⁵⁹.

Владыке Даниле, таким образом, отводилась роль посланника русского царя, которому были предоставлены полномочия по передаче его поручений славянским народам на Балканах. Поручения, переданные черногорскому архиерею, если познакомиться ближе с непосредственными политическими планами Российской империи, имели отношение ко всем многочисленным племенам, перечисленным в самом начале царского письма.

Хотя все ответы русского правительства на черногорские прошения были выражены лишь в материальном отношении, они тем не менее имели важное моральное и политическое значение, так что, говоря о миссии владыки в целом, можно считать ее вполне удавшейся.

На этом официальная часть миссии владыки Данилы была завершена. Из Москвы в Киев он со своей свитой отправился в конце августа 1715 г.⁶⁰ Проезжая через Вену, он провел переговоры с Евгением Савойским. В Черногорию Данило вернулся в апреле 1716 г.

Так завершилась миссия владыки Данилы Пётровича, родоначальника династии, которая на протяжении следующих двух веков создавала основу для своей политики на фундаменте, заложенном во время этого визита в Петербург. Для Черногории Россия была естественным союзником, страной с близким языком, государством одной, православной, веры, сильной империей, которая, обороняя славянство и православие, боролась против того же неприятеля. Россия, опять-таки, в освободительных движениях на Балканах, среди которых особо бросалась в глаза военная сила черногорцев, видела главную основу своей внешней политики именно в этом районе европейского континента. Именно поэтому, несмотря на то что все решения императорского правительства по черногорским прошениям носили лишь материальный характер, они как для одного, так и другого государства имели большое моральное и политическое значение.

Благодаря миссии владыки Данилы политические отношения с Россией, установленные в 1711 г., еще более укрепились. Черногория получила подтверждение своей уверенности в том, что в лице России она нашла мощного защитника и покровителя, который может быть твердой материальной и политической основой для освободительного движения и конституирования власти.

Однако, несмотря на совпадение глобальных исторических интересов, географическая удаленность, из которой часто произрастали другие непосредственные политические задачи и потребности, а, учитывая разницу в размерах и геополитическом положении государств, еще и появление других способов решения этих задач, — все это повлияло на то, что во взаимоотношениях Черногории и России возникали как периоды кризиса и колебаний, так и попытки поиска другой опоры. Будучи маленьким и политически зависимым государством, вследствие вынужденных исторических обстоятельств к таким шагам в первую очередь прибегала Черногория.

Они делались уже в первые годы после установления политических взаимоотношений. Хотя со временем причины менялись, на начальном этапе их определяла необходимость поиска активного союзника для борьбы против турок. Так, особенно в те времена, когда отношения между Османской империей и Россией были хорошими, Черногория пыталась найти поддержку для своей освободительной борьбы у других государств. Из-за того положения, в котором находилась Черногория на момент возвращения из России ее правителя, несмотря на воодушевление, которое у измученного населения вызвали результаты его визита

в Петербург, на основании чего венецианские власти посчитали, что здесь появились русские, владыка Данило совершил быстрый маневр с целью сближения с Австрией, а затем с Венецией.

Учитывая, что государственные институты не были созданы, поиск внешнеполитической поддержки России, Австрии и Венеции не мог иметь характер «государственной политики в полном значении этого слова». Скорее это был нередко спонтанный выбор решения, приносившего сиюминутную пользу, решения, которое не могло брать в расчет все интересы государства и находящихся в его составе отдельных племен. Тяжелые обстоятельства, в которых находился народ, естественным образом указывали на Венецианскую республику как на ближайшего соседа, от которого можно было получить помощь. Они и объясняли мотивы, по которым отдельные племена и нахии искали соглашения с Венецией, особенно в те времена, когда после турецкого разорения государство попало в серьезную беду.

На этих различиях в вопросе понимания реального политического интереса в условиях отсутствия институтов государственной власти формировались две явно противоположные политические концепции будущего устройства Черногории. В отличие от старой, прозападной концепции, которая основывалась на представлении о Венецианской республике как о протекторе, владыка Данило отстаивал новую политическую ориентацию, которая в первую очередь основывалась на отношениях с Россией, однако в некоторых случаях не исключала и сотрудничество с Австрией, но при этом была подчеркнута антивенецианской.

Однако в тот момент, когда эти два политических направления встретились лицом к лицу, владыка Данило, несмотря на то что в глубине души был против соглашения с Венецией и даже некоторое время всячески препятствовал его осуществлению, все же, желая сохранить свое положение первого политического лица Черногории, был вынужден пойти на некоторое сближение с венецианцами. Это произошло, хотя и не по его воле, на совете, состоявшемся 21 июля 1717 г., на котором рассматривалось упомянутое соглашение.

Поскольку ничто не могло отвлечь черногорцев от сотрудничества с венецианцами, ему не оставалось ничего другого, кроме как взять управление этим процессом в свои руки⁶¹. Сравнительно быстрый поворот к Венеции, произошедший через год после возвращения из России, отчасти объяснялся и тем, что за установившимся сотрудничеством с русским царем не последовала соответствующая материальная помощь.

Более того, средств, которые владыка Данило привез в Черногорию по завершении миссии в столице России, даже отчасти не хватало для того, чтобы восстановить разоренные территории, отстроить заново

разрушенные церкви и монастыри, погасить все совершенные военные расходы. Особенно их не хватало для того, чтобы вернуть деньги, которые были взяты займы у церквей, монастырей и простых жителей Черногории в 1711–1712 гг., на сумму, приведенную владыкой в пункте 6 своего меморандума Коллегии иностранных дел. Сюда же относится и сумма, которую П. Арколей⁶² и М. Милорадович взяли у Требиньского монастыря для покупки оружия и амуниции. Данный вопрос был вновь поставлен несколькими годами позже в письме митрополита Данилы I канцлеру Г. И. Головкину.

С решением проблемы долга церквям и монастырям черногорско-русские отношения перешли в фазу затишья. Период от Пожаревацкого мира (1718 г.) и Санкт-Петербургского мира (1723 г.)⁶³ до смерти владыки Даниила (1735 г.) протекал в сравнительной стабильности, которая в какой-то степени была обусловлена предшествующим военным опустошением Черногории. Вследствие этого до конца правления Даниила Петровича серьезных контактов между Россией и Черногорией не было. Но результаты Пожаревацкого мира и последующие действия Венецианской республики показали, что Черногория для осуществления своего стремления к освобождению прежде всего должна была искать поддержку России⁶⁴.

Между тем, после установления отношений с Черногорией и в политике русского двора начался период недостаточно активных отношений без непосредственных политических контактов. Это особенно проявилось в период после смерти Петра Великого (1725 г.), когда, из-за занятости внутренними событиями начала эпохи дворцовых переворотов и борьбы за престол, интерес к судьбе Черногории отсутствовал. Только со стабилизацией положения в государстве и вступлением на престол самой младшей дочери Петра Алексеевича царицы Елизаветы Петровны (1741–1762 гг.) политические отношения между Россией и Черногорией были расширены.

Сложившаяся ситуация повлияла на то, что были оставлены без внимания обязательства, взятые Россией во время визита владыки Даниила в Санкт-Петербург в 1715 г., что привело к невыплате назначенных субсидий, хотя вина здесь лежит не только на российской стороне. По указу Петра I от 1715 г. предписывалось, чтобы из черногорско-приморской митрополии и Цетиньского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы впредь приезжали в Москву и «сюда в Петербург ко двору каждый третий год за милостыней, которую предписывалось отправлять в тот монастырь в эти годы по 500 рублей»⁶⁵. Приезжающие должны были обеспечиваться средствами на проживание, еду и питье, а также на дорожные расходы. Однако из-за большого расстояния между Черногорией и Российской империей и тяжелого, неудобного пути через многие государства не только «за милостивой помощью монастырю», но и «ради

одобрения Его Царского Величества из-за претерпленного разорения», вплоть до приезда владыки Саввы в Санкт-Петербург (1741 г.), ни один «курьер» туда не был отправлен. Поскольку, «если бы нам в это обговоренное время курьеров требовалось отправлять, то они за одно путешествие могли в два раза больше потратить, нежели от этой милостыни получить»⁶⁶. По этим причинам «милостивая субсидия» черногорской митрополии в 500 рублей в 1718 г. была получена через Венецию посредством векселя, а в 1727 г. — через архимандрита Леонтия, который приехал туда «по своим потребностям»⁶⁷.

Но это нисколько не значит, что в России были забыты и черногорские заслуги, и причины, по которым было решено предоставить помощь. Не значит это и что принятое ранее царское решение было каким-то образом поставлено под вопрос. То, что указ Петра Великого и в дальнейшем оставался в силе, показал визит владыки Саввы в Петербург в 1741 г. За прошедшие 23 года в адрес митрополии были одобрены выплаты на общую сумму в 5750 рублей. Сумма оказываемой Цетиньскому монастырю помощь была утверждена в соответствии с упоминавшимся ранее царским указом, по которому предоставляемая помощь выплачивалась каждый второй год (прошло 23 года, т. е. 11,5 года x 500 рублей = 5750 рублей), а в каждый третий год, в который разрешался въезд в Россию, производился расчет. Согласно этому раскладу владыке Савве и была выплачена вся остальная сумма по субсидиям, что означает, что причины, по которым в этот промежуток времени выплаты не производились, не имели политической природы.

И этот факт показывает, что твердую основу для черногорско-русских отношений заложили события 1711–1712 гг. Если бы черногорская военная польза была так невелика, как это пытаются представить критики «великих черногорских побед», Россия не имела бы никаких оснований в ходе миссии владыки Данилы в вопросе материальной помощи перейти к той форме взаимоотношений, которая была неприменима ни к какому другому государству на Балканах. Хотя эта помощь с материальной точки зрения была невелика, хотя и предназначалась она Цетиньскому монастырю, она имела большое моральное и политическое значение для Черногории и повлияла на дальнейший ход освободительных и государствообразующих процессов в стране, особенно потому, что ее главной движущей силой была Цетиньская митрополия.

Конечно, принимая решение о выплатах, Россия руководствовалась собственными интересами, и основой для этих интересов могла быть лишь военная сила черногорцев. Тот факт, что они после приезда Милорадовича задержали турецкие, албанские, герцеговинские и боснийские войска, которые из-за этого восстания не могли пойти навстречу другим частям султанской армии в районе Прута и тем самым усложнить положение русских войск, убедительно говорит о том военно-стратегическом

значении, которое имела Черногория. Еще одно подтверждение ее военного значения было получено благодаря отпору, который дали черногорцы уже после поражения русских на Пруте, когда в страну двинулись мощные турецкие силы. С этими силами в 1712 г. состоялось решающее сражение при Царевом Лазу, в котором, как известно, турки потерпели поражение.

С другой стороны, оценка значимости военных событий 1712 г. в широком контексте русско-черногорских отношений в начале XVIII в. говорит о том, что они из-за своей важности для русских войск в ходе военных действий против турок в 1710–1711 гг. в дальнейшем действительно стали основой для русской политики по отношению к Черногории в целом.

Перевод с сербскохорватского А. Пивоваренко

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Павленко Н. И. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни. 1978. 3.

2 Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. II. Вып. 1. С. 338–339. Согласно данным российской историографии, в Венецию в качестве особого наблюдателя был направлен и сам С. Л. Владиславич-Рагузинский, которому было поручено наладить отношения с черногорцами, албанцами и герцеговинцами. См.: Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 105–107.

3 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. II. Вып. 1. С. 117–119. В грамоте русский царь призывал мятежников «возродить старую славу, соединившись с нашими силами и вместе против неприятеля вооружиться и воевать за веру и отечество, за честь и славу, за свободу и вольность их и за наследников их» (Там же. С. 338–339).

4 Богоявленский С. К. Из русско-сербских отношений при Петре I // Вопросы истории. М., 1946. 8–9. С. 25–27.

5 Bregman G. Miloradovic, Poslanik Petra Velikog — 1711 God. Mjeseca Marta // Skando-Slavica. Nomus XV. Copenhagen, 1969. P. 263–273.

6 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Черногорией, 1796–1800. Д. 29. Л. 134–136. Далее в письме говорилось, что всемилостивый царь и государь со своим могущественным войском сам лично, даст Бог, будет в этих землях.

7 Там же.

8 Там же. Л. 134–136. Адмирал И. Ф. Боцис 18 августа 1711 г. писал Петру I, что как только его сильная армия пересечет Дунай, начнутся восстания, и христиане, вооружившись, прогонят главного неприятеля христианства.

9 Таким же чином и суммой денег был награжден и Алекса Попович в Пече.

10 АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1796–1800. Д. 29. Л. 134–136.

- 11 См. примечание 14.
- 12 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 41.
- 13 *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године // Сборник радова: Михаилу Лалићу у почаст. Титоград, 1984. С. 14.
- 14 Согласно Павлу Рудякову, именно так в то время назывался один из румынских населенных пунктов. См.: *Рудяков П. Н.* В службу и вечное подданство. Сербские поселения Новая Сербия и Славено-Сербия (1751–1754). Киев, 2001. С. 8.
- 15 Иван Албанез — псевдоним монаха Моисея Митановича. См.: *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений при Петре I // Вопросы истории. М., 1946. 8–9. С. 30.
- 16 Сказанія о роду дворянъ и графовъ Милорадовичей. СПб., 1873. С. 20–21.
- 17 Речь идет о магометанах и других последователях пророка Мухаммеда.
- 18 Сказанія о роду дворянъ и графовъ Милорадовичей. С. 20–21.
- 19 Грамоты Петра I балканским народам датированы 3 (14) марта 1711 г. Дата 5 июня объясняется тем, что в XVIII веке документы часто датировались не по дате написания, а по дате вручения. Этим объясняется упоминание этой даты в приводимом письме Милорадовича. В этот день грамоты были вручены Д. Ф. Боцису, который затем их передал Милорадовичу. Это значит, что Милорадовичу были вручены грамоты и от Ивана Албанеза, и от Д. Ф. Боциса. См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 40.
- 20 В письме Боцису Милорадович пишет: «И я оныя е. в. грамотых комендантом провинций, которым оные надлежали, разослал. А именно: одну — в Македонию, другую — в Монтенегро и прочия — к дому Калагорскому, к Пиперу и Теповлоных Климентию, Отто Кастрату и Полетисали, и Фасових Братосихину и к всеу Эрцеговину Нижняго округа» (Там же).
- 21 В войне с Турцией наряду с русской регулярной армией, снискавшей славу в войне со шведами, большое значение придавалось восстанию поработенных народов в Турции. Поручив Милорадовичу все, что возможно в деле собирания войска, чтобы ударить с одной и другой стороны, Владиславич-Рагузинский рассчитывал, что Петр Великий со своей армией быстро перейдет через Дунай и что его победоносное наступление будет сопровождаться присоединением восставших черногорцев, герцеговинцев, боснийцев, а также православных христиан в Румелии, Македонии, Греции. Однако великий везирь, чья армия превосходила силы Петра в четыре раза, переправился через Дунай, прошел всю Валахию и Молдавию, дошел до Прута, где окружил русского царя и всю его армию. Поскольку сражение не принесло ожидаемую победу России, не состоялось и общее восстание христиан на Балканах.
- 22 Согласно данным, которые приводит А. П. Бажова, грамота Петра I, была прочитана в доме Данилы Щепчевича Негоша (1697–1735); в ней давались рекомендации 24 наиболее влиятельным старейшинам племен и сообщалось решение, по которому с появлением первых вестей о русском наступлении нужно было направить войска против войск Османской империи. См.: *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 60.

- 23 Российский Государственный Архив Древних Актов (далее — РГАДА). Ф. 86. Оп. 1. 1714 г. Д. 1. Л. 77.
- 24 Была послана ответная грамота от имени черногорских и брдских племен, с приложением 22 печатей, в которой «выражалась радость по поводу обращения русского правителя и желание оказать помощь России». См.: *Бажова А. П.* Указ. соч. М., 1982. С. 60.
- 25 *Ђорђевић В.* Европа и Црна Гора. Београд, 1912. С. 36.
- 26 Хотя в историографии оценки массовости восстания колеблются в пределах 20–30 тыс. человек, упомянутые цифры возникают на основе сведений, которые приводит в письме Боцису Милорадович: «Однако же мы многия земли под нашу власть привели до Порты ди Гиртала блиско Катары, где мы 1000 человек имеем, и так далее, от места до места, до Порты или Бара, где мы 1500 человек имеем. В Чернице ди Порто ди Сабия, где мы 1300 человек имеем, реку Маю и город, и Иван Бега, и Черновикия, что мы недавно взяли и где мы 1500 человек имеем, — все изрядныя люди. Такжеже имеем мы всю Монте[не]гринскую землю, которая под командою некотораго монте[не]гринца Яна Бека была, где мы еще 4000 человек имеем, который город Спус осадили. Потом еще в Э[р]цоговинском, в Двертии, в Грани, в Спучи, в Драсевики, в Корияники, в Виляры, в Бугнияны, в Будине, в Новии 8000 добрых мускетеров имеем. И тако мы имеем дестрикт до самых рагузинских границ и все города, яко Требаке, Клобах, Никсики, — до венецианских границ и до моря у Кастеля-Ново. При сем вам об[ъ]явля[ю], хто нашия коменданты суть: Пипер, Бейлопавлович, Плесвас. Сии 3 коменданты имеют 3000 человек изрядных людей. Потом есть Трикатович, который 2500 человек командует, Фасенович и Братонович имеют 1500. Еще об[ъ]являю, что мы латинской церкви 500 добрых человек имеем, которые присягали, что верно служить хотят. Ют Кастрат, Пулета, Сая, Мунеты имеют 5000 человек и письменно присягали, что оне с верностию за честь е. ц. в. бит[ъ]ся хотят и ни под какую власть иную, чие бы не было, себя подать не хотят. См.: РГАДА. Ф. 86. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 5–8; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 41.
- 27 Там же. С. 60.
- 28 Там же.
- 29 РГАДА. Ф. 86. Оп. 1. 1711 г. Д. 2. Л. 11–12; опубликовано в: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 41.
- 30 После Прутского мира (12 июля 1711 г.) Османская империя еще два раза в период 1711–1713 гг. объявляла войну и заключала мир с Россией. Каждый раз Россия была обязана делать новые территориальные уступки. Наконец, 13 июня 1713 г. в Адрианополе был подписан мирный договор на 25 лет.
- 31 РГАДА. Ф. 86. Оп. 1. 1711 г. Д. 2. Л. 11–12; опубликовано в: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 40–41.
- 32 Там же. С. 42.
- 33 После нападения на Гацко силы восставших пошли на Никшич. Еще во время захвата Гацко некоторые племена в районе Никшича взяли за оружие

и согнали турок в горы. Когда подоспели войска владыки и Милорадовича, все турецкие войска находились в пределах городских стен. Черногорцы и восставшие два раза безуспешно осаждали Никшич. См.: *Павићевић Б.* Битка на Царевом Лазу. Знамените битке и бојеви српске и црногорске војске. С. 22.

34 РГАДА. Ф. 86. Оп. 1, 1712 г. Д. 1. Л. 5–8; опубликовано в: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 40–41.

35 Факсимиле и прочитанную версию этого письма обнаружил Бранко Павичевич. См.: *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године. С. 17–22. Факсимильную копию письма опубликовал и Растислав Петрович. См.: *Петровић Р.* Односи Русије са Црном Гором. Београд, 1998. С. 84–87. Согласно тексту сохранившегося оригинала, документ не датирован, однако принимая во внимание то, что в первые дни июня 1711 г. Милорадович приехал в Черногорию, а также содержащиеся в письме данные о его четырехмесячном пребывании и участии в военных операциях, получается, что оно могло быть написано в конце августа 1712 г.

36 Там же.

37 Там же.

38 Там же.

39 Там же.

40 Там же.

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же.

44 Там же.

45 *Милутиновић С.* История Црне Горе одъ новіега времена. Београд, 1835. С. 55–57.

46 См.: *Томић Ј.* Поход Нуман-паше Ћуприлића на Црну Гору, 1714 // Глас Српске Краљевске академије CXLVII. Београд, 1932. С. 48–78.

47 *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године. С. 28.

48 Согласно фирману, изданному султаном, одна из задач войска Джуприлича заключалась в том, чтобы владыку Данилу с несколькими черногорскими первыми людьми живыми доставить в Константинополь. Эти операции носили характер облавы, при которой уважение к венецианской государственной границе не оказывалось.

49 *Станојевић Г.* Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње, 1975. С. 115.

50 В начале своего обращения (пункт 1) владыка Данило просил русского царя взять Черногорию под протекцию, что учитывалось бы при заключении будущих мирных договоров с Османской империей. Царю также была высказана просьба предоставить новую «грамоту черногорскому народу в качестве знака благосклонности и благодарности за совершенные подвиги» (пункт 2). Так как многие черногорцы, герцеговинцы и брджане, воюя против турок, потеряли свои имения, требовалось, чтобы «им присудили 60 малых и больших медалей в знак признательности» (пункт 3). Просил он и о восстановлении разрушенного монастыря в Цетинье (пункт 4). Высказывалась просьба и о возвращении всех

черногорских посланников в Черногорию, за исключением тех, кто хотел бы остаться в России (пункт 5). Владыка просил и о возмещении расходов, которые он, полковник Милорадович и Иван Албанез понесли из своих средств ради пополнения военных запасов в ходе войны с Турцией. См.: *Павићевић Б.* Владыка Данило у Петрограду 1715 године. С. 33–34.

51 Там же. С. 34.

52 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 51–52.

53 Там же.

54 Там же.

55 Там же.

56 Там же.

57 Эта часть текста на русском языке: «Вам же, в животе оставшимся ратоборцам, мы, великий государь, наше ц. в., восхотели через сию нашу грамоту ваш тот с начала оной войны ревностной по христианству и единоверию с нами подвиг и оказанные воинския действия всемиловитейше похвалить и за показанное в тот случай к нам, великому государю, и ко всему нашему империи вспоможение возблагодарить» (Там же. С. 52).

58 Там же.

59 Там же.

60 В свите находились: иерей Данило, архидьякон Максим, поп Петр, поручик Лукиан Пима, капитан Дамьян Шепчев Петрович, воевода Славуй Джакович, капитан Иван Иванович Албанез, поручик Саво Брайович, поручик Саво Михайлович, Никола Властелинович и Вукашин Попович.

61 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 51–134.

62 П. Еркалео (Павел Арколей) — унтер-офицер русской армии. В начале 1711 г. был послан в Вену с материалами для дипломатического представителя России при австрийском дворе А. А. Матвеева. После заключения Прутского мира отправился в Черногорию, где именовал себя представителем российского правительства и призывал людей на продолжение борьбы, не имея для этого никаких полномочий. Согласно меморандуму, представленному владыкой Коллегии иностранных дел, П. Арколей взял займы у игумена Георгия сумму в 1000 золотых. Тем не менее, его появление в Черногории непосредственно перед нападением Махмуд-паши серьезно повлияло на подъем боевого духа не только черногорцев, но и других народов.

63 Начало войны между Россией и Персией в 1722 г. и последовавшее ухудшение отношений с Турцией пробудили у черногорцев надежду на то, что вся Албания, Черногория и Герцеговина могут попасть под власть России. Надежды, которые владыка Данило связывал с этой войной и ее расширением, быстро погасли с заключением мира в Петербурге в 1723 г.

64 Несмотря на то, что освободительная борьба черногорцев против турок первоначально начиналась благодаря опоре на Венецию, наиболее убедительную

поддержку она получала именно от России. Так было и в ходе событий 1711–1712 гг. во время русско-турецкой войны (1710–1711 гг.), похожая ситуация сложилась и в ходе русско-австрийской войны против Османской империи (1735–1739 гг.). Хотя в этот раз русских инициатив, направленных на подъем антитурецкого восстания на Балканах, не наблюдалось, черногорцы распространили свои боевые действия на Герцеговину, что дополняло операции австрийских войск. Однако русская и австрийская армии в этой войне потерпели поражение. Влияние Османской империи на европейской политической арене благодаря этому было на время восстановлено. Для поработанных балканских народов, особенно для сербов, это означало откладывание освободительной борьбы до нового, более благоприятного момента. Победа давала Османской империи возможность привести в порядок внутренние дела, особенно в мятежных районах.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1743. Д. 1. С. 74–76.

⁶⁶ Сам владыка, как говорится далее, в ходе своей поездки в Петербург на необходимые расходы потратил более тысячи рублей, получив сверх этой суммы на дорожные расходы еще 200 рублей.

⁶⁷ Б. Павичевич в цитируемой ранее работе называет архиерея Леонтия посланником владыки Данилы Петровича. Однако Павичевич говорит о том, что после принятого царским правительством решения о предоставлении постоянной субсидии Цетиньской митрополии в 1721 г. и 1727 г. через архимандрита Леонтия были получены новые подтверждения о благосклонном отношении русского правительства. Поскольку под этим подразумевается выплата остальной субсидии, становится очевидно, что данные о времени и способе совершенных выплат, которые приводит автор, не совсем совпадают с теми, которые в письменном обращении к русской императрице использовал владыка Савва. Во всяком случае, с 1715 г. вплоть до приезда митрополита Саввы в Петербург Цетиньская митрополия получила обещанную помощь всего лишь два раза в виде суммы в 500 рублей.

БОКА КОТОРСКАЯ И РОССИЯ *

Во время правления Петра Великого было положено начало морскому сотрудничеству между Бокой Которской и Россией. В связи с созданием российского флота русский царь направил группу своих подданных в Голландию и Венецию для обучения морскому делу. Сенат Венецианской республики доверил образование семнадцати русских юношей известному капитану и математику из Боки Которской Марко Мартиновичу. После краткосрочного обучения в Венеции курсанты в течение двух лет продолжали свое образование в навигационной школе в г. Пераст **. Помимо теоретической подготовки русские дворяне получали и практические навыки, плавая по Адриатическому морю. С российской стороны обучением руководил государственный деятель граф Петр Андреевич Толстой, в будущем представитель России в Константинополе. Летом 1698 г., в связи с организацией второго учебного плавания, он встретился с будущими моряками в городах Херцегови и Пераст. Во время пребывания в Боке П. А. Толстой вел дневник, в котором впервые упоминаются эти края на русском языке ¹.

«Это первое сотрудничество с Россией имело далеко идущие последствия не только для нашей Боки Которской, но и для всей Черногории, — пишет П. Ковачевич. — Русские воспитанники и их руководитель П. А. Толстой впервые познакомились с нашими землями и народом. Нет сомнения, что они ощутили общность славянской принадлежности, сходство религии и языка. Наверняка они были приятно удивлены, когда увидели и осознали, что на востоке Адриатики живут славяне. Русские люди, которые позднее станут высокими функционерами в публичной жизни России, будут помнить об этом постоянно; П. А. Толстой как ближайший соратник Петра Великого известил царя обо всем, что он слышал и видел, подчеркнул важность этих краев для русских интересов» ².

После завершения учебы всем воспитанникам М. Мартинович вручил аттестаты и сопровождал их в Венецию. Своих учеников он представил Сенату Венецианской республики, перед которым отчитался о ходе обучения. За успешно выполненную работу М. Мартинович был удостоен от Сената награды ³.

Исторические памятники, хранящиеся в архивах Боки Которской, и российские источники подтверждают продолжительность и глубину

* Полный вариант статьи был опубликован в кн.: Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 112–118.

** Эта школа существовала здесь с XIV в.

отношений между двумя близкими народами и двумя далекими государствами (Бока Которская в этот период была под властью Венецианской республики).

Адмирал Матия Змаевич родился в 1660 г. в Перасте, где и познакомился с упомянутым ранее П. А. Толстым. Это знакомство переросло в дружбу и определило жизненный путь М. Змаевича. После его участия в убийстве градоначальника Пераста М. Змаевич был вынужден искать убежище в Константинополе. Тут он встретился с русским посланником П. А. Толстым, который посоветовал ему поехать в Карловы Вары, где на лечении в то время находился Петр Великий. Царь лично проэкзаменовал М. Змаевича по морскому делу и незамедлительно направил его в Петербург в эскадру галер.

Из переписки Змаевича с родственниками в Перасте известно, что однажды тот спас русскому царю жизнь; во многом благодаря его таланту была одержана победа российского флота в морской битве около полуострова Гангут и Аландских островов. В то же время Змаевич известен как строитель портов и военных кораблей; большой вклад был внесен им в создание и организацию Балтийского флота. За заслуги в деле развития российского флота Змаевич был награжден орденом Александра Невского. После смерти Петра Великого он впал в немилость, но в 1729 г. был реабилитирован и назначен главнокомандующим порта в Таврове, где он входил в управление адмиралтейства. Через шесть лет он умер в Таврове, а похоронен был в Москве. Помня о своем происхождении из Боки Которской, М. Змаевич завещал свое имущество городу Перасту, а личный меч — его градоначальнику⁴.

Наиболее выдающимся представителем известного герцеговинского рода Владиславичей, переселившегося в начале XVIII в. в Херцегнови, был Савва *. Путь Саввы Владиславича к русскому царю также был связан с П. А. Толстым. Он покинул Херцегнови и, взяв с собой мать Теофану, отправился в Россию. Верно служа Петру I, Екатерине I, Петру II и Анне Иоанновне, Савва занимал высокое положение при российском дворе. Он был министром, советником по вопросам православного Востока, много сделал для сближения России с южными славянами. Он способствовал контактам Петра Великого с Молдавией и Валахией, а также с черногорским владыкой Данилой. Он возводил города в Сибири, участвовал в установлении границы между Китаем и Россией протяженностью в 6 тыс. км, которая осталась неизменной до наших дней.

* Савва Рагузинский-Владиславич переехал в Москву в 1708 г.; служил в Посольском приказе; вел крупные торговые и коммерческие операции, участвовал в Прутском походе 1711 г.; в 1711–1722 гг. — представитель России в Венеции и Риме; в 1725–1728 гг. возглавлял посольство России в Китае; участвовал в разработке российско-китайской границы и подписал Буринский договор 1727 г. и Кяхтинский договор 1727 г.

Его считали одним из самых богатых людей России того периода. Он владел большим числом сел и многочисленной недвижимостью. Перед Екатериной I Савва ходатайствовал о признании своего иллирийского (т. е. сербского) княжеского титула, а также просил освободить его фамилию Владиславич от добавки Рагузский. Наряду с русским графским титулом было признано и его сербское княжеское звание. Он был принят в венецианский патрициат. В России он с радостью оказывал содействие и помогал всем, кто приезжал с родины, независимо от вероисповедания. Он перевел на русский язык «Историю славян» Мавро Орбини, написал путевые дневники о Китае. Его наследие в архиве выделено в отдельный фонд, не включенный ни в греческий, ни в турецкий. Перед смертью он продал часть своего имущества, а оставшееся подарил племяннику Моисею Ивановичу Владиславичу, который жил с ним в России и также имел там высокий государственный чин⁵.

Семья Войновича переселилась в Херцеговину в конце XVII в. из Герцеговины. Многие члены этого рода сыграли заметную роль в жизни России на протяжении XVIII–XIX вв. Йован Васильев был контр-адмиралом российского флота, а выйдя в отставку, в 1753 г. переехал из России в Триест. Марко*, также российский адмирал, родился в Херцеговине в 1750 г. Он был командующим Каспийским и Черноморским флотом, руководил Севастопольской эскадрой и был начальником черноморского мореходного училища, членом черноморского адмиралтейского управления, российским посланником в Персии. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. за четырнадцать месяцев он захватил восемнадцать судов, а как командующий фрегатом «Слава» уничтожил тринадцать турецких кораблей. До самой своей смерти он трудился на благо Черноморского флота. Под его командованием служили Д. Сенявин и Ф. Ушаков до того, как стали адмиралами. Никола Войнович родился в Херцеговине. Стал известен в боях с турками на стороне России. Как командующий фрегатом в 1799 г. с семью кораблями он участвовал в захвате острова Корфу, укреплении Фано и Синегалии и три месяца осуществлял осаду Анконы. За свои заслуги он был награжден орденами Св. Георгия IV степени, Св. Владимира, Св. Анны III степени, Св. Анны с мечами и Св. Иоанна. Семья Войновичей имела графский титул, который был подтвержден и Австро-Венгрией⁶.

Члены семьи Мирковичей, миграционные пути которых были схожи с описанными выше, в XVIII в. заняли выдающееся место в политической и экономической жизни г. Херцеговины. Савва Миркович как доброволец воевал под командованием генерала Георгия Долгорукова. В России он занимал многие значительные должности: начальник военной академии, советник адмирала черноморского флота, командующий

* Марк Иванович (1750–1807)

Херсонской эскадрой и придворный советник. В 1787 г. он приезжал в Черногорию для переговоров о совместной борьбе против турок. В России оставил свой след и Марко Миркович и графы Вук и Митар⁷.

Братство из Ластвы (район Грбаль, простирающийся от Котора до Будвы) дало много моряков русскому флоту. Иван Иванович Вучетич плавал на русских кораблях и участвовал в военно-морских акциях. Иван Михайлович Вучетич, капитан-лейтенант, морской офицер, вступил в русский флот в 1822 г. как доброволец. Он плавал в Балтийском и Черном морях, в 1837 г. перешел на гражданскую службу. Награжден орденами Св. Анны IV и III степени и Св. Владимира IV степени. Никола Вучетич в 1810 г. пришел в российский морской корпус как кадет и дослужился до чина контр-адмирала, был начальником штаба адмирала Лазарева и командиром II бригады IV дивизии флота. Награжден орденами Св. Станислава II степени, Св. Владимира III степени, Св. Анны II степени, а турецкий султан наградил его золотой саблей. Петр Вучетич был вице-адмиралом российского флота. Вместе с братом Николой в 1810 г. он вступил добровольцем в российский флот, командовал кораблями и фрегатом. Одно время он был начальником Севастопольского порта. Награжден орденами Св. Станислава I и II степени и Св. Анны с мечами. Стефан Вучетич вступил в русский морской корпус в 1816 г. и дослужился до капитан-лейтенанта. Как навигационный офицер плавал вокруг света с 1822 по 1826 г., за эти плавания был награжден орденом Св. Анны III степени. Занимался просветительской работой и преподавал морское дело. Умер в тридцать три года. Платон Петрович Вучетич был на морской службе в России с 1842 по 1878 г. Имел чин генерал-майора, плавал по Черному и Балтийскому морям⁸.

В этот же период в Россию приехали жители поселения Рисан, также расположенного в Которской бухте, — члены семьи Ивелич. Марко, Симеон, Ивеля, Петр и Константин получили генеральские звания российской армии. Их плодотворная военная и дипломатическая деятельность развивалась в период с 1770 по 1840 г.⁹.

С 30-х гг. XIX в. моряки и торговцы Боки Которской плавали в Россию и развивали свою деятельность в портах Черного моря и портах Дуная. Наряду с жителями городов Херцегови и Добрач отправлялись туда и жители пос. Рисан. Около десяти капитанов работали в городах Бердянск и Одесса. К семьям из Рисана принадлежали Джуркович, Попович, Катурич, Любатович и Ковачич¹⁰.

Бурные исторические события, которые охватили Которскую бухту в начале XIX в., привели к ее берегам и российский флот. В начале 1806 г. сюда приплыли российские корабли во главе с адмиралом Дмитрием Николаевичем Сенявиным.

В Историческом архиве г. Херцегови (Герцег Нови) сохранились документы, относящиеся к периоду российского присутствия в бухте,

датируемые 1806–1807 гг. В это время Херцегнови стал центром, из которого велись военные операции против войск Наполеона. Сразу после своего прихода русские приняли необходимые и обширные меры по обновлению укреплений Херцегнови, которые были в очень плохом состоянии. Граф Георгий (Джордже) Войнович, командующий народной армией этого края, вел работу по реконструкции и достройке местного форта.

Население Боки Которской радушно поддержало русскую военную активность, принимая участие в борьбе вместе с черногорскими и российскими военными отрядами, сражавшимися на море и на суше. Пребывание частей русской эскадры в Которской бухте было очень важно для российских интересов. Русские понимали выгодность природных и геополитических условий этого залива, а Д. Сенявин имел серьезную военную задачу защитить морское побережье от Адриатики к Константинополю и до Севастополя. Для этой задачи он мобилизовал 116 которских парусников¹¹. Надо подчеркнуть, что русские доверили всю гражданскую власть и часть военной местным жителям¹². После семнадцати месяцев российского управления по Тильзитскому миру Бока отошла французам. Сразу после ухода российских войск часть местных моряков на своих кораблях отбыли в Россию, где заняли важные должности и имели высокое положение в военном и государственном управлении страны¹³.

«Морское дело, особенно в период парусного судоходства, способствовало сплочиванию людей, что рождало в них мечтания. И страной их далеких грез была именно Россия. В эту страну наши люди попадали после длительной подготовки. А эта подготовка шла через Триест, и многие наши первопроходцы подготавливали почву для последующих многочисленных и длительных свершений». По словам одного из современников торгово-морской деятельности конца XIX в. Антона Дабиновича, на протяжении всего XIX в. Триест имел настоящего соперника в лице Одессы, не только в экономическом, но и в культурном смысле. «Русские власти были приветливее австрийских, поэтому нашим людям было гораздо лучше в России стать основателями больших торговых морских предприятий, тем более что южная Россия имела больше перспектив развития, чем отсталые земли в окрестностях Триеста»¹⁴.

Моряки и торговцы из Боки Которской на протяжении всего XIX в. уезжали в Россию, более всего в прибрежные области от устья Днестра до Кавказа, лишь единицы достигали северных районов и Москвы. Почти все поселялись в крупных городах черноморского побережья от Одессы до Таганрога, от Мариуполя до Темрюка на Кубани, занимались торговлей зерном на английских рынках. Один из наиболее известных торговых домов в Таганроге принадлежал Петру Лукичу Трипковичу из Доброты, он имел филиалы в Ростове, Бердянске и Мариуполе. В Одессе имелась колония выходцев из всех областей Боки Которской и ее

окрестностей. Их путь в Одессу пролегал через Константинополь; образование, полученное там, открывало им двери в общественную и культурную жизнь Одессы.

Были и те, кто уехал в Россию по политическим причинам после первого Кривошійского восстания (1869 г.) и Герцеговинского восстания (1875–1878 гг.), не соглашаясь с политикой Турции и Австро-Венгрии¹⁵.

В Историческом архиве г. Херцегонови сохранились документы, которые свидетельствуют о принятии российского гражданства жителями этих краев. Так, в 1872 г. была одобрена смена гражданства с австро-венгерского на российское Андрею Сеферовичу, а в следующем году — Владимиру и Косте Воинович. В 1874 г. российское гражданство получил Иова Вукасович, в 1877 г. — Драган Црногорчевич, в 1878 г. — Ника Кротов Джукич. Иван Будут получил российское гражданство в 1882 г., а Мария Генриетта Войнович в 1887 г. оформила паспорт для поездки в Россию, где как российский подданный жил ее муж¹⁶.

В этой работе мы старались рассказать о наиболее выдающихся личностях края и охарактеризовать самые интересные сюжеты, свидетельствующие о тесных контактах между жителями Боки Которской и Россией. Адаптивные процессы протекали в двух направлениях в полном согласии сторон. Отдельные миграции, описанные в статье, демонстрируют успехи уроженцев Боки Которской в политической, экономической и культурной жизни России. Они надолго оставили свой след в ее истории.

Сколь бы хорошо эти люди ни устроились в России и как бы радушно ни были приняты в российских торговых и морских кругах, они не прекращали поддерживать тесные связи между собой и с родным краем. Те же, кто вернулся, сохранили незабываемые воспоминания о посещении России, а потомки тех, кто остался там навсегда, ассимилировались, но не забыли о своих корнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ковачевић П. В. Учешће Бокелја у развоју руске морнарице, 12 вјекова бокелјске морнарице. Београд, 1972. С. 137.

2 Там же. С. 138.

3 Там же. С. 137.

4 Споменица Матије Змајевића // Зборник Которске секције друштва историчара Црне Горе. 3. Котор, 1985. С. 134–152.

5 Радойчић Д. Крајина новска у судару свјетова. Београд, 1994. С. 185–186.

6 Злоковић И. Адмирал Марко Војновић // Годишњак поморског музеја Котор. Котор, 1955. С. 81–91; Миљанић Н. Руски адмирал из Боке // Годишњак поморског музеја Котор. Котор, 1972. С. 123.

7 Накиченовић С. Бока, антропогеографска студија // Насеља српских земаља. Београд, 1913. Књ. 9. С. 437.

-
- 8 *Ковачевић П.* Указ. соч. С. 123–129; *Миљанић Н.* Указ. соч. С. 128.
- 9 *Злоковић И.* Гласник поморског музеја Котор. Котор, 1953. С. 107.
- 10 *Злоковић И.* Прилози за историју поморства и трговине Рисна // Годишњак поморског музеја Котор. Котор, 1966. С. 13, 17, 19, 29, 30.
- 11 *Злоковић М.* Херцег Нови од пада млетачке републике до бечког конгреса (1797–1815) // Зборник Бока. 4. Херцег Нови, 1972. С. 42–50.
- 12 Архив Херцег Новог (далее — АХ). Руски период год. 1807. С. 10.
- 13 *Злоковић М.* Капетан Јован Пјешивац, сарадник адмирала Макарова // Гласник поморског музеја Котор. XIV. Котор, 1966. С. 109.
- 14 *Дабиновић А. С.* Доброћани у јужној Русији // Гласник поморског музеја Котор. Котор, 1960. С. 240.
- 15 Там же. С. 244–246.
- 16 АХ. Општина Херцег Нови. 1872. С. 122, 356, 611; 1873. С. 280, 356, 366, 420, 727; 1874. С. 314, 462; 1877. С. 401; 1878. С. 113; 1882. С. 433; 1887. С. 134.

ЧЕРНОГОРСКИЙ МИТРОПОЛИТ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ И РОССИЯ

Имя Василия Петровича, митрополита и соправителя владыки Саввы, навсегда вошло в историю Черногории и русско-черногорских связей, поскольку именно он заложил прочную основу русско-черногорских взаимоотношений, многое сделал для их развития. Личность многогранная, противоречивая, готовая ради защиты интересов Черногории к рискованным и даже авантюрным действиям — все это в полной мере характеризует Василия Петровича, жившего и правившего в Черногории в один из наиболее сложных и драматических периодов ее истории.

Василий Петрович родился в 1709 г. в Негушах в семействе Петровичей, игравшем важную роль в политической и религиозной жизни Черногории. «Фамилия Петровича в Черной Горе из древних времен благородием происходит и как произвел Бог сербскому народу первосвященителя Савву Сербскаго от корене царскаго Симеона Немани, подобнее так черногорцам и протчим окружным христианом Бог произвел фамилию Петровича», — отмечалось в письменном обращении черногорской депутации к русской императрице Елизавете Петровне¹.

Василий Петрович с детства знал генеалогию своего рода, влияние которого в Черногории с избранием митрополитом Данилы Петровича-Негоша (1697–1735) неуклонно возрастало. Предназначенный со временем быть митрополитом, Василий совсем юным оказался в Цетинье, где под присмотром и опекой своего дяди, владыки Данилы, в монастырской школе научился читать и писать. После смерти Данилы в 1735 г. его место на митрополичьем престоле занял Савва, двоюродный брат Василия Петровича, проявивший себя слабым и безвольным политиком. С его приходом к власти «племена опять вскочили одно на другое; кровавая месть заступила место решения судом; всюду начались воровства и грабежи, никто не чувствовал себя безопасным», — писал русский ученый П. А. Ровинский².

Свою внешнеполитическую деятельность Василий Петрович начал в 1740 г. с дипломатической переписки с венецианскими властями г. Котора (венецианское Приморье) в связи с различными проблемами, почти постоянно возникавшими в черногорско-венецианских отношениях. Следует заметить, что 1740 год явился знаковым в истории русско-черногорских отношений. Если ранее в основном священнослужители, получавшие из России «немалые милостыни и подаянии..., были преданы российскому двору», то в 1740 г. к ним примкнули и черногорские старейшины (сердары, воеводы, кнезы), переставшие получать ежегодную плату от венецианских властей. С этого времени «черногорские начальники..., отдались совсем от венецкаго правления, предались все

России», — замечал посетивший позднее Котор со специальной миссией российский эмиссар Г. Мерк³. И хотя через несколько лет Венеция вынуждена была восстановить денежную выплату черногорским старейшинам, черногорско-венецианские отношения от этого заметно не улучшились.

Надо сказать, что обострение отношений с Венецией началось после Пожаревацкого мира (1718 г.), когда после победы Австрии и Венеции над Османской империей Венеции отошли приморские черногорские общины Грбаль, Побори, Маини и Браичи, а Черногория, воевавшая на венецианской стороне, лишилась выхода к Адриатическому морю. Помимо этого сказалось и то обстоятельство, что с этого времени Венеция больше никогда не воевала с Турцией, а это явно не устраивало Черногорию, и у нее появляется дополнительный стимул к развитию черногорско-русских связей. Черногорско-венецианское противостояние достигло апогея в начале 1740-х гг., когда провидуром Котора (глава администрации) стал Марко Кверин, а комендантом порта — Никола Болица. Венецианский сенат нанес чувствительный удар по экономике Черногории, запретив доступ черногорцам на приморские базары, лишив их возможности приобретать необходимые товары, продовольствие и порох. И хотя этот инцидент, как и некоторые другие, был вскоре улажен, напряженность в черногорско-венецианских отношениях сохранялась.

Такая критическая ситуация заставила Василия Петровича, замещавшего уехавшего в Россию Савву, в апреле 1744 г. прибыть в Венецию. Василий Петрович в специальной Записке сенату республики, напоминая о заслугах черногорцев перед Венецией, сумел добиться отрешения от должности ненавистного черногорцам Н. Болицы, а также настоял на открытии для черногорцев рынка в Которе.

Успешная миссия Василия Петровича в Венецию способствовала росту его авторитета и влияния на значительную часть черногорского общества. По возвращении из России Савва, ревнуя Василия Петровича к его возросшему влиянию, предпринял энергичные меры для его нейтрализации. Савва, именуя Василия Петровича интриганом, всячески старался продемонстрировать венецианским властям свои симпатии к республике. Он утверждал, что Н. Болица оклеветан, заявлял о приверженности черногорцев Венеции и пр.⁴. В результате интриг митрополита Саввы Черногория оказалась поделена на две партии: одна ратовала за старого владыку, «знаменем» другой стал Василий Петрович. Дело дошло до того, что амбициозный Василий Петрович, бывший тогда еще архимандритом, в 1745 г. представлял себя перед венецианскими властями черногорским владыкой⁵, хотя в то время являлся помощником митрополита Саввы, замещавшим его лишь на время отсутствия в Черногории. Безусловно, разъединение Василия Петровича и Саввы являлось злом для Черногории, но было на руку Венеции. И хотя острота

конфликта между двумя родственниками и высшими церковными иерархами Черногории со временем притупилась, неприязнь между ними сохранялась до самой смерти Василия Петровича.

Если во взаимоотношениях Черногории и Венеции, несмотря на все расхождения, дело все же не доходило до постоянных вооруженных столкновений, то совершенно иначе складывалась ситуация на границах с османскими владениями. Здесь жесткое военное противостояние было нормой для черногорцев. Жизнь складывалась по формуле: «или черногорцев режут, или черногорцы режут». В письме от 15(26) июля 1743 г. к российскому резиденту в Константинополе А. А. Вешнякову Василий Петрович сообщал, что против Черногории ополчилась вся Босния, ближайшая Герцеговина, Шкодра (Северная Албания), Бар и Ульцин (турецкое Приморье), Призрен и Джаковица (Косово), которые с «нашими никогда не хотят мира иметь»⁶.

Надо сказать, что с начала 40-х гг. XVIII в. черногорское руководство поддерживало контакты с А. А. Вешняковым, которые выражались в сравнительно редкой переписке митрополита Саввы, Василия Петровича, черногорских старейшин с российским дипломатом. Внешняя политика Саввы в значительной мере была ориентирована на Венецию, а это не устраивало Василия Петровича, недовольного провенецианскими симпатиями митрополита и все более склонявшегося к опоре Черногории на Россию.

В феврале 1746 г. Василий Петрович направляет письмо канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину, где он впервые излагает российскому руководству основу своей концепции. Согласно ей Черногория является независимой страной, которая «ни от турков, ни от латин стоит необладаема»⁷. Помимо этого он убеждал российского канцлера, что если бы «в Черной Горы произошла школа философии, филологии и ретории, то вси римска церкви сынове приступили би к православию». Утверждал, что суть разума черногорского такова, что способна превзойти «и философа римскаго». Учитывая, что тогда почти все население Черногории было вообще неграмотным, выдвигать такие идеи мог только человек с большой фантазией. Справедливости ради стоит заметить, что в дальнейшем Василий Петрович станет более трезво оценивать положение дел в области образования черногорского народа и предлагать реальные меры к его совершенствованию. В конце письма Василий Петрович просил Бестужева-Рюмина об оказании содействия в издании написанной им «Истории о Черной Горы». И российский канцлер не забудет его просьбу.

В августе 1750 г. в Белграде Василий Петрович был рукоположен в сан митрополита печским патриархом Афанасием II. Его церковный статус вырос, а также возросло влияние в Черногории, где многие были недовольны слабой и пассивной политикой Саввы. В 1751 г. Василий

Петрович отправился в Вену, где, помимо прочего, направил императрице Марии-Терезии обширный меморандум. В нем он обосновывал тезис о многовековой независимости Черногории, этой «чистой девицы, одной особой республики» под управлением митрополитов из рода Петровичей. Василий Петрович просил венский двор взять под свое покровительство Черногорию и предлагал заключить союз между Австрией и Черногорией ради освобождения балканских земель из-под власти Турции⁸. В Вене в то время мало что знали о Черногории, но Василий Петрович был известен как человек непредсказуемый, склонный к вымыслам. Поэтому его предложения были оставлены без внимания. Кроме прочего, Василий Петрович весьма слабо разбирался в большой европейской политике, иначе он бы знал, что в то время политика Австрии не предполагала каких-либо аннексионных планов на Балканах. Убедившись в бесперспективности надежд заинтересовать венский двор Черногорией, Василий Петрович полностью переориентировался на Россию, где он с большим успехом будет стараться воплотить в жизнь те идеи, какие оказались неприемлемыми для Австрийской империи.

В 1751 г. российским посланником в Константинополе стал выдающийся дипломат А. М. Обресков. Приступив к исполнению служебных обязанностей, Обресков практически сразу же столкнулся с проблемами, которые волновали и которые хотело решить черногорское руководство. Со стороны черногорских старейшин к нему шли просьбы защитить Черногорию от нападений соседних османских пашей. В свою очередь у митрополита Саввы были свои проблемы: он просил Обрескова ходатайствовать перед Портой о возвращении захваченных турками после Прутского похода Петра I церковных земель. По словам Саввы, турки объясняли захват тем, что «султан дал им эти земли в наказание черногорцам за их верность русскому двору». В ответном письме Обресков заверял владыку, что имеет повеление императрицы стараться защитить интересы единоверцев перед Портой, но «только теперь надобно потерпеть»⁹. Однако долго терпеть черногорское руководство не захотело, и в мае 1752 г. митрополит Савва письменно известил канцлера Бестужева-Рюмина о решении направить в Россию Василия Петровича «для исправления поверенных ему дел»¹⁰.

В Петербург Василий Петрович прибыл в середине сентября 1752 г. Цель его первого визита заключалась в получении материальной помощи и политической поддержки со стороны России. Практически сразу митрополит направил Синоду письмо с просьбой о ликвидации задолженности по субсидии Цетиньскому монастырю с 1743 по 1752 г. (по 500 рублей через два года на третий), а также просил снабдить церковными книгами, выдать 100 букварей и 10 «Историй Александра Македонского»¹¹. Желание митрополита получить книги о великом полководце Древней Греции, вероятно, связано с тем, что еще в упоминавшемся

меморандуме на имя Марии-Терезии Василий Петрович вел отсчет черногорской истории именно со времени Александра Македонского, что, конечно, не соответствовало истине. Забегая вперед, заметим, что эти книги он так и не получил.

Следует сказать, что одной из важнейших своих жизненных задач митрополит Василий Петрович считал просвещение черногорского народа. Как уже отмечалось, черногорцы, в подавляющем большинстве, были неграмотны; таких людей было немало и среди руководящего слоя страны. Даже самое примитивное начальное образование было плохо организовано. Обычно родители обучали детей грамоте только в том случае, если желали видеть их в дальнейшем священниками. В таком случае они посылали своих сыновей в качестве причетников в монастырь, где их обучали азам грамоты и счета, изредка учили писать. О качестве обучения говорить не приходится, поскольку подавляющее большинство монахов и священников, кроме высших церковных иерархов, сами были людьми малограмотными. Понимая, что создание более совершенных органов управления и суда, в чем так нуждалась Черногория, требует людей образованных, Василий Петрович в своем обращении в июле 1752 г. к русской императрице просил о помощи в устройстве славянских малых школ в Черногории, по окончании которых он намеревался направлять учеников для продолжения образования в Россию¹².

В Москве, куда Василий Петрович переехал из Петербурга в январе 1753 г., он развернул активную деятельность: установил связи с видными политическими деятелями, писал многочисленные письма в Синод, Коллегию иностранных дел, русским сановникам, желая заинтересовать церковные круги и российское руководство проблемами Черногории и ее народа. В феврале 1753 г. Василий Петрович обратился в Коллегию иностранных дел, где он излагал историю черногорско-турецкого военного противостояния с 1712 по 1739 г., а затем послал туда «Краткое географическое описание Черногории». При этом Василий Петрович включал в состав черногорских земель не только собственно Черногорию с ее четырьмя нахиями (областями), но и часть территории Приморья, Герцеговины, все брдские племена, а также североалбанских католиков (Хоти, Клименти, Кастрати)¹³. Делал он это вполне преднамеренно, поскольку понимал, что раздираемая внутренней анархией, маленькая, оторванная от моря Черногория не способна вызвать сколько-нибудь значительный интерес у русского двора.

Находясь в России, Василий Петрович действовал как политический деятель, упорно настаивая, что Черногория никому не подчинена, достаточно обширна и могущественна, способна объединить балканские народы и стать центром освободительной борьбы от османского ига. Преследуя эти цели, он в апреле 1753 г. направил письмо канцлеру

А. П. Бестужеву-Рюмину, где вновь утверждал, что его страна никогда не была завоевана Турцией, а всегда оставалась республикой во главе с митрополитом. Он также предлагал установить протекторат России над Черногорией и заверял канцлера, что в случае русско-турецкой войны «все окрестные славяно-сербские народы присовокупились и отдали б себя под протекцию всероссийскую»¹⁴.

Заслугой Василия Петровича является и то, что он являлся первым черногорским историографом. Мысли, высказанные им в обращениях к российскому руководству, нашли развитие в изданной в 1754 г. в типографии Петербургской академии наук книге Василия Петровича «История о Черной Горы» (при содействии канцлера А. П. Бестужева-Рюмина). В ней он высказывал суждения о славянской общности, о создании в Юго-Восточной Европе обширного славянского государства, прототипом которого должна была стать средневековая сербская держава в период ее расцвета. Впоследствии его идеи нашли продолжателей среди сербских государственных и общественных деятелей. Вместе с тем, книга содержит неточности, преувеличивает роль Черногории (которая представлена автором как большое и мощное государство) в антитурецкой борьбе. В ней превозносятся роль самого владыки и его семейства. Книга Василия Петровича довольно успешно расходилась на российском рынке. Так, например, в Московской книжной лавке (с 1749 по 1763 г.) не осталось ни одного из 100 экземпляров, продававшихся по цене 12 копеек¹⁵, что было хорошим показателем по тем временам.

Василий Петрович значительно преуспел в решении задач своей миссии. Издание книги «История о Черной Горы», общение митрополита с русскими государственными деятелями способствовали формированию у правительства и просвещенной российской общественности представления о Черногории как о неподвластном Порте государстве. В Москве черногорский владыка наряду с решением политических проблем занимался и делами религиозными. В частности, в марте 1754 г. он отслужил литургию в придворной церкви в присутствии императрицы Елизаветы Петровны и высших российских церковных иерархов. Эту «церемонию преосвященный Василе со умилением порядочно чинил, что ея величеству и синклиту и всем приятно явилось»¹⁶.

Весной 1754 г. Василий Петрович из Москвы отправился на родину. Он увозил с собой субсидию Цетиньскому монастырю за 1743–1753 гг. (1666 руб. 66 коп.). Кроме того, русское правительство выделило на восстановление черногорских церквей 5 тыс. рублей и лично Василию Петровичу 3 тыс. рублей в качестве вознаграждения за путевые издержки. Митрополит получил из Синода полное архиерейское облачение — украшенную бриллиантами панагию, а также книги. Помимо церковных книг (евангелия, библии, катехизисы, требники и др.) владыка получил также 100 букварей¹⁷.

Однако школы в Черногории так и не были открыты, поскольку Синод потребовал от Коллегии иностранных дел выяснить, сколько и в каких местах требуется школ, а также выделить средства на их содержание. Только после этого Синод брался за подготовку учителей для черногорских школ¹⁸. Коллегия иностранных дел с этим решением Синода согласилась, заметив, что для положительного решения этого вопроса требуется время и дополнительная информация из Черногории. Поэтому по-прежнему единственными очагами образования в Черногории оставались монастыри, где обучалось небольшое число детей.

Также отказано было Василию Петровичу и в установлении протектората России над Черногорией до тех пор, пока не прояснится, как представляют себе черногорцы степень зависимости от России, и пока не поступит «формальное от сего народа прошение»¹⁹. И хотя такое прошение впоследствии было направлено, однако положительной реакции русского двора оно так и не вызвало. Вероятно, здесь, помимо прочего, свою роль сыграла информация, полученная из Константинополя от А. М. Обрескова, который считал невозможным принятие черногорцев под «явную протекцию» России. Министр-резидент был убежден, что такое решение только озлобит Порту, поскольку она увидит в этом опасный прецедент для других православных подданных султана, и вследствие этого «только беды черногорцам отовсюду будут»²⁰.

Вместе с тем российское руководство и сама Елизавета Петровна без доли сомнения отнесли к заверениям Василия Петровича в том, что Черногория независима. Когда в 1754 г. встал вопрос о переселении черногорцев в Россию, посол в Вене Г. К. Кейзерлинг получил от Елизаветы Петровны рескрипт следующего содержания: «Хотя черногорцы многими другими народами, находящимися под турецким владычеством, окружены, однако сами они, по надежным известиям, вольные люди, которые не только не признают верховной власти Порты и не платят ей дани, но находятся в постоянной борьбе с турками для своей защиты. Хотя в договоре между Портою и Венециею черногорцы и уступлены Порте, но договор остается безо всякой силы, потому что вольного народа нельзя уступать без его согласия»²¹.

Из этих слов императрицы, безусловно возникших на почве суждений о Черногории Василия Петровича, верным было то, что черногорцы находились в постоянной вражде с турками (под турками черногорцы подразумевали всех мусульман, вне зависимости от их национальной принадлежности), а также что ранее принадлежавшие Черногории приморские земли были уступлены без согласия черногорцев. Впрочем, в соответствии с нормами международного права этого согласия и не требовалось, поскольку формально Черногория являлась составной частью Османской империи.

В Черногорию Василий Петрович вернулся в сентябре 1754 г. Полученные в России деньги позволили превратить монастырь Станевичи (одна из резиденций митрополита Саввы) в «рассадник русской агитации». Сюда стекался народ не только из Черногории, но и из Приморья и Брды (примыкающая к Черногории горная область). Василий Петрович наделял прибывших деньгами, израсходовав при этом большую часть денежных средств, полученных в России. Благодаря этой акции резко возрос его авторитет не только среди черногорцев, но и приморцев и брдян, поскольку они увидели, что за владыкой стоит могущественная Россия. Среди черногорцев распространилось устойчивое мнение, что царица Елизавета Петровна вступит в войну с Турцией, если та нападет на Черногорию.

Воодушевленный результатами поездки в Россию, Василий Петрович начинает активизировать политику в отношении Турции и Венеции, что означало отход от политики митрополита Саввы, направленной на поддержание умиротворяющих отношений с турками и венецианцами. Вскоре после возвращения из России на народном собрании в Цетинье Василий Петрович призвал «свободный и независимый народ» навсегда отказаться от уплаты харача туркам, что с воодушевлением было воспринято собравшимися²². Генеральный провидур (наместник) Далмации Ф. Гримани точно определил главные направления политики Василия Петровича в сложившейся ситуации: «Освободиться от власти Порты, добиться доверия народа, укрепить свое влияние»²³. Демонстративный отказ от уплаты дани не мог безнаказанно сойти с рук черногорцам. Это понимал не только Василий Петрович, но и венецианские власти. Правящие круги Венеции считали, что черногорский владыка не решился бы на подобный шаг, если бы не рассчитывал на поддержку России.

Понимая серьезность ситуации, когда черногорцы каждодневно ожидали нападения войск боснийского визиря Хаджи-Мехмед-паши, Василий Петрович стремился не только объединить внутренние силы, но и заручиться поддержкой России в борьбе против надвигающейся турецкой агрессии. В этих целях он вел обширную переписку с А. М. Обресковым, канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым, вице-канцлером М. И. Воронцовым, а также с императрицей Елизаветой Петровной²⁴.

В сентябре 1755 г. оба черногорских владыки, Савва и Василий Петрович, сообщали А. М. Обрескову о концентрации многочисленных турецких сил из Боснии и Румелии на черногорских границах, а также о фирмане султана, которым предписывалось: «Нас архиреев поймать и живых на кол посадить, а вельмож наших повесить на виселицах, народ попленить и в работу взять и переселить в Косово поле, в нашей Цетинской резиденции крепость себе построить..., а церкви и монастыри разорить»²⁵.

В письме к М. И. Воронцову (январь 1756 г.) Василий Петрович, предупреждая, какие трагические последствия будет иметь поражение Черногории для балканских народов, замечал: «Плачет бедная Сербия, Болгария, Македония, рыдает Албания в страхе, чтоб не пала Черная Гора; уже Далмация пала и благочестия лишается, будучи напоена униатством; Герцеговина стонет под ногами турецкими. Если Черная Гора будет освобождена, то все к нам пристанут; если же турки Черною Горой завладеют, то христианство во всех упомянутых землях исчезнет»²⁶. В это время Россия была занята активной подготовкой к войне с Пруссией, поэтому любое осложнение отношений с Портой было крайне нежелательно. Однако Елизавета Петровна в секретном рескрипте предписала Обрескову: «чтоб не привести черногорцев в отчаяние, надобно вам, хотя стороною, сделать все возможное в их пользу; наперед посоветовавшись с переводчиком Порты как с единоверным, постарайтесь исходатайствовать облегчение этому единоверному и усердному к нам народу и давайте знать им тайно обо всем, что будет делаться относительно их при Порте, чтоб они не были застигнуты врасплох»²⁷.

Исполняя повеление императрицы, А. М. Обресков имел доверительную беседу с главным драгоманом (переводчиком) Порты, греком по национальности. Тот отсоветовал российскому дипломату обращаться с демаршем в защиту черногорцев, поскольку это «ускорит гибель не только черногорцев, но и всех православных, находящихся под игом турецким». Драгоман считал, что «ничто не может быть для Порты чувствительнее, а для бедных православных опаснее, как если русская императрица явится покровительницею последних. Этим турка, как заснувшего льва, можно разбудить». Обресков, находя суждения драгомана резонными, отписал в Петербург, что, избегая открытого заступничества за черногорцев перед Портой, он будет тайно поддерживать их²⁸. Тем временем в Черногории состоялся экстренный сбор, на котором его участники единогласно провозгласили, что «лучше всем умереть, нежели вольность свою потерять»²⁹. Это решение народного собрания было триумфом политической концепции Василия Петровича, но оно же делало неизбежным военное столкновение с турками, тем более что фирман султана Османа III о наказании мятежных черногорцев был уже издан.

Готовясь к войне, Савва и Василий Петрович предприняли еще одну, последнюю попытку заручиться русской поддержкой. В начале ноября 1756 г. митрополиты приняли решение направить в Россию «епископа Зетского» Владимира. В выписанном на его имя паспорте было указано, что он отправляется для сбора милостыни на нужды своей разоренной епархии, но, кроме того, он должен был обратиться с просьбой к императрице о защите черногорцев «в их бедствиях, претерпеваемых от злостных агарян»³⁰.

В самый канун нападения турок произошло еще одно событие, взбудоражившее всю Черногорию. 11 ноября 1756 г., ночью, Василий Петрович вместе с игуменом Теодосием (Феодосием) Мркоевичем, оставив за себя губернатора С. Радонича, тайно покинул Черногорию и укрылся в австрийских владениях, в Риеке (Фиуме).

Историки склонны по-разному оценивать этот поступок владыки. Г. Станоевич считает его оправданным, поскольку было ясно, что в предстоящих боевых действиях между турками и черногорцами последние не могли добиться победы, а в ходе последующих мирных переговоров турки обязательно потребовали бы выдачи владыки, своего главного врага, для неминуемой расправы³¹. С этим суждением югославского историка можно согласиться, памятуя о том, что военачальником Василий Петрович, в отличие от, скажем, митрополита Данилы, не был. В то время, когда все должно было решаться на поле брани, присутствие Василия Петровича в Черногории мало что значило и было бы лишь дополнительным раздражителем для турок, и без того до крайности обозленных на черногорцев.

Во второй половине ноября 1756 г. Ахмед-паша с двадцатитысячным войском вторгся в Черногорию, сметая все на своем пути. Турки уничтожали всех, кто попадался им под руку, включая детей старше восьми лет. Война проходила в сложных для черногорцев условиях. Продолжалась установленная еще летом 1755 г. блокада Черногории со стороны Венеции. Несмотря на упорное сопротивление черногорцев и большие потери в турецком войске, состоявшем в основном из башибузуков, турки все же захватили «сердце Катунской нахии» село Чево, но так и не сумели пробиться к Цетинье, главной цели их военной операции. Военные потери и осенняя распутица заставили турок отступить, что было воспринято черногорцами как моральная победа. Однако сил для дальнейшего сопротивления, в случае повторного турецкого нападения, у черногорцев не хватало. Черногорско-турецкое противостояние завершилось договором в Никшиче в январе 1757 г. Черногорцы обязались не заниматься четованием на турецкой территории, платить дань султану и не принимать иностранных посланцев³². Результат этой войны не удовлетворил ни одну из сторон. Турки были недовольны тем, что им не удалось нанести сокрушительное поражение черногорцам, захватить Цетинье. В свою очередь, черногорцы, для которых отказ от уплаты харача был делом принципа, вынуждены были смириться с выплатой дани.

Война закончилась, но Василий Петрович не спешил возвращаться на родину, где его ждали не только друзья, но и враги, предлагавшие в случае возвращения владыку убить, а его имущество конфисковать, чтобы затем использовать его для выплаты харача³³. Не судят только победителей, а в глазах многих черногорцев, в том числе и самых влиятельных,

митрополит был тем человеком, который наиболее резко выступал против уплаты дани туркам, но конечный результат его действий оказался неутешительным.

Находясь по-прежнему в Риеке, владыка не терял связей с Черногорией и строил грандиозные внешнеполитические планы. В январе 1757 г. он информировал губернатора С. Радоница³⁴ о своей встрече с полковником С. Ю. Пучковым и премьер-майором С. Петровичем, которые находились в этих краях и занимались вопросами переселения партии черногорцев в Россию. Российские офицеры, сообщал митрополит, тотчас уведомили посла в Вене Г. К. Кайзерлинга о нуждах Черногории. Одновременно владыка выражал надежду, что врагам Черногории уготована «достойная сатисфакция», поскольку три великие империи: «наша Российская, римская и французская в едином союзе». Проявляя осведомленность в российских придворных новостях, Василий Петрович был обрадован назначением «от нашего двора всероссийского» полномочным послом во Францию брата вице-канцлера и «нашего великого приятеля» М. П. Бестужева-Рюмина, для поддержания отношений с которым он предлагал назначить С. Ю. Пучкова полномочным послом от Черногории. По убеждению Василия Петровича, М. П. Бестужев-Рюмин мог оказать большую помощь Черногории как при российском, так и при французском дворе, в частности, повлиять через Версаль на Венецию.

Как видно из всего этого, Василий Петрович настолько сжился с мыслью о неразрывности судеб Черногории и России, что именует Российскую империю «нашей». Так он заявляет в письме ко второму лицу в Черногории, новоиспеченному губернатору С. Радоницу, придерживавшемуся провенецианских симпатий, но которого митрополит сумел все же привлечь на свою сторону, приступив к реализации планов русского правительства и своих по переселению черногорцев в Россию.

Одним из важнейших аспектов внешнеполитической деятельности Василия Петровича в 1750-е гг. становится попытка организовать масштабное переселение черногорцев в Россию. Русское правительство в это время, впрочем как и ранее, было заинтересовано в привлечении балканских народов на русскую военную службу. В связи с начавшимся переселением в Россию сербов в 1751 г. посол в Вене М. П. Бестужев-Рюмин в реляции к императрице Елизавете Петровне отмечал всю выгоду этого дела и полагал, что «сербский корпус» может быть пополнен македонцами и болгарам³⁵. Первенство в реализации планов переселенческой политики русского правительства принадлежало сербам, которых в организованных на украинских землях военно-хозяйственных поселениях Новая Сербия и Славяно-Сербия к 1760 г. насчитывалось уже свыше 26000³⁶.

Вопрос о возможности и желательности переселения черногорцев в Россию еще в 1743 г. поставил российский резидент в Константинополе

А. А. Вешняков, предлагавший расселить черногорцев « по линии в Крыму... для всяких впредь случаев»³⁷. В ответ на опасения императрицы, что турецкое правительство может потребовать выдачи черногорцев, Вешняков утверждал: «Порта рада сама их выгнать, поскольку претерпевает от них обиды, которые не в силах отомстить». Черногорцы, полагал он, могут быть полезны России, поскольку «зело трудолюбивы, живущие в крайней нужде и трезвости, чрезвычайной храбрости и к вере склонны и непреоборимой горячности»³⁸. К реализации намерения переселить черногорцев российское руководство вернулось лишь в 50-е гг. И здесь главная роль отводилась Василию Петровичу. В 1752 г. Елизавета Петровна впервые сама заинтересовалась вопросом переселения черногорцев в Россию и даже поручила новому послу в Вене Г. К. Кейзерлингу позаботиться о сводном проходе черногорцев через австрийские владения³⁹, но дело не тронулось тогда с мертвой точки. Василий Петрович в январе 1753 г. обратился в Коллегию иностранных дел, предлагая свои услуги по переселению черногорцев «в высокославную империю всероссийскую»⁴⁰.

Возвращаясь из России на родину и проезжая через Киев, Василий Петрович 13(24) июня 1754 г. писал в Коллегию иностранных дел, что «из черногорского народа, по своей вольности, немалое число людей в венецианской службе обретается, и что как скоро он в Венецию приедет, то оным, в венецианской службе находящимся черногорцам советовать станет, чтобы они, взявши апшиты (отпускные свидетельства. — Ю. А.), следовали в Российскую империю»⁴¹. Послу в Вене Кейзерлингу было поручено переговорить по этому вопросу с Василием Петровичем, когда он будет по дороге домой проездом в Вене. Кейзерлинг встретился с Василием Петровичем, однако тот во время его визита к послу ни словом не обмолвился о переводе черногорцев с венецианской службы на русскую. К тому же посол полагал, что ради двоих или троих черногорцев не стоит прилагать какие-либо усилия⁴².

Можно предположить, что Василий Петрович сознательно в беседе с Кейзерлингом не коснулся этой проблемы, поскольку действительно собственно черногорцев на венецианской службе были считанные единицы, а вести переговоры о переходе на русскую военную службу венецианских подданных, жителей примыкающих к Черногории приморских общин, было делом бесперспективным из-за враждебного отношения к этому Венеции. Дав такое обещание российскому двору, Василий Петрович поступил опрометчиво и, может быть, поэтому он, не заехав в Венецию, сразу же направился в Черногорию.

По свидетельству секретаря митрополита А. Калиновича, Василий Петрович сразу же по прибытии из России «собрал к себе сердара и других тамошних почетных хозяев», которым предложил оказать ему содействие в переселении черногорцев в Россию, уточнив при этом, что

он уже дал обещание российскому двору вывести на первый случай 1000 человек, начав с молодых холостых мужчин. Однако в этом вопросе мнения черногорских «главарей» разделились. Родственники и сторонники Василия Петровича поддержали предложение владыки, но многие отказались, «упрекая, что какую он власть имеет приглашать людей, чтоб из своего отчества выходилы»⁴³. Особенно рьяным противником переселения был Станислав Радонич, но когда ему Василием Петровичем было предложено стать губернатором Черногории, и что он по рекомендации Василия Петровича будет признан таковым российским двором, С. Радонич согласился поддержать Василия Петровича. С. Радоничу было также обещано, что при желании он может вернуться из России и будет тогда «начальником во всей Черной Горе».

Тем временем замысел о переселении черногорцев в Россию был по-прежнему актуален в российском руководстве. Дополнительным импульсом к этому стало предложение, которое сделал живший в Яссах албанец православного вероисповедания Дервет-Баша-Иван-Хаджа Мокрипульес, приславший в 1756 г. в Киев своего доверенного Анастасия Боставика с прошением к императрице принять его и всю его семью с 1500 албанцами в русскую службу, под его, Мокрипульеса, командой. В случае отказа Мокрипульес готов был подать аналогичное прошение прусскому королю Фридриху II⁴⁴. Наиболее вероятно, что это предложение исходило от православных албанцев-химариотов Южной Албании, которые в 1750-е гг. устанавливают политические связи между Химарой и Россией. Химариоты в случае русско-турецкой войны предлагали осуществить диверсию в соседних с ними османских владениях — «по примеру равных нам как по вере, так и в правлении черногорцев»⁴⁵.

Предложение Мокрипульеса напомнило российскому руководству и о черногорцах. Сенат издал распоряжение, согласно которому все черногорцы и албанцы, желающие переселиться в Россию, выходили бы морем через Триест в Венгрию и уже оттуда шли в Киев, где они поступали в распоряжение вице-губернатора И. И. Костюрина. А. Боставик принял российское подданство, получил офицерский чин и был на год отпущен за границу. Ему поручалось тайно передать Мокрипульесу, что поскольку его русской императрице явно принять невозможно, «однакож когда он тайно выедет и люди его без огласки и явнаго от турок подозрения, шли под именем черногорцев, а не как турецкие подданные, будут выходить, то как он, так и они принимаемы и на поселение отправляться будут»⁴⁶. С этого времени в официальных документах, касающихся переселения, черногорцы и албанцы нередко упоминались в одной связке, однако, как покажет вскоре ход событий, этнический состав переселенцев будет во многом совсем иным.

Надеясь на значительную эмиграцию, Сенат определил расселить переселенцев в таких местах, «кои б от турецкой границы отдалены и

всякой способности к сношению с турками лишены были»⁴⁷. Выбор пал на Оренбургскую губернию. Сенат предписал губернатору И. И. Неплюеву поселить черногорцев и албанцев между Оренбургом и расположенным на левом берегу р. Волги г. Ставрополем, ближе в Волге, но не вместе, а порознь, между российскими жителями.

Еще ранее послу в Вене Г. К. Кейзерлинг было поручено добиться от венского двора свободного пропуска черногорцев через австрийские владения, а также договориться с венецианским послом в Вене о проходе черногорцев через территорию Венецианской республики. В конечном итоге оба поручения Кейзерлинг выполнил, хотя и союзная Австрия, и Венеция свое согласие дали не сразу, опасаясь осложнить отношения с Портой.

Была сформирована специальная черногорская комиссия для приема черногорцев, куда вошли офицеры и унтер-офицеры из команды генерал-майора Й. Шевича: С. Петрович, С. Пишчевич, Я. Эздемирович, адъютант И. Марков, А. Крестич, Я. Фишер и др. Они были направлены на границу австрийских и турецких владений. Кроме того в Триест был откомандирован полковник С. Ю. Пучков, в подчинение которого поступила вся офицерская и унтер-офицерская команда. Черногорцы должны были выходить партиями сухопутным путем через австрийскую территорию, Польшу и прибывать в Киев. На первоначальные путевые издержки Сенат выделил 6 тыс. червонцев.

Готовились к приему черногорцев и в Оренбурге. И. И. Неплюев предложил расселить одних черногорцев по крепостям Оренбургской губернии, а других поселить под г. Самара по реке Иргизу, построив в ее устье особую крепость, в которой мог бы жить «и командир с пристойным гарнизоном». Неплюев предлагал отдать черногорцам в безоборочное пользование рыбный и звериный промыслы⁴⁸. Сенат, в принципе соглашаясь с мнением Неплюева, предложил все же поселить черногорцев вдоль Волги, ниже Самары. Впрочем, окончательное решение этого вопроса оставалось за Неплюевым.

По официальным данным, с 1756 по 1759 г. включительно в Россию переселилось 1499 черногорцев⁴⁹. Эта цифра явно завышена. На наш взгляд, более объективные сведения об этническом составе и численности переселенцев приводятся в воспоминаниях С. Пишчевича. Он убедительно доказывает, что основную массу переселенцев составляли не черногорцы, а сербы из турецких и австрийских владений. Первая партия переселенцев, примерно из 50 человек, была набрана премьер-майором С. Петровичем и поручиком Я. Эздемировичем на австрийской территории в окрестностях Карловаца и Петровараждина. Состояла она из поденщиков-беляров, которых за обещанное С. Петровичем «великое вознаграждение» согласился снабдить поддельными документами, где они были обозначены как черногорцы, служащий городского

магистрата в Карловаце И. С. Болевич⁵⁰. Этими сезонными работниками были сербы, работавшие здесь на виноградниках. Эта афера с лже-черногорцами не стала тайной для австрийских властей. Понимая, что арест и суд неизбежны, Болевич, прибегнув к помощи Пишчевича, переодевшись греческим купцом, вынужден был тайно бежать из Австрии в Россию⁵¹.

Надо сказать, что и другой соратник С. Петровича, Я. Эздемирович, был человеком авантюрного склада. Как писал о нем С. Пишчевич, Эздемирович был боснийским сербом, который, узнав о переселенческих планах Василия Петровича, прибыл в Черногорию и предложил митрополиту свои услуги по выводу приграничных сербов из Боснии и Герцеговины в австрийские владения. Василий Петрович, присвоив ему чин поручика, велел выводить сербов-переселенцев под видом черногорцев. В феврале 1756 г. Я. Эздемирович проинформировал Г. К. Кейзерлинга, что им в Митровицу выведена партия черногорцев в количестве 80 человек⁵², разумеется, скрыв при этом, что это были за черногорцы, хотя, полагаем, Кейзерлинг о многом догадывался, но предпочитал на все происходящее закрывать глаза.

Первоначальная партия переселенцев, завербованная при помощи Болевича, состояла из 49 человек (44 мужчины и 5 женщин). Она была пополнена родственниками и свойственниками Я. Эздемировича. К ней по пути в Россию примкнуло в Венгрии еще 20 сербов, благодаря тому, что австрийские пограничные офицеры (зачастую это были православные сербы) закрыли на это глаза. Я. Эздемирович располагал как минимум двумя списками переселенцев: в одном фигурировали в основном черногорские и герцеговинские имена и фамилии, а в другом они почти отсутствовали. С последним списком, который насчитывал 69 человек, включая 20 венгерских сербов, 23 июня 1756 г. Я. Эздемирович пересек австро-польскую границу, и в начале августа партия переселенцев прибыла в Киев⁵³. Однако каким-то образом Я. Эздемировичу удалось провести с собой еще 11 человек без каких-либо сопроводительных документов, возможно потому, что ему удалось уговорить австрийских офицеров не только плохо смотреть, но и плохо считать. В направленном И. И. Неплюеву указе Сената отмечалось, что поручик Эздемирович привел с собой в Киев партию черногорцев, состоящую из 67 мужчин, 7 женщин и 6 детей⁵⁴, т. е. 80 человек.

Эта партия переселенцев после принятия присяги на вступление в русское подданство была переведена в местечко малороссийского Киевского полка Остер, где вскоре слилась с пожелавшими служить в гусарах переселенцами, приведенными из-под Триеста вахмистром Я. Фишером в сентябре 1756 г.⁵⁵ Если и были там черногорцы, то считанные единицы, хотя С. Ю. Пучков и информировал Г. К. Кейзерлинга, что черногорцы различными путями являются к нему в Триест⁵⁶.

В январе 1757 г. партия переселенцев в количестве 99 человек (86 мужчин и 13 женщин и детей) из Киева на подводах через Москву и Арзамас была отправлена в Оренбургскую губернию. В пути их сопровождала воинская команда во главе с обер-офицером, которому было приказано с переселенцами «ласково поступать», чтобы они, «видя себе удовольствие... и других чрез сообщение свое тому поощряли». И. И. Неплюеву в соответствии с указом императрицы предписывалось отвести для переселенцев самые выгодные и плодородные земли⁵⁷.

Военная коллегия после консультации с Неплюевым определила расселить переселенцев по крепостям Красносамарская, Борская и Елшанская. Центром поселения было выбрано место между реками Самара и Большой Иргиз на реке Моче (ныне р. Чапаевка. — Ю. А.). Здесь предполагалось расселить 6800 конных и 136 тыс. пеших воинов. Плата рядовым гусарам в военное время устанавливалась по аналогии с гусарами Новой Сербии, т. е. 32 р. 40 коп.⁵⁸. Как видим, российское военное руководство возлагало грандиозные надежды на переселенцев. Однако эти планы касались не только черногорцев, а такое мнение существует в историографии, но, главным образом, православных албанцев. В основном от них, а не от Василия Петровича, ожидался основной приток военной силы в эти края, гораздо более высокий, чем в Новой Сербии и Славяно-Сербии. Эти надежды, как показало время не оправдавшиеся, строились в основном на сделанном в 1756 г. в Сенате заявлении упомянувшегося выше А. Боставика, сказавшего: «Ежели даны будут свободные земли, то однопациональных с ним вольных людей охотников тысяча до шестидесяти есть»⁵⁹. Василий Петрович, несмотря на присущий ему авантюризм, подобных заявлений не делал и таких колоссальных надежд российскому руководству не подавал.

С. Петрович, вскоре после отправки партии Я. Эздемировича в Россию, отбыл в Триест, откуда 21 августа 1756 г. направил письменное обращение «к сердарам, воеводам, губернаторам и боярам Черногории, Скандерии и Приморья», где извещал, что он по повелению императрицы направлен в Черногорию для принятия в российскую службу 1000 человек из черногорцев и брдян. Оставаясь на время в Триесте, «в немецких границах», он призывал черногорцев во всем следовать наставлениям митрополитов Саввы и Василия Петровича⁶⁰.

Тем временем С. Пищевич направился на военную границу в Митровицу, где, особо не надеясь на выход через Боснию черногорцев, попросил здесь своих «добрых приятелей» оповестить приграничных сербов в Сербии, чтобы они под «именем черногорцев» прибывали в Митровицу для дальнейшей их отправки в Россию. Таким образом ему удалось набрать партию переселенцев из 62 человек, состоящую исключительно из холостых мужчин, которые ранней весной 1757 г. по уже тающему льду через р. Саву переправились в Митровицу. Договорившись со своими

знакомыми о следующем выходе в этих местах сербов из турецких владений под видом черногорцев, С. Пишчевич со своей партией переселенцев направился в Россию. По пути в Кечкемете (Венгрия) по распоряжению С. Ю. Пучкова к его переселенцам была присоединена партия переселенцев в 27 человек, выведенная из Триеста Я. Фишером. По признанию самого Фишера в ней не было ни одного черногорца⁶¹. Я. Фишер отправился в Триест за набором очередных людей, а объединенную партию переселенцев возглавил С. Пишчевич. По его наблюдениям, среди переселенцев Фишера не было не только черногорцев, но и сербов. И хотя они объяснялись на сербском языке, но были «какова ныбудь другога краю» люди, замечал Пишчевич⁶². По отзыву Пишчевича все они были «настоящие разбойники», «вор наголо и пьяницы». Эта команда переселенцев, несмотря на все сложности, которые возникали по пути с людьми Фишера, в мае 1757 г. прибыла в Киев, откуда после принятия военной присяги переселенцы отбыли в Оренбургскую губернию.

Как замечал С. Пишчевич, Василий Петрович, обеспокоенный тем, что «выход их черногорцев будет невелик», и зная о договоренности Пишчевича о вторичном выходе потенциальных переселенцев из турецких владений, по согласованию с С. Ю. Пучковым направил на австро-турецкую границу адъютанта И. Маркова и отозванного им из Оренбурга Я. Эздемировича. Эта самая масштабная партия переселенцев, набранная летом 1757 г., состояла из сербов, вышедших из Боснии, Герцеговины и Албании, которым было велено выдавать себя за черногорцев⁶³. Эта партия, первоначально насчитывавшая 1046 человек, была размещена в карантине в Нови-Саде, где 137 из них умерло, а еще 501 человек был задержан для фильтрации⁶⁴. В результате только 834 человека составили партию переселенцев, готовых с Я. Эздемировичем к отправке в Россию. Эту цифру он озвучил при личной встрече в Вене с Г. К. Кейзерлингом в самом конце февраля 1758 г.⁶⁵

По официальным данным, в 1758 г. в Киев было выведено 942 человека (432 мужчины, 510 женщин и детей). Все они были записаны как черногорцы⁶⁶. Вряд ли стоит сомневаться, что недостающие 108 человек, как и в предыдущий раз, были набраны Эздемировичем в австрийских владениях. При личной встрече С. Пишчевича и Василия Петровича последний признавал именно его, а не Я. Эздемировича и И. Маркова, заслуги в этом деле, говоря, что «тот выход народа должно вашим трудом признать», и даже предлагал Пишчевичу отправиться в Нови-Сад и самому возглавить партию переселенцев, но получил отказ⁶⁷.

Одновременно с Я. Эздемировичем вопросами переселения уже собственно черногорцев занимался С. Петрович, и первоначально ему удалось добиться успеха в этом деле. Готовность переселиться в Россию выражали не только черногорцы, но и жители Герцеговины, приморских венецианских общин, среди которых были даже католики из Паштро-

вичей. Обеспокоенный этим генеральный провидур А. Контарини издал прокламацию, запрещающую под страхом смертной казни венецианским подданным поступать на военную службу в иностранные государства. С. Петрович, прибывший в акваторию Будвы на двух кораблях под австрийским флагом, сумел уговорить значительное число черногорцев переселиться в Россию, но все это рухнуло из-за контрагитации, проведенной священником А. Джурашковым, получившим впоследствии за это плату от венецианских властей⁶⁸.

Однако, в конечном итоге, несмотря на интриги венецианцев и сопротивление части черногорских «главарей», в Черногории все же удалось набрать переселенцев, которые во главе с С. Петровичем на двух кораблях в августе 1757 г. прибыли в Триест, где их встретил все еще находившийся в вынужденной эмиграции Василий Петрович. По венецианским данным, эта партия переселенцев, среди которых было 6 венецианских подданных, состояла приблизительно из 140 человек, поскольку на двух кораблях, полагали венецианцы, не могло разместиться большее количество людей⁶⁹. Переселенцы разделились на две группы. Одна, во главе с Василием Петровичем, направилась в Россию через Вену, а другая, ведомая С. Петровичем, через Хорватию и Венгрию прибыла в Минск, где объединилась с группой Василия Петровича. Далее переселенцы направились в Киев, куда и прибыли в декабре 1757 г. Здесь Василий Петрович из-за болезни ненадолго задержался, а остальные отбыли в Москву. Находившийся тогда в Киеве С. Пищевич узнал от присоединившегося к этой партии по пути своего бывшего слуги во времена его прежней службы в Австрии, что черногорцев-переселенцев насчитывается 153 человека, включая мальчиков и расстриженных попов, которым Василий Петрович благословил «обрить бороды и мечи припоясать, и некоторым из них и чины афицерские дал»⁷⁰.

Дела, связанные с переселением и уже находившимися в России переселенцами, требовали пристального внимания Василия Петровича, поскольку здесь возникали проблемы, начало которым положили юные черногорцы. Между ними возник спор, во время которого каждый отстаивал знатность своего рода. Дело дошло до Сената, куда с челобитной обратились Иван и Рафаил (Раде) Петровичи, жалующься на то, что занесенные с ними в один список Филипп Петрович и Петр Радонич не являются таковыми, поскольку один из них — Филипп Шарович, а не Петрович, а другой — Петр Станишич, а не Радонич. Шарович из турецкого города Подгорицы, а род Станишича в Черногории не первенствующий, в отличие от рода Петровичей. Жалобщики утверждали, что Ф. Шарович носит на себе портрет Петра Великого, и следует узнать, как он мог достаться ему, бывшему турецкому рабу и художнику. Они также просили, чтобы семейства Петровичей и Вукотичей были поставлены выше рода Петра Станишича. Этим местническим спором занялась Коллегия иностранных дел⁷¹.

Еще больше хлопот доставили Василию Петровичу взрослые переселенцы. Недовольные условиями жизни, некоторые из них стали требовать перевода в Новую Сербию на военную службу в гусарских полках особым эскадром. Такое их желание возможно объясняется тем, что командиры сербских переселенцев в Новой Сербии и Славяно-Сербии Й. Хорват, Й. Шевич и Р. Прерадович приглашали переселенцев к себе, утверждая, что «поселение в Оренбурх ссылка», информировал Коллегию иностранных дел Василий Петрович⁷². Когда о недовольстве переселенцев узнали в Сенате, там выразили недоумение, поскольку переселенцы сами осмотрели предлагаемые места «и выгодами их сначала остались довольны, почему и отправились туда из Киева»⁷³.

Следует сказать, что переселенцы были размещены на территории Самарского уезда, который тогда административно входил в Симбирскую провинцию Казанской губернии. Однако в военном отношении он был подчинен Оренбургу. Известный исследователь Оренбуржья, очевидец описываемых событий и ближайший сотрудник И. И. Неплюева П. И. Рычков (1712–1777), замечал по этому поводу следующее: «На самом том месте, где Мочинская слобода имела, с 1756 года заводимо было новое селение черногорцев и албанцев, коим не только оныя угоды, которыя в той слободе прежде были назначены, но и по Иргизу реке и в других местах пространныя дачи приписаны, в том чаянии, что из Европы в Россию выдет на житие людство немалое; токмо первые оттоль выходцы, поживши здесь года с три, пожелали служить в армии, а другие просили, чтоб их уволить на житье в Новой Сербии в команде генерал-майора Хорвата, почему все они в 1759 году туда и отпущены. И так сие место ныне паки впусе осталось»⁷⁴.

Это место располагалось на р. Моче, где сохранилось название Гусарский Городок, как воспоминание о неудачной попытке водворения здесь черногорцев и переселенцев из других балканских земель, служивших в русской армии гусарами⁷⁵. Природные условия здесь были хорошими — это лесостепной район вблизи р. Волги и живописного массива Жигулевских гор. Название Гусарский Городок в окрестностях г. Чапаевска сохранилось вплоть до 1960-х гг.

По официальным данным, в течение 1756–1757 гг. в Оренбургскую губернию было направлено 260 переселенцев, а в 1758 г. — ни одного⁷⁶. Однако в августе 1758 г. киевский обер-комендант В. Лопухин направил в Самару еще 76 переселенцев⁷⁷. Эта же цифра приводится в указе Сената И. И. Неплюеву о приеме переселенцев⁷⁸. Таким образом, общая численность переселенцев, размещенная в этих краях, составляла 336 человек. По сути дела это была колония переселенцев, состоящая из сербов, набранных в турецких и австрийских владениях, вышедших в Россию под видом черногорцев. Вероятно, поэтому они легко поддавались агитации переселиться к своим землякам в Новую Сербию и Славяно-Сербию.

Если и были среди них черногорцы, то их могло быть крайне мало, попавших случайно в общую массу сербских переселенцев.

П. И. Рычков, которому не было необходимости вникать в этническую принадлежность переселенцев, пользовался официальной документацией, где, как уже отмечалось, переселенцы нередко фигурировали объединенной группой — черногорцы и албанцы. Заметим, что среди переселенцев могли все же быть и этнические албанцы, так как партия переселенцев в количестве 27 человек, набранная Я. Фишером в окрестностях Триеста состояла не из черногорцев или сербов, а из выходцев из «другого края». Может быть, какие-то отголоски о намечавшемся выходе православных албанцев в районе Триеста, о чем говорилось выше, дошли до кого-нибудь, но это только предположение. Эти переселенцы в военном отношении формально подчинялись Оренбургу, но фактически проживали в окрестностях Самары, хотя некоторые из «вывода» С. Пишчевича осели на короткое время в степях под Оренбургом.

Переселенцы, а вернее часть из них, оказались людьми излишней горячности, склонные к буйству и бесчинствам. Так, находясь в Самаре, они «начали делать великие продерзости и обиды обывателям»⁷⁹. Подобное продолжилось и в Москве, куда в 1758 г. перебралась часть переселенцев из-под Оренбурга, желавшая вступить на военную службу. Здесь они объединились с черногорцами, прибывшими в Россию с Василием Петровичем и С. Петровичем. Надо сказать, что с С. Петровичем, а также с С. Радоничем, который, как и Василий Петрович, находился в Петербурге, где вскоре и умер, у митрополита окончательно испортились отношения. Долгое время он поддерживал С. Петровича, называл его, хотя и безосновательно, своим племянником. Теперь же Василий Петрович всячески отрекся от родственных связей с ним, и вдруг чудесным образом прояснилось, что С. Петрович никакой не Петрович и род свой ведет «от цыганской фамилии Шарович»⁸⁰. Василий Петрович информировал Коллегию иностранных дел, что другой бывший соратник митрополита Т. Мркоевич по сговору с С. Шаровичем распространял среди прибывающих в Киев переселенцев слухи о ссылке Василия Петровича в Сибирь, утверждал, что народ черногорский, приходящий в Россию, «на каторгу посылается по разным граничным местам»⁸¹.

Из-за разногласий и склок в черногорском руководстве оставшиеся без какого-либо присмотра черногорцы устроили в Москве массовые беспорядки. Они обирали не только простых московских обывателей, у которых за «малую цену денег» приобретали продовольствие, но придя к дому баронессы Марии Строгановой, «вломились в ворота, изрубили решетку, попадающихся им людей жестоко били, прибежали и к ее покоям и рубили столбы у крыльца; тогда на колокольнях близких к ее дому церковей стали бить в набат, сбежался народ, и черногорцы должны были возвратиться»⁸². Распоясавшихся черногорцев переселили за Яузу

в Алексеевскую и Семеновскую слободы. Дело дошло до того, что черногорцы отказались принимать воинскую присягу, и понадобился приезд в Москву Василия Петровича, чтобы уладить этот инцидент.

Несмотря на все проблемы и неурядицы, связанные с переселением, Василий Петрович не отказывался от этой идеи. Он мечтал о создании особого черногорского полка, но для этого явно не хватало количественного воинского состава. Понимая, что на черногорцев особо рассчитывать не приходится, Василий Петрович уведомил императрицу Елизавету Петровну, что он как черногорцам, так и «окружным христианам» объявил, что желающие переселиться в Россию пусть выходят, назвав себя черногорцами, но их следует записывать в черногорский полк, а не в другие, и «многие идут, прикрывшись черногорским именем»⁸³. Так, в октябре 1758 г. для поступления на военную службу в Киев прибыло 34 далматинца. Последняя партия переселенцев из 135 человек во главе с И. Марковым прибыла в Киев осенью 1759 г.⁸⁴ Архивные данные, приведенные академиком М. Дашичем, свидетельствуют, что среди них было только 13 черногорцев⁸⁵.

То, что под видом черногорцев в Россию переселялись люди других национальностей, что в подавляющем большинстве это были сербы, российское руководство в конечном итоге знало. Так, в 1764 г. за вывод в Россию 1236 человек именно «славеносербского», а не черногорского народа Я. Эздемирович был произведен в чин подполковника и получил двойной надел земли в Новой Сербии⁸⁶. Разницу между сербами и черногорцами тогда уже при российском дворе отчетливо понимали и не могли поэтому объединить их в одну этническую группу «славеносербов». Таким образом, подсчеты показывают, что собственно черногорцев в Россию переселилось максимум около 200 человек, из которых около 30 вскоре самостоятельно вернулись на родину. Поэтому черногорский полк так и не был создан. Вместо него были сформированы черногорские кавалерийские эскадроны, которые после обучения в Пскове и Великих Луках влились в военные части русской армии, сражавшейся в Восточной Пруссии.

Оценивая в целом переселенческую политику Василия Петровича, следует все же признать ее удачной. Для Черногории с ее крайней скудостью людских ресурсов переселение даже 1 тыс. человек было успехом. Русская сторона не осталась в накладе, поскольку вместо обещанной 1 тыс. человек в Россию переселилось почти полторы тысячи. Российскому руководству по большому счету была не важна этническая принадлежность переселенцев, для него было главным то, что переселенцы оказались готовы воевать за Россию и помогать охранять и осваивать ее южные рубежи, что в конечном итоге и получилось.

Василий Петрович прибыл в Петербурге в феврале 1758 г., где сразу развернул энергичную деятельность. Он обращался с письмами в Синод,

к вице-канцлеру М. И. Воронцову, фельдмаршалу П. И. Шувалову, императрице. В этих письмах митрополит информировал российское руководство о том тяжелом положении, в каком оказались черногорцы и соседние брдские племена после турецкого нашествия 1756 г., о мужестве и воинской доблести черногорцев. Одновременно он обратился с просьбами к русскому правительству о принятии черногорцев в российское подданство, об установлении ежегодной субсидии Черногории в размере 15 тыс. рублей, о направлении «для пребывания в их резиденции» постоянного российского представителя и пр.⁸⁷. В этот приезд Василий Петрович преподнес Синоду щедрый дар — «Псалтырь древней печати нашей резиденции Цетинской митрополии», изданный при герцоге Черноевиче⁸⁸. Этот псалтырь был напечатан в Ободской типографии, основанной на Цетинье Джураджем (Юрием) Црноевичем в 1493 г. Это была первая славянская типография на Балканах, печатавшая церковные книги на кириллице. Функционировала она до 1496 г. Таким образом, российский Синод, благодаря черногорскому митрополиту, стал обладателем редчайшего памятника славянского книгопечатания.

Для обращения к русскому двору Василием Петровичем был выбран неподходящий момент. Продолжалась война с Пруссией, и поэтому любое обострение отношений с Портой, в том числе и из-за черногорцев, было для России крайне нежелательно. Тем более что в эти дни А. М. Обресков доносил из Константинополя, что султан хочет войны с Россией⁸⁹.

Если новый султан Мустафа III искал любого повода к войне, то задача русского двора сводилась к тому, чтобы не дать его. Поэтому 18 (29) мая 1758 г. последовал указ Елизаветы Петровны Коллегии иностранных дел о награждении черногорской делегации денежными суммами и золотыми медалями, выпущенными в честь коронации императрицы. В Черногорию для раздачи народу Елизавета Петровна распорядилась отправить 1000 «наших золотых портретов». Делегатам выделялось 2000 рублей на обратный проезд, а также Василию Петровичу «особливо» 1000 рублей⁹⁰. Кроме того, по распоряжению Синода митрополиту была выдана субсидия Цетиньскому монастырю (с 1755 по 1760 год включительно) и «проездные, отъездные и подводные» в размере 965 руб. 69 коп., а также богослужебные книги⁹¹.

Что же касается вопроса о приеме черногорцев в российское подданство, то Елизавета Петровна считала делать это нецелесообразным, поскольку для черногорцев оно могло обернуться бедой «по великой близости окружающих их неприятелей» и отдаленности от них Российской империи. Поэтому дело откладывалось до «лучших времен»⁹².

Отказывая в приеме черногорцев в подданство, российское руководство не отходило от политики покровительства Черногории. Так, в ответ на отказ Синода выдать Василию Петровичу архиерейское облачение, решением Конференции (высший совещательный орган при

императрице) Синоду рекомендовалось удовлетворить просьбу митрополита, поскольку решение Синода противоречило «прежде оказанным милостям и покровительству российского двора Черногории»⁹³. Следует заметить, что, оказывая фактически покровительство Черногории, русское правительство ни тогда, ни позже не заявляло об этом официально, не облакало его в международно-правовую форму, чего впоследствии будет неоднократно добиваться черноморское руководство.

Императрица также согласилась удовлетворить просьбу Василия Петровича о пожаловании черноморскому народу ежегодной субсидии в 15 тыс. рублей. Однако пока субсидия выделялась только на один год. Ее дальнейшая судьба зависела от того, сумеют ли черноморцы приложить старание для «учреждения между собою доброго порядка и согласия», а также способности снабдить себя вооружением и добиться установления «нужного регулярства и доброй дисциплины». Просьба митрополита о направлении в Черногорию постоянного дипломатического агента была отклонена Елизаветой Петровной, поскольку, считала императрица, этого «нынешние обстоятельства совсем не дозволяют»⁹⁴.

Для доставления субсидии в Черногорию вместе с Василием Петровичем отправился специальный эмиссар русского правительства, уже упоминавшийся полковник С. Ю. Пучков. Однако главная его задача состояла в выяснении истинного положения дел в Черногории, сборе сведений о стране и ее народе.

В августе 1759 г. митрополит с сопровождавшей его свитой, а также С. Ю. Пучков прибыли в Черногорию. Вскоре по прибытии русский эмиссар объехал несколько нахий, а также посетил Цетинье. По возвращении из Черногории в начале 1760 г. С. Ю. Пучков представил в Коллегию иностранных дел рапорт, в котором сообщал, что черноморцы находятся «в крайнем беспорядке, не имеют между собой добрых учреждений, законов и обычаев, живут в междоусобии и вражде, к властям своим не имеют послушания, а власти не пекутся о их пользе»⁹⁵. В словах Пучкова было много горькой правды. Межплеменная и внутренняя вражда, кровная месть были главным препятствием для единения черноморского общества. Достичь его было крайне трудно в стране, где, как справедливо замечал Пучков, люди в результате ссоры по самому ничтожному поводу «друг друга режут или застреливают, а потом убегают в другие провинции». Пучков рапортовал о расхищении русских денег «начальниками черноморскими» и их родственниками, о присвоении узким кругом лиц 1000 золотых жетонов, в то время как «преосвященному Савве одну только грамоту отдали».

Изложив состояние черноморских дел в самых мрачных тонах, С. Ю. Пучков слишком сгустил краски, что частично объясняется и тем, что он за получением информации нередко обращался к митрополиту Савве и другим недоброжелателям Василия Петровича. Ошибочным

было его обвинение в расхищении присылаемых из России денежных сумм, а также о том, что Василий Петрович тратит русские деньги не ради государственных интересов, а «по своим нуждам». В действительности эти средства, как с осуждением сообщал митрополит Савва в письме венецианскому Сенату, тратились на развитие освободительного движения⁹⁶. Часть же русских денег была роздана на состоявшемся вскоре после отъезда Пучкова из Черногории сборе, причем не только черногорцам, но и приморцам⁹⁷. Василий Петрович, в отличие от Саввы, не был замечен в особом корыстолюбии.

Пучков отмечал отсутствие в Черногории какого-либо правопорядка, так как каждый сам себе «высший властитель и судья». Такое суждение российского эмиссара представляется слишком категоричным, поскольку в стране действовали нормы обычного права, а также, хотя и слабо, функционировал такой орган, как «суд добрых людей», состоявший из наиболее влиятельных и уважаемых старейшин⁹⁸. Действовал в Черногории и судебный орган «кметский суд», состоявший из 24 судей и разрешавший различные споры между черногорцами⁹⁹. Василий Петрович был «жестоким и отважным» человеком, ему удавалось «держаться в страхе» беспокойных черногорцев, замечал позже другой российский эмиссар Г. Мерк¹⁰⁰. С. Ю. Пучков черногорские реалии мерил на российский аршин — для него, привыкшего у себя на родине к совершенно иным порядкам, многое, если не все, казалось странным и диким в этой стране.

В Петербурге полученная от С. Ю. Пучкова информация была воспринята с полным доверием. Поэтому черногорцам пришлось забыть о продолжении получения субсидий в размере 15 тыс. рублей, однако выплата субсидии Цетиньскому монастырю по линии Синода не была отменена. В первые годы царствования Екатерины II русское правительство также руководствовалось сведениями, полученными от Пучкова, и считало, что для России нет никакой пользы от черногорцев, «кроме излишних хлопот и холодности с турецким двором и венецианской республикой»¹⁰¹.

Василий Петрович, рассчитывая на то, что новая российская власть, в лице императрицы Екатерины II, будет проводить новую внешнюю политику, где свое место займет и Черногория, в 1765 г. прибыл в Петербург. В число задач его миссии, помимо просьбы о защите от постоянной турецкой агрессии, входило ходатайство о поддержке черногорской церкви. Однако Василию Петровичу не суждено было дожидаться результатов своей миссии: в марте 1766 г. он скончался и был с почестями похоронен в Петербурге в Александро-Невской Лавре.

В русской земле похоронен Василий Петрович, страстно любивший свою вторую родину Россию. Однако с его смертью «русская идея» не умерла в Черногории, где вскоре объявится самозванец Степан Малый,

выдававший себя за избежавшего смерти и укрывшегося в Черногории российского императора Петра III. Но это уже другая страница в истории Черногории и русско-черногорских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вуксан Д. Преписка митрополита Василија, митрополита Саве и црногорских глаvara. 1752–1759 // Споменик Српске Краљевске академије. Београд, 1938. Т. LXXXVIII. С. 72.
- 2 Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем: География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888. Т. I. С. 545.
- 3 Г. Мерк — Коллегии иностранных дел, 6(17) сентября 1768 г. Вена // Российский Государственный Архив Древних Актов (далее — РГАДА). Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 64 об.–65 об.)
- 4 Станојевић Г. Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740–1766). Београд, 1979. С. 79–80.
- 5 Там же. С.74.
- 6 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 118.
- 7 Там же. С.132.
- 8 Станојевић Г. Указ. соч. С. 98.
- 9 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Сочинения. М., 1993. Кн. XII. Т. 23. С. 140–141.
- 10 Савва — А. П. Бестужеву-Рюмину, 27 мая (8 июня) 1752 г. // Архив Внешней Политики Российской Империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Черногорией. 1751–1756 гг. Д. 6. Л. 20.
- 11 Российский Государственный Исторический АРХИВ (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 33. 1752–1762 гг. Д. 197. Л. 28об.–29.
- 12 Политические и культурные отношения... С. 163–164.
- 13 Там же. С.187–190.
- 14 Там же. С.185–186.
- 15 Шубарич А. П. Русско-сербо-черногорские книжные связи в первой половине XVIII в. // Филевские чтения. М., 1994. Вып. VI. С. 117.
- 16 Драговић М. Материјали за историју Црне Горе времена митрополита Данила, Саве и Василија Петровића из московскога и петроградскога архива министарства иностраних дјела // Споменик Српске Краљевске академије. Београд, 1895. Књ. XXV. С. 19–20.
- 17 Хитрова Н. И. Русско-черногорские связи в XVIII в. (церковные и культурные) // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 14. РГИА. Ф. 796. Оп. 33. 1752–1762. Д. 197. Л. 39–39об.
- 18 Политические и культурные отношения... С. 197.
- 20 А. М. Обресков — Коллегии иностранных дел, 12 (23) августа 1755 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1752–1756 гг. Д. 7. Л. 105–106.

- 21 *Соловьев С. М.* История России... М., 1993. Кн. XII. Т. 23. С. 205. Справедливо-сти ради стоит заметить, что годом позже Елизавета Петровна более остро-рожно подходила к вопросу о независимости Черногории от Порты. В рес-крипте императрицы А. М. Обрескову от 9 (20) июня 1755 г. она предписы-вала ему прояснить, у кого черногорцы «прежде сего в подданстве бывали и ныне состоят, поскольку туркам харачу дают или, по их представлению, вольными и совсем свободными находятся»// АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1751–1755 гг. Д. 6. Л. 14 об.–15.
- 22 *Станојевић Г.* Указ. соч. С. 115.
- 23 *Историја Црне Горе.* Титоград, 1975. Књ. 3. Т. I. С. 335.
- 24 Политические и культурные отношения... С. 204–209. Одновременно ми-трополит обратился к венскому двору, прося австрийские власти принять меры для совместного обращения к Порте австрийского и русского послан-ников в Константинополе с целью не допустить нападения турецких войск на Черногорию. Однако Вена не обратила внимания на эту просьбу Василия Петровича// См.: *Станојевић Г.* Указ. соч. С. 128.
- 25 Савва и Василий Петрович — А. М. Обрескову, 9 (20) сентября 1755 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1751–1755 гг. Д. 6. Л. 25.
- 26 *Соловьев С. М.* История России... М., 1993. Кн. XII. Т. 24. С. 357–358; Политиче-ские и культурные отношения... С. 209.
- 27 *Соловьев С. М.* История России... М., 1993. Кн. XII. Т. 24. С. 358–359.
- 28 Там же. С.359.
- 29 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. Оп.86/1. 1756–1757 гг. Д.2. Л.151.
- 30 РГИА. Ф. 796. 1758 г. Оп. 39. Д. 66. «О прибытии в Москву черногорского епи-скопа Владимира». Вследствие различных обстоятельств в Москву епи-скоп Владимир прибыл только в начале 1758 г. Как выяснилось в Синоде, он был белорусом и носил фамилию Буковский. Жизненный путь Владимира Буковского был весьма извилист. Он был монахом на Афонской горе, от-куда в 1746 г. был послан собирать милостыню в Россию. Затем Владимир Буковский побывал в Иерусалиме, Сербии, Венеции, Константинополе, а в 1756 г. оказался в Черногории, где 30 октября был посвящен в сан епископа. В Синоде сочли, что епископ Владимир ведет образ жизни отнюдь не мо-нашеский, а «по большей части в ханжестве и по разным местам в бродне жизнь свою производит». Кроме того, коллегия Синода решила, что по-священие Владимира в сан епископа было произведено с многочисленны-ми нарушениями церковных канонов. В связи с этим его епископский сан Синодом признан не был, а самого Владимира Буковского в начале 1759 г. выслали из России с запретом когда-либо в нее возвращаться. Находивший-ся во время всех этих разбирательств в России Василий Петрович просил снабдить Владимира Буковского «паспортом в Зету», а его посвящение в епископы объяснил тем, что как он сам, так и митрополит Савва опасались, что в ходе надвигавшейся войны с турками они будут либо пленены, либо убиты. В этом случае Владимир Буковский должен был взять «особливые

- вещи» из митрополичьей резиденции и вывезти их в Россию. (Василий Петрович — Святейшему Синоду, 5 (16) октября 1758 г. // РГИА. Ф. 796. 1758 г. Оп. 39. Д. 66. Л. 85–85об.).
- 31 *Станојевић Г.* Митрополит Василије... С. 137.
- 32 *Историја Црне Горе...* С. 345.
- 33 Там же. С. 347.
- 34 В. Петрович — С. Радоничу, январь 1757 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ. Ф. 1179 (А. И. Александрова). Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 1–2.
- 35 М. П. Бестужев-Рюмин — Елизавете Петровне, 28 сентября (9 октября) 1751 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1752–1756 гг. Д. 7. Л. 65–68об.
- 36 *Рудяков П.* Переселение сербов в Россию в 18 веке в контексте украино-сербских исторических связей 18–19 вв. // Сеоба срба у Руско царство половином 18. века. Нови Сад, 2005. С. 367.
- 37 Экстракт из донесений А. А. Вешнякова. 1743 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1746 г. Д. 5. Л. 1об.
- 38 Там же. Л. 15 об.–16.
- 39 Политические и культурные отношения... С. 171–172.
- 40 *Драговић М.* Материјали за историју... С. 13.
- 41 Цит. по: *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. I–II. С. 471.
- 42 *Соловьев С. М.* История России... Кн. XII. Т. 23. С. 205.
- 43 Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича. 1731–1785. М., 1884. С. 263.
- 44 *Витевский В. Н.* Указ. соч. С. 472.
- 45 *Арш Г. Л.* Краткая история Албании с древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 83. Химариоты и в 1760 г. предлагали российскому двору принять их под покровительство России, организовать набор на российскую военную службу одного или двух полков из химариотов. Однако российское руководство, желая сохранять мирные отношения с Портой, тогда уклонилось от этих предложений.
- 46 Цит. по: *Витевский В. Н.* Указ. соч. С. 472.
- 47 Там же. С. 473.
- 48 Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 3 (Оренбургская губернская канцелярия). Оп. 1. Д. 38. 1756 г. Л. 215–215 об.
- 49 Ведомость о черногорцах в которых годах и коликое число оных из заграницы в Россию выведено // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1715–1778 гг. Д. 4. Л. 11–12; *Хитрова Н. И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 66.
- 50 Известие о походе... С. 248–249.
- 51 И. С. Болевич происходил из зажиточной семьи племени Братоножичей (Брда). Обучался в Австрии и Саксонии философии, математике, юриспруденции, затем служил в карловацком магистрате. В России поступил на во-

- енную службу, получил чин капитана, а затем секунд-майора. Умер в 1779 г.
- 52 *Хитрова Н. И.* Черногорцы в России... С. 62.
- 53 См. об этом: *Дашић М.* Сеобе црногораца у Русију средином 18.вијека // Сеоба срба... С. 89–90. Заметим, что двумя годами позже, находясь уже в Москве, куда попала проездом в Новую Сербию часть переселенцев из Самары, некоторые из них заявили, что «они не черногорцы, а австрийские подданные» // РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 127. 1758 г. Л. 460–461.
- 54 Указ Сената И. И. Неплюеву. Получено 7 октября 1756 г. // ГАОО. Ф. 3 (Оренбургская губернская канцелярия). Оп. 1. Д. 38. 1756 г. Л. 215 об. В. Н. Витевский приводит иные, несколько отличные, данные о численности прибывшей 4 августа 1756 г. в Киев партии переселенцев во главе с Я. Эздемировичем. Он пишет, что *общая* численность переселенцев, включая женщин и детей, составляла 67 человек (47 рядовых гусаров, 5 капралов, ротный писарь, фельдшер и 12 женщин и детей, в числе последних трое были из фамилии Эздемировичей (*Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край... С. 475). Заметим, что В. Н. Витевский потерял одного человека при подсчете. Вместе с тем его цифра ближе к официальным данным о численности переселенцев, которые пересекали границу Австрии и Польши. Полагаем все же, что ошибся не Сенат, а исследователь. Следует также сказать, что воинские чины с ведома, а может и без ведома Василия Петровича присваивались произвольно самим Я. Эздемировичем или С. Петровичем.
- 55 *Хитрова Н. И.* Черногорцы в России... С. 65.
- 56 Реляция Г. К. Кейзерлинга, 14 (25) сентября 1756 г., Вена // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1752–1756 гг. Д. 7. Л. 94 об.
- 57 Указ Сената И. И. Неплюеву. Получено 7 окт. 1756 г. // ГАОО. Ф. 3 (Оренбургская губернская канцелярия). Оп. 1. Д. 38. 1756 г. Л. 215 об–216.
- 58 *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 134 и др.
- 59 Цит. по: *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край... С. 478.
- 60 ОР РНБ. Ф. 1179 (А. И. Александрова). Оп. 1. Ед. хр. 223. 1756 г. Л. 1–2.
- 61 Известие о походе... С. 261.
- 62 Там же.
- 63 География Албании трактовалась в те времена весьма широко. Кроме собственно Албании наименование Албания употреблялось и относительно других мест. Входящее в Далмацию венецианское Приморье официально называлось Венецианской Албанией. Уже упоминавшийся И. С. Болевич, составивший в 1757 г. в России «Описание Черногории», писал о себе как об албано-черногорце из Братоножича, а это территория примыкавшей к Черногории горной области Брды. Подгорицу, город, расположенный на отторгнутой от Черногории турками в ходе завоевания Балкан земле, относил к Албании С. Пишчевич и т. д. и т. п.
- 64 *Рајчевић С.* Документи магистрата града Новог Сада о сеоби Срба у Русију у другој половини 18.века // Сеоба срба... С. 440.

- 65 АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1715–1778 гг. Д. 4. Л. 27–28.
- 66 207 из них в конечном итоге были направлены в Москву в контору Военной коллегии для дальнейшего определения на военную службу, 688 человек отбыло на поселение в Новую Сербию, а 17 — в Славяно-Сербию, 36 переселенцев умерло.
- 67 Известие о походе... С. 281–282.
- 68 См. об этом: *Распоповић Р.* Владика Василије Петровић и пресељавање црногораца у Русију у другој половини 18. вијека // *Сеоба срба*... С. 126.
- 69 *Станојевић Г.* Указ. соч. С. 149.
- 70 Известие о походе... С. 204. По официальным данным, эта партия насчитывала 152 человека, включая 10 детей. Черногорцы были направлены в Москву в контору Военной коллегии. Дети были определены на учебу в Московский университет, но там они не задержались из-за слабой подготовки. В 1758 г. список черногорских «дворянских детей», переведенных в кадетский корпус, насчитывал 13 человек. Его они также не смогли закончить и вернулись на родину, но один из них, Фома Марошевич, все же осел в России и сыграл заметную роль в истории русско-черногорских взаимоотношений конца XVIII — начала XIX в.
- 71 *Соловьев С. М.* История России... Кн. XII. Т. 24. С. 465.
- 72 *Вуксан Д.* Преписка митрополита... С. 74.
- 73 *Соловьев С. М.* История России... Кн. XII. Т. 24. С. 515.
- 74 *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 309.
- 75 *Смирнов Ю. Н.* Превращение Заволжья во внутреннюю губернию Российской империи и изменения в этническом составе населения (XVIII — первая половина XIX в. // *Славянский альманах* 2004. М., 2005. С. 29.
- 76 АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1715–1778 гг. Д. 4. Л. 11–11 об.
- 77 Политические и культурные отношения... С. 229.
- 78 ГАОО. Ф. 3 (Оренбургская губернская канцелярия). Оп. 1. Д. 46. 1758 г. Л. 255.
- 79 *Соловьев С. М.* История России... Кн. XII. Т. 24. С. 515.
- 80 *Вуксан Д.* Преписка митрополита... С. 71.
- 81 Там же. С. 73–74.
- 82 Известие о походе... С. 350–351; *Соловьев С. М.* История России... Кн. XII. Т. 24. С. 515.
- 83 Василий Петрович — Елизавете Петровне, 1 (12) октября 1758 г. // РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 127. 1758 г. Л. 465.
- 84 *Хитрова Н. И.* Черногорцы в России... С. 66–67.
- 85 *Дашић М.* Сеобе црногораца... С. 98.
- 86 Политические и культурные отношения... С. 276.
- 87 Там же... С. 225.
- 88 Василий Петрович — Святейшему Синоду, 13 (24) февраля 1758 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 33. 1752–1762 гг. Д. 197. Л. 126 об.
- 89 *Соловьев С. М.* История России... М., 1993. Кн. XII. Т. 24. С. 464.
- 90 Политические и культурные отношения... С. 221.

- 91 РГИА. Ф. 796. Оп. 33. 1752–1762 гг. Д. 197. Л. 159.
- 92 Политические и культурные отношения... С. 221.
- 93 РГИА. Ф. 796. Оп. 33. 1752–1762 гг. Д. 197. Л. 146–146 об.
- 94 Там же.
- 95 Краткая выписка о черногорском народе, б/г. // РГВИА. Ф. 52 (Потемкина-Таврического). Оп. 1/94. Ч. I. Д. 248. Ч. 6. Л. 181.
- 96 Бажова А. П. Указ. соч. С. 83.
- 97 Станојевић Г. Указ. соч. С. 165.
- 98 Црногорске исправе XVI–XIX вијека / Уредили Никчевић Т. и Павићевић Б. Цетиње, 1964. Док. 67, 74.
- 99 Там же. Док. 72, 75. Следуя по пути митрополита Данилы, Василий Петрович еще в 1751 г. учредил верховный судебный орган из 12 влиятельных старейшин (сердары, воеводы, кнезы), но он через короткое время прекратил свое существование. См.: Ражнатовић Н. Црногорско-приморска митрополија и настанак државе Црне Горе // Историјски записи. Подгорица, 2000. Бр. 1–2. С. 63.
- 100 Г. Мерк — Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г., Вена // РГАДА. Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 67об.
- 101 Краткая выписка о черногорском народе, б/г. // РГВИА. Ф. 52 (Потемкина-Таврического). Оп. 1/194. Ч. I. Д. 248. Ч. 6. Л. 184; Бажова А. П. Указ. соч. С. 84.

ЧЕРНОГОРЦЫ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. *

В данной работе поставлена задача рассмотреть переселенческое движение в Россию из Черногории во второй половине XVIII в. и ввести в научный оборот новые архивные материалы о переселении черногорцев в Россию и их участии в общественно-политической жизни страны. Особое внимание уделяется тем из них, чья деятельность оставила заметный след в истории Российского государства.

В середине XVIII в. положение Черногории продолжало оставаться тяжелым. Расположенная на небольшой горной территории, зажатой как в тисках между владениями Турции и Венеции, она не могла обеспечить пропитанием значительную часть своего населения. Перспектива голода вынуждала многих черногорцев покидать родные места, хотя уход работоспособного мужского населения отрицательно сказывался на обороноспособности страны. Черногории приходилось постоянно быть наготове, чтобы отражать нападения Османской империи.

Переселение в далекую, но родственную Россию не казалось черногорцам противоестественным. Сказывалась не только этническая близость с русским народом, сходство языка и единая религия, но и общие политические цели — необходимость вести борьбу против Османской империи. Кроме того, черногорцев, так же как и остальных югославян, привлекала возможность принять непосредственное участие в войнах, которые на протяжении XVIII в. не раз вела Россия против султанской Турции. Они надеялись, что их участие в антитурецкой борьбе будет способствовать ликвидации на Балканах гнета Порты, продолжавшей считать Черногорию частью своей территории. Так, в 1756 г. Порты направила против черногорцев карательный поход, чтобы заставить их платить дань. Османскую армию возглавил боснийский визирь Хаджи-Мехмед-паша.

В середине XVIII в. для России не утратила своего значения внешне-политическая задача — возвращение исконно русских земель и борьба за выход к Черному морю. К этому времени Русское государство добилось значительных успехов в борьбе против Крыма и Турции и в результате Азовских походов 1695–1696 гг. Победа русского оружия под Азовом способствовала укреплению международного престижа России, увеличивается ее значение в качестве участницы антитурецкой лиги.

Во второй половине XVIII в. резко возрастает активность России и усиливается ее влияние на международные дела. Вместе с тем все ярче

* Статья впервые была опубликована в кн.: Југословенске земље и Русија у XVIII веку (Научни скупови Српске академије наука и уметности. Књ. XXXII. Одељење историјских наука. Књ. 8). Београд, 1986. С. 55–73.

проявляется стремление правящих кругов страны путем победоносных войн ослабить начинавшееся разложение крепостнической системы и использовать приобретение новых земель для смягчения внутренних противоречий, приглушить борьбу крепостного крестьянства против своих угнетателей¹.

Привлекая югославянских выходцев на русскую службу и принимая их в русское подданство, правительство предоставляло им земельные участки, даровало различные льготы и привилегии. Переселенческая политика правительства была связана с планом освоения и заселения пустующих плодородных земель южных краев России путем создания военно-хозяйственных поселений. В течение трех лет, с 1751 по 1753 г., на южнорусской земле совершились заметные перемены. Там возникли целые области — Новая Сербия и Славяно-Сербия. Партии сербских переселенцев возглавляли Йован Хорват, Йован Шевич и Райко Прерадович, получившие привилегии и генерал-майорские чины². После этого в степи, где до этого только казаки несли охрану границ Российской империи, поселились югославы, привлеченные к борьбе с татарами и турками. «Эта Новая Сербия и Славяно-Сербия, предтечи Новороссии, — как отмечал русский славист В. И. Григорович, — сделались рассадниками деятелей, ознаменовавших себя на гражданском и военном поприщах. История, конечно, не забыла их»³.

Значительным толчком к массовому переселению черногорцев явилась поездка черногорского митрополита Василия Петровича в Россию, отправившегося туда в 1752 г., чтобы добиться политической поддержки и материальной помощи⁴. Среди нескольких проектов, представленных им правительству Елизаветы Петровны, было, в частности, предложение об организации переселения в Россию черногорцев. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют более детально остановиться на данном вопросе, чем это сделано до сих пор в литературе⁵.

В середине XVIII в. в связи с провозглашением Елизаветой Петровной возврата к петровским порядкам в России стало уделяться большое внимание армии⁶. Для усиления боевой мощи было решено привлечь на военную службу югославянских выходцев, среди которых в особенности черногорцы отличались мужеством и доблестью. Поэтому, когда в мае 1753 г., будучи в Москве, митрополит Василий предложил по возвращении в Черногорию направить в Россию те семьи, которые заявят по этому поводу о своем желании, правительство Елизаветы Петровны отнеслось положительно к этому предложению⁷.

Василий Петрович поставил перед русским двором также вопрос о международном положении Черногории и ее отношениях с Османской империей. Ему удалось убедить правительство Елизаветы Петровны в том, что черногорцы — свободный народ, не платят дани Порте и

постоянно с оружием и руках отстаивают свою независимость. Это был большой успех миссии черногорского митрополита⁸.

В России митрополит Василий заранее условился, что он будет выдавать свидетельства тем черногорцам, которые пожелают поступить на военную службу. В его обращении в Сенат в качестве мотивировки выдвигалось то обстоятельство, что многие переселенцы незаконно присваивали дворянские титулы и выдавали себя за черногорцев, что могло нанести ущерб «славе и чести черногорского народа»⁹. Сенат согласился с доводами митрополита. Но вместе с тем, не желая усложнять процедуру приема, в Петербурге решили, что для тех лиц, которые уже служили в какой-либо державе, достаточно предъявления об этом соответствующих документов — «апшита»^{*} или «патента», «по чему здесь оной в службу без всякого сумнительства и принят быть может». Свидетельства же следовало выдавать тем, кто нигде не служил¹⁰.

Первоначально Василий возлагал большие надежды в организации переселения из Черногории на Степана Петровича, служившего в русской армии¹¹ и ранее выполнявшего подобные поручения.

В 1753 г. капитан Петрович был произведен в секунд-майоры и направлен в команду генерал-майора Шевича. Затем он был переведен по просьбе митрополита Василия в Киев с повышением в чине премьер-майора и зачислен в армейский полк¹².

Перед отъездом на родину Василий сообщил из Киева в Государственную коллегию иностранных дел, что он постарается также убедить находящихся на венецианской службе черногорцев, чтобы они перешли на русскую службу. Поэтому митрополит просил, чтобы российский посол в Вене Г. К. Кейзерлинг оказал содействие в их отправлении в Россию¹³.

Для успешной организации переселения правительство Елизаветы, учитывая пожелание, высказанное митрополитом Василием, решило направить в Черногорию Степана Петровича вместе с несколькими унтер-офицерами. Черногорским переселенцам предстоял долгий и нелегкий путь в Россию через владения Венецианской республики и Габсбургской империи. В январе 1754 г. из Петербурга вновь был направлен рескрипт Г. К. Кейзерлингу, в котором содержалось распоряжение, чтобы он получил разрешение венского двора относительно «свободного пропуска» черногорцев через австрийскую территорию. В рескрипте по этому поводу указывалось, что посол должен «успешные представления чинить», чтобы «черногорцам и прочим из тамошних мест народам, кои совсем вольны **», выход в нашу империю чинить»¹⁴.

12 (23) марта посол сообщил в Петербург о вручении им канцлеру Кауницу ноты относительно проезда черногорских переселенцев с прось-

* апшит — отпускное свидетельство.

** В подлиннике — волны.

бой об оказании им в пути «дружественного вспоможения». При этом подчеркивалось, что такой проезд основывается на нормах международного права, поэтому российское правительство «уже наперед надеется, что в позволении к таковому проезду тем менее остановки не воспоследует»¹⁵.

Оказывая решительное противодействие выезду из своих владений славянского населения, Австрия не стала препятствовать проезду черногорцев. В ответ на обращение Кейзерлинга правительство Марии-Терезии заявило, что поскольку упоминаемые народы «в вольности находятся», то они не только будут беспрепятственно пропускаться, но и на «возможное вспоможение несомненно надеяться могут»¹⁶. Но вместе с тем было поставлено условие, чтобы черногорцы не приглашали с собой сербов — австрийских подданных¹⁷.

В ходе дипломатической переписки в связи с переселением черногорцев был затронут вопрос о политическом статусе Черногории. При этом сразу выявилось диаметрально противоположное отношение к этому существенному вопросу официальных кругов Вены и Петербурга. Габсбургская монархия, поставив своей целью расширение территории в направлении бассейна Дуная и Адриатического побережья, не желала считаться со стремлением Черногории добиться признания своей независимости. На протяжении длительного времени австрийское правительство продолжало рассматривать Черногорию в качестве подвластной Турции территории. В дальнейшем оно закрепило это в мирном договоре, заключенном им с Портой в Свиштове в 1791 г., согласно которому черногорцы были включены в международный трактат в числе подданных султана.

В ответной ноте, врученной 18 апреля 1754 г. Кейзерлингу, указывалось, что черногорцы с давнего времени признают верховное турецкое владычество, платят подати и, следовательно, потеряли «преимущество совершенно вольных людей». Кейзерлинг, выражая сомнение в справедливости этого утверждения, со своей стороны принял меры, чтобы выяснить, как обстояло дело в действительности. Затем он направил в Петербург следующее разъяснение: черногорцы не в вольности, но в подданстве у Турции находятся, так как платят дань, состоящую «в одном мешке золота и в одной сабле» (обязательстве воевать в составе турецкой армии. — *Н. Х.*)¹⁸.

Кроме того, Австрия напомнила России о союзнических обязательствах по отношению к Турции, указывая, что в интересах обоих государств свято соблюдать мир, заключенный в 1739 г. с Портой, и никакого повода не подавать к его нарушению. Указывая на это, австрийский канцлер просил довести до сведения российского двора, что Турция требует «доброе соседства»¹⁹.

Как нам известно, поездка митрополита Василия в Россию, его общение там с русскими государственными деятелями, издание книги

«История о Черной Горы» (1754 г.), в которой подчеркивалось ее независимое положение, — все это способствовало созданию у правительства и среди русского общества представления о черногорцах как о неподвластном Турции народе. Правительство Елизаветы решило не отступать от принятого решения и продолжало настаивать на свободном пропуске черногорцев как народа, ни от кого не зависимого. Кейзерлингу было направлено распоряжение, чтобы он «вновь представление учинил» венскому двору.

Таким образом, Россией была занята твердая позиция: она рассматривала черногорцев как неподвластный Турции свободный народ. По этому поводу в промемории, направленной 8 августа 1754 г. из Государственной коллегии иностранных дел в Военную коллегию, указывалось: «Хотя и неоспоримо, что в окружении черногорцов находятся многие другие народы к подданству турецкому принадлежащие, токмо черногорцы, о которых требуется, чтоб проезд им в Россию не препятствован был, в самом деле вольны, и туркам податей не платят, но напротив того они в защищении себя всегда и непрестанное дело с турками имеют, о чем недавно бывший здесь из того народа архиерей (Василий. — Н. Х.) за подлинно уверя; и что потому венский двор никакого сомнения иметь не может, в рассуждении Отоманской Порты, когда помянутые черногорцы, как вольные люди, чрез его области в Россию приезжать станут»²⁰.

Не менее категоричный ответ был дан венскому двору на его доводы, что черногорцы подвластны Порте. В рескрипте Кейзерлингу указывалось: «...черногорцы, о которых теперь слово есть (а именно, чтоб оным по прошению их свободной проезд в Россию дозволен был), по надежным известиям действительно вольные люди, которые верховное начальство Порты не признают, а еще того меньше дань ей платят, но паче принуждены содержать себя в непрестанном от турков защищении; и для того всегдашнее с ними дело имеют; и хотя бы сей народ Порте вышеупомянутым образом трактатами и уступлен был, то однако же несумненно есть, что понеже сии черногорцы по природе своей всегда вольные люди и не зависящие ни от кого люди были, то и о подданстве их без собственного их на то согласия между двумя державами в договорах ничего постановлено быть не могло, следовательно, остается все то, что тогда между Портой и венецианцами без ведома сего народа и к его предосуждению постановлено, по праву и справедливости, без всякой силы и действия»²¹.

В заключение правительство Елизаветы заявляло, что Россия желает «вечного мира» с Турцией и старается о соблюдении «доброго согласия». Вместе с тем, ссылаясь на союзнические отношения с Австрией, оно указывало, что «ничего более не требует, как чтобы черногорцы, которые вольные люди и в Российской империи поселиться хотят, с потребным

им всякого вспоможения и беспрепятственно пропущены были, ибо они сами должны позаботиться о проезде чрез турецкие области»²².

Насколько правительство Елизаветы было заинтересовано в привлечении на военную службу черногорцев, свидетельствуют меры, принимавшиеся в дальнейшем по организации переселения из Черногории. Все связанные с этим делом вопросы решались безотлагательно. Правительство поставило в известность своих дипломатических представителей в Вене и Константинополе, вменив им в обязанность оказывать всяческое содействие черногорцам, желающим переселиться в Россию. Помимо обращения к венскому двору Кейзерлинг должен был также вступить в переговоры с венецианским послом в Вене о свободном проходе черногорцев через территорию Венецианской республики, чтобы им «обид чинено не было и оказывалось всевозможное снисхождение». Ему лично предписывалось выдавать паспорта всем черногорцам, которые будут направляться в Россию, и давать им полезные советы²³.

Расходы по приему черногорских выходцев и их устройству на новом месте были возложены на киевскую губернскую канцелярию. В Киеве по распоряжению вице-губернатора И. И. Костюрина производилось распределение по квартирам, выдача денег на пропитание и фураж для скота. Условия были такие же, как для сербских переселенцев, возглавляемых генерал-майором Хорватом, которых поселили в Новой Сербии²⁴.

В апреле 1755 г. первая партия черногорцев численностью около 100 человек в сопровождении капитана Феофила Ивановича отправилась из Черногории в Россию через Венгрию. О том, что они через 8–14 дней будут в Земуне, в русском посольстве в Вене узнали от поручика русской службы Николая Петровича, прибывшего из Черногории. Его послал митрополит Василий с письмами к русскому правительству²⁵.

На запрос русского посольства в Вене канцлер Кауниц дал согласие на пропуск черногорских переселенцев через границу. Вскоре венскими властями были направлены указы пограничному командованию в Венгрии, чтобы они беспрепятственно пропустили прибывших из Черногории людей. Но канцлер потребовал неукоснительного соблюдения условия, распространявшегося на всех прибывших с турецкой стороны, а именно: выдержать срок пребывания в карантине²⁶.

Несмотря на меры, принятые русским посольством, так и не удалось обеспечить направление в Россию первой партии переселенцев. Капитан Ф. Иванович, сопровождавший эту партию, хотя и был уроженцем Черногории, проживал вместе с семьей в Земуне, где он имел свой дом и промысел. Поэтому не было никакой гарантии, что он не будет задержан австрийскими властями, препятствовавшими выезду своих подданных. Когда Ф. Иванович узнал, что земунский комендант отдал распоряжение о его аресте, то он вместе с Н. Петровичем нелегально

отправился в Киев²⁷. Перед своим отъездом он переправил в Земун 30 человек, остальным предоставил самим решить, идти ли им в Россию или вернуться домой. Кейзерлинг, заранее предусмотрев случившееся, послал в Земун для встречи и переправки их через границу рекетмейстера* Михайловича, прибывшего в Вену по делам генерал-майора Хорвата. Хотя последний оставался несколько месяцев в Земуне, ему так и не удалось никого встретить²⁸.

В Киеве поручик Н. Петрович передал в губернскую канцелярию письмо митрополита Василия, сообщавшего о готовности к выходу в Россию одной тысячи черногорцев, ожидавших прибытия за ними Степана Петровича²⁹. 22 сентября 1755 г. в Сенате было принято решение направить Степана Петровича с двумя унтер-офицерами, которым поручалось «не токмо на венгерских границах сыскивать и отправлять прямо в Киев помянутых сто человек», но также ожидать прибытия из Черногории тысячи черногорцев, которые «в Черной Горе во всякой готовности находятся»³⁰.

В феврале 1756 г. на границу прибыла вторая партия черногорцев в составе около восьмидесяти человек, которую возглавлял поручик русской службы Яков Эдмимирович³¹. Они шли через Боснию и вышли к Митровице. 12 февраля 1756 г. было получено в Вене разрешение на пропуск черногорцев. Яков Эдмимирович вместе со своими братьями — капралами Дмитрием и Цвено прошел митровицкий карантин и, получив от Степана Петровича паспорт, отправился 3 марта 1756 г. дальше в Петроварадин. Однако они были арестованы, и затем австрийский генерал Гелфрейх учинил Эдмимировичу и его спутникам допрос в присутствии нескольких турок, задав вопрос: «подлинно ли он черногорец?». Несмотря на утвердительный ответ, австрийский генерал направил их в Эссен к командующему войсками генералу Мерси, и их «яко злодеев» в сопровождении офицера и нескольких солдат провели через город при стечении большого количества народа и доставили в Эссен, где им был вторично учинен допрос. Черногорцы были освобождены из-под ареста благодаря ходатайству Г. К. Кейзерлинга³². Однако в Митровице черногорцев задержал еще на две недели полковник Янош³³. Но это были самовольные действия пограничной администрации. Австрийское правительство, учитывая союзнические отношения с Россией, сдержало данное ей слово³⁴.

Для успешной организации переселенческого движения Сенат выделил первоначально 6 тыс. червонцев на путевые расходы. Кроме того, 11 апреля 1756 г. в распоряжение С. Петровича были направлены из команды генерал-майора Шевича капитан Симеон Пишчевич,

* Так в источнике. Очевидно, имеется в виду чин ротмистра, так как рекетмейстер был чиновником по принятию и рассмотрению жалоб.

адъютант Иван Марков и унтер-офицеры: Алексей Крестич, Никита Собецкий, Георгий Марков и Николай Черногорац³⁵. Затем в июне 1757 г. было принято решение отправить в Триест С. Пучкова для успешной организации переселения черногорцев и других югославян. Местом их поселения была определена территория между Оренбургом и Ставрополем. В инструкции указывалось, что черногорский народ «вольной и никакой державе не подвластен», а собственными своими духовными властями и воеводами управляется³⁶. По приезде в Вену Пучков должен был выяснить, когда отправится из Черногории тысяча переселенцев и какой дорогой они пойдут. Ему поручалось координировать свои действия с С. Петровичем. Они должны были решить на месте, как лучше организовать дело, действуя вместе или порознь, чтобы переселенцам не приходилось добиваться, чтобы их приняли и проводили в Россию³⁷.

В связи с организацией массового переселения из Черногории митрополитом Василием Петровичем был поднят вопрос об учреждении в России особого Черногорского гусарского полка. На должность командира полка он предполагал назначить Ивана Подгорицани (Подгорицу), рекетмейстера Славонского гусарского полка в Австрии, пользовавшегося репутацией храброго воина³⁸. По мнению Василия Петровича, никто не мог быть достойным звания премьер-майора Черниговского полка, кроме И. Подгорицы, имевшего большой опыт в военном деле и гусарской службе³⁹. Однако вопрос о переходе И. Подгорицы на русскую службу затянулся на два года, поскольку венский двор не был склонен отпускать находившихся в австрийской армии опытных офицеров.

10 декабря 1757 г. в Петербург прибыл Василий Петрович в сопровождении губернатора Станислава Радоница и влиятельных старейшин — сердара Вукало Вукотича, воеводы Моисея Пламенаца, Петра Джурешковича и Николая Кнежевича⁴⁰. Подобный солидно представленный состав делегации свидетельствовал о политическом значении миссии. 4 февраля 1758 г. митрополит Василий подал Елизавете Петровне от имени всего черногорского народа прошение о принятии в подданство и оказании покровительства Черногории⁴¹. Но наряду с этим решительным шагом им были начаты переговоры относительно других более конкретных предложений, осуществление которых всецело зависело от русского правительства, — это зачисление в кадетский корпус прибывших с делегацией детей из знатных черногорских семейств⁴² и окончательное решение вопроса об учреждении в России Черногорского гусарского полка.

15 июля 1758 г. в Коллегии иностранных дел была составлена записка для вручения митрополиту Василию Петровичу, в которой был дан ответ на его обращения. Относительно черногорского прошения о приеме в русское подданство указывалось: «Теперь всякая формалита могла

бы быть опасною, и для всякого черногорского народа весьма бедственною по великой близости окружающих их неприятелей, и по толиком Российской империи отдалением, то сие дело оставляется до будущих лучших времен»⁴³.

Просьба об обучении черногорцев не вызвала никакого затруднения. Прибывшие в Киев малолетние «шляхетские» дети были первоначально определены в Киевскую духовную академию. Среди них были два племянника митрополита Саввы Петровича и племянник Василия Петровича, которого он пожелал взять с собой в Петербург. Затем все дети были переведены в Петербургский кадетский корпус⁴⁴.

Русское правительство также выразило готовность пойти навстречу пожеланию, высказанному черногорской стороной относительно учреждения Черногорского гусарского полка. В дальнейшем, во время ходатайства перед венским двором об увольнении с австрийской службы И. Подгорицы, в качестве обоснования проекта выдвигалось следующее обстоятельство: 14 апреля 1758 г. в рескрипте Кейзерлингу предлагалось довести до сведения венского двора, что в России набирается гусарский полк из одних только черногорцев, поэтому испытывается необходимость «иметь добрых к тому офицеров, которые при том и черногорцы были»⁴⁵.

Меры, принятые правительством Елизаветы по организации массового переселения из Черногории, возымели свое действие. 3 сентября 1756 г. в Киев прибыла партия с вахмистром Яковом Фишером. При распределении на местожительство двадцать человек выразили желание поступить на военную службу. Их включили в команду капитана Феофила Ивановича, расквартированную в украинском местечке Остер. В декабре 1756 г. эта команда была переведена в Оренбург⁴⁶.

После того как Венеция дала согласие на пропуск черногорцев через пределы республики — Триест и Фиуме, туда выехал Пучков вместе с Петровичем и его командой. Вскоре Пучков сообщил в Петербург, что он отправил из Триеста четыре партии черногорцев (по 25 человек), выдав им паспорта (на каждую партию по паспорту), полученные от триестского губернатора. В это время С. Петрович переправлял из Фиуме всех черногорских переселенцев, которые прибывали в этот город⁴⁷. Одна из партий, которую вел С. Пищевич, прибыла в Киев 19 мая 1757 г. в составе 30 человек. Из них 21 человек были определены в черногорскую команду. 6 октября Яков Фишер привел вторую партию из 79 человек⁴⁸. 10 декабря 1757 г. в Киев прибыл из Фиуме С. Петрович с большой группой черногорских воинов, изъявивших желание служить в России — 6 капитанов, 5 поручиков, 7 прапорщиков, 12 капралов, 109 рядовых и с ними один священник⁴⁹.

Согласно ведомости, составленной в Коллегии иностранных дел в 1756 г., в Россию прибыло 99 человек (из них — 13 женщин), в 1757 г. —

161 человек (56 женщин и детей). Все они были отправлены на поселение в Оренбург. Кроме того, в 1757 г. прибыла еще партия в 162 человека (с ними 10 детей). Черногорцы были направлены в Москву в контору Военной коллегии для формирования особого черногорского эскадрона при армии. Детей приняли в Московский университет⁵⁰.

Летом 1757 г. в Петербурге было получено известие, что в Австрии к местечку Рачи прибыло 200 черногорцев. Для их вывода за пределы империи был вызван из Оренбурга поручик Я. Эдзимирович, семья которого находилась под арестом на австрийской границе. Он должен был договориться с австрийскими властями об освобождении своей семьи и беспрепятственном пропуске всех черногорских переселенцев и привести их в Россию. Вместе с ним выехал вахмистр Мызников. По приезде на место Эдзимирович не обнаружил черногорцев. Поэтому он набрал желающих переселиться среди югославянского населения Герцеговины, Боснии и Албании и привел к австрийской границе внушительную партию в 1600 человек, из которых до России добралось только 824 человека. Поскольку только переселенцам из Черногории венский двор разрешил свободный проход, то им было сказано, чтобы они выдавали себя за черногорцев⁵¹.

В приведенной нами ведомости коллегии содержатся данные, что в 1758 г. в Россию было выведено 942 человека (из них 510 женщин и детей). 207 человек поступили на военную службу, остальные были направлены на поселение: 688 — в Новую Сербию и 17 — в Славяно-Сербию. Всего же за период с 1756 по 1759 г. в Россию переселилось из Черногории 1499 человек⁵². Однако точную цифру назвать трудно, так как под видом черногорцев прибывали также переселенцы из других югославянских земель (как это было с партией Эдзимировича), поскольку австрийские и венецианские власти оказывали противодействие выселению в Россию своих подданных и только для черногорцев было сделано исключение. В октябре 1758 г. в Россию были выведены для поступления на военную службу вахмистром черногорской команды Игнатием Концаревичем и капралом Иваном Станчевичем под видом черногорцев 34 далматинца⁵³.

В условиях, когда Россия была поглощена борьбой с Пруссией, чтобы не вызывать осложнения русско-турецких отношений, 6 ноября 1758 г. было принято решение прекратить вывоз в Россию подданных Османской империи. О черногорцах же, которые не были подвластны Порте, указывалось, что они могут сами, по своему желанию, переселиться в Россию. 6 марта 1759 г. в Триест было направлено распоряжение Пучкову, чтобы он вместе с прикомандированными к нему офицерами возвращался в Россию. Последняя партия черногорских переселенцев в составе 135 человек во главе с И. Марковым прибыла осенью 1759 г.⁵⁴. За привод в Россию черногорцев и сербов поручику Я. Эдзимировичу

был присвоен чин секунд-майора. В указе говорилось, что «за похвально отправленную им службу» помимо повышения чином наградить его до 300 червонцев, как это было произведено относительно С. Петровича и С. Пищевича⁵⁵. Впоследствии, принимая во внимание, что Эздимировичем было выведено 1236 «славяносербского» народа, он был произведен в подполковники и получил двойной надел земли в Новой Сербии⁵⁶.

После прекращения организационных мер по устройству переселенческого движения в Россию из Черногории не производилось массового переселения народа вплоть до конца XVIII в. Только в 1804 г. в Россию прибыли семьи герцеговинских повстанцев, принявшие участие по призыву русского правительства в русско-турецкой войне 1787–1791 гг.⁵⁷. Непреодолимые препятствия для этого создавали дальнейшее расстояние и отсутствие денежных средств. По подсчетам С. Петровича, на путевые расходы каждому переселенцу требовалось не менее 6 червонцев. За период 1756–1759 гг. на вывод и отправдение в Россию 1499 человек русским правительством было израсходовано 42 168 рублей 3/4 копейки⁵⁸.

На протяжении 50-х и начала 60-х гг. русское правительство готовилось к войне с Пруссией, продолжавшей свою захватническую политику на востоке Европы. Отсюда возникла потребность в укреплении боеспособности русской армии и увеличении ее численности. Надежды в этом плане возлагались и на черногорцев. Но в конце 50-х гг. XVIII в. выяснилось, что, несмотря на значительный размах, который приняло переселенческое движение из Черногории, для создания особого Черногорского полка не было еще достаточного количества воинского состава. В ответ на неоднократные обращения по этому поводу черногорцев⁵⁹, 18 мая 1758 г. был издан указ о формировании черногорских эскадронов, о чем был поставлен в известность митрополит Василий. Вместе с тем ему объявили, что когда наберется необходимое количество для формирования целого полка, то таковой, конечно, будет создан и назван Черногорским с полным правом свободного получения «ашпитов» (отпускных свидетельств) и возвращения в отечество, как и для всех иностранцев, находящихся на русской службе⁶⁰.

Первоначально подготовительные меры проводились в Москве, где было предложено всем черногорцам, желающим поступить на военную службу, записываться в черногорские эскадроны. В Москву также были направлены черногорские переселенцы из Киева и Оренбурга. Военная коллегия приняла соответствующие меры по снабжению обмундированием, оружием и лошадьми (из расчета затраты 5 тыс. руб. на 150 человек). Затем формирование черногорских эскадронов стало производиться в Пскове и Великих Луках. После обучения эти эскадроны влились в военные части русской армии, сражавшейся в восточной Пруссии, кото-

рой командовал тогда главнокомандующий В. В. Фермор⁶¹. К концу января 1758 г. вся восточная Пруссия находилась в руках русских войск.

Многие черногорцы выражали желание вступить в ряды действующей армии. Вместе с другими югославянами они сражались в составе Сербского, Молдавского и Венгерского полков, которые находились под командованием П. А. Румянцева. Русское командование неоднократно отмечало доблесть и отвагу солдат и офицеров этих полков⁶².

В 1759 г., идя навстречу пожеланию, высказанному русским правительством, венский двор согласился отпустить со службы И. Подгорицу (Подгоричани)⁶³. В это время русская армия вела успешные наступательные действия в Померании. Обращаясь по поводу Подгорицы к Австрии, принимавшей участие совместно с Россией в Семилетней войне, русский двор выразил надежду, что австрийское правительство согласится удовлетворить эту просьбу, тем более, что Подгорица, находясь на русской службе, «равномерно к пользе общего дела употреблен быть имеет»⁶⁴. Перед отъездом из Вены Подгорице была устроена дважды аудиенция у Марии-Терезии, во время которой императрица выразила пожелание, чтобы он остался на службе, обещая повышение в звание полковника⁶⁵. Австрийский генералитет дал ему лестный отзыв, отметив, что он храбрый, искусный и доброго поведения воин⁶⁶.

11 июля 1759 г. И. Подгорица прибыл в Россию вместе со своими племянниками — Иваном Войновичем, Марко Тиалиновичем и Арсением Вилковичем. Учитывая его заслуги и воинское мастерство, он был произведен в полковники. Русское командование отдало распоряжение направить его в русскую армию, находящуюся за границей, для определения в один из гусарских полков⁶⁷.

В полной мере воинское мастерство генерал-майора И. М. Подгоричани было проявлено во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Под его командованием в полковых частях служило много черногорцев. В июне 1769 г. И. Подгоричани представил «нотацию» — план широкого участия воинских подразделений русской армии в борьбе против Турции, из которых он предполагал составить боевой отряд. Он включил в списки 39 черногорцев в числе других воинов, служивших в русской армии, — русских, сербов, молдаван, грузин, греков, венгров. Это были наиболее подготовленные и храбрые офицеры. В составленном им реестре указываются: отставной капитан Стефан Среданович, 9 черногорцев из Ахтырского гусарского полка, 9 — Сербского гусарского полка, 1 — Навагинского пехотного полка, 19 — Алексеевского гусарского полка (проживавших в Новой Сербии)⁶⁸. Из них прапорщики Петр Радонич, Иван Петрович, Воин Петрович, Радион Степчевич являлись выпускниками Кадетского корпуса.

В январе 1770 г. в боях при Фокшанах отряд под командованием И. Подгоричани дважды разгромил неприятеля. 3 января Подгоричани

переправился с тремя гусарскими полками — Ахтырским, Сербским и Харьковским — через реку и внезапно начал атаку, обратив турецкие войска в бегство. На другой день было крупное сражение, продолжавшееся три часа. В числе отличившихся в боях были черногорцы-поручики Арсений Данилович, Иван Вукотич, Иван Шутович, Георгий Кусовац и др. За мужество, проявленное в битве у Галаца, премьер-майор Петр Вуич, командовавший отрядом из 4 тыс. казаков и 50 гусар, был представлен к награде⁶⁹.

Большие заслуги в развитии морского дела России принадлежат Войновичам, выходцам из Боки Которской. В Российской империи капитану Ивану Войновичу довелось впервые прославить свою фамилию, получившую затем широкую известность. Он принял участие на стороне России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. В 1770 г. два корабля под командованием капитанов Ивана Войновича (Джовани Кнежевича) и Ивана Белича предложили вывести из Боки всех выразивших желание сражаться против Турции в составе русского флота. Этот поступок привел в замешательство османские и венецианские власти. Шкодерский паша обратился к Венецианской республике с просьбой запретить приморскому населению Адриатики принимать участие в войне на стороне русских⁷⁰. В Венеции был объявлен приговор: за нарушение запрета перехода уроженцев Кафель-Ново И. Войновича и И. Белича в русское подданство и попытку склонить к этому своих соотечественников приговорить их к смертной казни путем повешения⁷¹.

Во время войны с Турцией И. Войнович участвовал в морских операциях в Эгейском море в составе эскадры контр-адмирала Арфы, который дал высокий отзыв о его службе. В ноябре 1772 г. он был направлен в Адриатический залив для удержания моряков Ульциня от участия в войне на стороне Порты. Затем эскадра приняла участие в битвах в Средиземном море. В 1772 г. в составе эскадры на корабле «Слава» служил молодой лейтенант Марко Войнович, ставший впоследствии адмиралом русского флота⁷².

29 марта 1770 г. мичман Марко Войнович был принят на русскую службу, и ему было присвоено звание морского лейтенанта. Первоначально он принял участие в военных действиях в составе эскадры адмирала Спиридова. Когда в начале июля 1771 г. эскадра подошла к Дарданеллам, то морякам под командованием лейтенанта Войновича удалось захватить у берегов неприятельское судно, нагруженное железом и пушечными ядрами⁷³. За проявленное мужество Марко Войнович был награжден орденом Георгия. 13 августа 1774 г. в Шинском канале под его командованием фрегат «Слава» с двумя шебеками и двумя полугалерами овладел прибрежной батареей. Марко Войнович был удостоен похвалы командования и представлен к награде. В 1777 г. он был переведен в качестве капитан-лейтенанта на фрегат «Св. Марк»⁷⁴.

В сентябре 1780 г. капитан-лейтенант Войнович был назначен командиром Астраханской флотилии (три фрегата, один бомбардирский и пять ботов). В 1783 г. капитан I ранга Войнович командовал первым в Черном море кораблем «Слава Екатерины» и был произведен в 1787 г. в контр-адмиралы. Под его командованием Севастопольская эскадра ходила к берегам Румелии. В 1788 г. эскадра снова вышла в море, чтобы не допустить турецкий флот к осажденному русскими войсками Очакову. 3 июля 1788 г. в сражении у острова Фидониси особенно отличился авангард флота под командованием контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова, решивший внезапной атакой исход боя. 20 июля 1788 г. была объявлена благодарность за проявленную храбрость в сражении с турецким флотом. В числе награжденных был контр-адмирал Войнович. Но вскоре командование Севастопольской эскадрой было передано более энергичному Ушакову. Войнович был назначен на должность старшего члена Черноморского адмиралтейского правления. В 1790 г. контр-адмиралу Войновичу было поручено командование Каспийскими морскими силами⁷⁵.

Продолжателем славной традиции выступил Николай Войнович, обучавшийся с 1775 г. в Морском корпусе. После окончания в 1783 г. кадетского корпуса он был произведен в мичманы. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. капитан-лейтенант Войнович участвовал в сражении с турецким флотом у острова Тендры (28–29 августа 1790 г.) и был отмечен в рапорте Ф. Ф. Ушакова главнокомандующему Г. А. Потемкину в числе отличившихся мужеством и храбростью. Н. Д. Войнович за участие в сражении 31 июля у мыса Калиакрия, окончившемся полным разгромом турецкого флота, получил награду — орден Владимира. Во время своей службы в русском флоте (до 1801 г.) он был командиром кораблей «Св. Иоанн Богослов» и «Навархия»⁷⁶.

Многие черногорцы проявили незаурядные способности на дипломатической службе. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. выполнение важной миссии было поручено подполковнику М. К. Ивеличу (уроженцу Рисано), направленному в 1788 г. в Черногорию для организации антитурецкого выступления со стороны югославянских земель, прилегающих к Адриатическому морю. М. К. Ивелич способствовал вооружению 1300 человек (в основном из числа населения Герцеговины и Черногории), закупил продовольствие и договорился с Сенатом Дубровника о предоставлении ему в аренду пяти торговых кораблей⁷⁷. После начала военных действий герцеговинцы напали на турецкий гарнизон в Никшиче и затем совместно с черногорцами сражались против турецких войск. Тем самым им удалось отвлечь от главного театра военных действий 40 тыс. турецкого войска⁷⁸.

Во время войны в списки отличившихся были включены вместе с югославянами многие черногорцы — Иван Ивелич, Петр Ивелич, Лука

Подгоричанин, Николай Шарович, Савва Петрович и др., получившие повышение в чине и награды⁷⁹.

Установление в 1711 г. политических связей России с Черногорией создало условия для переселения черногорцев в русские земли. Однако в первое время это были единичные случаи. В 50-е гг. XVIII в., в связи с организацией русским правительством переселенческого движения, происходило массовое переселение черногорцев в Россию. В рядах русской армии черногорцы продолжали борьбу против сил османской Турции. Вместе с тем они внесли свою лепту в хозяйственное освоение южных районов Российской империи. Местом поселения для черногорцев были избраны земли между Оренбургом и Ставрополем. Черногорцы селились также в Новой Сербии и Славяно-Сербии. На новом месте они приобщались к русской культуре, получили возможность обучать своих детей в русских школах и высших учебных заведениях. Многие черногорцы, оставшиеся в России, оказали значительное влияние на развитие военного и морского дела.

Участие черногорцев на русской стороне в войнах против Османской империи положило начало боевому содружеству и способствовало укреплению русско-черногорских связей. XVIII век явился периодом дальнейшего упрочения этих связей. В это время Россия все более становится опорой югославянских народов, находившихся под властью Порты. Особое место в ее балканской политике стала занимать маленькая свободолубивая Черногория.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 История СССР. В 12-ти тт. М., 1967. Т. III. С. 155, 159, 501.
- 2 Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
- 3 Григорович В. Об участии сербов в наших общественных отношениях. Одесса, 1876. С. 5.
- 4 Станојевич Г. Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740–1766). Београд, 1979. С. 101–102.
- 5 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Сербией. 1753–1756 гг. Оп. 86/1. Д. 2. Дело о черногорцах-переселенцах. Б/г; и др.
- 6 Бескровный А. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 177.
- 7 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1753–1756 гг. Оп. 86/1. Д. 2. Л. 1. Выписка о черногорцах.
- 8 Станојевич Г. Указ. соч. С. 104.
- 9 Там же.
- 10 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1753–1756 гг. Д. 2. Л. 1, 1 об., 3. Указ Сената от 19 мая 1753 г.

- 11 Степан Петрович прибыл в Россию в середине 40-х гг. XVIII в. с рекомендательным письмом митрополита Саввы Петровича, который ходатайствовал о приеме своего племянника на русскую службу. Сначала он был определен в Сербский гусарский полк в чине капитана. Через некоторое время он принял участие в организации переселения югославян в Россию. В 1752 г. правительство Елизаветы Петровны направило рескрипт послу в Вене Г. К. Кейзерлингу о содействии капитану С. Петровичу в приглашении на русскую службу черногорцев и в свободном пропуске их через территорию Габсбургской империи. См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы М., 1984. С. 130–131, 171–172, 194–195.
- 12 АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1753–1756 гг. Д. 2. Л. 11. В промемории из Военной коллегии от 31 декабря 1753 г.
- 13 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1753–1756 гг. Оп. 86/1. Д. 2. Л. 4–4 об. Доношение Василия в Государственную коллегию от 15 июня 1754 г.
- 14 Там же. Л. 11. Рескрипт Г. К. Кейзерлингу от 21 января 1754 г.
- 15 Там же. Л. 11 об.–12.
- 16 Там же. Л. 13 об.
- 17 Там же. Л. 13. Г. К. Кейзерлинг в Государственную коллегию 16(27) апреля 1754 г.
- 18 Там же. Л. 14.
- 19 АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1753–1756 гг. Д. 2. Л. 14–16 об. Нота венского двора от 18 апреля 1754 г.
- 20 Там же. Л. 15 об.
- 21 Там же. Л. 17–18. Рескрипт Г. К. Кейзерлингу от 31 июля 1754 г.
- 22 Там же. Л. 18 об.
- 23 Там же. Л. 19 об.
- 24 Там же. Л. 25. Рескрипт Г. К. Кейзерлингу от 22 октября 1754 г.
- 25 Там же. Д. 2. Л. 26–27 об., 28.
- 26 Там же. Л. 28. Промемория венскому двору, 5 мая 1755 г. (нов. ст.) Л. 28–29.
- 27 Они прибыли в Киев 15 августа 1755 г. АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1754 г. Д. 4. Л. 13.
- 28 АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1753–1756 гг. Д. 2. Л. 30–31. Михайлович сообщил в русское посольство в Вене, что указы о пропуске черногорцев через границу получены. В ответ на это он получил распоряжение от 19(30) августа 1755 г. на три месяца задержаться в Земуне // Там же. Л. 33 об.
- 29 Там же. Л. 34–34 об.
- 30 Там же. Л. 34 об. 25 октября 1755 г. Сенат известил об этом Коллегию иностранных дел // АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1754–1756 гг. Д. 4. Л. 53; Д. 2. Л. 10 об.
- 31 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. Д. 4. Л. 63. Г. К. Кейзерлинг, 24 февраля (6 марта) 1856 г.

- 32 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1756–1757 гг. Д. 2. Л. 46. С. Петрович — Г. К. Кейзерлингу. 20 (31) марта 1756 г.
- 33 Там же. Л. 47.
- 34 Там же. Л. 48–49. Г. К. Кейзерлинг — Кауницу. 5 апреля 1756 г. В ответной ноте от 7 апреля 1756 г. Кауниц объяснял произошедший инцидент тем, что поручик Эдмирович был одет священником, что вызвало подозрение у австрийских властей // Там же. Л. 49 об.
- 35 На проезд обер-офицерам полагалось 150 руб., унтер-офицерам — 100 руб. // Там же. Д. 4. Л. 67.
- 36 Там же. 1756–1757 гг. Д. 2. Л. 8 об. Инструкция Коллегии иностранных дел С. Пучкову. 4 июня 1756 г.
- 37 Там же. Л. 12 об.–13.
- 38 И. Подгорица поступил на австрийскую службу в 1739 г. Он участвовал в войне с Турцией. В 1757 г. вместе с полком был в походах в Моравии, Богемии, Силезии и Саксонии, возглавляя особую команду, которую бросали в самые опасные места // Там же. 1758–1759 гг. Д. 4. Л. 6.
- 39 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1757–1759 гг. Д. 1. Л. 1–1 об. Василий Петрович — в Коллегию иностранных дел. 15 декабря 1756 г.
- 40 См. подробнее: *Станојевић Г.* Указ. соч. С. 150.
- 41 Оpubл.: *Драговић М.* Материјали за историју Црне Горе времена митрополита Данила, Саве и Василија Петровића. Споменик. Српска Краљевска Академија. Београд, 1895. кн. 25.
- 42 В кадетский корпус были определены Петр Радонич, Филип Петрович, Иван Вукотич, Воин Петрович, Иван Петрович, Раде Петрович, Сава Радонич, Михайло Пламенац, Марко Перчич, Гаврило Кнежевич, Иоанн Петрович, Степан Байрамович, Фома Марошевич. См.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 248. Кн. 642. Л. 1. Оpubл.: Преписка митрополита Василија, митрополита Саве и црногорских глаvara 1752–1759 године. Споменик СКА. Београд. Кн. 84. С. 60–61.
- 43 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1757–1759 гг. Д. 6. Л. 261–261 об.
- 44 Там же. Л. 2, 4–4 об. Вице-губернатор И. И. Костюрин — в Коллегию иностранных дел. 17 декабря 1757 г. Л. 263; Записка коллегии от 15 июля 1758 г.
- 45 Там же. 1758–1759 гг. Д. 4. Л. 1.
- 46 Там же. 1756–1757 гг. Д. 2. Л. 91–91 об.; 117–122. Список, 14 декабря 1756 г.
- 47 Там же. Л. 96, 112. Из Коллегии иностранных дел в Сенат. 12, 21 декабря 1756 г.
- 48 Там же. Л. 160, 204. А. Крестич привел из Триеста 14, Л. Крестич из Фиуме — 17 человек. Там же. Д. 2. Л. 221–222 и др. Собецкий — 21 чел. И. И. Костюрин — в Коллегию иностранных дел. 26 мая, 14 октября 1757 г. и др.
- 49 Там же. Л. 252. И. И. Костюрин — в Коллегию иностранных дел. 17 декабря 1757 г.
- 50 Там же. Ф. Сношения России с Черногорией. 1715–1778 гг. Д. 4. Л. 11–11 об.

- 51 Там же. Ф. Сношения России с Сербией. 1756–1757 гг. Д. 2. Л. 74–75. Коллегия иностранных дел — И. И. Костюрину. 14 июля 1757 г.; 1759–1760. Д. 2. Л. 17–18. Я. Эздимирович — в Коллегию иностранных дел. 15 января 1759 г.
- 52 Там же. Ф. Сношения России с Черногорией. 1715–1778 гг. Д. 4. Л. 11–12.
- 53 Там же. Ф. Сношения России с Сербией. 1759–1760 гг. Д. 2. Л. 7, 10.
- 54 Там же. Л. 64. 175–176.
- 55 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 242–243.
- 56 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1759–1760 гг. Д. 2. Л. 30, 104. Сенат — в Коллегию иностранных дел. 26 января, 19 мая 1759 г. и др.
- 57 Казивање старих Требјешана. Никшић, 1973.
- 58 АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1715–1778 гг. Д. 4. Л. 12.
- 59 Прощение представителей черногорской команды в Москве о создании «Словено-монтенегринского полка» от 24 августа 1758 г. Опубл.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями... С. 228–229.
- 60 АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1757–1758 гг. Д. 6. Л. 262. Записка МИД от 15 июля 1758 г.
- 61 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями... С. 219, 226–227, 235–236.
- 62 Бажова А. П. Указ. соч. С. 137, 140.
- 63 Вторично ходатайство перед русским двором относительно И. Подгорицы поступило от черногорского сердара Вукотича, который по приезде в Петербург просил содействия России в увольнении своего племянника с австрийской службы // АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1757–1759 гг. Д. 4. Л. 2. Записка о майоре И. Подгорице. Б/д.
- 64 Там же. Д. 1. Л. 2–2 об. Рескрипт Г. К. Кейзерлингу. 14 апреля 1758 г.
- 65 Там же. Д. 4. Л. 7–7 об., 8. И. Подгорица — в конференцию. Июль 1759 г.
- 66 Там же. Л. 15–16. Реляция Г. К. Кейзерлинга. 28 апреля (9 мая) 1759 г.
- 67 Там же. Л. 2.
- 68 В Ахтырском гусарском полку — волонтер Стефан Полович, майор Георгий Подгоричани, капитан Николай Петрович, капитан Петр Вукотич, поручики Иван Шутович, Георгий Богданов, Иван Вукотич, Фишту Петрович, вахмистр Георгий Копытович; в Сербском гусарском полку — поручик Георгий Кусовац, адъютант Марко Баниович, прапорщик Мовак Вулекович, вахмистры Иван Вуичич, Миколаи Копытович, Иван Банкович, капралы Михайло Пеович, Декан Площа и Демян Чифрик; в Навагинском пехотном полку — поручик Марко Богданович; в Алексеевском пехотном полку — поручик Степан Барямов, капитаны Симоюл Вукотич, Иван Бошняк, поручик Гаврило Радулович, прапорщик Гаврило Богданович, капралы Раич Вукотич, Кристо Вучурович, Михайло Богданович, Гаврило Вучичевич, Баня Миушкович, поручик Гаврило Раданович, прапорщики Петр Радонич, Иван Петрович, Воин Петрович, Радион Степчевич, Лука Мартинович, Сава

- Барятovich, Георгий Вулекович, Николай Черногорец // РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 179. 1769 г. Л. 5–10 об.
- 69 *Румянцев П. А.* Документы. В 3 тт. Т. 2. М., 1950. С. 214, 31.
- 70 *Бажова А. П.* Указ. соч. С. 142.
- 71 Там же. С. 133; РГАДА. Ф. 15 (Дипломатический отдел). Оп. 1. 1770 г. Д. 181. Л. 2–2 об. Прокламация сената Венеции. 15 августа 1770 г.
- 72 Материалы для истории русского флота. В 17 тт. СПб., 1886. Ч. XI. С. 653. 683; Ч. XII. 1888. С. 24–28, 56, 31–32, 226.
- 73 Там же. 4. XI. С. 669; Ч. XII. С. 125, 238, 228, 240, 416, 552, 632.
- 74 Там же. С. 227, 125, 238, 240, 552, 632.
- 75 Адмирал Ушаков. Т. I. СПб., 1951. С. 43, 70, 761, 110, 294.
- 76 Там же. С. 302, 457, 625, 708.
- 77 АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1796–1800 гг. Д. 29. Л. 5, 20. М. К. Ивелич — Л. А. Безбородко. 27 февраля, 5 июня 1788 г.; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 355–361 и др.
- 78 *Морозов П. О.* Черногорские переселенцы в России // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 57–58.
- 79 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 361.

ЧЕРНОГОРЕЦ ИВАН ПОДГОРИЧАНИ — РОССИЙСКИЙ ГЕНЕРАЛ

В середине XVIII в. прокатилась волна эмиграции черногорцев в Россию. Она была вызвана тяжелыми условиями жизни в Черногории, нескончаемыми вооруженными столкновениями черногорцев с турецкими войсками, которые преследовали цель покорить Черногорию. Российское правительство в свою очередь было заинтересовано в мигрантах — черногорцах, чтобы пополнить армию боепособными людьми и оживить безлюдные степные просторы европейской части страны. Переселенцам предоставлялись в пользование земля и большие льготы на благоустройство.

Именно в это время, в 1759 г., в Россию переехал Иван Михайлович Подгоричани (Подгорица, Подгоричанин) с семьей. Он был родом из Подгорицы и находился на военной службе в Австрийской монархии в Славонском гусарском полку. Черногорский владыка Василие Петрович обратился к российскому Сенату с просьбой о разрешении Подгоричани переехать в Россию. Но для этого требовалось согласие и австрийской стороны. Русский посол в Вене граф Г. К. Кейзерлинг употребил все свое влияние, чтобы положительно решить этот вопрос. Подгоричани в чине премьер-майора приехал из армии в Вену, где получил разрешение на выезд в Россию, паспорт и рекомендательное письмо Кейзерлинга канцлеру графу М. И. Воронцову¹.

По приезде в Петербург Подгоричани, после аудиенции у императрицы Елизаветы Петровны, получил чин полковника и был определен на службу в гусарский полк, находившийся в Пруссии. Он и его семья поступили в «вечное подданство» России. Семье Подгоричани было отведено на проживание «пространное место» в Киеве. Полковнику были выданы 500 червонцев на покрытие связанных с переездом издержек².

Другой мигрант из Австрийской монархии офицер С. Пишчевич, хорошо знавший Подгоричани, оставил в своих мемуарах его словесный портрет. «Между тем ничего особенного в нем не было, — писал Пишчевич. — Единственно — это его огромная фигура бросалась в глаза. Впрочем, был он настоящий крестьянин и едва грамотный. Но, при всем том, в России его нашло счастье. Все ему шло на руку, и он из всего извлекал выгоду, и так до конца службы, до глубокой старости. Он достиг почестей и богатства. Служил хорошо, но и пальцем бы не повел без какой-либо корысти. Умел зарабатывать, но, должен сказать, все же не был скупым, жил красиво. Он имел и хорошие качества, но жаль, что все подчинял своему интересу. И никто бы не поверил, что человек с такими данными мог потерять большие деньги за картами»³. Пишчевич не

отметил главную черту Подгоричани: личную храбрость в боях и полководческий дар.

Подгоричани получил военную подготовку в австрийской армии, одной из лучших армий в Европе. Поэтому он без труда, теперь уже как российский офицер, вошел в состав русской армии, воевавшей в Семилетней войне на территории Восточной Пруссии. Подгоричани принял участие в ее победоносных действиях, особенно отличившись при взятии в 1760 г. Берлина.

В 1766 г. Подгоричани был произведен в генерал-майоры и пожалован земельными владениями. Через два года за участие в войне с польскими конфедератами он получил польский орден Св. Станислава. В 1769 г. генерал был признан в графском достоинстве. Екатерина II неоднократно отмечала в письмах к разным лицам его военную доблесть. Она писала, в частности, А. Г. Орлову: «Что же касается до его усердия и храбрости, а также и искусства в военном деле, о том все не сомневаются»⁴.

Военные дарования Подгоричани отчетливо проявились в войне России с Турцией 1768–1774 гг. В битве при Фокшанах (3–4 января 1770 г. ст. ст.) он командовал Ахтырским, Сербским и Харьковским гусарскими полками. Они взаимодействовали с частями Г. А. Потемкина. Им противостояла 10-тысячная турецкая армия, усиленная двумя десятками пушек. В описании сражения говорилось, что «никогда такой жестокой и так продолжающейся атаки от сего неприятеля не видано» было. В этой битве турки потерпели сокрушительное поражение — потеряли «до тысячи человек отборного своего войска». Русские трофеи составили 6 хороших медных пушек, знамена, 2 большие фуры пороха. При этом казаки и гусары, преследовавшие бегущих турок, «разграбили» стоявший в тылу противника обоз. Тяжелое ранение получил сам командующий турецким войском Сулейман-паша⁵.

Военные части под командованием Подгоричани блестяще проявили себя в сражениях у Рябой могилы (17 июня 1770 г.), на реке Ларге (9 июля), на реке Кагуле (21 июля), где потерпела поражение 150-тысячная армия турок. За мужество, проявленное генерал-майором на Кагуле, Екатерина II выразила ему в рескрипте «удовольствие свое и признательность». Полки Подгоричани участвовали также в осаде и штурме Браилова⁶.

В 1770 г. Подгоричани вышел в отставку в чине генерал-поручика.

В 1772 г. главнокомандующий российской армией генерал-фельдмаршал П. Л. Румянцев представил среди прочих офицеров И. М. Подгоричани к награде. О его заслугах говорилось: «Определенные на сие время от армии, с сверенными им войсками сохраняли целость пропитания армии и на полки хана крымского со всею ордою в ничто обратили»⁷.

И. М. Подгоричани внес заметный вклад в победу России над Турцией, в совершенствование российской военной культуры и укрепление

черногорско-российских политических связей. Благополучная судьба Подгоричани в России свидетельствовала о том, что он смог развить и реализовать здесь свои недюжинные полководческие способности и знания на благо второй родины. В патриархальной Черногории с ее гористым ландшафтом, где вооруженные действия черногорцев против турецких войск носили характер партизанской войны, в то время не было условий для линейной тактики (с ее каре), применявшейся в XVIII в. во всех европейских армиях, в том числе австрийской и российской. Военные знания Подгоричани не могли быть в полной мере применены в Черногории. Тем не менее, отъезд из страны талантливых людей, как Подгоричани, был несомненной потерей для нее. Это подтверждает историческую противоречивость такого социального явления, как эмиграция.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Пишчевић С.* Мемоари. Београд, 1963. С. 379, 380.
- 2 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 243–244.
- 3 *Пишчевић С.* Указ. соч. С. 381.
- 4 Сборник РИО. СПб, 1867. Т. I. С. 18–19.
- 5 Политические и культурные отношения... С. 293–295.
- 6 *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. СПб., 1866. Т. II. С. 41, 103, 118, 127, 175, 178; Русский биографический словарь. СПб, 1905. Т. XIV. С. 188.
- 7 Политические и культурные отношения... С. 304.

И. Ю. ПОПОВИЧ-ЛИПОВАЦ — ГЕНЕРАЛ РУССКОЙ СЛУЖБЫ

Черногорец Йован (или, по-русски, Иван Юрьевич) Попович-Липовац, несомненно, являлся чрезвычайно яркой и незаурядной личностью: генерал русской и черногорской армий, писатель, поэт, публицист, участник шести войн и многочисленных восстаний, он был обласкан русскими императорами и черногорским князем (с 1910 г. — королем) Николой и отмечен самыми высокими наградами. Попович-Липовац принадлежит к многочисленной плеяде балканских выходцев, патриотов общеславянского дела, связавших свою судьбу с Россией со времен Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Однако биография И. Ю. Поповича-Липоваца до настоящего времени исследована относительно слабо, многие моменты ее не подтверждены документально либо же описываются с фактическими ошибками¹. Основываясь на документах российских архивов (РГВИА и РГИА), я постарался уточнить «русскую часть» биографии героя — все этапы прохождения им русской военной службы.

Йован Попович-Липовац родился 14 июня 1856 г. в селе Граджани, недалеко от Цетинье. Его отец Джуро (или Джокс) Попович был священником и, одновременно, главой местного племени «граджани»². Через год после рождения сына Джуро Попович-Липовац оказался втянут в междоусобную борьбу против черногорского князя Данила I Петровича Негоша. Князь одолел своих врагов, в результате в 1857 г. Джуро вынужден был вместе со своей семьей покинуть Черногорию и переселиться в австрийские владения — в г. Котор³.

Молодой Йован, в отличие от большинства своих черногорских сверстников, получил хорошее европейское образование. Поскольку его семья переезжала с места на место, он поступил в школу в Которе, а закончил ее в Задаре, в гимназию поступил в Загребе, а окончил ее в Белграде. В 1872 г. Йован Попович-Липовац 16-летним юношей приехал в Россию и поступил в Московский университет. Однако в 1875 г. он ушел с 3-го курса, чтобы принять участие в восстании, разразившемся в Боснии и Герцеговине. «Бросив учебу, Попович-Липовац уехал в австрийскую Костайницу, где был тогда центр организации восстания, сформировал чету (отряд) и жег турецкие пограничные блокаузы, отличившись в ряде дел и приобретя себе репутацию храбреца»⁴. Когда летом 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Османской империи, Йован Попович-Липовац отправился на родину и вступил в Черногорское войско. Он принял участие в знаменитой битве при Вучьем Доле 17 июля 1876 г., а также отличился в бою с турками 25 августа 1876 г. у села Рогамы, близ Подгорицы. За выказанную в этом деле храбрость он позднее получил черногорскую Золотую медаль «Милоша Обилича»⁵.

После заключения перемирия (в октябре 1876 г.) Попович-Липовац вернулся в Россию. Всеобщее воодушевление в связи с объявлением Россией войны Турции не оставило его равнодушным: 4 июля 1877 г. он поступил рядовым «на правах охотника» (вольноопределяющегося) в Санкт-Петербургский местный батальон, был направлен на Кавказ, где был зачислен в 15-й Тифлисский гренадерский полк, но вскоре — 21 августа — переведен в 13-й Лейб-гренадерский Эриванский Его Величества полк. Одновременно с переводом он успел также выдержать экзамен при Тифлисском пехотном юнкерском училище и был произведен в портупей-юнкера⁶.

Черногорские источники описывают дальнейшие его подвиги следующим образом: Липовац командовал четой добровольцев под названием «Пропавшие дети», ходил с нею в разведку и смелые рейды, а при штурме Авлиара со своими охотниками первым ворвался в крепость и собственноручно зарубил турецкого коменданта⁷. К сожалению, многое здесь неверно: в рядах русской армии официально не зафиксировано существование добровольческого отряда «Пропавшие дети». Вместо этого при каждом полку существовали специальные «охотничьи команды» (позднее переименованные в команды пеших разведчиков). В Эриванском полку такой командой руководил капитан Шкабич. Но, с другой стороны, в послужном списке Поповича-Липоваца особо подчеркивается, что он «во всех делах командовал охотниками». Все это позволяет предположить, что портупей-юнкер Липовац фактически сформировал при 4-м батальоне полка дополнительную нештатную команду охотников. Похоже, он с успехом применил здесь свой опыт партизанского вожака.

На горе Авлиар, которая являлась ключевым пунктом турецкой позиции, не было крепости: там располагался редут на три орудия, а ниже его были вырыты в несколько рядов стрелковые окопы. В ходе Авлиар-Аладжинского сражения, 3(15) октября 1877 г., Эриванский гренадерский полк (при поддержке тифлисских гренадер) взял штурмом эту высоту, что привело к полному разгрому турецкой армии Мухтар-паши и пленению ее остатков. Первыми на редут ворвались штабс-капитаны Федюкин и Савониус, прапорщик Крапивин и подпоручик Рутковский, а также нижние чины 2-й и 4-й стрелковых рот. При этом полк потерял убитыми и ранеными 15 офицеров и 405 рядовых⁸. За этот подвиг 207 солдат и унтер-офицеров гренадерской бригады были награждены Знаками отличия Военного ордена (в обиходе именуемыми солдатскими Георгиевскими крестами). Среди них был и Попович-Липовац, получивший Георгиевский крест 4-й степени⁹.

Личный подвиг нашему герою удалось совершить полтора месяца спустя, 24 октября 1877 г., во время преследования турок, разбитых в предыдущий день в сражении на горном хребте Деве-Бойну. В ходе него командир 4-й стрелковой роты штабс-капитан Карамзин заметил

отставшую турецкую батарею и выслал наперерез ей один взвод (40 стрелков) под командованием Поповича-Липоваца. Тому удалось настигнуть батарею, турецкая прислуга была переколота штыками в рукопашной схватке, причем стрелок Юпин заколол турецкого полковника, сабля которого была позже передана эриванцами генералу Гейману. В результате у неприятеля было захвачено 8 орудий и 32 зарядных ящика¹⁰. Этот новый подвиг Липоваца был оценен начальством очень высоко: приказом по Кавказской армии и Кавказскому военному округу за 436 от 19 ноября 1877 г. он был, минуя 2-ю и 3-ю степени Георгиевского креста, награжден сразу 1-й степенью этого знака, за 14. Это, несомненно, была экстраординарная награда, тем более, что приказ о ней, подписанный великим князем Михаилом Николаевичем, касался одного лишь черногорца, и в нем не упоминался никто другой из отличившихся в этом деле¹¹.

По окончании войны высочайшим приказом от 27 июня 1878 г. Попович-Липовац «за отличие в делах против турок» был произведен в офицеры, причем не в Эриванский полк, а сразу в гвардию — прапорщиком в Лейб-гвардии Гренадерский полк, что являлось уже второй экстраординарной наградой. Как известно, офицеры полков русской гвардии имели привилегию на общем полковом собрании принять или отвергнуть назначаемого к ним нового офицера. Молодой черногорец слишком сильно отличался от общей массы гвардейских офицеров, и поэтому неудивительно, что полковое офицерское собрание не приняло его: 31 июня 1878 г. он был «исключен из списков полка». Однако уже 12 июля 1878 г. приказом по войскам гвардии и Петербургского военного округа Попович-Липовац был «прикомандирован к запасному батальону Лейб-гвардии Гренадерского полка». Таким образом, несмотря на постановление офицерского полкового собрания, Липовац сохранил за собой все права и преимущества гвардейского офицера; более того, 30 августа того же года он был произведен в подпоручики¹².

Наконец, в том же году ему было пожаловано 400 десятин земли в Бердянском уезде Таврической губернии. Обстоятельства получения этой награды проясняет всеподданнейший доклад по Временному отделу министерства государственных имуществ, датированный 11 октября 1878 г.:

«Начальник штаба гвардейского корпуса сообщил, что подпоручик Лейб-гвардии Гренадерского полка Попович-Липовац обратился к Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику цесаревичу с ходатайством о назначении ему в собственность участка земли, и что Его Императорское Высочество, принимая полное участие в этом офицере, ввиду оказанных им в минувшую войну боевых отличий, поручил ему, Свиты Вашего Императорского Величества генерал-майору Розенбаху, просить Министра Государственных Имуществ исходатайствовать

Высочайше Вашего Императорского Величества соизволения на пожалование подпоручику Поповичу-Липовацу участка земли в количестве 400 десятин».

На полях этого доклада Александр II оставил краткую резолюцию «Согласен. Ливадия. 17 октября 1878 г.»¹³.

Как видно из документов, существовала программа наделения земель выходцев из славянских народов Балканского полуострова (утвержденная 12 июня 1868 г.), и для этой цели были выделены земли в Бердянском уезде Таврической губернии. По окончании русско-турецкой войны, очевидно, было решено использовать право на пожалование земель как дополнительную награду. Всего за 1878 год было пять случаев наделения земель, из них два можно назвать чисто «наградными», а в двух других небольшие участки прирезались старым поселенцам, чьи семьи разрослись и не могли прокормиться с первоначального надела. Кроме Поповича-Липоваца, участок в 400 десятин получил также черногорский уроженец, прапорщик 47-го Украинского пехотного полка Иванович, за которого просила великая княгиня Александра Иосифовна, супруга Главнокомандующего русскими войсками на Дунайском театре боевых действий великого князя Николая Николаевича (Старшего)¹⁴. Липовац назвал свое имение «Деве-Бойну»; оно располагалось недалеко от почтовой станции Гольбштадт и городка Большой Токмак. На обзаведение хозяйством ему была выдана ссуда в размере 1000 рублей. Очевидно, наш герой получил столь высокие награды за свои подвиги потому, что, как видно из процитированного выше документа, сумел обрести высочайшего покровителя, которым стал наследник престола великий князь Александр Александрович, будущий император Александр III.

Год спустя Попович-Липовац принял участие в первой Ахал-Текинской экспедиции 1879–1880 гг. под руководством генерал-адъютанта И. Д. Лазарева, а затем, после его смерти в пути, заменившего его генерал-майора Н. П. Ломакина. Это был, наверное, самый неудачный поход в истории покорения Россией Средней Азии. Заготовка припасов и верблюдов для их транспортировки не была выполнена в полной мере, а после смерти Лазарева временно командовавший экспедиционным отрядом генерал Ломакин и его ближайшие помощники думали лишь о том, как бы не упустить возможность стяжать для себя славу победителей. В результате поход окончательно принял характер набега, без должного обеспечения пройденной территории, и к текинской крепости Денгиль-Тепе отряд подошел в явно недостаточных силах. Неподготовленный штурм ее 28 августа 1879 г. закончился неудачей, а отсутствие припасов и огромное количество раненых, под которых не было даже повозок, вынудило Ломакина на следующий же день поспешно начать отвод отряда к побережью. В глазах текинцев это выглядело как постыдное бегство русских.

Какую должность официально занимал подпоручик Попович-Липовац в составе экспедиционного отряда, пока установить не удалось. Известно лишь, что во время штурма Денгиль-Тепе 28 августа 1879 г. он руководил командой охотников, выделенной из состава колонны начальника пехоты Ахал-Текинского отряда свиты его величества генерал-майора графа Борха. Позднее Борх в донесении генералу Ломакину описал действия Липоваца следующим образом: «В деле 28 августа подпоручик Попович-Липовац, по моему личному приказанию, во главе охотников в числе 165 человек впереди штурмовых колонн первым бросился на укрепленную позицию при Денгле-Тепе¹⁵ и занял вал; бросился в находящиеся за ним и защищаемые неприятелем кибитки, чем значительно облегчил наступление штурмовых колонн. Оставаясь до конца дела в занятых им позициях, он отступил последний, пробившись сквозь массу окружавшего его неприятеля штыками, а потому ходатайствую о награждении его орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом»¹⁶.

Другой участник экспедиции писал об этом в своих воспоминаниях несколько иначе: «На правом фланге, против выдвинувшихся из аула кибиток, пошел с охотниками подпоручик лейб-гренадерского полка Попович-Липовац... Идя к кибиткам под сильным огнем неприятеля, охотники дружно пели: "Ах, вы сени, мои сени...". С этой песней они ворвались в аул и с этой же песней умирали в рукопашной схватке, происшедшей между кибитками. Охотники Липоваца отступили последними. Но из 50 вернулось лишь 13...»¹⁷.

Сам Попович впоследствии утверждал, что в этом деле он был ранен и спас знамя¹⁸; однако, согласно послужному списку, он лишь получил контузию (да и то ее факт был официально зафиксирован в 1900 г.)¹⁹, в официальном же списке офицеров, раненных в этом деле, его фамилия не значится. За мужество, проявленное при этом штурме, Попович-Липовац был 26 августа 1880 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (дававшим его кавалеру право на российское дворянство)²⁰.

В начале 1882 г. Липовац покинул Россию, чтобы принять участие в новом восстании в Боснии и Герцеговине, на этот раз направленном против Австро-Венгрии. Эта его деятельность едва не привела к международному конфликту. В мае 1882 г. австрийцы передали русскому правительству ноту, в которой выражали обеспокоенность тем, что, по их сведениям, на территории Болгарии, в Софии, с начала апреля 1882 г. практически открыто формировался отряд добровольцев под предводительством двух черногорцев, отставных офицеров русской службы Ивановича и Поповича-Липоваца, собиравшийся затем отправиться через Сербию в Герцеговину на помощь повстанцам. Отряд этот состоял из 80 черногорцев, приехавших в Болгарию на заработки, а русский консул

М. А. Хитрово снабдил его бойцов деньгами и необходимыми документами. В 20-х числах апреля отряд выступил из г. Берковац, но до Герцеговины так и не добрался: 12 мая его задержали сербские власти в районе Ужицы. Добровольцы отряда пробыли под арестом около шести недель, после чего были высланы назад в Болгарию, а Попович-Липовац должен был дать обязательство выехать в Россию и больше не возвращаться «на поле битвы»²¹.

Во всех биографиях Поповича-Липоваца говорится, что он ушел с русской службы для того, чтобы принять участие в восстании. Однако анализ документов говорит об обратном: из заключения в Ужицкой крепости Попович и его товарищи должны были выйти в конце июня, а в послужном списке указывается, что он был высочайшим приказом от 5 июля 1882 г. «по домашним обстоятельствам уволен от службы»²². Получается, что свой поход Липовац затеял, находясь на действительной службе в русской армии, в отставку же был уволен сразу по возвращении своем в Петербург, очевидно, чтобы замять скандал. В продолжение царствования Александра III Липовац более не пытался вернуться на русскую службу. Вместо этого он отправился в Черногорию.

Согласно воспоминаниям черногорского литератора Симо Матавуля, наш герой появился в Цетинье в конце 1883 г. Вскоре по приезде Попович-Липовац был приглашен на аудиенцию к князю Николе Черногорскому, а из кабинета вышел уже в должности личного княжеского адъютанта! Возможно, свою роль здесь сыграло определенное «родство душ». Князь Никола, кроме всего прочего, был поэтом и как раз в это время писал драму «Балканская царица». Попович-Липовац, сам будучи писателем и поэтом, немедленно вошел в «дискуссионный клуб» ближайших «советчиков», которых князь, написав очередной отрывок, немедленно звал на его прочтение и обсуждение. Вскоре драма была закончена, и наш герой в качестве актера-любителя принял участие в ее постановке²³. Таким образом, литературная деятельность помогла Липовацу сразу же выдвигаться при черногорском дворе. В этот период он напечатал около сотни своих стихотворений в черногорских газетах: «Црногорка», «Глас Црногорца», «Зета», «Нова Зета», «Луча» и в других, выходивших за пределами Черногории, — «Српска зора», «Словинац» и «Явор»²⁴, попробовал себя и в драматургии, но потерпел здесь неудачу.

В 1883 г., в тот год, когда Попович-Липовац вернулся в Черногорию, в Петербурге вышло в свет на русском языке его главное прозаическое произведение — книга «Россия и Черногория со времен Петра I». Она писалась не один год, и будущие ее главы выпускались Липовацем в виде отдельных статей в русскоязычной печати еще в 1874 и в 1879 гг. В этой книге самым тщательным образом были описаны и разобраны основные черты характера черногорца и черногорки. Простые патриархальные отношения, существовавшие в Черногории на тот момент, родственные

связи, вопросы веры и верности православию, мораль, обычаи и традиции и вообще все этнографические и психологические особенности народа — всему этому нашлось место на страницах книги. Книга написана очень живо, прекрасным русским литературным языком и читается буквально на одном дыхании. Она не могла не привлечь внимания русской общественности, которая чрезвычайно интересовалась положением балканских славян. Не удивительно, что эта книга была дважды переиздана — в 1887 и в 1890 гг.; ее высоко оценил русский ученый П. А. Ровинский в своей рецензии, вышедшей в «Журнале министерства народного просвещения» в августе 1884 г. Однако он при этом отметил несоответствие названия книги — «Россия и Черногория со времен Петра I» — ее содержанию. Липовац учел это замечание, и в дальнейшем второе и третье издания книги вышли уже под новым заголовком — «Черногорцы и черногорские женщины. Россия и Черногория».

О военной стороне деятельности Поповича-Липоваца в Черногории известно чрезвычайно мало. Он впоследствии утверждал, что исполнял в черногорской армии роль инструктора, но неизвестно, кем именно он командовал, кого и чему конкретно обучал. Как личный адъютант князя, Липовац должен был участвовать в государственной жизни, в принятии важных политических решений; но и об этом мы ничего не знаем. В 1890 г. он получил чин бригадира (бригадного генерала) и должность командира Приморской бригады²⁵.

Примерно в это же время он женился на Анне Степановне Радониц²⁶. У них было четверо детей: Елена (родилась 2 мая 1892 г.), Владислав (родился 29 января 1895 г.), Вера (родилась 6 апреля 1896 г.) и Георгий (родился 6 сентября 1897 г.)²⁷. При этом Липовац никогда до конца не порывал связей с Россией. Так, в 1893 г. он в первый раз обратился с ходатайством о пожаловании ему российского дворянства, как кавалеру ордена Св. Владимира. 12 января 1894 г. Таврическое дворянское депутатское собрание признало за ним права потомственного дворянина, но месяц спустя Сенат отменил это решение, поскольку Попович-Липовац не принял присягу на русское подданство²⁸. И все же весной 1898 г. нашему герою пришлось покинуть Черногорию; причиной отъезда стал острый личный конфликт с княжеским семейством. В архиве при музее короля Николы в Цетинье удалось обнаружить следующую собственноручную записку Поповича-Липоваца, датированную 11 февраля 1898 г.:

«Я, нижеподписавшийся Йован Липовац, бывший бригадир Приморской Нахии, клянусь Богом живым и своей честью, что никогда и ни в коем случае, ни одной живой душе — как иностранцу, так и черногорцу, я не говорил, что Его Высочество престолонаследник посягал на честь моей жены»²⁹.

Как явствует из текста этой записки (а также двух последовавших за ней писем к князю), наш герой стремился потушить грандиозный

скандал (скорее всего — сплетню, пущенную третьим лицом), надеясь на беспристрастный суд князя. Но, похоже, князь Никола решил в этой ситуации сделать своего бывшего адъютанта «козлом отпущения». В конце февраля Липовац был изгнан из Черногории³⁰.

Вернувшись в Россию, он в июне 1898 г. вновь возбудил прошение о принятии его в русское дворянство. На этот раз препятствий для этого усмотрено не было, и 5 ноября 1898 г. Попович-Липовац официально стал русским дворянином³¹. Он некоторое время исполнял обязанности предводителя дворянства Бердянского уезда Таврической губернии, но при этом не устал хлопотать о своем возвращении на русскую военную службу. И здесь судьба его внезапно приняла удивительный оборот.

5 декабря 1902 г. министр императорского двора барон Фредерик направил военному министру генерал-адъютанту Куропаткину следующее письмо:

«Милостивый государь Алексей Николаевич!

26-го сего ноября во время торжества праздника ордена Святого Георгия в Ливадии, Государю Императору благоугодно было осчастливить разговором отставного поручика и бывшего адъютанта Его Королевского Высочества князя Николая Черногорского Ивана Юрьевича Поповича-Липоваца, после чего Его Императорское Величество Высочайше повелел мне сообщить Вашему Высокопревосходительству, в виду его ходатайства, о представлении всеподданнейшего доклада, с Вашими соображениями по принятию вновь на службу Поповича-Липоваца с чином, соответствующим настоящим чинам его сверстников в Л. Гв. Гренадерском полку и с предоставлением ему, буде сочтете это возможным, какой-либо должности, на которой он бы мог приносить пользу службе»³².

Неделю спустя, 14 декабря, Куропаткин получил собственноручное письмо Липоваца, в котором тот подробно описывал детали своей встречи и беседы с Николаем II:

«Его Величество, после того, как изволил выразиться, что знает мои боевые заслуги, мою молодецкую службу, как постоянного командира охотников, знал и мою службу как д. предв. дворянства в Тавр. г. Берд. у., зная, что я состоял под личным покровительством Его почившего Родителя, милостью которого я никогда не злоупотреблял, — спросил, не желал ли бы я снова поступить на службу Его Величества.

Мой ответ был: "Желал бы, если поступлением на службу не потеряю права на воспитание детей, которым правом пользуюсь как раненый 2-го раз., и если меня приняли бы по гвардии в сравнении со сверстниками, или чином меньше по службы в черногорских войсках".

Государю Императору на это было угодно сказать, чтобы я насчет детей не беспокоился, что этот вопрос Он устроит, что касается чина, и поступления на службу, поезжайте к генералу Куропаткину от Моего

имени, скажите ему, что Я Вас послал; Я уверен, что он зделает для Вас все, что можно, тем более, что Вы еще можете принести пользы службы и Отечеству. Скажите ему, — буквально повторите, что Я, "дорожа памятью Моего дорогого Родителя, желал бы Вас от души устроить, еще скажите ему, что бы он об Вас лично Мне зделал доклад, впрочем, Я прикажу генералу Мосолову написать ему". Безконечно ошастливленный Монаршею милостью, я уехал в Ялту»³³.

К письму была приложена докладная записка Липоваца, в которой он уточнял свои желания: «Я, как единственный признанный черногорским правительством генерал, вполне надеюсь на высокую милость Его Величества, быть принятым на службу или чином меньше, или в сравнение со сверстниками по Л.-Гв. Гренадерскому полку, зачислив меня только в списки полка, с которым связана моя боевая служба, — прикомандировать меня куда угодно будет Вашему Высокопревосходительству — в этом случае применить ко мне закон об русских офицерах, которые служили в Болгарии, тем более что я в последнюю турецкую войну за боевые отличия получил 4 награды и вполне подхожу под Высочайшую милость, дарованную 28 ноября с. г. участникам войны, получившим 3 боевые награды»³⁴.

Подобная просьба императора была равносильна приказу, и Куропаткину не оставалось ничего другого, как только исполнить волю монарха. Впрочем, похоже, и он был несколько ошарашен чрезмерностью высочайших милостей. Уйти со службы поручиком, а вернуться гвардейским полковником — такое «уравнение в ценах со сверстниками» обычно делалось лишь для представителей иностранных царствующих династий и их ближайших родственников! Резче всего неудовольствие по поводу столь стремительного взлета выразил ближайший помощник Куропаткина генерал В. В. Сахаров³⁵, однако его особое мнение не было принято во внимание.

16 декабря 1902 г. Куропаткин представил Николаю II всеподданнейший доклад следующего содержания³⁶:

«Вашему Императорскому Величеству благоугодно было выразить желание относительно принятия на службу в нашу армию черногорского уроженца Поповича-Липоваца, служившего уже в Л.-Гв. Гренадерском полку и вышедшего в отставку подпоручиком в 1882 г.

Так как означенный Попович-Липовац не принимал русского подданства³⁷, что требуется ныне от всех поступающих на военную службу, то полагалось бы возможным зачислить его, как прежде служившего уже в наших войсках, на прежнем основании.

При принятии его на службу, полагалось бы зачислить его по гвардейской пехоте, чином полковника, со старшинством сверстников его по Л. Гв. Гренадерскому полку, с назначением впредь, до приискания соответствующей должности, в распоряжение Начальника Главного Штаба,

с отпуском ему из интендантских сумм содержания в размере: жалования по чину, квартирных по окладу гор. С. Петербурга и столовых в размере 1560 р. (присвоенном командирам отдельных батальонов)».

На подлинном тексте доклада 24 декабря император собственной рукой написал: «Согласен». Вот при каких обстоятельствах состоялось вторичное принятие Липоваца на русскую службу. Приказ об этом был подписан 6 января 1903 г., а с 19 мая по 19 сентября 1903 г. Попович-Липовац командовал батальоном в Лейб-гвардии Гренадерском полку во время лагерных сборов³⁸.

Обязанности Липоваца состояли в написании книги о македонском вопросе. Его первая брошюра на эту тему была выпущена еще в 1899 г., сразу по возвращении в Россию. Предисловие к ней написал Сергей Шарапов, справедливо отметивший, что «г. Попович-Липовац, хотя по происхождению серб и черногорец, но остается все время строго объективным и правдивым и стоит на широкой и справедливой славянской точке зрения». Сама же брошюра представляла собой настоящий политический очерк, или аналитический отчет агента, посланного со специальной миссией дипломатическо-разведывательного характера в одну из наиболее горячих точек тогдашних Балкан. В преамбуле Попович сам вскользь упоминает, что прежде, чем написать его, много путешествовал по Македонии и встречался там с представителями местных революционных комитетов. К сожалению, больше ничего о таковых его путешествиях не известно. Теперь же, поступив на службу в Главный штаб, наш герой взялся развернуть свою брошюру в полноценную книгу. Однако в ходе этой работы он увлекся заочной полемикой с болгарскими авторами, так что в конечном итоге книга (рукопись которой была готова в конце 1903 г.) получилась уже далекой от объективности — это была именно сербская точка зрения на разрешение вопроса. В качестве плана политического урегулирования македонского вопроса она не годилась, на что справедливо обратил внимание генерал В. В. Сахаров, которому рукопись была дана на рецензию. Наш герой получил задание переделать ее³⁹. Но все эти планы были перечеркнуты начавшейся русско-японской войной.

Как только началась война, Попович-Липовац немедленно попросился в действующую армию, и 4 февраля 1904 г. он был командирован в Маньчжурию в распоряжение командующего войсками Маньчжурской армии генерала А. Н. Куропаткина «для выполнения задач особой важности и доверия», с правами командира полка⁴⁰. Первой его задачей стало руководство черногорскими добровольцами, прибывшими разными путями в Маньчжурию, чтобы помочь России в борьбе с Японией⁴¹. Таковых набралось несколько десятков, и в дальнейшем эта «черногорская дружина» составляла как бы «конвой» Липоваца в различных битвах⁴².

В дальнейшем Липовацу довелось отличиться 3 июля 1904 г., на второй день боя под Вафангоу, когда он во время общего отхода возглавил арьергард отряда генерала Гласко. Будучи ранен в голову, он остался в строю, поставил орудия на позицию, навел порядок в пехотном прикрытии и тем дал возможность благополучно вывезти застрявшую было пушку и два зарядных ящика⁴³.

Далее, 18 июля 1904 г. в бою у Кангуалина, когда японцы значительными силами обошли правый фланг русских войск, командующий 2-м Сибирским армейским корпусом генерал Засулич приказал Липовацу объединить действия как имеющихся на этом участке, так и выдвинутых из резерва частей⁴⁴, и восстановить с ними исходное положение. В ходе блистательной штыковой атаки сводный отряд Липоваца сбросил японцев с занятых ими вершин, однако понес при этом тяжелые потери. За этот подвиг 27 ноября 1904 г. приказом Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, за 181, Попович-Липовац был награжден золотым оружием с надписью «за храбрость»⁴⁵.

В последний день сражения на реке Шахэ тот же Засулич поручил Липовацу отряд в составе двух батальонов и двух охотничьих команд и приказал с ним и занять важный стратегический пункт — «гору с кумирней» (Тера Аму). В течение десяти дней, с 5 по 14 октября 1904 г., отряд упорно оборонял гору и отступил только по приказу свыше. В этом бою Попович-Липовац получил сильную контузию в живот и был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени. Тогда эту награду ему получить не удалось, но три года спустя, 15 июля 1908 г. Георгиевская дума вновь вернулась к этому вопросу, и на этот раз наш герой был удостоен этой награды⁴⁶.

Во время Мукденских боев полковник Липовац временно командовал отрядом в составе Царицынского и Верхнеудинского пехотных полков с одной батареей, с которым оборонял Сюятенскую долину. После оставления Мукдена с 12 марта по 13 сентября 1905 г. был вр. командующим 4-м пехотным сибирским Верхнеудинским полком, 4 сентября того же года за боевые отличия в Мукденском сражении был произведен в генерал-майоры, и далее в течение месяца командовал 1-й бригадой 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Русско-японская война, без сомнения, являлась самой яркой страницей в военной карьере нашего героя: его подвиги в эту войну были неоспоримы, впрочем, и не остались без соответствующих наград⁴⁷.

По окончании войны высочайшим приказом от 18 октября 1905 г. генерал Липовац был вновь назначен в распоряжение начальника Главного штаба и продолжил работу над новым вариантом книги по македонскому вопросу⁴⁸. Но затем, 20 апреля 1908 г., Попович-Липовац написал прошение об отставке под предлогом болезни и старых ран. Впрочем,

сам он в личном письме к генералу А. Е. Эверту утверждал, что уйти в отставку его вынудили «подлые интриги» недругов и «ядовитая аттестация», данная ему бывшими его начальниками на японской войне генералами Штакельбергом и Засуличем, которые поставили крест на его планах дальнейшего карьерного роста⁴⁹. В конце того же 1908 г. разразился новый кризис на Балканах, вызванный аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины (оккупированных ею в 1879 г., но формально считавшихся принадлежащими Турции). В дни этого кризиса Липовац уехал в Белград, чтобы в случае войны предоставить себя в распоряжение Сербии; он был принят там с воодушевлением и восторгом⁵⁰. Но Россия отказалась поддержать выступление балканских славян против Австрии, и война не состоялось⁵¹.

В момент своего выхода в отставку Попович-Липовац обратился в военное министерство с просьбой произвести его в следующий чин генерал-лейтенанта, но в этом ему было отказано⁵², поскольку он не имел достаточной для этого выслуги лет. На службе в русской армии он пробыл всего лишь 10 лет, 1 месяц и 13 дней, к этому прибавлялось еще 20 лет и 6 месяцев черногорской службы⁵³. Зато военное министерство поддержало другую его просьбу — об увеличении пенсии, которая полагалась ему в размере 860 рублей в год⁵⁴. После двух лет переписки с министерством финансов и благодаря новой личной встрече с Николаем II в ноябре 1909 г., пенсия Липовацу была повышена до 3360 рублей⁵⁵. В то же время, пока тянулась тяжба, Попович-Липовац получал негласное пособие из денег из Кабинета Его Величества в размере 2000 (позднее — 1500) рублей⁵⁶.

Во время Первой балканской войны 1912–1913 гг. Попович-Липовац отправился в Черногорию и находился в рядах ее войск при осаде турецкой крепости Скутари (или Шкодер) на территории Албании. Однако в чем конкретно заключалась его служба здесь, неизвестно.

С началом Первой мировой войны Липовац подал рапорт о зачислении его вновь на русскую службу, и Высочайшим приказом 29 августа 1914 г. он был назначен командиром 2-й бригады 9-й пехотной дивизии (10-й армейский корпус 3-й армии)⁵⁷. С этим корпусом и армией он принимал участие в боях на Карпатах против австрийцев; за боевые отличия был награжден орденами Св. Анны 1-й ст. с мечами и Св. Владимира 2-й ст. с мечами. Впрочем, не обошлось без конфликта с начальником — командующим 3-й армией генералом Р. Д. Радко-Дмитриевым, болгарин по происхождению. По словам черногорского биографа, Радко-Дмитриев «терпеть не мог Липоваца, громко называвшего Болгарию изменницей славянства»⁵⁸. В январе 1915 г. Попович-Липовац временно командовал бригадой 60-й пехотной дивизии, с которой и прибыл на поддержку 12-й кавалерийской дивизии генерала А. М. Каледина, защищавшей стык 3-й и 8-й армий в районе Лутовиско. В состав сводного

отряда Каледина кроме его дивизии и бригады Липоваца вошла также 4-я «Железная» стрелковая бригада генерала А. И. Деникина. В упорных боях отряду удалось остановить наступление австрийцев через карпатские перевалы⁵⁹.

14 апреля 1915 г. Попович-Липовац был переведен командиром бригады в 48-ю пехотную дивизию генерала Л. Г. Корнилова⁶⁰. Пять дней спустя русский фронт был прорван под Горлицей 11-й германской армией Макензена, началось общее отступление войск Юго-западного фронта. Дивизия Корнилова отходила последней, в двадцатых числах апреля 1915 г. она была окружена и разгромлена в боях у Дуклинского перевала, а ее доблестный начальник, лично сражавшийся в рядах арьергарда, — ранен и попал в плен. В разгар этих боев, 23 апреля 1915 г., Попович-Липовац был ранен осколком снаряда в бедро и эвакуирован в тыл, сумев, таким образом, избежать плена⁶¹. В строй он уже не вернулся, лечил свою рану, и 8 июля 1915 г. был отчислен от должности и назначен в резерв чинов при штабе Минского военного округа. Полгода спустя высочайшим приказом от 24 января 1916 г. за боевые отличия Липовац был произведен в генерал-лейтенанты; на фронт он больше не возвращался, кроме короткого периода с 1 сентября по 9 ноября 1916 г., когда он временно командовал бригадой в 77-й пехотной дивизии⁶².

После Февральской революции 17 апреля 1917 г. Попович-Липовац был назначен в распоряжение военного министра⁶³, часто встречающееся утверждение, что он был помощником командующего Петроградским военным округом генерала Корнилова, не находит подтверждения в документах. В некрологе Липоваца упоминается, что в это время «он занимался умирением мятежей солдат, для чего держал перед ними патристические речи, в которых не раз излагал им свою жизнь»⁶⁴. После большевистского переворота, 1 января 1918 г. он был окончательно уволен со службы. Здоровье Липоваца, похоже, было серьезно подорвано, он «тяжело болел от раны и последствий военных тягот и удалился в свое имение на юге России»⁶⁵. Но там его настигла последняя в его жизни война — Гражданская.

В начале апреля 1918 г., когда немецкие войска начали оккупацию Украины, отряды Красной гвардии, откатываясь перед ними практически без сопротивления, компенсировали свои неудачи безудержным грабежом покидаемых городов. Все это вынуждало жителей создавать отряды самообороны. В г. Бердянске это противостояние переросло в антибольшевистское восстание, организованное Бердянским союзом увечных воинов. Липовац, проживавший недалеко от города, в первые же дни восстания явился в штаб повстанцев и предложил свои услуги. По словам одного из руководителей восставших, штабс-капитана Абалянца, «в штаб явился генерал от кавалерии Попович-Липовац. Вытащившись, я предложил себя в его распоряжение. “Не ты в моем распоря-

жении, а я в твоём, мой сын”, — ответил старый генерал»⁶⁶. В дальнейшем старый генерал принял активное участие в деятельности штаба повстанцев, в защите города и в переговорах с подошедшим красным отрядом матросов Мокроусова. Несмотря на жестокий обстрел с моря, восставшим удалось продержаться до 11 апреля 1918 г., когда в город вступил отряд добровольцев полковника М. Г. Дроздовского, прорывавшийся на Дон с Румынского фронта.

Обстоятельства жизни Поповича-Липоваца в течение следующего года неизвестны. Известно лишь, что из России он уехал весной 1919 г., эвакуировавшись благодаря помощи французского адмирала Амата⁶⁷, скорее всего, на французском судне. Это произошло после прорыва красных в Крым, в результате которого частям Крымско-Азовской добровольческой армии пришлось отойти на Керченский полуостров, на Ак-Монайские позиции. Севастополь был эвакуирован в апреле, видимо именно в этот момент французы и вывезли из Крыма Липоваца вместе с его семьей. Они были доставлены в Париж. Два с половиной месяца спустя, 17 августа 1919 г., генерал-лейтенант И. Ю. Попович-Липовац умер в военном госпитале «Валь де Грас» в Париже. Похоронен он был на кладбище Сен-Женевьев де Буа. По словам черногорских авторов, за его гробом шли находившиеся здесь же в эмиграции члены черногорской королевской семьи, представители нового Королевства сербов, хорватов и словенцев и русские эмигранты, а председатель французского правительства Клемансо прислал адъютанта, чтобы выразить свои соболезнования семье покойного⁶⁸.

По моему мнению, такое завершение жизни для героя Черногории и России было совершенно закономерным. Связав свою жизнь с Российской империей, с ее традициями и с ее армией, он не мог не поддерживать Белое движение и не уйти с ними вместе в эмиграцию. И даже на кладбище Сен-Женевьев де Буа генерал Иван Юрьевич Попович-Липовац покоится теперь с участниками Белого движения «в одном строю».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ На настоящий момент лучшая черногорская биография Поповича-Липоваца приведена в книге Д. Мартиновича (*Мартиновић Д.* Генерале из Црне Горе у руској војсци. Подгорица, 2002), а лучшая русская биография — в статье Е. Лозовского (*Лозовский Е.* Смелым Бог помогает // Кавалеръ. 3. С. 7–12). Но и они не свободны от фактических ошибок, часть из которых связана с разночтениями в документах и других источниках.
- ² Судя по упоминанию в книге И. Ю. Поповича-Липоваца «Россия и Черногория со времен императора Петра I» (СПб., 1883), их род состоял в отдаленном родстве с княжеской династией Петровичей-Негошей.
- ³ *Мартиновић Д.* Указ. соч. С. 151.

- 4 Попович-Липовац Иван Юрьевич // Военная энциклопедия (изд. И. Д. Сытина) Т. 18. Пг, 1915. С. 587–588. Эта информация восходит к статье «Йован Попович-Липовац», напечатанной в газете «Русское дело» 8, от 23 мая 1887 г., подписанной инициалами «С. Ш.».
- 5 В Послужном списке Поповича-Липоваца записано, что во время черногорско-турецкой войны он «участвовал в Бишинском, Вучедольском, Рогамском, Малятском и Высочицком сражениях» (Послужной список состоящего в распоряжении Главного Штаба, числящегося по Гвардейской пехоте генерал-майора Ивана Юрьевича Поповича-Липоваца (составлен 18 января 1906 г.). (Далее — Послужной список // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 17748. Л. 88).
- 6 Послужной список. Л. 82.
- 7 *Мартиновић Д.* Указ. Соч. С. 151; *Батрићевић Ђ.* Црногорци у руско-јапанском рату. Цетиње, 1996. С. 15. Эта информация восходит к статье, опубликованной в Цетиньской газете «Глас Црногорца» в 1884 г.
- 8 *Шабанов Д.* Описание боевой жизни в минувшую войну 1877–1878 годов 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Императорского Величества полка. Тифлис, 1881. С. 96–105.
- 9 Приказ по Кавказской армии и Кавказскому военному округу 372 от 9 октября 1877 г. в лагере при сел. Бол. Тимке. Подписан Командующим Кавказской армией Генерал-фельдцейхмейстером Великим князем Михаилом Николаевичем // РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 84. Л. 775–776 об.
- 10 *Шабанов Д.* Указ. соч. С. 115–116.
- 11 РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 84. Л. 933.
- 12 Послужной список // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 17748. Л. 82 об.
- 13 Российский Государственный Исторический Архив (далее — РГИА). Ф. 381. Оп. 46. Д. 107. Л. 157–158.
- 14 Там же. Л. 161–162.
- 15 Так в тексте. Правильно — Денгиль-Тепе.
- 16 Попович-Липовац Иван Юрьевич // Военная энциклопедия (изд. И. Д. Сытина) Т. 18. Петроград, 1915. С. 587–588; С. Ш. Йован Попович-Липовац // Русское дело. СПб., 23 мая 1887 г. 8.
- 17 *Туган-Мирза-Барановский В. А.* Русские в Ахал-Теке. 1879 г. СПб., 1881. С. 119–120. В отношении численности команды охотников я склонен больше доверять свидетельству Барановского, тем более что подлинник рапорта графа Борха мне пока обнаружить не удалось. По единодушному признанию участников экспедиции, в момент штурма пехотные батальоны отряда (выделившие из своего состава по роте для охраны обоза) насчитывали в среднем немногим более 200 штыков. Так что, если бы выделенная команда охотников насчитывала 165 штыков, логичнее было бы поручить руководство ею штаб-офицеру.
- 18 Рапорт Поповича-Липоваца военному министру от 22 марта 1908 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 17748. Л. 11 об.

- 19 Согласно Послужному списку: «Александровский комитет о раненых в заседании 30-го марта 1900 г. ... положил причислить ко 2-му классу раненых, зачислив кандидатом на пенсию из инвалидного капитала по 225 руб. в год, по чину гвардии подпоручика за контузию, полученную 28 Августа 1879 г. во время Ахал-Текинской экспедиции в деле при Денгиль-Тепе» // Там же. Л. 84.
- 20 Там же. Л. 83.
- 21 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 годах. М. 1993. С. 91–92; *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 232–234. Скорее всего, упомянутый здесь Иванович — сосед Липоваца по имениям в Бердянском уезде, которые они получили одновременно в 1878 г.
- 22 Послужной список. Л. 83–83 об.
- 23 *Матавуљ С.* Биљешке једног писца. Цетиње, 1975. С. 193–195.
- 24 *Мартиновић Д.* Указ. соч. С. 152; *Лозовский Е.* Указ. соч. С. 7–8.
- 25 Имеется в виду 7-й (Приморский) бригадный территориальный округ Черногорского народного войска, в котором в случае войны должны были быть сформированы 3 батальона.
- 26 К сожалению, дата их бракосочетания, а также кто были родители жены, остается пока для меня неизвестным. Следует, однако, отметить, что супруга Липоваца принадлежала к одному из известнейших родов в Черногории, представитель которого, Станко Радониц, был министром черногорского правительства в 1876–1878 гг.
- 27 Послужной список. Л. 88.
- 28 *Лозовский Е.* Указ. соч. С. 8–9.
- 29 Државни Музеј — Цетиње. Архивско одељење (Архив при дворце-музее короля Николы). Переписка князя за 1898 год. Письмо 17. Этот документ был обнаружен Н. А. Клевалиной.
- 30 Согласно Н. И. Хитровой, Попович-Липовац в те дни писал Ровинскому, что боится возвращаться на родину, опасаясь убийства (*Хитрова Н. И.* Указ. соч. С. 255–256). Позднее, в статье, приуроченной к 10-летию смерти Липоваца, неизвестный югославянский автор, подписавшийся инициалами «Й. Д.», утверждал, что Липовац вынужден был оставить Черногорию потому, что, будучи свободомыслящим человеком, вступил в непримиримую борьбу против княжеского абсолютизма. (*Ј. Д. Заслужни за отаџбину: Ђенерал Ј. Поповић-Липовац* // *Слободна мисао*. 8/ 1929, 372, С. 3.). Но официально Липовац опровергал в газетах все слухи о своем конфликте с князем Николой (Черногория. Новый Врбница // *Московские ведомости*. М., 5 июня 1898 г. 152.).
- 31 *Лозовский Е.* Указ. соч. С. 7–8. 14 января 1904 г. Попович-Липовац получил герб, который был занесен в 17-ю часть Гербовника Дворянских родов под 72.
- 32 РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 580. Л. 2–2 об.

- 33 Там же. Л. 4–5. Письмо собственноручное; я, по возможности, постарался сохранить стиль документа с встречающимися в нем сокращениями и многочисленными орфографическими ошибками.
- 34 Там же. Л. 3–3 об.
- 35 В своем особом мнении он написал буквально следующее: «Попович-Липовац уволен из русской службы подпоручиком, а потому прием его обратно на нашу службу чином полковника казалось бы является чрезмерным. Для службы в Главном штабе Попович-Липовац, по моему мнению, совершенно непригоден, ибо, как видно из его письма и докладной записки, он... безграмотен...» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 580. Л. 6 об.). Многочисленные опiski и ошибки в письмах Липоваца объясняются тем, что русский язык не был для него родным, в частности постоянно вместо русских слов «все», «всяко», вставлял близкие по звучанию и аналогичные по смыслу сербские слова — «све», «свако».
- 36 РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 580. Л. 7.
- 37 Е. Лозовский в своей статье предполагал, что Липовац 1 июня 1898 г. принес присягу на русское подданство, но как видно из доклада Куропаткина, на деле этого сделано не было. Но это означает, что пожалование нашему герою российского дворянства было также сделано в отступление от общих правил.
- 38 Послужной список... Л. 83 об. Речь идет о так называемом «цензовом» командовании. Следует особо отметить, что это единственный зафиксированный в послужном списке случай службы Поповича-Липоваца непосредственно в строю в мирное время.
- 39 Доклад генерал-адъютанта В. В. Сахарова военному министру о труде полковника Поповича-Липоваца «Правда о Македонии» // РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–7об.
- 40 Послужной список. Л. 84.
- 41 Русское правительство в начале 1904 г. с благодарностью отклонило предложение 1000 черногорцев и 500 сербов, выразивших желание поступить добровольцами в русскую армию. В Маньчжурию смогли попасть из них лишь единицы, поехавшие на свой страх и риск частным порядком.
- 42 Казачий офицер А. Квитка встретил Липоваца на обеде у Куропаткина 1 мая 1904 г. Согласно его воспоминаниям, «Липовац прибыл в армию вместе с целой ватагой черногорских головорезов; он говорил, что таких разведчиков нет в мире: расположившись на вершинах гор, они переговариваются, подражая крику разных птиц и зверей, передавая, таким образом, о всех действиях неприятеля. Слышал я потом о личных подвигах Липоваца, но о его команде не слышал ничего. Едва ли в современных войнах, где стреляют с двух-трехверстного расстояния бездымным порохом, возможно ожидать каких-то чудес от разведочных приемов Запорожья. Это, может быть, еще пригодно в борьбе между храбрыми, но невежественными четами в горах Балканов, но борцы двадцатого века, японцы, предпочитают этим примитив-

ным приемам сигнализацию гелиографами, электрическими лампами и будут передавать получаемые сведения не подражанием крику совы, филина или сыча, а по телефону, проведенному по всем направлениям, как паутину» // *Квитка А. В.* Дневник Забайкальского казачьего офицера: Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1908. С. 31–32.

- 43 Согласно рапорту командира 1-й батареи 1-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады полковника Галезина от 10 июня 1904 г. «для поддержки в порядке отступления арьергарда полковник с повязанной головой и с Владимиром в петлице (фамилию его не знает никто из офицеров батареи), он же, как сам сказал, начальник арьергарда, приказал поручику Кущенко сняться с передков и открыть огонь». Благодаря этой распорядительности, «лихорадочное отступление» прекратилось, и «части шли далее в полном порядке» (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 17748. Л. 103–104). В дополнение к этому рапорту капитан Потулов, командовавший батареей в бою, написал следующее: «... сообщаю Вашему Высокоблагородию, что, как выяснилось, люди, прикрывавшие отступление 5-го орудия, находящегося под командой поручика Кущенко, были черногорцы добровольцы и учебная команда Пограничной стражи, о награждении которых считаю своей обязанностью ходатайствовать. Лица эти известны Гвардии Полковнику Поповичу-Липовац, упомянутому в рапорте Вашем от 10-го июня сего года за 846, командовавшему арьергардом и задержавшему пехоту для прикрытия отступления батареи» (Там же. Л. 91).
- 44 3-й батальон 124-го пех. Воронежского полка, 1-й батальон, а также 7-я, 8-я и 9-я роты 123-го пех. Козловского полка, 4-й батальон 5-го пех. сибирского Иркутского полка, а также 11 рот и 2 пешие команды из состава 5-й Восточно-Сибирской стрелк. дивизии. Всего порядка семи батальонов.
- 45 Послужной список Л. 84 об. – 85.
- 46 Там же. Л. 86. По некоторым данным, после этой героической обороны «сопка с кумирней» получила в армии новое название — «сопка Липоваца» (по аналогии со знаменитой Путиловской сопкой).
- 47 Кроме перечисленных выше, он получил также за эту войну ордена Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 3-й степени, оба — с мечами.
- 48 Эта книга вышла в свет в Петербурге в 1908 г. под заглавием «Жгучий вопрос дня: Македония. Реформы и русско-английские проекты».
- 49 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 17748. Л. 7–7об. Это письмо датировано 11 марта 1908 г.
- 50 *Л. Д.* Указ. соч. С. 3.
- 51 Липовацу пришлось в русских газетах опровергать слухи о том, что он собирает в Сербии добровольческий корпус и что в случае войны он станет едва ли не главнокомандующим сербской армии (*Санин А.* Черногорский генерал о войне // *Биржевые ведомости.* СПб., 3 марта 1909 г. 10. С. 988).
- 52 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 17748. Л. 11–12. В случае присвоения ему чина генерал-лейтенанта, в дальнейшем, при возвращении на службу, Попович-Липовац

мог бы претендовать на должность начальника дивизии. Между тем он, действительно, не имел для этого ни необходимых знаний, ни должного опыта командования строевыми частями. Характерно, что А. И. Деникин, встретивший Липоваца позднее, в январе 1915 г., на полях Первой мировой войны, охарактеризовал его как храброго черногорца, но малограмотного генерала // *Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. М., 1991 г. (репринтн. изд.) С. 162.*

- 53 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 17748. Л. 17–17 об. При исчислении своего черногорского стажа Липовац сильно погрешил против истины. 20 лет и 6 месяцев выходят, если считать за черногорскую службу весь период с момента его ухода с русской службы 5 июля 1882 г. до возвращения на нее обратно 6 января 1903 г. Но, как уже говорилось выше, на деле Липовац прибыл в Черногорию лишь в конце 1883 г., а уехать из нее вынужден был в начале 1898 г. Таким образом, он приписал себе не менее 5 лет службы. Еще большее удивление вызывают две другие записи в его послужном списке. В графе «Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное» — вписано: «не имеет», хотя на деле он владел в Бердянском уезде имением «Деве-Бойну»; точно так же не отмечена и его служба «по выборам дворянства», при том, что в ноябре-декабре 1902 г. он подписывался предводителем дворянства Бердянского уезда Таврической губернии.
- 54 Там же. Л. 18 об.
- 55 Там же. Л. 67. Эту пенсию ему начали начислять с марта 1910 г.
- 56 РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Ч. 1. Д. 1073. Л. 2, 3, 9.
- 57 РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 7799. Л. 4.
- 58 *Л. Д. Указ. соч. С. 3.* В данном случае Липовац совершенно не прав: Радко Дмитриев, герой I Балканской войны, доведший в 1912 г. 3-ю болгарскую армию до ворот Константинополя, вынужден был покинуть родину именно для того, чтобы не служить германофильским кругам, сплотившимся вокруг царя Фердинанда.
- 59 Об этих боях существуют воспоминания начальника штаба 12-й кавалерийской дивизии полковника (в дальнейшем — генерала) Э. Г. фон Валя. При этом фигуру Липоваца он рисует в почти карикатурном виде, утверждая, что тот участвовал в «13 кампаниях: мексиканских, южно-африканских и многочисленных балканских» (что не соответствует действительности, поскольку ни в Мексике, ни в Трансваале Иван Юрьевич не воевал). «Вид у него был свирепый, а на боку висела кривая, как колесо, шашка. Он своими движениями старался показывать, что он ни перед чем не остановится», но при этом, по словам фон Валя, Липовац не мог разобрать обстановку ни на карте, ни на местности, так что все планы приходилось составлять вместо него начальнику штаба 60-й пехотной дивизии Генерального штаба полковнику Ф. И. Ростовцеву (*Валь Э. Г. Кавалерийские обходы генерала Каледина. 1914–1915 гг. Таллин, 1933. С. 43–49*). По-видимому, некоторая доля

истины в этом есть, если сравнить это мнение с упомянутой выше характеристикой, данной Липовацу А. И. Деникиным. Иван Юрьевич, действительно, не стремился к повышению своей квалификации как военачальника, и его подвиги почти всегда были связаны с руководством относительно небольшими отрядами. Но, с другой стороны, тот же фон Валь признает, что во время боя личная храбрость Липоваца способствовала стойкости руководимых им солдат.

60 РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 7799. Л. 4 об.

61 Юшко В. 48-я пехотная дивизия // http://www.grwar.ru/library/Yushko_48id. Похоже, Липовац не смог ужиться и с Корниловым. По крайней мере, Мартынов упоминает о том, что, будучи эвакуирован во Львов, Липовац вел разговоры, порочащие имя Корнилова, обвиняя его в гибели дивизии. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н. И. Иванов вынужден был запретить Липовацу распространять дальше свою версию. См.: *Мартынов Е. Л.* Гибель дивизии Корнилова // Военно-исторический сборник. Вып. 1. М., С. 50.

62 РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 7799. Л. 6—6 об.

63 Там же. Л. 6 об.

64 Генерал Јован Поповић-Липовац // Глас Црногорца. 47/ 1919 г. 76. С. 2. При том умении очаровывать окружающих, которое он демонстрировал всю жизнь, Попович-Липовац вполне мог найти ему прекрасное применение в обстановке бесконечных митингов 1917 года. Но немногие имеющиеся документы свидетельствуют скорее об исполнении им представительских функций, таких, как раздача Георгиевских крестов раненым в лазаретах Петрограда.

65 *Ј. Д.* Указ. соч. С. 3. По-видимому, имеется в виду все то же его имя «Деве-Бойну».

66 *Абальяну.* Восстание Бердянского союза увечных воинов в начале апреля 1918 года // Вестник первопоходника. 51. Декабрь 1965; 52. Январь 1966. Генералом от кавалерии Попович-Липовац назван ошибочно, он был генерал-лейтенантом и в кавалерии никогда не служил.

67 *Ј. Д.* Заслужни за отаџбину: Генерал Ј. Поповић-Липовац // Слободна мисао. 8/ 1929. 372. С. 3. В статье указывается, что Липовац покинул Россию в мае 1919 г., но Севастополь был занят красными уже 29 апреля. Упомянутый здесь адмирал Апат исполнял обязанности старшего начальника всех французских военно-морских сил на рейде Севастополя.

68 Там же. Иногда упоминают, что Попович-Липовац на момент своей смерти являлся также маршалом черногорского двора, но при каких обстоятельствах он получил эту должность и каким образом отправлял эту службу, мне неизвестно.

А. Л. Шемякин

СВОЙ СРЕДИ «СВОИХ».
ЙОВАН ПОПОВИЧ-ЛИПОВАЦ
И ВОССТАНИЕ В ГЕРЦЕГОВИНЕ (1882 г.)

*«Я славянин в обширном смысле слова,
я солдат русского царя и солдат славянский...»*

(Йован Попович-Липовац — И. С. Аксакову.
Бердянск, 4 августа 1882 г.¹).

Йован (Иван Юрьевич) Попович-Липовац (1856–1919) — фигура в русской военной истории весьма заметная. Черногорец по рождению — из села Граджане Риекской нахии, — стал на склоне лет генерал-лейтенантом, обретя за участие во всех войнах, что вела Россия в 1877–1918 гг., множество боевых наград, включая две «кавалерии»^{*} и золотое оружие. За воинские отличия был пожалован и двумя именьями (400 и 120 десятин) в Бердянском уезде Таврической губернии... С другой стороны, как верный сын своей «малой родины», он не мог остаться в стороне от балканских событий — участвовал в Боснийском восстании (1875–1876), Черногорско-турецкой (1876–1877) и Первой Балканской войнах (1912–1913).

И в 1882 г., когда в Боке Которской (Кривошиях) и Герцеговине начались волнения православного населения против призыва в австрийскую армию, наш герой поспешил на «поле боя», пытаясь пробиться из Болгарии с четой добровольцев на помощь восставшим. Казалось бы, обычная авантюра, которыми был богат XIX век в условиях вечно тлевших Балкан и в которых часто «засвечивались» русские подданные. Но в данном случае речь о другом, — ведь за кулисами ее скрывались такие крупные фигуры, как И. С. Аксаков и М. Д. Скобелев: по предположению В. М. Хевролиной, «существовал какой-то план московских славянофилов, рассчитанный на организацию крупного антиавстрийского выступления на Балканах»².

В таком вот «неожиданном» контексте протекала деятельность подпоручика Лейб-гвардии Гренадерского полка Поповича-Липоваца по поддержке герцеговинцев, что сразу же усиливает интерес ко всему «сюжету». Тем более, что, помимо общих фраз, о нем мало что толком ясно. И хотя В. М. Хевролина констатирует: «Как известно, сформированные в Софии в помощь герцеговинским повстанцам отряды Поповича-

^{*} За подвиги в ходе Первой мировой войны Й. Попович-Липовац был награжден высшими степенями орденов Св. Станислава и Св. Анны с мечами, а также Св. Владимиром 2-й степени с мечами.

Липоваца и Йовановича * действовали в Герцеговине крайне неудачно (выделено нами. — А. Ш.)»³, спрашивается: а стоит ли их отождествлять? И в биографии Й. Липоваца, помещенной в Интернете, в *трех строках*, относящихся к нашей теме, присутствуют три погрешности⁴, от которых, увы, не свободно и недавно вышедшее подробное жизнеописание «Д'Артаньяна Черной Горы»⁵.

Что говорить, если даже Министерство иностранных дел России, отвечая на запрос коллег из минземледела и госимуществ, разводило руками: «Деятельность г. Поповича-Липоваца в Герцеговинском восстании мало известна министерству и вряд ли может быть выявлена за трудностью собрания сведений, относящихся к такому смутному периоду»⁶. А русский консул в Сараево писал в Петербург: «Подпоручик Попович-Липовац никакого непосредственного участия в Боснийско-Герцеговинском восстании не принимал. Он был арестован австрийскими властями при переходе границы и все время восстания проживал в Австрии»⁷. Вот так!..

И все же мы попытаемся «выявить» ее — эту деятельность, — отдавая себе отчет во всей «трудности собрания сведений»... Но для начала надо реконструировать жизненный путь черногорского уроженца в России еще до событий 1882 г. — его поведение и связи в ту пору дадут нам многое для понимания их логики.

* * *

В Россию Йован Попович-Липовац прибыл совсем еще подростком в 1872 г., желая учиться на медицинском факультете Московского университета. Имеющиеся данные свидетельствуют, что в этом его поддержал Московский славянский комитет, регулярно выплачивая стипендию. В 1875 г. (в возрасте 19 лет) он отправился в Герцеговину, где вспыхнуло антитурецкое восстание. По собственным словам, «там сделал все, что было возможно, собрал 600 человек, был предводителем, имел несколько своих сражений»⁸. В ноябре вернулся в Москву.

Из нее же 28 ноября Липовац писал И. С. Аксакову — заместителю председателя Славянского комитета и первейшему благодетелю: «Сегодня получил письмо из Боснии от некоторых вождей тамошних и заговорщиков против Турции, они мне говорят, чтобы в марте непременно там был». В условиях дальнейшего обострения ситуации на Балканах надо было решать — как же быть с университетом. Попович все еще надеется совмещать и его, и войну: «Не хотите ли Вы быть так добры исходатайствовать у г. ректора Соловьева и Н. А. Попова (председателя

* Иванович Стеван — русский офицер; как и Попович-Липовац, черногорский уроженец; предводитель второго отряда добровольцев, собранных в Болгарии для помощи герцеговинским повстанцам.

Славянского комитета. — А. Ш.)» позволения держать экзамен в марте месяце, тогда я не потеряю курс»⁹.

Но, не дождавшись марта, уже в январе, он (под видом корреспондента «Голоса») вновь на мятежном полуострове — на сей раз в Боснии, откуда бомбардирует и Аксакова, и Славянский комитет просьбами о помощи деньгами и оружием¹⁰. Помощь была оказана и, как всегда, немалая: Московский славянский комитет собрал на восстание 30 000 рублей, а Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество — вдвое больше¹¹. На них агенты восставших закупили три тысячи винтовок, миллион патронов и даже две пушки¹².

При этом весьма наглядна характеристика Йована Поповича-Липоваца, данная ему «благодетелем» в послании к известному дипломату А. С. Ионину от 15 февраля 1876 г.: «В последнее время уехали от нас драться два черногорца — Попович „Иван Юрьевич“, студент медицины в Московском университете, и Николич, студент Духовной академии... *Попович, хоть и враль, но поэт и малый приличный* (выделено нами. — А. Ш.)»¹³. Воистину, лучше не скажешь! Жизнь неоднократно подтвердила точность этих слов... Но вернемся к теме.

В марте 1876 г. наш герой шлет очередное сообщение Аксакову: «Плохо нам, Иван Сергеич, действительно, Босна не храбра. Я пропагандирую, переодет ежедневно, раз чуть-чуть не попал в турецкие руки. Воевал два раза как простой волонтер. Если не завоюют Сербия и Черногория, плохо дела пойдут»¹⁴. Однако Сербия и Черногория «завоевали», и Балканский кризис, мало-помалу затихавший сам собой, разгорелся с новой силой. И мы уже видим его в сражениях Черногорско-турецкой войны... Выбор был сделан — прощай Московский университет! Но при этом — отнюдь не прощайте Вы, Иван Сергеич.

Лето 1877 г. — важный рубеж в жизни экс-студента. Именно тогда сделанный ранее выбор между «войной и миром» окончательно материализовался: в Санкт-Петербурге он вступил «охотником» в русскую армию, в которой — с немалым числом больших и малых перерывов — прослужит вплоть до 1917 г. ... 22 июня 1877 г. новоиспеченный воин пишет Аксакову: «Причины, которые заставили меня поступить под знамена Великой России — „Освободительницы славян“, Вам известны из моей прошлой жизни... Только могу Вам обещать, что постараюсь оказаться достойным русского солдата и что постараюсь между русскими поддержать реноме моей счастливой и несчастливой родины. Иван Сергеич... я теперь осмеливаюсь, согласно Вашему обещанию и данному слову в Москве, попросить Вас выслать мне стипендию за пять месяцев вперед. На жалование рядового очень трудно поехать»¹⁵. Резолюция Аксакова звучала: «Выслать 50 р. За август и сентябрь»¹⁶.

Вступление Поповича-Липоваца в русскую армию — шаг действительно логичный, имея в виду всю его «прошлую жизнь»: к 1877 г. пора

импровизаций самих балканцев уже закончилась, а в дело борьбы с Турцией включилась «Великая Россия». Вот наш герой и поспешает из Петербурга на Кавказ, где ожидаются «великие бои». В чем его продолжает поддерживать И. С. Аксаков, хотя Славянский комитет никаких обязательств в отношении него уже не несет.

10 августа, из Тифлиса, следует новое письмо благодетелю: «Спешу известить Вас, что вчера выдержал офицерский экзамен при здешнем штабе с отличием, и буду на днях произведен офицером, но раньше, чем буду произведен, я спешу в Кюрюк-Даро портупей-юнкером в Его Величества Лейб-Эриванский гренадерский полк, чтобы не опоздать в серьезном деле, которого на днях ожидают»¹⁷. Легко узнается прирожденный черногорец, — слышав звук боевой трубы, у него будто вырастают крылья.

Воевал он славно, был контужен; в письме другу обнаруживаем колоритные сцены: «Раз писал тебе, не получил ответа, второй раз пишу из дивизионного лазарета. За славное Авлиярское дело, за мой подвиг, что я первый поднялся на крепость и убил своеручно командующего Авлияром, получил Георгия IV ст. (солдатского). За Деве-Бойну, за то, что я лично, по своей инициативе, с 40 человек напал на две турецкие батареи, взял 7 орудий, перебил людей и лошадей, убил своеручно (зарезал) коменданта артиллерии, получил сегодня „Георгия I ст. с бантом“ и сделан я единственным портупей-юнкером во всей русской армии, удостоенным такой награды^{*}. За рекогносцировку Эрзерума представлен в офицеры...». Но война подходила к концу, и потому в завершение письма: «Думаю дать в отставку, жизнь скучна, дороговизна ужасная»¹⁸.

И правда, начало 1878 г. дважды орденоседец провел в Москве, где встречался с Аксаковым, а во второй половине января отправился за границу, дабы подлечиться: «Мое здоровье, как сами видели, было ужасно расстроено», — писал он ему по весне¹⁹.

19 марта из Парижа Попович-Липовац подробно информировал Аксакова о своем житье-бытье и лечении: «Я жил некоторое время в Швейцарии, но мои скудные средства не позволяли мне там остаться... и я принужден был с последними деньгами отправиться в Париж, где лечение мне ничего не стоит... Я здесь поселился в Студенческом квартале и живу себе отчасти покойно, изучая французский язык, который мне очень нужен. Но живу в долгах!». И далее: «Конечно, я рассчитываю на Вас, Иван Сергеевич, и ни на кого больше, мой князь (Николай Петрович-Негош. — А. Ш.) предпочитает себе в карман класть деньги, чем помочь

* Знак отличия Военного ордена (Георгиевский крест или «солдатский Егорий») 1-й степени являлся действительно наградой крайне редкой — полученный Поповичем-Липовацем имел номер 14, как явствует из описи изъятых у него при аресте в Сербии вещей.

человеку... Мне писали из Черногории, что он ужасно сердит на меня, что я поступил на „русскую службу“. А потому «прошу Вас... исполнить мою просьбу»²⁰. В послании от 10 апреля следует и расшифровка оной: «Теперь я Вас опять покорно прошу немедленно выслать мне обещанное Вами вспомоществование в продолжение четырех месяцев»²¹. Аксаков откликнулся на просьбу — на том же письме его рукой начертано: «25 апреля послано 135 руб.».

Обращают на себя внимание еще две детали из парижских писем Липоваца. Первая — его сообщение о том, что «я здесь останусь еще два месяца»²² (считая с апреля); и вторая: «Если будет объявлена война, я поспешу встать в ряды непобедимой России и постараюсь показаться достойным Вашей помощи»²³. Из них следует, что находиться за границей он предполагал до июня 1878 г.

Именно тогда, подлечившись, он возвратился в Россию и вновь оказался на службе, где, за прошлые «боевые отличия», получил чин прапорщика, с переводом в Лейб-гвардии Гренадерский полк²⁴. В августе того же года Й. Попович произведен в подпоручики, а два месяца спустя — по ходатайству наследника-цесаревича Александра Александровича — ему было пожаловано имение в 400 десятин земли в Бердянском уезде Таврической губернии, а из министерства земледелия и государственных имуществ выделена ссуда в 1000 рублей на обустройство²⁵... Что и говорить, 1878 год, в плане производств и пожалований, выдался для «черногорского Д'Артаньяна» весьма благодатным.

Что касается обещания Аксакову при первом удобном случае участвовать в войне, то молодой офицер не кривил душой. С началом в 1879 г. Ахалтекинской экспедиции он выразил желание отправиться на новый фронт. 16 июля, оказавшись в Москве и не застав Ивана Сергеевича дома (тот находился в ссылке, во Владимирской губернии, — вследствие своей знаменитой речи 1878 г. против российской дипломатии), Попович-Липовац писал ему: «Проезжая через матушку-Москву по случаю моего отъезда в Ахал-Текинский отряд, куда я по Высочайшему повелению еду в распоряжение генерал-адъютанта Лазарева, я не мог пропустить счастливого случая сделать Вам визит как человеку, сделавшему для меня очень много добра... Позвольте, Иван Сергеевич, от души Вас поблагодарить за все, что Вы мне сделали. Я и в будущем постараюсь показать себя достойным протекции своего протектора. Не зная будущего, я высказываю свою признательность и уважение, которые я всегда питал к Вам. Прощайте»²⁶.

Автор письма оказался верен себе — в ходе Ахалтекинской экспедиции, за подвиги в боях, он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами... Заметим кстати, что 14 августа 1879 г. командующий экспедицией генерал-адъютант И. Д. Лазарев умер, а в мае 1880-го (после неудачных действий его преемника, генерал-майора Н. П. Ломакина)

пост этот занял герой войны с Турцией, генерал-лейтенант М. Д. Скобелев — во главе с ним боевые операции русских войск в Туркмении успешно завершилась взятием в январе 1881 г. крепости Геок-Тепе²⁷.

Итак, на сцене появилась вторая крупная личность Герцеговинского «закулисья», и значит — нам пора обратиться непосредственно к восстанию 1882 г.

* * *

Оно вспыхнуло годом ранее в Боке Которской, но быстро «разгорелось», захватив в январе 1882 г. и восточную Герцеговину. Однако уже к лету — в результате жестоких мер австрийских властей — его накал стал быстро слабеть. А в мае генерал Йованович, подавив движение в Кривошиях, поставил герцеговинских повстанцев в безвыходное положение. Спорадичные их действия продолжались до осени, когда вожди инсургентов перебрались в Черногорию²⁸. На том все и закончилось.

Понятно, что очередное восстание православного населения на Балканах вызвало в России массу сочувственных откликов. Позицию же официального Петербурга предельно наглядно выразил Александр III в собственноручной резолюции на донесении министра-резидента в Белграде А. И. Персиани о движении в Герцеговине: «Очень хотелось бы им помочь, но не время теперь»²⁹. Очевидно, что даже самодержец не удержался от симпатий к восставшим, однако резоны большой политики заставляли подождать... А ждать, между тем, намеревались не все — и в первую очередь получивший за Геок-Тепе Георгия 2-й степени и чин полного генерала ахалтекинский триумфатор, начавший активные поиски контактов с видными славянофилами.

С Аксаковым М. Д. Скобелев познакомился 9 января 1882 г., что точно фиксирует супруга Ивана Сергеевича А. Ф. Аксакова (Тютчева) в своих воспоминаниях, подчеркивая: «За последнюю зиму Скобелев близко сошелся с моим мужем»³⁰. И на первой же встрече генерал заявил, что «12-го в Петербурге состоится банкет для ознаменования взятия Геок-Тепе, и что он, Скобелев, намерен произнести речь и воззвать к патриотическому чувству России в пользу славян, против которых вооружаются в настоящее время мадьяры, и что он хочет открыть подписку в пользу кривошиев»³¹. Говорили, что Скобелев сам собирался отбыть в Герцеговину, чтобы взять командование повстанцами в свои руки, но внезапная кончина не позволила ему сделать это³².

В качестве главной базы для организации помощи герцеговинцам была определена находившаяся под русским управлением Болгария. Российские дипломаты в Княжестве (и прежде всего, состоявший в дружеских отношениях с Аксаковым консул М. А. Хитрово), как и многие офицеры, сочувственно отнеслись к планам славянофилов по сбору оружия и денег, вербовке добровольцев — им консульство выдавало

русские паспорта. Немаловажно заметить, что в начале 1882 г. по стране кружили слухи, будто на румынской границе уже стоит Скобелев со 120 тысячным войском, собираясь пройти через Сербию в Боснию и Герцеговину³³.

Тогда же в Болгарию — для организации переброски добровольцев в Герцеговину — отправился экс-вольный слушатель медицинского факультета Московского университета, давний «клиент» И. С. Аксакова, Святослав Правица, снабженный его рекомендательным письмом к Хитрово... Два года спустя, в письме К. П. Победоносцеву от 12 октября 1884 г., Аксаков, оправдываясь, излагал иную версию того, как Правица оказался в Болгарии: «Наконец, Правица решился ехать на службу в Болгарию, куда я ему и дал рекомендацию года три-четыре тому назад (т. е. в 1880–1881 гг. — А. Ш.)... Никаких сношений с Правницей по отъезде его в Болгарию я не имел»³⁴. Лукавит Иван Сергеевич в своем оправдательном письме, что очень легко доказывается, — Попович-Липовац 9 апреля 1882 г. предостерегал его: «Советую Вам осторожно давать Ваши рекомендательные письма; кто-то, по слухам, Ваше письмо передал в Австрийский консулат. Правица, которому Вы дали письмо на г. Хитрово, оклеветал Ивановича. Правица — это шарлатан и подлец в высшей степени...»³⁵. Столь хлесткая и недипломатичная оценка имела, думается, под собой основание *.

* «Оправдательное» письмо Аксакова Победоносцеву, о котором мы говорили, датировано 12 октября 1884 г. 20 октября Константин Петрович передал его шефу Азиатского департамента российского МИД И. А. Зиновьеву с припиской: «Вот письмо Аксакова, о коем я говорил Вам. Граф Толстой показывал его государю, и Его Величество удовлетворился разъяснениями, не находя оснований не верить искренности Аксакова...» (Архив внешней политики Российской империи. Личный фонд И. А. Зиновьева. Оп. 861. Д. 121. Л. 1). Что же беспокоило государя? Мы предполагаем, что это — очередные слухи о восстании на Балканах, чего России крайне бы не хотелось. В подтверждение приведем отрывок из письма Стевана Петрановича (который еще в 1878 г. боролся против оккупации Боснии и Герцеговины австрийцами, за что и был ими приговорен к смерти) известному русскому слависту В. И. Ламанскому от 7 октября 1884 г.: «Встречаю на улице некоего Правицу, который выдает себя за доктора медицины (он даже студентом медицинского факультета МУ никогда не являлся, будучи вольнослушателем. — А. Ш.). И он мне говорит, что господин Аксаков послал его найти людей, которые организуют восстание в Боснии и Герцеговине, и для этого он имеет 219 000 рублей». И далее: «Я сказал ему, что он — на ошибочном пути, и что так восстания не организуют, что надобно иметь продуманный план. Иначе все это скомпрометирует и Россию, и само дело, как это случилось в 1882 году, когда тот же Правица украл так много денег и полагал возможным с 50 черногорцами прогнать Австрию из Боснии». И наконец, финал: «Неужели Вы таким мошенникам доверяете столь деликатные вещи?..» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1104. Л. 23 об.-25). Важно заметить, что перевод

В начале весны он отправился домой, а ему на смену прибыл Попович-Липовац. Из этого следует, что функции распределялись так: Правица (вместе с некоторыми русскими офицерами и представителями болгарских властей) — под общим началом М. А. Хитрово — занимался сбором добровольцев в Болгарии, их вооружением и подготовкой к переброске. А на Поповиче, как на боевом офицере, лежала иная обязанность — непосредственного их использования в военных условиях. В марте 1882 г. Попович-Липовац находился у себя в Бердянске в полной готовности ехать в Болгарию. Дело оставалось за деньгами, тем более, что они ожидались именно от Скобелева. И Липовац телеграфировал Аксакову: «Генерал приказал обратиться к Вам. Телеграфируйте, сколько пожертвовал. Вышлите переводом в Государственный банк в Бердянск»³⁶. Но Аксаков (находившийся тогда в Одессе — центре транзита из России в Болгарию) скобелевских денег не прислал — из «покаянного» письма следует, что оные «пересылались через меня прямо в русское консульство»³⁷, — а прислал нечто более важное — телеграмму-отмашку: «Поезжайте в Софию. Там все готово»³⁸.

Уже в конце месяца Липовац — в столице Болгарии! Но, не тут-то было. Как писал он Аксакову 9 апреля, «приехавши... я видел, что болгары действуют без всякой энергии, что никакой почвы не приготовлено, ружей нет, денег ни копейки, исключая 500 рублей, которых какой-то комитет раздал каким-то шарлатанам, правда, людей много собрано —

письма Петрановича на русский язык самому Аксакову послал опальный сербский митрополит Михаил из Киева 20 октября 1884 г. (Рукописное отделение Института русской литературы (далее — РО ИРЛИ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 390. Л. 13–14). И русский консул в Софии А. И. Кояндер в то же время информировал Н. К. Гирса о визите к нему Правицы, просившего снабдить его винтовками с казенных складов. При этом он упоминал все о той же сумме (220 000 рублей). Естественно, что ему было отказано. И тогда, по словам дипломата, как ни в чем не бывало, «Правица снова зашел ко мне и заявил, что он отказывается от освобождения своей родины, но просил дать хотя бы 100 франков для некоторых его соотечественников, находящихся в крайне бедственном положении». Визитная карточка Аксакова прилагалась к донесению в МИД (см.: *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. Т. I. 1879–1884. М., 1928. С. 211–212)... По-видимому, до австрийского консула в Софии докатились безумные речи «просителя», соответственно, последовал демарш из Вены в Петербурге, вот Александр III и проверял — кто есть кто. Аксаков в «покаянном» письме на имя Победоносцева написал подробно о Правике, но, как мы обнаружили, несколько лукавя касательно своих отношений с ним...

Бошко Ковачевич ошибается, полагая, что именно в 1882 г. «Аксаков приготовил 200.000 рублей, из которых в Болгарию для подготовки восстания было послано 20.000 рублей» (*Ковачевич Б.* Србија и Русија. 1878–1889. Београд, 2003. С. 182)... Как видим, данная сумма фигурировала в 1884 г. и, судя по содержанию все того же письма Аксакова, носила явно мифический характер.

150 чел. черногорцев, но что же делать с ними, когда эта босая и недисциплинированная команда требует обуви и денег на пропитание». И далее: «Я собрал несколько десятков ружей, только благодаря доброте и патриотизму русских офицеров, знающих меня еще в России *»³⁹. И итог: «Я не получил в свои руки ни одной копейки (пусть свидетельствует г. Хитрово), и взял команду людьми и 400 ружей, но рассчитывал на свои 4000 руб., которые и пожертвовал на восстание»⁴⁰, заложив, по некоторым данным, бердянское имяне^{41 **}.

Кстати, а где же скобелевские деньги, пересланные Аксаковым в Софию? Накануне перехода границы Липовац с горечью писал ему: «Итак, многоуважаемый Иван Сергеевич, знаменитый генерал, чьи речи гремели от Питера до Парижа, ... этот сочувствующий нам герой, когда дошло было до ничтожной суммы денег, не сдержал своего слова. Несмотря на то, что генерал отказался от своего слова, поручик не откажется, еще у меня есть 4000 руб. и своя жизнь»⁴².

Как же так? С одной стороны, по словам Аксакова из позднего письма: «Помощь восстанию в Герцеговине была оказана действительно из Болгарии при бытности в ней М. А. Хитрово на деньги, данные Скобелевым месяцев пять, кажется, до его кончины, и им отчасти собранные у московских купцов. Тогда совершили свои неудачные экспедиции русские офицеры Попович-Липовац и Йованович»⁴³. Из сказанного видно, что была прямая связь между скобелевскими деньгами и миссией Липоваца. А, кроме того, деньги получал Хитрово, с кем тот был в добрых отношениях (в июле 1882 г. он просит Аксакова «передать поклон г. Хитрово, одному из немногих русских, которые сумели заступиться и за Россию, и за мое несчастное отечество»⁴⁴). Но с другой стороны, — признание Липоваца в том, что из денег Скобелева, да и не из каких иных, он не получил ни копейки, и что это мог подтвердить тот же Хитрово. В чем дело?.. Данный вопрос всегда нас интриговал — ну никак не могла связаться денежная линия. А ларчик-то, оказывается, открывался просто — это стало понятно, когда в архиве мы обнаружили собственноручную расписку Аксакова в получении денег от Скобелева, датированную концом марта — именно тогда, как пом-

* Стволы ему поставлялись русскими офицерами с воинского склада в Русуке. Источники сохранили некоторые их имена, в частности — полковника Мирнова.

** Данный факт подтверждает то обстоятельство, что, находясь в начале марта в Петербурге, Попович посетил посланника Сербии Д. Хорватовича и сообщил ему о скором отъезде в Герцеговину, присовокупив, что «*единственной материальной помощью* стала субсидия от газеты, в какую он обязался посылать вести (выделено нами. — А. Ш.)» (Ковић М. Политика Русије према Србији. 1881–1887. Дипломски рад. Филозофски факултет Београдског универзитета. Београд, 1995 (рукопис). С. 42).

нится, Липовац и сокрушался о них. Приведем документ полностью: «1882 г., марта 23, получил от генерала Скобелева в пользу славян 530 фр. Ив. Аксаков»⁴⁵.

Итак, гора родила мышь — под вывеской «скобелевского фонда» скрывалась сумма, какой могло хватить лишь на первые оперативные нужды, но никак не на финансирование «предприятия» в целом. Сама ее ничтожность не предполагала особых разговоров — вот Хитрово и запамтовал. Попович же, введенный в заблуждение, рассчитывал, конечно, на куда более весомые «ассигнования», поэтому и жаловался Аксакову, не получив из них ни гроша...

Но надо было и дело делать, и 9 апреля Попович-Липовац пишет Аксакову: «Итак, многоуважаемый Иван Сергеевич, до свидания, или прощайте во веки веков. Завтра иду с шайкой — боюсь Сербии, дрожу от шпионов и с нетерпением жду встречи австрийцев»⁴⁶. Добавим, что переход границы предполагался в районе города Княжевац.

В этих словах обращает на себя внимание: «Боюсь Сербии». Дело в том, что путь в Герцеговину из Болгарии лежал через сербскую территорию, и Липовац, оказавшись он среди «своих», действительно, имел все основания ждать недоброго приема — власть в Белграде находилась в руках проавстрийской партии напредняков во главе с Миланом Пирочанцем. Сменив в 1880 г. у государственного руля либералов-националистов Йована Ристича, они поддержали «новый курс» Милана Обреновича, связавшего, после Берлинского конгресса, судьбу страны и династии с Веной. В 1881 г. монарх подписал с представителями Австро-Венгрии знаменитую «Тайную конвенцию», по которой, *de facto*, Сербия «скатывалась» к уровню протектората. Второй ее пункт (касавшийся и оккупированной незадолго до этого Боснии и Герцеговины) гласил: «Сербия не будет терпеть политические, религиозные или иные провокации, которые, будучи организованы на ее территории, были бы направлены против Австро-Венгрии, подразумеваемая при этом Боснию и Герцеговину и Новипазарский санджак»⁴⁷.

Тем самым, Белград строго обязывался не поддерживать восстание соплеменников в Герцеговине; мало того — он был должен нейтрализовать любую «частную» инициативу в его пользу, особенно если таковая «ковалась» непосредственно в Сербии или же носила транзитный характер*. Попович-Липовац отдавал себе отчет в возможных трудностях,

* А. А. Петров и Н. А. Клевалина считают, что «Милан Обренович в обмен на признание его в начале 1882 г. королем, а Сербии — королевством полностью подчинил себя в это время австрийским „менторам“ и активно пресекал попытки своих подданных помочь восставшим» (см.: Петров А. А., Клевалина Н. А. Йован Попович-Липовац. Воин, поэт, ученый. М., 2011. С. 63). Как видим, «подчинение австрийским „менторам“» произошло раньше — в июне 1881 г., когда

что и отразилось в его письме Аксакову. Тем более, что сербские власти были осведомлены о его приготовлениях в Болгарии — посланник Сербии в Софии Сава Груич сообщил о них в Белград⁴⁸. А из Петербурга информация о планируемой акции в поддержку герцеговинцев пришла еще в марте⁴⁹.

Предупрежденный таким образом извне, министр внутренних дел Сербии Милутин Гарашанин в начале апреля привел пограничную стражу в состояние повышенной боевой готовности и приказал не пропускать в страну ни оружие, ни добровольцев. Тем самым он серьезно затруднил Липовацу самую возможность прорваться через границу. И тогда — уже 22 числа — Попович-Липовац обратился к начальнику Тимокского среза (уезда) с письмом, выдержанным в патриотическом тоне: «Как серб, обращаюсь к сербу с просьбой: скажите мне, как я могу выпутаться из нынешнего тяжкого положения, в котором нахожусь, — уже десять суток, днем и ночью, я блуждаю по этим горам, пытаюсь найти способ, как помочь сербскому делу. Льется кровь сербов, стонут раненые, гибнут мстители, борясь дубинами против австрийских винтовок. Между тем, я, как серб, в желании им помочь, закупил 130 ружей и хотел их переправить через Сербию, но, к своему удивлению, увидел — сербы не сочувствуют этому святому делу и ставят мне палки в колеса. Я повторяю, что обращаюсь к Вам не как к чиновнику, но как к сербу, — что мне делать; заклинаю Вас освобождением и объединением нашего народа, смотреть на все мои действия сквозь пальцы»⁵⁰. И далее в письме шла расшифровка этих предполагаемых действий.

Местный начальник сообщил содержание этого письма своему шефу в Княжеваце, а тот — непосредственно министру. Гарашанин приказал тщательно следить за действиями Липоваца и попытаться обнаружить «доказательства» того, что он действует по заданию русского правительства. И здесь следует повториться — официальный Петербург не имел к герцеговинской аванюре *никакого* отношения, что подтверждает резолюция Александра III на донесении посланника из Белграда. А потому многие современники и позднейшие исследователи утверждали, что Попович-Липовац и Иванович подали в отставку перед ее началом — по образу и подобию недавнего черняевского «прецедента»⁵¹. Между тем, наш герой получил отставку лишь по возвращении из своего «сербского» рейда, 5 июля 1882 г. в Софии. И, следовательно, в течение весьма длительного времени (с повозками, полными винтовок, и намерениями, противными воле Белграда) по Сербии колесил *действующий* офицер русской гвардии с русским же паспортом — идеальная фигура

была подписана «Тайная конвенция». Начало же этого процесса относится к сентябрю 1880 г. — времени визита князя Милана в Вену, следствием коего и стало отстранение от власти русофильски ориентированных либералов.

для компрометации Петербурга⁵². И сербские власти не преминули данным фактом воспользоваться...

В конечном итоге, несмотря на все препятствия, чинимые пограничной стражей, Й. Поповичу-Липовацу с товарищами удалось-таки проорваться в Сербию. Спрашивается — на что же он рассчитывал, получив ясный сигнал, что его там не ждут?.. А надежда была и не казалась столь уж призрачной. Здесь на время прервемся в описании «одиссеи» Липоваца и покажем макроконтекст происходивших событий — без него трудно объяснить природу этой надежды.

Итак, начало 1880-х оказалось для новых балканских государств временем бурным. Элита освобожденных народов стояла перед выбором пути внутреннего развития: куда идти и с кем идти? Столкнулись, а кое-где буквально вошли в клинч, два подхода — один на ускоренную модернизацию (или *вестернизацию*); другой на отстаивание традиционных ценностей в рамках привычной системы аграрного статичного мира. «Либеральная идея и традиция» — это противоречие определяло всю историю Балкан вплоть до Первой мировой войны, органично перекликаясь с известным русским спором западников и славянофилов.

Наиболее драматично оно проявилось как раз в Сербии. Уже говорилось, что после Берлинского конгресса 1878 г., даровавшего ей независимость, Милан Обренович открыто перешел на австрофильские рельсы. Тем самым он обозначил свое желание *втянуть* свою страну в Европу. Призванный в октябре 1880 г. к власти кабинет напредняков и попытался осуществить такой «прыжок из балканского мрака на европейский свет».

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа. Стремление властей «европеизировать» страну скорым кавалерийским наскоком — т. е. «насадить в ней европейскую культуру» и «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские», как отмечали русские очевидцы⁵³, причем без всякого учета ее адаптивных способностей, — вызвало протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к Радикальной партии. Отрицая универсальный характер исторического пути Европы и ее образцов, ведомые Николой Пашичем радикалы провозгласили первейшей задачей защиту сербской *самобытности*, каковую они отождествляли с только что обретенной свободой. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, — подчеркивал Пашич, — но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»⁵⁴.

По своей внешнеполитической ориентации и цивилизационному настрою вождь и его соратники всегда оставались стойкими русофилами и, соответственно, — астробобами и националистами.

В условиях жестокого внутрисербского конфликта начала 1880-х гг., в котором с западничеством правительством солидаризировался один

лишь Двор, а весь народ принял сторону почвенников-радикалов⁵⁵, восстание в Герцеговине и «добровольческая акция» в его поддержку добавили властям головной боли. Радикалы, как и жители приграничных округов, активно поддерживали своих восставших соплеменников, а также помогли отрядам Поповича-Липоваца и Ивановича в бытность их в Сербии. Мало того — они не исключали возможность и собственного участия в восстании. Российский славист П. А. Кулаковский, занимавший в 1878–1882 гг. кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе, информировал И. С. Аксакова 21 марта 1882 г.: «Перед своим отъездом заходил ко мне священник Милан Джурич (влиятельнейший радикальный деятель местного уровня из г. Ужице. — А. Ш.), очень интересующийся восстанием Герцеговины. Он мне говорил, что есть места, в которых австрийцы не будут в состоянии потушить восстание и целых пять лет. Между прочим, он просил меня написать, что он готов перейти в Герцеговину с четою, если это понадобится, но для этого нужны средства»⁵⁶. Вот на эту-то внутреннюю оппозицию австро-фильскому курсу официальных сербских властей и рассчитывал Йован Попович-Липовац, пробиваясь из Болгарии в Сербию...

Сговорившись еще раньше со Стеваном Ивановичем и «распылив» свой отряд, он с двумя повозками, набитыми оружием и боеприпасами, направился через Ягодину к Чачку, который был определен местом сбора участников акции. Там все и встретились — 100–150 волонтеров и оба предводителя.

Переход границы вооруженными добровольцами и явная поддержка, оказываемая им населением, сильно встревожили белградские власти. 6 мая 1882 г. М. Гарашанин, по поручению премьера М. Пирочанаца, информировал австро-венгерского посланника, графа Кевенхиллера о том, что «существует возможность прорыва черногорцев в Герцеговину, и потому австрийские власти должны быть начеку»⁵⁷. Ранее — в конце апреля — последовало решительное указание министра внутренних дел на места пресечь акцию добровольцев⁵⁸, а военный министр Тихомиль Николич перевел одну роту регулярной армии из Княжеваца в Ужице⁵⁹, ибо подразделения «народного войска», отряженные для «пресечения акции», вовсе не горели желанием в этом участвовать — саботаж местных жителей был налицо.

И все же для «путешественников» наступали трудные времена — петля вокруг них затягивалась: на подходе к Чачку жандармы арестовали Ивановича, но ему вскоре удалось бежать, а в самом городе была захвачена одна повозка Липоваца; другая же, которой тот, переодевшись кучером, управлял сам, сумела скрыться. Несмотря на растущую опасность, Попович и Иванович решили продолжить свой путь в Герцеговину через Ужицкий округ, а сборное место для раздачи оружия выбрали под горой Елица.

Еще в Чачке Липовац познакомился с капитаном Сербом, у которого оставил свой чемодан и текст депеши для газет «Голос» и «Новое время»: «Premier lieutenant de la garde imperiale russe Popovitch-Lipovats en retrait va passer la frontiere avec 150 hommes»⁶⁰ — какой же черногорец упустит случай «порисоваться». Депешу следовало послать в Россию через 3–4 дня после ухода добровольцев из города. Однако вряд ли она была послана: соблюдая присягу, Серб доложил начальству о новом знакомстве, и, по приказу военного министра, чемодан Поповича-Липоваца был вскрыт, но... в нем никаких улик не оказалось. Пока!

2 мая под Елицей черногорские волонтеры получили ружья с патронами и вечером того же дня все двинулись по направлению к Златибору, где и намеревались перебраться в Санджак. Каждый из предводителей вел группу примерно из 40 «нижних чинов». И здесь надо добавить, что численность их «войска» постоянно сокращалась — общая масса часто разделялась, а неплохо действовали и местные власти: так, например, когда из-под Елицы двое добровольцев ушли в Ужице на разведку, их там быстро арестовали. А затем — и еще троих. А в Иванице — уже шестерых из тех, кто шел к границе параллельным маршрутом⁶¹. 6 мая добровольцы добрались до села Бела Река на Златиборе и тут, под горой Муртеница, остановились на ночлег. Граница (уже другая по счету) была совсем рядом.

Появление «опасных пришельцев» близ Ужице вызвало в Белграде переполох, — по приказу военного министра в некоторых срезях (уездах) Ужицкого округа была объявлена мобилизация «народного войска». Но на сборные пункты... никто из местных жителей так и не явился: бойкот акции властей со стороны населения продолжался. Тогда в Ужице из Крагуеваца двинулась еще одна рота регулярной армии, а начальник округа М. Бралович — с офицерами, жандармами и окружной полицией — начал преследование добровольцев. Но безуспешно. В конце концов, он добрался до сербско-турецкой границы на горе Явор, где информировал турок, что добровольцы оторвались от погони и скрылись в Новипазарском санджаке⁶².

Те же (в ночь с 7 на 8 мая) перешли пограничную реку Тисовица. И сразу после переправы вновь «перетасовали» ряды. Иванович — с большей частью людей — отправился в Васоевичи и смог-таки пробиться на помощь герцеговинским повстанцам. Он оставался на «поле боя» до осени 1882 г., когда восстание было окончательно подавлено⁶³. Липовац же с отрядом в 28 бойцов оказался в ловушке между Новой Варошью, Приеполем и Белым Полем, обложенный турецкими и австрийскими заставами. Три дня он пытался вырваться из постоянно сжимавшегося обруча, но, осознав, что это не удастся, приказал возвращаться в Сербию, предварительно утопив винтовки в реке Увац⁶⁴.

Здесь Липовац распустил свой отряд (видимо, не рассчитывая, что совсем скоро им предстоит снова встретиться) и 12 мая ночью попытался достать коня и проводника, дабы скрытно пробраться в Болгарию. Однако все обернулось иначе — он не только не получил ни того, ни другого, но был взят под арест. Впрочем, он особо не сопротивлялся *... Итак, одна «эпопея» закончилась, начиналась следующая.

* * *

При обыске у Липоваца были обнаружены ордена и денежные средства: 175 рублей ассигнациями, 20 золотых наполеондоров и на 8010 рублей векселей **. На другой день, 13 мая, М. Бралович доносил министру М. Гарашанину: «Прошу Вас дать распоряжение, что мне делать с Йованом Липовацем и его людьми (к слову сказать, все 28 волонтеров были также быстро арестованы. — А. Ш.). Липовац помещен в гостиницу под охрану. Ведет себя учтиво. Образованный человек. Русский гвардейский поручик в отставке и дворянин»⁶⁵. И на допросе держался достойно — хотел, мол, перебраться с добровольцами в Черногорию, а оттуда куда Бог даст. Ружья для 30 человек купил сам, на свои деньги, но волонтеров не собирал, — это делал Правица. И вообще, упаси Бог, не желал пролития ни капли сербской крови. Настаивал на общесербском характере восстания и подчеркивал свою симпатию к инсургентам, а также брал всю вину на себя⁶⁶.

Протокол допроса был послан в Белград, но ответ долго не приходил. Напряжение возрастало, и горячий Липовац «сломался». 20 мая (через неделю после первого рапорта) Бралович снова обращался к Гарашанину, но уже в ином тоне: «Эти здешние черногорцы меня порядком утомили. Их предводитель — Липовац — протестует каждый день, угрожает Россией и оскорбляет наши власти. Потому я устроил ему строгий режим, ограничив в еде и питье. Прошу Вас как можно скорее решить, что с ними делать»⁶⁷.

Время шло, но лишь 12 июня Гарашанин ответил: надобно, взяв из батальона, прибывшего в Пожегу, достаточное число солдат, сопроводить Липоваца с добровольцами до болгарской границы; при этом паспорт ему не возвращать — он уже был послан в Вену! 14 июня М. Бра-

* В жизнеописании Липоваца говорится, что «в Герцеговине этот отряд (добровольцев. — А. Ш.) так и не появился: его задержали сербские власти в районе крепости Ужице» (Петров А. А., Клевалина Н. А. Йован Попович-Липовац... С. 64). Как мы старались показать, Стеван Иванович со своими людьми в Герцеговину прорвался; Липовац также перешел сербско-турецкую границу, но был вынужден вернуться в Сербию, — так что его «взяли» уже на обратном пути.

** Наличие векселей на столь крупную сумму опять же косвенно свидетельствует о закладе Липовацем своего бердянского имения накануне отъезда на Балканы.

лович отправил его (через Чачак и Крушевац) с солдатами в Ниш. 19-го он прибыл в Пирот, откуда, вместе с волонтерами, его 22 числа изгнали в Болгарию...

Так завершилась герцеговинская «одиссея» русского гвардейского подпоручика. И здесь мы хотим привести версию событий, изложенную им самим в письме Аксакову, что кажется нам целесообразным, — ибо, сообщая некоторые новые подробности (особенно об отношениях Белграда с Веной), она раскрывает и «творческий» характер Липоваца: как же ему, подлинному черногорцу, не приврать по-славянски (вспомним и характеристику, что дал «благодетель»: «Малый приличный и поэт, но враль»). Явные преувеличения в цитате выделены курсивом.

Итак: *«Только я во главе 28 человек, имея 60 ружей, успел, переодевшись кучером, пробраться через Сербию и перейти в Боснию»*. Несмотря на то, что сербы выставили перед нами четыре батальона войск и дали знать в тот же день Австрии и Турции, где нас ожидать. 14 дней, по дождю, терпя голод и холод, я вертелся около Новой Вароши и Приеполя, но везде встречал засаду, — между тем, восстание, благодаря золоту немецкому, начало стихать, или просто австрияки усмирили „разбойников“. Мне нечего было делать; с 28 человек поднять восстание невозможно, тем более, когда неоткуда ожидать поддержки. Люди начали роптать. Голод, холод и погоня за нами трех держав заставили нас возвратиться в Сербию. Но к великому удивлению всего славянского мира, сербы арестовали нас всех и, отобрав у нас деньги и паспорта, поспешили все это торжественно препроводить в Вену (это факт, который рассказывал сам князь Болгарский, который видел бумаги и которому об этом рассказывал сам Франц-Иосиф) ** ... Между тем, мы сидели в тюрьме — поверьте мне, что в продолжении 37 дней давали нам только по фунту хлеба и воды; заперты были в Ужице в оставшуюся еще от турок темницу — грязь, вонь, всевозможные паразиты были нашими спутниками... Нужно было посмотреть на нас, когда нас выпустили, — мы были скелетами, не людьми. К голоду присоединился страх, что

* Строго говоря, Липовац и Иванович «перешли» не в Боснию, а в Санджак, который, применительно к 1882 г., многие традиционно (и ошибочно) именуют Новипазарским. По решению Берлинского конгресса 1878 г., Вена получила право ввести в Новипазарский санджак свои гарнизоны (города — Приеполе, Плевля, Прибой). Весной 1880 г. из его состава турки выделили Плевальский санджак (с казами Плевля, Приеполе — здесь и «вертелся» Липовац) — с целью не допустить дальнейшего проникновения Австрии вглубь Империи. «Остаток» Новипазарского санджака сохранил свое имя, но центр его перенесли в Сьеницу. Окончательно он был расформирован в 1901 г.

** Вена не забыла «преступлений» Й. Поповича-Липоваца — в 1884 г. австрийским правительством он был объявлен преступником, и лишь двенадцать лет спустя (с его собственных слов) ему дозволили проезд через Австро-Венгрию, за исключением Боснии и Герцеговины.

нас выдадут Австрии, что все и ожидали... Сербы смеялись, говоря: „Пусть вам поможет Россия“; находились и такие высокопоставленные лица, которые прямо ругали русского царя, вследствие чего произошла известная в сербской прессе сцена между мною и шефом полиции округа (*я его побил в присутствии 10 жандармов*). Сербы в нашем деле оказались достойными жандармами Австрии и добросовестно исполнили аванпостную службу. Народ, признаться, сочувствовал нам и негодовал, но это не помогло. Под конец сербы решили выпустить нас из тюрьмы. Выпустив, нас окружило 30 жандармов и 10 солдат, которые нас через всю Сербию окружали и берегли. Даже австрийского консула в Нише пригласили полюбоваться на эту грустную и подлую сцену. И так, Иван Сергеевич, я был привезен на границу Болгарии, где меня выпустили без денег и паспорта...»⁶⁸.

В Софии, где Попович-Липовац, по его же словам, «надеялся получить радушный прием и покровительство»⁶⁹, он не добился ровным счетом ничего — давнего подельника М. А. Хитрово в Российской миссии уже не было... О вторичном пребывании Липоваца в столице Болгарии отложилась даже небольшая переписка, хранящаяся в Государственном военно-историческом архиве*, из которой следует, что новый посланник, тайный советник Арсеньев, 2 июля послал в Петербург депешу: «До сведения моего дошло, что несколько дней тому назад снова появился в Софии черногорец Попович-Липовац, который многим говорил, что, так как Хитрово помогал ему собрать отряд добровольцев для Герцеговины, снабжал паспортами и деньгами, то, вследствие отобрания у него паспорта в Сербии, он хочет обратиться в Российское консульство в Софии за новым паспортом. Уведомленный о сем, я приказал не пускать его в агентство. Мне передавали, что разбешенный Липовац разразился угрозами против меня, заявляя, что решился на все». И далее — самое важное: «Дальнейшее пребывание Липоваца в Софии весьма неудобно»⁷⁰.

Начальник Арсеньева, товарищ министра иностранных дел А. Е. Влангали направил запрос в российское военное министерство — П. С. Ванновскому: «Препровождаю при сем копию с телеграммы управляющего дипломатическим агентством в Софии о появлении там Поповича-Липоваца, и имею честь покорнейше просить... почтить меня заключением о том, какие меры следовало бы принять относительно названного лица». И снова о самом значительном: «Скорейшая по возможности высылка означенного черногорца из Болгарии представляется крайне необходимой»⁷¹.

Между тем, находясь в Софии, наш герой подал просьбу об отставке, которая была удовлетворена**. И в Высочайшем приказе от 5 июля мы

* Данная переписка оказалась в руках автора этих строк благодаря любезности к. и. н. В. Б. Каширина, за что выражаем ему глубокую признательность.

** О том, что последовательность шагов была именно *таковой*, поведал сам Липовац в уже известном письме Аксакову от 4 августа: «Итак я, беспаспортный,

читаем: «Увольняется от службы по домашним обстоятельствам Лейб-гвардии Гренадерского полка подпоручик Попович-Липовац»⁷². А потому и на вопрос А. Е. Влангали генерал-адъютант Н. Н. Обручев ответил адекватно: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что подпоручик Попович-Липовац уволен от службы Высочайшим приказом от 5 сего июля; поэтому принятие той или другой меры против него зависит всецело от усмотрений наших дипломатических представителей»⁷³. Ну, а те уже сформулировали свое «усмотрение» более чем конкретно — надобно обеспечить его «скорейшую высылку» с Балкан: «неудобно», мол.

Круг замкнулся — в русском представительстве в Болгарии (после кратковременной самостоятельности экзальтированного и подверженного «славянскому» влиянию Хитрово) вновь воцарился государственный дух: «Не время теперь!»⁷⁴. Следствием одного стали его смещение, а также «высылка» Поповича-Липоваца...

Этот «государственный дух» повлиял на дальнейшую судьбу отставного гвардейца. Хотя поначалу он о том и не подозревал, обращаясь (4 августа) к Аксакову из Бердянска: «Я теперь отставной русский офицер и, как таковой, намерен снова поступить на службу, но не в гвардию — жизнь в гвардии монотонна, бездельна, скучна и не по моему характеру. Между тем войны пока что нет. Что же мне делать, как не постараться поехать на окраину России в Ташкент. Устроить мне это дело никто не может как Вы. Это все зависит от ген. Черняева *, он если хочет, может меня принять адъютантом. И если Вы его попросите, это дело решено, — в помощь Вашей протекции послужит мой послужной список, какого нет, смело могу сказать, ни у одного офицера. На основании всего этого, покорно прошу Вас, Иван Сергеевич, немедленно написать ему письмо и устроить мне это дело; я постараюсь показать себя достойным Вашей протекции. В надежде, что не откажете помочь человеку, обманутому надеждами»^{75 **}. Как поэтично вернул в заключение!..

Но *всегда* (как мы видели) помогавший Поповичу Аксаков, на сей раз *почему-то* не помог, и вместо Туркестана тот оказался в Черногории: в адъютантах не Черняева, а князя Николы. Так аукнулись «обманутые надежды» — в Петербурге не простили лихому гвардейцу его «выходку»... В следующий раз (и уже окончательно, с принятием русского подданства) Иван Юрьевич Попович-Липовац прибудет в Россию в 1898 г.⁷⁶.

подал депешей в отставку, которая под конец была принята» (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 491. Л. 7).

* В 1882–1884 гг. генерал-лейтенант М. Г. Черняев являлся Туркестанским генерал-губернатором.

** В биографии же «Д'Артаньяна» утверждается, что «в продолжение царствования Александра III» он «вернуться на русскую службу более не пытался» (Петров А. А., Клевалина Н. А. Йован Попович-Липовац... С. 65).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Рукописное отделение Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) (далее — РО ИРЛИ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 491. Л. 3.
- 2 В подтверждение исследовательница приводит запись из дневника генерал-лейтенанта А. А. Киреева от последних дней июня 1882 г.: «Все это указывает действительно на какую-то общую меру, задуманную довольно смело, но исполненную очень неловко...» (См.: *Хевролина В. М.* Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70-х — середина 90-х годов XIX века) // *Славянский вопрос: веки истории.* М., 1997. С. 96).
- 3 Там же.
- 4 <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2118>
- 5 *Петров А. А., Клевалина Н. А.* Йован Попович-Липовац. Воин, поэт, ученый. М., 2011. С. 63–65.
- 6 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 13607 (1899 г.). Л. 8.
- 7 Там же. Л. 10.
- 8 Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 757. Д. 26. Л. 1 (Попович-Липовац — Н. В. Султанову. Москва, 15 ноября 1875 г.).
- 9 Там же. Ф. 14. Д. 274. Л. 1.
- 10 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. I. М., 1961. С. 172–173, 183; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 226.
- 11 Освобождение Болгарии от турецкого ига... Т. I. С. 182.
- 12 Там же. С. 186–187.
- 13 Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1878... С. 226.
- 14 ОР РНБ. Ф. 14. Д. 274. Л. 6 (Попович-Липовац — И. С. Аксакову. Слабиня, 2 марта 1876 г.).
- 15 Там же. Д. 275. Л. 1.
- 16 Там же. Л. 3.
- 17 Там же. Л. 5.
- 18 Там же. Ф. 757. Д. 26. Л. 2–2 об. (Попович-Липовац — Н. В. Султанову. Тасан-Кала, 6 декабря 1877 г.).
- 19 Там же. Ф. 14. Д. 274. Л. 8 (Попович-Липовац — И. С. Аксакову. Париж, 8 апреля 1878 г.).
- 20 Там же. Д. 275. Л. 7.
- 21 Там же. Д. 274. Л. 8.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Д. 275. Л. 7.
- 24 <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2118>
- 25 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 13607 (1899 г.). Л. 3.

- 26 ОР РНБ. Ф. 14. Д. 275. Л. 9.
- 27 *Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 356–359.
- 28 Подробнее о ходе восстания см.: *Каниџић Х.* Херцеговачки устанак 1882. године. Сарајево, 1958. С. 75–197.
- 29 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 419 (1882 г.). Л. 31 (А. И. Персиани — Н. П. Гирсу. Белград, 7 февраля 1882 г.).
- 30 *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Тула, 1990. С. 341–342.
- 31 Там же. С. 341.
- 32 См.: *Хевролина В. М.* Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70-х — середина 90-х годов XIX века)... С. 96.
- 33 *Страњаковић Д.* Држање званичне Србије за време устанка у Херцеговини и Боки 1882. године // Братство. Београд, 1940. Књ. XXXI. С. 187.
- 34 АВПРИ. Личный фонд И. А. Зиновьева. Оп. 861. Д. 121. Л. 2–2 об.
- 35 РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 491. Л. 1 (Попович-Липовац — И. С. Аксакову. Клисурса, 9 апреля 1882 г.).
- 36 Там же. Л. 11.
- 37 АВПРИ. Личный фонд И. А. Зиновьева. Оп. 861. Д. 121. Л. 3 об. (И. С. Аксаков — К. П. Победоносцеву. Москва, 12 октября 1884 г.).
- 38 РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 491. Л. 4 об.
- 39 Там же. Л. 1.
- 40 Там же. Л. 4 об. — 5.
- 41 *Петров А. А., Клевалина Н. А.* Йован Попович-Липовац... С. 62.
- 42 РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 491. Л. 2.
- 43 АВПРИ. Личный фонд И. А. Зиновьева. Оп. 861. Д. 121. Л. 3 об. (И. С. Аксаков — К. П. Победоносцеву. Москва, 12 октября 1884 г.).
- 44 РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 491. Л. 7 об.
- 45 ОР РНБ. Ф. 263. Д. 391. Л. 1.
- 46 РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 491. Л. 2.
- 47 *Јакишић Г.* Историја Тајне конвенције // Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1924. Књ. IX. Бр. 4. С. 273.
- 48 *Михајловић П.* Дневници. Приредила Ј. Милановић. Београд, 2010. С. 380; *Самарџић М.* Од Сан-Стефана до Сливнице. Србија против Бугарске 1878–1886. Нови Сад, 2008. С. 137–138.
- 49 *Војводић М.* Србија и устанак у Херцеговини 1882. године // Ранко Тајсић у политичком животу Србије. Чачак, 1994. С. 57; *Ковић М.* Политика Русије према Србији. 1881–1887. Дипломски рад. Филозофски факултет Београдског универзитета. Београд, 1995 (рукопис). С. 42.
- 50 *Страњаковић Д.* Држање званичне Србије за време устанка у Херцеговини и Боки 1882. године... С. 192.
- 51 Архив Србије (далее — АС). Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 420. Л. 18 (М. Браловић — М. Гарашанину. Ужице, 13 маја 1882. г.); *Сказкин С. Д.* Конец австро-

- русско-германского союза. Т. I. 1879–1884. М., 1928. С. 210; *Страњаковић Д.* Држање званичне Србије за време устанка у Херцеговини и Боки 1882. године... С. 190.
- 52 См. также: *Петров А. А., Клевалина Н. А.* Йован Попович-Липовац... С. 64–65.
- 53 *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 90; *Кулаковский П. А.* Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. 4. С. 762.
- 54 Архив Српске Академије наука и уметности. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-27.
- 55 Подробнее о внутреннем противостоянии в Сербии в начале 1880-х гг. см.: *Шемякин А. Л.* Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883). М., 1993. С. 139–203.
- 56 РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 30.
- 57 АС. Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 413. Л. 4.
- 58 Там же. Бр. 420. Л. 15, 16, 20, 41, 42.
- 59 Там же. Бр. 413. Л. 4.
- 60 Цит. по: *Страњаковић Д.* Држање званичне Србије за време устанка у Херцеговини и Боки 1882. године... С. 198.
- 61 Там же. С. 199–202.
- 62 Там же. С. 201–202.
- 63 *Војводић М.* Србија и устанак у Херцеговини 1882. године... С. 49.
- 64 *Страњаковић Д.* Држање званичне Србије за време устанка у Херцеговини и Боки 1882. године... С. 202–203.
- 65 АС. Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 420. Л. 18.
- 66 *Страњаковић Д.* Држање званичне Србије за време устанка у Херцеговини и Боки 1882. године... С. 204.
- 67 АС. Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 420. Л. 23 об.
- 68 РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 491. Л. 5–6 об.
- 69 Там же. Л. 6 об.
- 70 Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 430. Оп. 1. Д. 167. Л. 4.
- 71 Там же. Л. 1.
- 72 Там же. Л. 3–3 об.
- 73 Там же. Л. 2.
- 74 Подробнее об этом см.: *Косик В. И.* Русская политика в Болгарии. 1879–1886. М., 1991. С. 50–59.
- 75 РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 491. Л. 7 об.
- 76 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 13607 (1899 г.). Л. 3 об., 7.

Н. И. Хитрова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЙОВАНЕ ПОПОВИЧЕ-ЛИПОВАЦЕ

Ниже публикуются письма Йована Поповича-Липоваца к И. С. Аксакову и письмо этого русского общественного деятеля с характеристикой черногорца. Два первых письма Поповича-Липоваца о его участии в боснийско-герцеговинском восстании опубликованы в двух сборниках, посвященных России и национально-освободительному движению на Балканах в 1875–1878 гг.¹ Остальные письма Поповича-Липоваца, касающиеся его участия в русско-турецкой войне на Кавказском фронте и связанных с этим событий, и письмо Аксакова публикуются впервые. Документы датированы по старому стилю. При археографической обработке писем написание автора дается согласно оригиналу.

1

Письмо Й. Поповича-Липоваца И. С. Аксакову об отъезде в Боснию для участия в восстании и о закупке оружия для повстанцев — с просьбой прислать деньги.

15 января 1876 г.
Вена

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Спешу известить Вас, что восстание в Боснии принимает серьезные меры; и что я отправляюсь в Боснию пропагандировать и поднимать народ, я здесь состался с военным министром черногорским г. Пламенцом, который здесь покупает ружья; он мне говорил, что Черногория будет воевать, и мой план он совершенно одобрил; я еду в Костаницу² в банду*, которой я буду предводителем; мои сражения, которая скоро начнутся, докажут, что наш народ с пролитием крови докажет Европе — етой подлой, испорченной, гнилой, несправедливой, негуманной³, что славянин знает проливать свою кровь за свободу и что флаг свободы будет кровлю замочан** и пулями пробит, пока эта гнилая старая баба политика, за своими проектами Андрашия⁴, который знает, что обрязование «Славянского государства на югу» — ето приговор маџаров к смерти — а и Австрии.

Да, Европа позабила давно, что серб-славянин-граничар⁵ освободил ее от ига турецкого. И Австрия позабила, что Вену освободил славянин⁶, и если бы место св. Стефана*** сегодня была цамија**** как св[ятая]

* Отряд (серб.)

** Забрызган (серб.)

*** Католический собор в Вене.

**** Мечеть (тур.)

София* во Константинополе, то мохамеданцы била бы вся Европа — ну весна — весна! «Бурђев дан хајдучки састанак»** война будет.

Я здесь говорил насчет етого, о чем мы говорили, с негоциантами, я договорил[ся] и условился, чтобы в Костаницу привезли Х*** и что я заплачу — я дал Капары 200 fl[orinov]. Надеюсь, что телеграфируя Вам из Костаници, немедленно телеграфом ответите мне и пришлите обещано. Об получению я Вам официально в «Заставу»⁷ поблагодарю; конечно, ваша фамилия не будет напечатана, а буквы только. Прошу Вас минимум прислать 1 тыс. руб. Надеюсь, что исполните ваше обещание! Здесь ежедневно покупают комитеты ружья и присилают, вчера известные литератор и редактор далматинский Клаич купил 2 тыс., война будет!...

Еще я Вас прошу как теперь самому главному славенофилу, известному во всей России, что бы были настолько добры откомендовать самии лучши журнал илустровани «Сербадия»⁸, который Вам редактор Чурчич пришлет, он верно приносит события теперешнего восстания, самая лучшая работа, самии лучшие литератори его сотрудники, самии лучшие сочинения переводят с русского — ето журнал, как самий увидите, достоин поддержки, достоин, чтобы его славенофилы поддерживали. Етем докажут, что они поддерживают нас морально и матерялно — постарайтесь только Вы, Иван Сергеевич, — и он будет поддержан у несколько.

Вчера взял паспорт для всей Турции как корреспондент «Голоса», чтобы получше мог узнать, где его нужно, т. е. восстание поднять, начать, моя корреспонденция через две недели начнется мечом.

Примите глубочайший поклон и потрудитесь передать вашей госпоже. В надежде, что поможете моему делу, остаюсь Вас многоуважаючи

Ив. Попович-Липовац.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1750. (Славянское благотворительное общество). Оп. 1. Д. 56. Л. 2–3 об.

Автограф. Опубл.: «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Т. 1. М., 1961. С. 172—173.

2

Письмо Й. Поповича-Липоваца И. С. Аксакову с просьбой о помощи боснийским повстанцам.

Не ранее 12 февраля 1876 г.

И[ван] С[ергеевич],

Я не клевету на Вас, сохрани меня бог, чтобы на человека, который меня всегда принимал, как отец, человека, который мне помогал⁹, челове-

* Православный храм, превращенный турками после 1453 г. в мечеть.

** Юрьев день — гайдуцкая встреча (серб).

*** Вероятно, речь идет об оружии.

ка, не двулични слависта, а одним словом «знаменита слависта не егоиста», на его клеветать была бы подлость. Вас не уважать было бы безумие, Вас не любить было бы не иметь вкуса. Я Вас уважаю и Вас обожаю — следовательно, клевети не может быть!...

Нам нужно воинов! Нам нужно ружья! Нам нужна Свобода! Я принужден воскликнуть: «Вставайте из могил деди и отци, освободите нас, потому что живих нет!» На это нас принуждает Сербия, еще желаете документи от М[ихаила]!

Серьезную и прочную, Вы думали, организацию в Боснии можно сделать. Если Сербия завоеует, я ступаю на родину в рядах моих родных воинственных черногорцев, а теперь я могу, если имел бы 300 чел[овек], организовать банду, с которой я поддержал бы восстание.

Телеграмма о Карагеорг[иевиче]¹⁰ может быть мною пущена. Вы пишете: «Москов[ские] ведом[ости]» имеют своего корреспондента в Костанице, а я в личности К[арагеоргиевича] вижу только человека, волонтера, как я, а что он думает, это его дело. Нам хорошо, если К[арагеоргиевич] с своею бандою на себя возьмет 10 тыс. турок!

Я, И[ван] С[ергеевич], не партаист, я не глупый монархист, я знаю, что должен один князь быть, республика немислима, а кто будет этот князь, — это не мое дело. Я не приехал в Боснию как agitator, а как волонтер, который с князями не имеет дела, я их уважаю, но за них не агитую, верите мне, что я не партаист, а честной человек, который выбирает «свободу или смерть»! Дальше пишете: «если Вы думаете что-нибудь самостоятельно, то зная Вашу способность как поэта увлекаться мечтою, Вашу пылкую голову, пламенную южную кровь, легкокомислие молодости, не могу я считать Вашу затею серьезной и основиваться на одних Ваших словах».

И[ван] С[ергеевич], я не могу увлекаться мечтою там, где на 1000 зарядов свистят возле моей головы, я не могу восторгаться, где должен первый ступать с ружьем в руках против [в] 10 раз сильнеего врага–турка! У меня пилкая кровь, правда, но легкокомислия нет. Я страдаю, я на снегу сплю, я не знаю, что такое покой, я в одной рубашке хожу месяц дней, я без денег, я без всего! У меня здесь нет никого, кроме сестри — ружья и возлюбленной — сабли! Может ли здесь быть легкокомислие, где я страдающий молодой человек, может виною отца оставши без имения, без всего, через чего может быть когда-нибудь и унизился, оставил свою будущность, «университет»? Могу ли я легкокомисленно думать, нет, я настоящий славянин, который готов подтвердить это своею жизнью. Может быть, никогда не увидимся...может быть мыли *, И[ван] С[ергеевич], это исповедь! Я Вам правду говорю!... А если Вы не могли на моих словах основиваться, я Вам предложил подпись комитета, что желаете больше?!

* Так в тексте.

«Доказательством тому, как Вы легкомысленный, служат мои письма и телеграммы! Вы телеграфируете — денег! Ну как их послать? Денег по почте не присылают, русские бумаги там не в ходу, а австрийских нет, а сами в Вену не поедете».

Денег прислать можете на мое имя *post restante* в Костаницу. Деньги можете по почте прислать, иначе как посылаются? Бумаг можно достать, а если [не] бумаг, то золото, французск[ое], австрийск[ое], русское, турецкое, а я поехал бы за благо народа и в Вену — Вена и Костаница — день расстояния! А если хотите, можете прислать деньги на имя Франу Ловчича, головы г. Сиска для передачи etc.¹¹

Что касается Австрии, нам не за дело! Мы решили в скупштине боснийских вождей не принимать реформы¹². Что нам за дело Австрия, теперь наш дом «лес», а защита «ружья».

Я Вам не могу, не знаю, как писать как по почте? Я не Суворов, который мог посылать адъютантов. Вы, если меня удостоите ответа, пишите в Костайницу, Кроация, Антуну Срничу да с преда И. П. Л.

Вы, И[ван] С[ергеевич], знайте, что участвуя в сражении Тополи¹³ по 5 человек стреляли из одного ружья! И не просить ружья! Помогите, если не мне, то помогите комитету боснийских инсургентов, что Вам значит 1500 руб., не Ваших, а русских!

Помогите, если хотите, а если хотите телеграфируйте, что «да» или «нет».

Примите, многоуважаемый, поклон от молодого славянина-черногорца, который Вас любит, поклон многоуважаемой госпоже!

Ваш... И. П. Л.

До несколько дней услышите, что я во главе банди, реформы Андрашия к чорту присылаю!

ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 57. Л. 151–153 об. Автограф. Опубл.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878. М., 1978. С. 100–101.

3

Письмо Йована Поповича-Липоваца И. С. Аксакову о вступлении в русскую армию, с просьбой прислать стипендию за пять месяцев вперед.

22 июня 1877 г.

Петербург

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Причины, которые заставили меня поступить под знамени Великой России «Освободительницы Славена», Вам известны из моей прошлой жизни, и считаю лишним распространяться о прошлом и пророчествовать о будущем. Только могу Вам обещать, что постараюсь показаться достойным русского солдата и что постараюсь между русскими поддержать реноме моей счастливой и несчастливой родины.

Иван Сергеевич! Вам известно, что я теперь осмеливаюсь, согласно Вашему обещанию и данному слову в Москве, попросить Вас выслать мне стипендию за пять месяцев вперед, может быть, не обеспокою Вас больше никогда!..

Надеюсь, что Вы исполните мою просьбу тем прежде, что нахожусь в критическом положении и снаряжаясь на дорогу, с которой можно и не вернуться, но на которую без гроша на жалованье рядового тоже очень трудно поехать; тоже прошу Вас препроводить мне немедленно и мой приложенный документ *.

С.-Петербург. 22 июня 1877

Вас многоуважаючи Ив. Попович-Липовац.

Мой адрес: На углу Невского проспекта и Литейной. Дом 57, квар. 22.

P. S. Не помешала бы мне Ваша рекомендация на ген. Черняева¹⁴.

Отдел рукописей Государственной национальной библиотеки (ОР ГНБ) им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. Архив И. С. Аксакова. Д. 275. Л. 1. Автограф.

4

Письмо Й. Поповича-Липоваца И. С. Аксакову с извещением о сдаче экзамена на офицерское звание и об отъезде в гренадерский полк на Кавказский фронт.

10 августа 1877 г.

Тифлис

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Спешу известить Вас, что вчера выдержал офицерский экзамен при здешнем штабе с отличием и буду на днях произведен офицером, но раньше чем буду произведен, я спешу в Кюрук-Дора портупей-юнкером в его величество Лейб-Ериванский гренадерский полк; чтобы не опоздал в серьезном деле, которого на днях ожидают все в надежде, что дела пойдут к лучшему, потому что разногласия между здешними начальниками приняли неимоверные границы; начальника штаба никем нелюбимого Павлова ** предполагают переменить на Черняева (которому не мешало бы Вас попросить прислать рекомендацию), подкрепления прибывают ежедневно, но в малом размере — одним словом на Кавказе дела до сегодняшнего дня очень плохие. Теперь о себе: до сих пор не получил ни одной копейки от казни, ждать мне производства в Тифлисе не хочется — потому что не за тем приехал; положение, клянусь честью, критическое, полученных от Вас 70 руб. уже истратил; Вас прошу немедленно, прошу ответить мне под адрес: Лейб-Ериванский его величества гренадерский полк портупей-юнкеру (черногорцу) Попович-Липовцу. Но перед этим напишите: город

* Документ отсутствует.

** Генерал Павлов.

Тифлис в Штаб Кавказского военного округа маиору Ивану Алексеевичу г-ну Затыркевичу для пересылки, etc. Прошу на письме не приклеивать бланка Славян[ского] бл[аготворительного] комитета, а то неловко перед товарищами.

Надеюсь, Иван Сергеевич, что моя просьба, если не будет немедленно исполнена, то по крайней мере удостоюсь ответа. Хомякова * здесь нет — рекомендация бесполезна.

Извините, что Вас обезпокоил, но моя благодарность к Вам словами необъяснима. Прощайте.

Вас многоуважающий Попович-Липовац,

Тифлис: 10 августа 1877.

ОР ГНБ. Ф. Архив И. С. Аксакова. Д. 275. Л. 3. Автограф.

Помета на полях: выслать 50 р. 20 августа исполнено.

5

Письмо Й. Поповича-Липоваца И. С. Аксакову о своей трудной жизни в Швейцарии, а затем в Париже, с просьбой прислать деньги.

19 мая 1878 г.

Париж

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Вот приближаются два месяца как я уехал из Москвы, как видели, мое здоровье было очень растроено, но теперь хуже, потому что у меня появился ревматизм, которого я, конечно, получил на Кавказе. Я жил некоторое время во Швейцарии, но мои скудные средства не позволяли мне там остаться: во-первых, потому что за 120 руб., которые у меня остались, получил около 275 франков, с которыми я не мог «бедно» прожить месяца, а об лечении и слову нет, потому что здесь доктора ужасно обидают (как иностранца), и я принужден был последними деньгами отправиться во Париж, где лечение мне во клинике ничего не стоит, а лекарство меньше, чем во Швейцарии. Я здесь поселился во Студенстки квартал и живу себя от части покойно, изучая французски язык, который мне очень нужен — но живу в долгах!

Конечно, я разчитываю на Вас, Иван Сергеевич, на некаго больше; мой князь** предпочитает себе в карман класть денег, чем помочь человеку, которому он все взял! Мне писали из Черногории, что он ужасно сердится на меня, что я поступил на «русскую» службу, но все равно...

Мои военные отличия мне достаточни, ненужно мне его ордена. Я надеюсь, я говорю, — даже я ручаюсь! Что если России объявит войну Англия

* А. С. Хомяков — известный славянофильский деятель.

** Речь идет о черногорском князе Николе.

и Австрия, что я получу такие ордена, которым буду гордиться или погибну, но я предпочитаю «быть или не быть» во всех отношениях.

Так как я давно остался без денег, то прошу Вас немедленно выслать мне; признаться Вам, што меньше 350 до 400 франков невозможно жить и лечиться, я надеюсь, что Вы меня не позабудите (как вы мне прощания обещали) и исполните мою просьбу, в Вашей помощи я нуждаюсь только еще три месяца, а потом что Бог даст.

Если будет объявлена война, я поспешу стать в рядах непобедимой России и постараюсь достойным Вашей помощи.

Прощайте дорожайши и многоуважаеми Иван Сергеевич, и надеюсь, что Вы не оставите моё письмо и просьбу без внимания.

Прошу Вас выслать мне вспомоществование золотом, потому что здесь ужасно обманывают во размене; и не печатать моего имени в газетах *.

Вас многоуважающи Ив. Попович-Липовац.

Париж

19 мая 1878 **.

P. S. Rue Cujas 19. Hotel Boileau

Popovitch-Lipovac

ОР ГНБ. Ф. Архив И. С. Аксакова. Д. 275. Л. 4. Автограф.

6

Письмо И. С. Аксакова неизвестному другу с рекомендацией Ивана Поповича-Липоваца.

26 мая 1878.

Волынское

Любезный друг, на днях я отдал одному черногорцу, Поповичу-Липовцу, свою визитную карточку как *billet d'entrée* *** к тебе, с припискою, что за ней последует письмо. Исполняю обещание. Сей черногорец заслуживает внимания не потому только, что он черногорец вообще, а и по своим личным заслугам. Он был прислан в Москву учиться медицине в университете, а перед тем изучал ее чуть ли не в Падуе. Хотя ученый медик и черногорец понятия несовместимые в стране, где нет места другой профессии кроме военной, и военной не в европейском современном смысле, а в смысле эпического богатырства, однако же князь Николай ищет обзавестись и маленько учеными. Попович-Липовац учился таким образом, что каждый вакант воевал: то в Герцеговине, то в Боснии; возвращаясь, успевал

* Помета на полях: апр[ель] 3. Отвечено отказом. (Ив. С. Ак[саков]).

** 25 апреля послано 135 р. (И. С. Акс[аков]).

*** Визитная карточка (франц.)

сдать экзамен — недурно (у него хорошие способности) и таким образом добрался до 3-го курса. В прошлом году, не выключаясь из университета, он поступил вольноопределяющимся в Эрванский пехотный полк на Кавказе под начальство Геймана¹⁵, и там в течение трех месяцев схватил четыре георгиевских креста¹⁶ и офицерский чин. Из георгиевских крестов самый замечательный — это золотой, 1-ой степени..., которого всего навсего, со времени основания этого степени *, роздано до сих пор 14 нумеров. Я уже не помню хорошенько, за что он его получил: чуть ли не отбил он разом 8 пушек или что-то в этом роде... Он стремится продолжать военную службу в России, перейти в гвардию и слушать лекции в Военной академии. Так как у него нет знакомых в Петербурге, то я, снабдил его рекомендательным письмом к Е. Д. Милютиной¹⁷ и карточкой к тебе.

Можно, конечно, спросить с упреком: зачем он не возвращается в Черногорию. Но ведь по правде сказать — Черногория для ее сынов только родина, а не отечество. Я в этом убедился, всматриваясь прежде всего в черногорцев, да и вообще в южных славян... **

[И. С. Аксаков.]

Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Разд. I. П. 1. Ед. хр. 29. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878. М., 1978; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3 т. Т. 1. М., 1961.
- 2 В Костайнице находился штаб повстанцев.
- 3 Такие упреки вызваны тем, что при несопротивлении западных держав, Англия и Австрия, в особенности, твердо выступали за сохранение целостности османского государства и его территории, в том числе в большинстве населенной славянами.
- 4 Речь идет о проекте реформ, предложенных министром иностранных дел Австро-Венгрии, графом Дьюла Андрaши (1823–1890). Их содержание было изложено в нотах от 18 (20) декабря 1875 г. и 19 (31) января 1876 г. Изложенные в них незначительные уступки в социально-политических и религиозных вопросах ничем не гарантировались, поэтому они встретили решительный отпор со стороны повстанцев, в том числе и Й. Поповича-Липоваца, о чем свидетельствует публикуемое письмо.
- 5 Граничары — сербское и хорватское население Военной границы, созданной Габсбургами еще в XVI в. для защиты от турецких набегов.

* Так в тексте.

** Пропуск в тексте.

- 6 Имеется в виду разгром турок под Веной в 1683 г. польскими войсками под командованием короля Яна Собеского.
- 7 «Застава» — сербская либеральная газета в Воеводине (1866–1925).
- 8 «Србадија» (Србадија) — иллюстрированная научно-литературная газета. Выходила раз в месяц в Вене (1874–1877 гг.). Издатели — И. Виловский и С. Чурич.
- 9 Речь идет о помощи, которую Й. Попович-Липовац получал от Московского славянского комитета.
- 10 Петр Карагеоргиевич, намеревавшийся возглавить восстание, действовал во главе отряда в Боснийской Крайне. После того, как потерпел неудачу, он был вынужден уехать. Его отъезду способствовали Австро-Венгрия и Сербия, опасавшиеся его династических притязаний.
- 11 Не известно, выслал ли деньги И. С. Аксаков. Однако последующие письма Й. Поповича-Липоваца свидетельствуют, что его просьбы выполнялись.
- 12 Реформы были отвергнуты на скупщине боснийских повстанцев, которые приняли призыв к отпору, с которым выступил В. Пелагич (14 февраля 1876 г.). Вероятно, именно эту скупщину в Костайнице имеет в виду Й. Попович-Липовац // *Ekmečić M. Ustanak u Bosni 1875–1878. Sarajevo, 1960. S. 186–187.*
- 13 12 февраля 1876 г. около Тополы повстанцы разгромили турецкую колонну // *Ibidem. S. 191.*
- 14 Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), генерал-майор, с 1875 г. в отставке. Во время сербо-турецкой войны 1876 г. — главнокомандующий Тимокско-Моравской армии. С 1871 г. — член С.-Петербургского славянского комитета; издатель панславистской газеты «Русский мир».
- 15 Василий Александрович Гейман, генерал-майор.
- 16 Георгиевским крестом награждались за храбрость, проявленную при подвиге.
- 17 Е. Д. Милютина — жена (или дочь) военного министра графа Д. А. Милютина.

РУССКАЯ СУДЬБА ДЖУРО ДАВИДОВИЧА

Имя этого черногорца упоминается в исторических исследованиях как случайный эпизод из жизни более значительных политических фигур, таких как владыка Петр II Петрович-Негош, русские агенты в Черногории Я. Н. Озерецковский¹ и Е. П. Ковалевский². Сам Джуро никогда не занимал высоких постов ни в родной Черногории, ни в России, где прожил большую часть своей жизни. Он не был знаменитым военачальником, дипломатическим агентом или участником значительных политических событий. Но этим, в частности, и интересна его биография, судьба человека рядовых способностей, не оправдавшего возложенных на него больших надежд, оторванного от родины и оказавшегося в непривычных условиях чужой страны.

Джуро Давидович родился в Черногории в конце 1820-х гг., то есть в последние годы правления митрополита Петра I Петровича-Негоша. Старший сын священника Тома Давидовича, он был гордостью и надеждой семьи. О его раннем детстве нам ничего не известно. Вероятно, он рос смышленным и активным ребенком, подобно другим черногорским мальчикам, с малых лет учился обращаться с оружием. Как и другие его соплеменники, он почитал владыку, ненавидел турок и недолюбливал австрийцев. Его жизнь сложилась бы вполне предсказуемо, если бы в мае 1838 г. Черногорию не посетил русский геолог Егор Петрович Ковалевский.

Ковалевский, капитан горного ведомства, прежде занимался поиском золотоносных жил в Сибири и на Урале. Его командировка была вызвана просьбой молодого цетиньского владыки Петра II Петровича Негоша, с которой тот в 1837 г. обратился к российскому правительству: прислать к нему опытного геолога, способного заняться поисками золотой руды. Но это задание не было единственным. Ковалевский был направлен на Балканы с целым рядом других поручений. Так, он должен был составить подробное геологическое и географическое описание Черногории, собрать статистические сведения о ее населении и природных ресурсах, административном устройстве. Кроме того, в его задачи входило выяснить, насколько благополучно внутреннее состояние этих территорий и устойчива власть. Накануне отъезда Ковалевский встречался в Петербурге с Я. Н. Озерецковским, чиновником по особым поручениям при российском посольстве в Вене, совсем недавно вернувшимся из Черногории³. Среди прочих сведений о далекой горной стране Озерецковский мог рассказать и о своем побратиме, священнике Томе Давидовиче.

Ковалевский пробыл в Черногории четыре месяца и благополучно справился со своим заданием. Однако, будучи вовлечен в черногорско-

австрийский конфликт, оказался фигурой *non grata* в глазах австрийских чиновников. Во избежание возможных недоразумений, российское правительство приказало Ковалевскому завершить свою миссию.

Когда в сентябре 1838 г. русский капитан отплывал из Котора, он был не один. Вместе с ним с Черногорией прощался юный Джуро Давидович. Он не был первым черногорцем, отправлявшимся в Россию на обучение. Так, двоюродный брат Петра II Негоша, Джорджие (Георгий) Савов Петрович, не только обучался военному делу, но и некоторое время проходил службу в русской армии. Важно, что, вернувшись в Черногорию, Джорджие Петрович завоевал там репутацию русофила, спустя многие годы писал по-русски и поддерживал связи с российским консулом в Рагузе (Дубровнике).

Была ли это инициатива владыки Негоша или капитана Ковалевского — отправить Джуро на обучение в Россию — неизвестно, однако, она в равной степени отвечала интересам и черногорской, и российской стороны. Предполагалось, что, выучившись на горного инженера, Давидович возвратится в Цетинье исполненный любви к России и императору, и сможет принести пользу своей стране, а заодно поспособствует укреплению русско-черногорских связей. Случай с Джуро интересен тем, что ему предполагалось дать не столько военное, сколько естественнонаучное и техническое образование. Таким образом, в Черногории должен был появиться собственный специалист.

Поскольку Ковалевский не мог сразу вернуться на родину (ему пришлось задержаться в Италии, а затем в Германии), молодой черногорец был оставлен на попечение российского консула в Триесте графа Кассини, которому было поручено позаботиться о временном размещении Джуро и об устройстве его в местное училище⁴.

Спустя несколько месяцев, когда дела Ковалевского были завершены, Джуро покинул Триест и направился в Вену. Там он был взят под опеку Я. Н. Озерецковским. Вот как последний описывает эту встречу в письме к Петру II Петровичу-Негошу: «Вчера, 20 декабря (1 января) является ко мне из посольства человек с юношей из Ваших гор, молодцом, каковы все Ваши воины. Я рад был его видеть как точно своего родного, а еще более приятно мне было обласкать и полюбить его, когда я узнал от него, что он Георгий, сын моего благодетеля Попе Томо»⁵. Озерецковский сообщает, что его семейство обращается с юношей, как с родным, что он здоров и весел и сегодня пойдет в театр, «о котором ему очень хочется иметь понятие». В свою очередь Джуро рассказал ему о черногорских делах.

Вскоре в Вену прибыл Ковалевский и вновь встретился со своим подопечным. 8 января 1839 г.⁶ он представил Джуро послу Д. С. Татищеву, «который очень обласкал его и подарил ему червонец»⁷. Всем пришлось по душе его статный, «молодецкий» вид. В письме Озерецковский убеждал черногорского владыку в том, что сын «верного и храброго Попе Тома»

«не в руках чужих людей»⁸. К письму приложена и небольшая записка, гордо подписанная «Георг», которую мальчик по-русски написал для родителей. С трогательным простодушием он рассказывает, что через три дня уезжает вместе с капитаном Ковалевским, что в Вене он часто ходил в театр и ему было хорошо и весело, что он не знает, как будет в Петербурге, но надеется, если будет хорошо учиться, там тоже будет «весело». Джуро также пишет, чтобы родители ждали его возвращения в Черногорию «умным учоним»⁹. Озерецковский считал, что пребывание юного черногорца в России не затянется и «года через четыре» он вернется на родину «образованным молодцем»¹⁰. «Приехав в Питер, — обещал он Негошу, — буду его опять часто видеть и после позабочусь о его голове. Вам надобны будут благоразумные слуги»¹¹. Но судьба Джуро сложилась иначе, и «Черногория его своим просветителем не увидала»¹².

Вернувшись в российскую столицу, Ковалевский получил высочайшую аудиенцию в Аничковом дворце, на которой присутствовал и Джуро. На вопрос императора, кем хочет стать черногорец, тот незамедлительно ответил, что капитаном, как Ковалевский. Тогда, по распоряжению Николая I, он был зачислен в институт Горного корпуса¹³.

Тем временем Ковалевского ждали новые путешествия — ему предстояла экспедиция в Среднюю Азию. Заботиться о Джуро, уже надевшем кадетский мундир, он поручил старшему брату Евграфу Петровичу и его многочисленному семейству. Об этом Ковалевский сообщил в письме Петру Негошу¹⁴. Интересно, что и Егор Ковалевский, и, особенно, Озерецковский считали своим долгом регулярно извещать владыку о судьбе мальчика, демонстрировать свою заботу о нем. Таким образом, они не просто принимали искреннее и живое участие в судьбе Джуро, но и показывали Негошу, как в России заботятся о черногорцах. В письме от 1 августа 1839 г. Озерецковский вновь сообщает Негошу о своем намерении по возвращении в Петербург лично следить за Джуро и брать его к себе домой по праздникам¹⁵. Однако из-за болезни и других дел он так и не встретился с Джуро в Петербурге, хотя и в следующем письме к владыке от 3 декабря 1839 г. обещал послать за ним на днях¹⁶.

Институт Горного корпуса был «родным» для семьи Ковалевских. Здесь учился, а позже стал начальником старший брат Евграф, сидел на студенческой скамье младший — Егор. Одновременно с Джуро там учился родной племянник братьев, Павел Михайлович Ковалевский, оставивший любопытные воспоминания о своем черногорском приятеле. В частности, он пишет, что тот с первых же дней сумел проявить «свои мускульные способности»:

«— Джуро! Скажи: много жен у твоего Владыки? — дразнили его приставали.

— Владыко жёны не имеет! — гремел черногорец и бросался тузить кого не попало».

Племянник Егора Петровича с ностальгией вспоминает и другие проказы:

«В классах им травили нелюбимого учителя немецкого языка.

— Джуро! Ведь это австрияк!

И Джуро кидался, скрежеща зубами, на учителя; с трудом успевали его оттащить»¹⁷.

Учение продвигалось с трудом. Особенности проблемы вызывала математика, а если верить П. М. Ковалевскому, «из всех предметов, входивших в круг познаний тогдашнего горного офицера, он оказал способности к одной маршировке»¹⁸. Из девяти классов корпуса Джуро прошел только два, «и то после нескольких лет приспособления к каждому».

В институте жизнь была ключом. Джуро принимал участие в театральных постановках, которые ставились силами кадетов к праздникам. Каникулы черногорец проводил вместе с многочисленным гостеприимным семейством Евграфа Петровича, а вот своего опекуна видел очень редко, если вообще видел за все время обучения. Впрочем, Егор Петрович интересовался успехами воспитанника, иногда писал ему и присылал подарки на Рождество¹⁹.

Когда оставаться в кадетском звании больше не было возможности, встал вопрос о дальнейшей судьбе черногорца. Знаний, усвоенных им, было недостаточно, чтобы стать специалистом, полный курс обучения он так и не завершил. Военная служба была единственной дорогой, которая перед ним открывалась. Давидовича взял под свою опеку еще один брат Ковалевских — Петр Петрович, командир артиллерийской бригады²⁰. Вместе с ним Джуро отправился в действующую армию на Кавказ. Правда, под непосредственным начальством Ковалевского он не служил, его определили в Ставропольский егерский полк. На Кавказе черногорец находился и во время Крымской войны.

О путешествиях Егора Петровича Джуро узнавал из газет, переписывать было трудно, ведь тот почти все время был в отъезде²¹. Вновь Ковалевский встретился со своим «питомцем» только 4 января 1857 г. в Петербурге. Наставляя Джуро добиваться наград, он снабдил его средствами, необходимыми для возвращения в полк на Кавказ.

Ковалевский, с 1851 по 1854 г. три раза посетивший Черногорию, несомненно, встречался с родственниками Джуро и мог сообщить ему какие-то сведения о них. Во время свидания выяснилось, что черногорец скучает по родной стране. Он просил своего покровителя, теперь высокопоставленного чиновника и директора Азиатского департамента МИД, предоставить ему случай побывать там. Егор Петрович обещал, что, как только «дела Черногории примут хороший оборот», его просьба будет исполнена²².

Давидович вернулся в армию и вскоре был переведен из Ставропольского полка в 19-й Армейский стрелковый батальон, который только что

начал формироваться на правом фланге Кавказской линии²³. Он сожалел, что не будет участвовать в походе, а потому упускает возможность отличиться и получить медаль. К тому времени Джуро Давидович уже получил чин капитана.

Прошло еще полтора года, а случая поехать в Черногорию так и не представилось. «Я обязан Вам своим воспитанием и положением в свете. Вы сделали много для Вашего воспитанника, довершите свои благодеяния к любящему сыну и дайте в последний раз увидеть престарелую мать и свое отечество», — писал Джуро Ковалевскому 10 июня 1858 г.²⁴. Он обращался и к Евграфу Петровичу, чтобы тот ходатайствовал о нем перед братом.

Между тем, не дождавшись известий от сына, мать Джуро отправила в Россию своего племянника Симона, чтобы тот рассказал ему о голоде и последней войне с турками, о бедственном положении семьи Давидовичей и ходатайствовал о ней перед своим высоким покровителем, чье имя было хорошо знакомо черногорцам. Сам Джуро не располагал почти никакими средствами и отправил своего родственника в Петербург, сопроводив его рекомендательным письмом, в котором умолял Ковалевского о помощи. В столице Симон Давидович, по-видимому, лично встретился с Ковалевским и изложил свою просьбу: принять его и всю его семью в российское подданство с наделением земель на юге России. И Егор Петрович, разумеется, помог ему.

24 ноября 1859 г. российский консул в Рагузе К. Д. Петкович был проинформирован о том, что «сотник черногорского войска Давидович, брат которого служит капитаном в Кавказской армии», в бытность свою в Петербурге подал прошение на высочайшее имя и это прошение удовлетворено²⁵. Консул обратился к князю Даниле²⁶ с просьбой сообщить новость Симону и, после нескольких напоминаний, это было сделано²⁷. В марте 1860 г. сотник Давидович явился в российское консульство в Рагузе, попросил Петковича поблагодарить Ковалевского и передал открытое письмо на его имя, в котором содержалась очередная просьба о вспомоществовании. Также Давидович заявил, что не может сразу переехать в Россию — требуется продать имущество, а это сейчас затруднено вследствие голода в Черногории. 6 июня 1860 г. Петкович в письме к князю Даниле просил уведомить Давидовича, что просьба о денежной помощи для переезда его семье удовлетворена, что министерство через консульство готово выплатить ему пособие на морской путь из Котора до Одессы. Наконец, 22 июля 1860 г. черногорский Сенат официально удовлетворил просьбу Давидовича о переходе его и его семьи в российское подданство. Вместе с Симоном в Россию отправились: жена Васа, трое детей, отец, мать, брат, сестра, а также тетя, то есть родная мать Джуро Давидовича, Пава, и его молодой брат, восемнадцатилетний Стефан, — всего одиннадцать человек. Сестры Джуро²⁸ к тому времени, по всей видимости, уже были замужем и остались в Черногории.

Сам Джуро — Георгий Фомич Давидович так больше никогда и не увидел родных мест. Он продолжал служить на Кавказе, получил чин майора, женился и обзавелся многочисленным семейством²⁹.

История Джуро Давидовича — интересный пример того, как складывалась жизнь черногорца в России. Некоторые его соотечественники также приезжали в империю, чтобы получить образование, сталкивались с серьезными проблемами в учении и, в конце концов, предпочитали пойти служить в русскую армию, а не возвращаться домой, ходатайствовали о переходе в российское подданство и оседали на новой родине. Если они и ностальгировали по Черногории, то все-таки в глубине души понимали, что там их ждут голод и бедность, в то время как на военной службе в России их храбрость, мужество и военные навыки открывают определенные перспективы. Джуро сопутствовала удача в том смысле, что он находился под опекой не просто одного Егора Петровича, но целой семьи Ковалевских, которые имели хорошее положение в российском обществе, были связаны и с государственными структурами, и с армией, и с учебными заведениями.

Интересно также, что Джуро Давидович невольно содействовал формированию определенного стереотипного представления о черногорцах в русском обществе. Его поведение в институте, произведшее неизгладимое впечатление на П. М. Ковалевского, несомненно, повлияло на следующие характеристики в его мемуарах: народ православный «с ребяческим неведением того, что творит», «добродушные разбойники Черной Горы» и «богатая только бесшабашным мужеством Черная Гора»³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Озерецковский Яков Николаевич (1801–1864) — российский государственный и военный деятель, сын путешественника Николая Озерецковского. В качестве офицера участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., служил в Главном штабе, а затем в чине подполковника в корпусе жандармов. В 1836–1839 гг. — чиновник по особым поручениям в российском посольстве в Вене. Весной 1837 г. посетил Черногорию. За время поездки Яков Николаевич собрал ценные сведения о стране, ее населении, внутреннем устройстве, финансах, урегулировал вопросы, связанные с российской субсидией, объяснил, как строить амбары для зерна, а также подружился с владыкой и другими черногорцами. В записке, представленной начальству, он высказал предположение о существовании золотоносных руд и полезных ископаемых в Черногории. По мнению Ю. П. Аншакова, Озерецковский не столько верил в реальность этого предположения, сколько стремился привлечь интерес российского правительства к делам Черногории. См.: *Аншаков Ю. П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856)*. М., 1998. С. 221. О Я. Н. Озерецковском см.: *Черногорско-русские отношения с 1711 по 1918 гг.* Т. 1.

- Русские архивные документы о Черногории (конец XVII — середина XIX в.). Подгорица — Москва, 1992. С. 194. Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского // Российский архив. Вып. 12. М., 2003. С. 304–367.
- 2 Ковалевский Егор Петрович (1809–1868) — знаменитый русский путешественник, писатель, дипломат, геолог. Впервые побывал в Черногории в 1838 г., затем, выполняя поручения МИД, возвращался туда еще три раза: в 1851 г. содействовал установлению власти князя Данилы и проводил ревизию черногорских финансов, в 1853 г. вел переговоры с турецким командиром Омер-пашой о прекращении боевых действий против Черногории, в 1854 г. занимался подготовкой восстания христиан Черногории и Герцеговины. С 1856 по 1861 г. директор Азиатского департамента МИД. Принимал активное участие в формировании российской политики на Балканах, в частности, инициировал расширение и развитие сети новых консульств.
- 3 *Миловић Ј.* Аустријски извештаји о посети Црној Гори руског рударског капетана Јегора Ковалевог // Историјски записи. Цетиње, 1949. З. С. 249.
- 4 Е. П. Ковалевский — Петру II Петровичу-Негошу. 9.01. 1839 г. См. *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковалевог, и Чевкина Владици Раду // Споменик. 63 (1). Београд, 1935. С. 16.
- 5 Я. Н. Озерецковский — Петру II Петровичу-Негошу. 21.12. 1838 г // Там же. С. 14.
- 6 Все даты приведены по старому стилю.
- 7 Е. П. Ковалевский — Петру II Петровичу-Негошу // Там же. С. 16.
- 8 Я. Н. Озерецковский — Петру II Петровичу-Негошу // Там же. С. 15.
- 9 Приписка Джуро Давидовича к письму Я. Н. Озерецковского // Там же.
- 10 Я. Н. Озерецковский — Петру II Петровичу-Негошу // Там же. С. 12.
- 11 Я. Н. Озерецковский — Петру II Петровичу-Негошу // Там же. С. 16.
- 12 *Ковалевский П. М.* Встречи на жизненном пути // Исторический вестник. 1888. 2. С. 377.
- 13 Там же. С. 376.
- 14 Е. П. Ковалевский — Петру II Петровичу-Негошу // *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковалевог, и Чевкина Владици Раду. С. 17.
- 15 Я. Н. Озерецковский — Петру II Петровичу-Негошу // Там же. С. 14.
- 16 Там же.
- 17 *Ковалевский П. М.* Указ. соч. С. 376.
- 18 Там же. С. 376–377.
- 19 Джуро Давидович — Е. П. Ковалевскому. 2. 02. 1846 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 356. Ед. хр. 197. Л. 1–2 об.
- 20 Ковалевский Петр Петрович (1808–1855) — генерал-лейтенант, воспитанник артиллерийского училища и его офицерских классов. Участвовал в войне с Турцией 1828–1829 гг., зарекомендовал себя выдающимся артиллеристом, занимался опытами по разработке артиллерийских снарядов. Разносторонне образованный, начитанный, интересовался историей и политической экономией. Составил две записки о развитии торговли со Средней Азией.

С 1843 г. командовал 20-й артиллерийской бригадой, принимал активное участие в военных действиях на Кавказе. В 1853 г. начальник правого фланга Кавказской линии. Во время Крымской войны принимал участие в штурме Карса 17 сентября 1855 г. Тогда же был смертельно ранен и умер 21 сентября 1855 г. (Русский биографический словарь. СПб., 1909. Репринтное воспроизведение. М., 1999).

- 21 Джуро Давидович — Е. П. Ковалевскому. 2.11. 1850 г. // ОР РНБ. Ф. 356. Ед. хр. 197. Л. 7.
- 22 Джуро Давидович — Е. П. Ковалевскому. 10.06. 1858 г. // Там же. Л. 9–9 об. В начале 1857 г. были временно приостановлены политические сношения с Черногорией.
- 23 Джуро Давидович — Е. П. Ковалевскому. 23.04. 1857 г. // Там же. Л. 3.
- 24 Джуро Давидович — Е. П. Ковалевскому. 10.06. 1858 г. // Там же. Л. 9 об. Джуро называет свою мать престарелой, на самом деле в 1858 г. ей было около 45 лет.
- 25 К. К. Злобин — К. Д. Петковичу. 24.11. 1859 г. // Архивско оделење Народног музеја Црне Горе. Ф. Приновљени рукописи. 1859. Фасц. 7. Дио 1.
- 26 Данило Станков Петрович-Негош (1826—1860) — первый князь и светский правитель Черногории (1851–1860).
- 27 К. Д. Петкович — князю Даниле. 4.03. 1860 г. // Там же. Ф. Данило I. 1860. Бр. 39.
- 28 См. приписку Джуро Давидовича к письму Я. Н. Озерецковского Петру Негошу // Вуксан Д. Писма Озерецковскога, Ковалеvского, и Чевкина Владици Раду. С. 15.
- 29 Ковалевский П. М. Указ. соч. С. 377.
- 30 Там же. С. 373, 377.

ЖИЗНЬ ЧЕРНОГОРСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Наряду с глобальной историей, изучающей законы человеческого бытия, ученых всегда волновала так называемая история повседневности, микроистория с ее бесхитростными темами: рождения, жизни и смерти простого человека. Из небольших сюжетов, повествующих о том, что было значимым для обычных людей в ту или иную эпоху, как достигались ими цели и идеалы, как преодолевались жизненные трудности, что считалось добродетелью, в общем и складывается всемирная история, которая берет на себя труд понять всю глубину причинно-следственных связей развития общества.

В этой статье речь пойдет о вопросе, органично вписывающемся в микроисторию, — о просвещении Черногории, вынужденной на рубеже XIX—XX вв. преодолевать свою вековую отсталость. Хотелось бы воссоздать картину пребывания в России молодых черногорцев, посланных за границу для обучения в средних и высших учебных заведениях. Рассматривая этот частный вопрос, автор считает нужным ввести в оборот некоторые архивные материалы, на основании которых читатель может сам судить о том, как жилось выходцам из маленького славянского княжества в Российской империи, с какими трудностями было сопряжено их образование.

Опубликованные в приложении документы русского и черногорского происхождения хранятся в Архивном отделении Народного Музея Черногории (Далее — АОНМЧ). Они сохранились в двух фондах. Первый — личный фонд князя, позже короля Николы (Архивско Одељење Народног Музеја Црне Горе, фонд краља Николе). В нем можно найти материалы, которые нечасто попадают в государственные архивохранилища. Это личные письма, просьбы, доносы и кляузы, бумаги, связанные с придворным протоколом и государственными делами, некоторые послания от представителей династии Романовых и проч. Подобные источники обычно трудно систематизировать, так как они разнообразны и в значительной мере «случайны». И, тем не менее, эти материалы интересны тем, что носят субъективный, лично окрашенный характер и передают детали повседневности гораздо полнее, чем официальные бумаги.

Второй фонд имеет необычную историю (АОНМЧ, фонд Приновљени рукописи. Далее — Ф. Принов. рук.). Это архив российской дипломатической миссии в Цетинье, который русские дипломаты не успели вывезти в 1915 г., когда австрийские войска оккупировали Черногорию. Самые секретные и важные документы, конечно, были уничтожены.

Но материалы, связанные с рядовыми событиями, ежедневной работой, с буднями русско-черногорского сотрудничества, сохранились, хотя и не полностью. Источники, оставшиеся в архиве миссии, с одной стороны, являются копиями и черновиками тех донесений, запросов, инструкций, которые хранятся в Москве, в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). С другой стороны, в фонде есть интересные с психологической точки зрения документы, которые редко встречаются в официальных архивах. Это личные просьбы о помощи во время голода, ходатайства о приеме в российские учебные заведения, приглашения на культурные мероприятия и школьные праздники, письма дипломатов, искавших совета у своих коллег, и т. д. Хранящийся в Архивном отделении Государственного музея Цетинье фонд российской дипломатической миссии позволяет восстановить работу русских дипломатов во всем ее многообразии и в мелких деталях.

Во время Первой мировой войны все бумаги, осевшие в двух названных фондах, были закопаны в землю, поэтому многие документы невозможно прочесть из-за плохой сохранности. Но те источники, которые остались, заслуживают самого пристального внимания историков. Публикацией некоторых из них хотелось бы привлечь внимание исследователей, в первую очередь черногорских, к фондам Архивного отделения музея. Автор благодарит сотрудников Архивного отделения музея за внимательное отношение и помощь.

Черногория после международного признания в 1878 г. остро нуждалась в квалифицированных специалистах, так как ей предстояло построить современное государство, поднять экономику, преодолеть почти поголовную неграмотность населения. Решить эти сложные задачи собственными силами княжество не могло, система образования в стране была в зачаточном состоянии, не было ни одного вуза и только два средних специальных учебных заведения — Богословская семинария для юношей и Мариинский женский институт для девушек. Катастрофически не хватало начальных школ и учителей для них. Отчасти выходом из этой тяжелой ситуации была посылка молодых людей в заграничные школы и вузы. На первом месте среди стран, готовых принять у себя студентов с Балкан, всегда была Россия. Об этом в августе 1880 г. глава православной церкви в Черногории митрополит Иларион Руварац писал российскому министру-резиденту А. С. Ионину: «Так как мы здесь еще не имеем ни одной высшей школы, то хотели бы двух учеников, Ника Капичича и Милана Войводиича, отправить на дальнейшее обучение. Мы верим, что наше желание будет исполнено в братской России. Поэтому обращаемся к Вашему превосходительству с большой просьбой дать вышеназванным студентам рекомендацию для получения мест в России...» [АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1880, фас. XXVIII]. С 1878 по 1913 г. такие обращения от светских и духовных властей Черногории были постоянными.

Подобные просьбы всегда находили положительный ответ в России. Руководству Российской империи было ясно, что огромные траты на освобождение славянских народов и превращение их в верных союзников должны подкрепляться хорошо поставленной системой образования и воспитания славянской молодежи, на которую делался главный расчет. В интеллектуальной элите южнославянских стран российские политики видели проводников своего влияния, надежный инструмент формирования общественного мнения в том или ином регионе. Дело образования выходцев из славянских земель продолжалось на протяжении десятилетий, было поставлено на широкую ногу и приносило реальную пользу и русским покровителям, и славянским народам.

При Азиатском (позже Первом) департаменте Министерства иностранных дел много лет успешно работала Комиссия по образованию в России южных славян. Она подбирала подходящие места в средних и высших учебных заведениях Российской империи, выделяла стипендии, разрабатывала правила приема и обучения, рассылала их и сопровождалась инструкции в дипломатические службы на Балканах, опекала славянскую молодежь во время обучения, помогала решать возникавшие довольно часто социальные и личные проблемы своих стипендиатов. Первым и главным помощником Комиссии были славянские благотворительные комитеты, также немало сделавшие для того, чтобы молодые люди из славянских стран получили образование и вернулись на родину квалифицированными специалистами.

Правила, в соответствии с которыми отбирали и посылали в Россию абитуриентов, были довольно простыми (см. Приложение 1). В начале 80-х гг. XIX в. от черногорцев, собравшихся учиться в нашей стране, требовались: минимум документов об образовании, элементарное знакомство с русским языком и относительно стабильное материальное положение семьи будущего студента. Этого было достаточно, чтобы получить стипендию Комиссии. Было еще одно условие — рекомендация от светских, духовных властей или от общин, которые посылали своих земляков учиться, но, как видно из текста документа, этой рекомендации не придавалось решающего значения. Если кандидат не мог ее получить по каким-то объективным обстоятельствам, на ней не настаивали. Условие, связанное с имущественным цензом семьи кандидата, не означало, что в России противились обучению людей из бедных слоев славянского общества. Но стипендия, которую платила Комиссия, была очень скромной, а жизнь на чужбине нелегка. Поэтому чиновники МИД предпочитали иметь дело с молодыми людьми, чьи семьи могли бы им оказать материальную помощь в случае непредвиденных осложнений.

Наплыв славян, в том числе черногорцев, в Россию оказался выше всяких ожиданий. МИД России столкнулся с рядом проблем, которые, если можно так выразиться, нервировали чиновников. Администрация

славянских стран не соблюдала сроки высылки документов, названные в правилах (к 1 апреля текущего года), и не давала вовремя ответа, сколько молодых людей собирается приехать в Россию. Кандидаты часто не соответствовали даже тем простым требованиям, которые разработала Комиссия: были «переростками» (слишком взрослыми, чтобы учиться в тех школах, куда приезжали), не имели законченного среднего образования, совсем не знали русского языка. Много хлопот было с теми, кто отправлялся в Россию на свой страх и риск, не получив официального подтверждения, что место в учебном заведении им будет предоставлено. Поскольку выходцы из Черногории были, как правило, небогаты, то возникали проблемы с их возвращением на родину, у многих просто не было денег на обратный билет. Все эти трудности приходилось преодолевать сотрудникам Комиссии и членам славянских благотворительных комитетов.

Со временем Комиссии пришлось ужесточать и уточнять правила приема, в конце 90-х гг. XIX в. были введены новые требования. Они предъявлялись как к кандидатам, так и к властям, занимавшимся отбором и посылкой будущих студентов в Россию (см. Приложение 2). Подтверждались сроки сбора и высылки документов (к 1 апреля текущего года); заявления тех, кто опоздал с прошением, откладывались на год. Категорически запрещалось выезжать в Россию без официального приглашения, в котором указывалось, что стипендия будет предоставлена. Если это условие не соблюдалось, следовало суровое наказание, нарушитель дисциплины терял право на стипендию. Жестко регламентировался вопрос о национальном происхождении кандидатов, ими могли быть только славяне — подданные Сербии, Черногории, Болгарии и уроженцы тех южнославянских областей, которые еще оставались под властью Османской империи. Остальные предписания оставались, по-прежнему, простыми; количество документов, необходимых для выезда в Россию, не изменилось. Как видим, Комиссия по образованию в России южных славян боролась со «стихийными» и недисциплинированными абитуриентами своими бюрократическими способами, стараясь повысить их ответственность за собственное образование.

Количество мест для обучения в конце XIX — начале XX в. постоянно увеличивалось, но всегда желающих было больше, чем предложенных стипендий. Типичный набор предлагаемых учебных заведений мы находим в письме Комиссии, направленном российскому министру-резиденту в Цетинье К. М. Аргиропуло 10 декабря 1892 г. (см. Приложение 3). Это были все университеты России, Военно-медицинская Академия в Петербурге, горные и технологические институты. Очень приветствовалось обучение славян в российских духовных академиях. Средние учебные заведения России, обучавшие славян, — это духовные семинарии, кадетские корпуса, профессиональные училища. Довольно часто учреждались

специальные стипендии для черногорцев, чтобы дать им возможность получить неизвестные в княжестве профессии (см. Приложение 4).

Важным моментом в деле развития образования была готовность русских ремесленных училищ принять маленьких черногорцев на обучение (см. Приложение 5). Дело в том, что в крохотной воинственной стране исторически сложилось негативное отношение к ремеслу как занятию, недостойному истинного воина. Самому князю Николе приходилось бороться с этим предрассудком, убеждать своих подданных заниматься мирным обыденным трудом. Овладение ремесленными специальностями в России было одним из способов вовлечения активного населения в хозяйственную жизнь на новых современных началах.

В конце XIX в. в Россию стали посылать и девушек, которые поступали в Женский медицинский институт в Петербурге, а также в Левашевский пансион в Киеве, Кушниковский девичий институт в Керчи, Славянский питомник в Одессе, женскую гимназию в Астрахани и в др. Интересно отметить, что большая часть учебных заведений, доступных девушкам из южнославянских стран, была на юге Российской империи. В Комиссии не забывали о том, что климат России для уроженцев Балкан был слишком суровым (см. Приложение 2). Для черногорок возможность учиться в России значила больше, чем для других южных славянок. Женский вопрос в княжестве имел особую историческую окраску. Племенной уклад народной жизни, еще довольно прочный на рубеже XIX–XX вв., подразумевал самый низкий социальный статус женщин. В патриархальных черногорских семьях жены, дочери и сестры выполняли тяжелую физическую работу в доме и в поле, не имели права решать свою судьбу — за них это делали родители или мужья — и в силу такого положения чаще всего не имели доступа даже к начальному образованию. Известный исследователь П. А. Ровинский в многотомной монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем» писал о том, как неохотно соглашались в семьях отпускать девочек даже в начальную школу. Правда, в княжестве много лет успешно работал Мариинский женский институт, находившийся под покровительством русского двора, но он не мог вместить и малой доли всех, кто хотел бы там учиться. Поэтому редкий счастливый случай уехать в Россию и получить там специальное образование был для черногорских девушек почти равен чуду.

Лица, которые так или иначе сталкивались с проблемами размещения славян в российских учебных заведениях, относились к делу неформально и с большим энтузиазмом, изыскивая все новые возможности помочь молодежи, желающей учиться. Упомянутый в письме Комиссии по образованию южных славян Ф. Минков (см. Приложение 3), руководитель специального пансиона для черногорских мальчиков, в котором в течение нескольких месяцев готовили к поступлению в кадетские корпуса России, поддерживал активную переписку с российской дипло-

матической миссией в Цетинье и передавал новейшую информацию о том, какие школы в России могли бы принять черногорцев. Например, 14 июня 1893 г. он сообщал К. М. Аргиропуло: «Я ездил с министром народного просвещения в Новую Александрию (Варшавский учебный округ), где открыт Агрономический лесной институт... Институт... мне очень понравился — это земной рай; и для наших славян нельзя было бы приискать более удобное место...»

Я думаю, что для развития земледелия и лесоводства в Черногории не мешало бы пока иметь хотя одного черногорца в этом институте, но необходимо, чтобы он окончил у себя на родине или в России среднее учебное заведение и знал русский язык, и был не моложе 18 лет. В институт принимаются только русские подданные, но я беру на себя почин выхлопотать у г-на министра народного просвещения принять и черногорского подданного. Я постараюсь поставить дело воспитания черногорцев на должную ногу, чтобы оно впоследствии приносило стране пользу» [АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1893, фас. XLI, д. 1–2].

Вообще, о том, как работало Ф. Минкову с черногорскими юношами, следует сказать отдельно. Его воспитанники после многомесячного пребывания в пансионе обычно успешно сдавали экзамены и поступали в кадетские корпуса. Но это давалось немалым трудом, так как многие из кандидатов были слабо подготовлены к обучению в России, а посылавшие их чиновники не всегда соблюдали правила, принятые Комиссией (см. Приложение 6). Тем не менее, письма Ф. Минкова, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют о его неизменном стремлении помочь всеми силами юным черногорцам, желающим учиться в русских кадетских корпусах, а также о его неиссякаемом добродушии. К чести черногорского правительства нужно добавить, что заслуги Ф. Минкова не остались незамеченными — он был награжден князем Николой за вклад в дело просвещения черногорцев.

В Россию приезжали не только те, кто получил стипендию от Комиссии по образованию южных славян, но и так называемые «питомцы», воспитанники князя Николы. Эти юноши должны были жить и учиться на средства, выделенные черногорским двором. В разные годы их число было разным, но проблемы у них были почти одни и те же. Черногорское княжество в конце XIX в. находилось в исключительно тяжелом финансовом положении, имело непосильные внешние долги. Поэтому про своих воспитанников князь часто «забывал», и те, не получая финансовой поддержки с родины, оказывались в отчаянном материальном положении. Редкие подарки со стороны членов княжеского семейства не могли компенсировать того, что пособие названным студентам не выплачивалось месяцами (см. Приложение 7).

Заниматься их судьбой обычно приходилось славянским благотворительным комитетам, особенно С.-Петербургскому. Сохранилась

довольно обширная переписка между С.-Петербургским славянским благотворительным комитетом и сотрудниками разных уровней МИД России по поводу воспитанников князя Николы. Суть писем в том, что присланные черногорским монархом студенты так долго не получали стипендию из Цетинье, что С.-Петербургскому комитету пришлось выдать им в 1890 г. немалую сумму на пропитание и одежду (см. Приложение 8). Руководство комитета было обязано публично отчитываться перед своими членами о расходах, поэтому возникла деликатная проблема, как объяснить благотворителям эти траты. Был найден временный выход из неловкой ситуации. В России тогда шел сбор средств в помощь черногорскому народу, страдавшему от очередного неурожая и голода. Выданные стипендиатам князя Николы деньги были включены в графу «в пользу голодающих черногорцев». К сожалению, в этой формулировке была горькая правда — юноши в самом деле жили вперегонки в России. Ситуации, подобные описанной, возникали неоднократно (см. Приложения 9, 10, 11).

Иногда дело доходило до крайностей. Горькая судьба ждала дальнего родственника княгини Милены Радована Вукотича (см. Приложение 12). Одаренный волевой молодой человек, приехавший учиться в петербургскую Военно-медицинскую академию, ослеп из-за того, что голодал и терпел крайнюю нужду, подолгу не получая из Черногории положенной ему стипендии. Сотрудники Славянского комитета обратили особое внимание на деликатность Р. Вукотича, не считавшего достойным требовать денег или иной помощи. Даже потеряв зрение, Р. Вукотич не отказался от мечты получить высшее образование. Он перевелся на юридический факультет Петербургского университета, который закончил с отличием. Восхищенные мужеством и упорством студента, сотрудники Славянского комитета обратились в Азиатский департамент МИД России с просьбой оказать материальную помощь стойкому черногорцу.

Всем черногорцам, были ли они стипендиатами Комиссии или воспитанниками князя Николы, за границей приходилось нелегко. Слабое знание русского языка, патриархальные представления о жизни, которые мешали адаптироваться в новом окружении, бедность, отсутствие связей, непривычная среда обитания, суровый климат — все это делало путь к российскому диплому очень тяжелым.

Еще один драматический эпизод, связанный со стремлением учиться в России во что бы то ни стало, мы находим в письме, присланном из С.-Петербургского Славянского комитета в Цетинье в 1911 г. Шестнадцатилетний Спасое Вукич Зонич был принят в губернскую гимназию г. Владимира стипендиатом Комиссии по образованию южных славян, но закончив три класса, заболел туберкулезом. Врачи посоветовали отправить мальчика на родину (он был из Васоевичей) не меньше чем на

год. Председатель правления С.-Петербургского комитета 31 мая 1911 г. писал в Цетинье российским дипломатам: «Опасаясь, что Зонич, стремящийся продолжать свое образование, прибудет опять в Россию не вполне излечившись от болезни, которая в таком случае разовьется с новой силой, Попечительство имеет честь покорнейше просить ИМПЕРАТОРСКУЮ Миссию не допускать выезда Зонича в Россию без представления им свидетельства врача о его выздоровлении. Независимо сего, Попечительство позволяет себе усердно просить Миссию оказать Зоничу возможное содействие к надлежащему лечению его на родине, так как состояние его здоровья врачами признано опасным. Наиболее желательным для Зонича было бы окончить среднее образование на родине и уже после этого, если позволит здоровье, приехать в Россию для получения высшего образования» [АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1911, фас. LXIV].

История С. Зонича весьма показательна. Одно дело жить в маленькой Черногории и мечтать увидеть свет и стать образованным человеком. Другое — приехать в далекую суровую страну, узнать всю горечь положения студента на чужбине и не отказаться от мечты. Целеустремленность черногорских студентов была едва ли не единственным помощником в их нелегкой миссии. Можно только догадываться, сколько схожих историй происходило в те времена.

И все же никакие тяготы не смогли остановить черногорскую молодежь, мечтавшую увидеть Россию и учиться в ее школах и вузах. В качестве примера можно прочесть письмо некоего Р. Раичевича, умоляющего своего монарха дать разрешение на продление образования в Петербурге (см. Приложение 13). Будучи учеником одной из петербургских школ, он сумел выхлопотать себе русскую стипендию и место в специальном военном учебном заведении — Артиллерийской школе, но неожиданно получил отказ от военного министра Черногории. Не в силах смириться с этим решением, нарушая субординацию, Р. Раичевич в длинном верноподданническом прошении на имя короля Николы умолял дать ему возможность продолжить образование в России. За бесконечными повторами и заверениями в верности и преданности отчетливо слышится крик души молодого человека, мечта которого не может исполниться, а надежда вот-вот рухнет.

Другое отчаянное послание — от студента историко-филологического факультета Московского университета М. Джуровича — содержит аналогичную просьбу. Студент умоляет дать ему стипендию на два года, чтобы иметь возможность «завершить университет и достичь своей цели — служить своему отечеству, которое ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, как говорится, из ничего подняли на жизнь и труд во имя славного будущего» (см. Приложение 14). Повышенная эмоциональность этих писем, их страстность и экспрессивность являются очевидным подтверждением того, какое значение имела для черногорской

молодежи возможность получить образование в России. Это была высокая мечта, труднодостижимая и прекрасная цель, во имя которой можно было перенести любые лишения.

Несколько девушек тоже составили часть новой образованной молодежи, вернувшейся из России в отечество для того, чтобы способствовать его подъему. Трогательно звучит история двух черногорок, Марицы Николич-Павлович и Ангелии Роганович, внучек воеводы Пеко Павловича (см. Приложение 16). В 1887 г. в семилетнем возрасте они были привезены в Россию, русского языка не знали и были слишком малы, чтобы поступить в какую-нибудь среднюю школу. Поэтому были помещены в Демидовский дом трудолюбия (его также называли Домом Анатолия Демидова) — воспитательное и учебное заведение, работавшее под покровительством императрицы Марии Федоровны. Одиннадцать лет провели девочки в Демидовском доме, получили образование и стали профессиональными учительницами. Их успехи в учебе были отмечены специальными наградами. Но обе, к сожалению, забыли родной язык, что сильно тревожило их воспитателей. Руководство Демидовского дома отправило девушек на родину, снабдив всеми необходимыми вещами и, главное, рекомендациями, адресованными русскому министру-резиденту и начальнице Мариинского Женского института в Цетинье С. П. Мертваго. Под ее началом юные учительницы должны были приступить к педагогической работе. Нет никаких сомнений, что Мариинскому институту, который всегда испытывал острую нехватку кадров, воспитанницы Демидовского дома были нужны. Именно таким образованным девушкам предстояло решать женский вопрос в Черногории.

Результаты работы Комиссии по образованию южных славян стали видны довольно быстро. Выпускники русских вузов сразу же включались в общественную жизнь своего отечества, стремясь ускорить его развитие. Многие гражданские и военные чиновники, а также представители духовенства, получившие образование в России, стали заметными фигурами в государственном аппарате Черногории, занимали министерские посты, входили в ближний круг черногорского монарха. Некоторые из выпускников трудились в сфере образования и науки. Один из первых историков и библиографов Черногории Марко Драгович с 1878 по 1882 г. учился в С.-Петербургской Духовной академии и серьезно увлекся изучением архивных материалов по черногорской истории, мечтая написать историю русско-черногорских отношений от Петра I (см. Приложение 15). Может быть, именно это увлечение определило дальнейшую судьбу М. Драговича, автора более ста научных и популярных трудов.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть тот энтузиазм и одушевление, с которым молодые люди рвались в страну, мало им известную, но представлявшуюся оплотом их надежд. Суровые испытания не охла-

дили пыла тех, кто верил в великую Россию, защитницу славянских народов. Российские чиновники, стремившиеся организовать, привести в определенные рамки и контролировать эти порывы, в определенном смысле потерпели неудачу. В 1913 г. руководство С.-Петербургского Славянского благотворительного комитета в письме к посланнику в Цетинье А. А. Гирсу в очередной раз сетовало на «наплыв» черногорцев, нарушавших инструкции и правила и приезжавших в Россию учиться без всякой подстраховки (см. Приложение 17). Председатель комитета просил, чтобы в черногорских газетах были опубликованы условия, в соответствии с которыми шло зачисление в учебные заведения империи. Растущий поток «неорганизованных» абитуриентов свидетельствовал, с одной стороны, о высоком рейтинге российского образования в славянских странах, был своего рода признанием отличного качества русских дипломов, их востребованности. С другой стороны, средний черногорский абитуриент начала XX в. был куда лучше осведомлен о Российской империи, чем тот, кто уезжал на чужбину в начале 80-х гг. XIX в. Он уже знал, какво пришлось землякам, отучившимся в Петербурге или Москве, знал, что будет нелегко, иллюзий было гораздо меньше. А намерение ехать в Россию учиться не ослабевало. Только Первая мировая война смогла остановить этот поток.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

«Правила определения в Русские учебные заведения южнославянских уроженцев.

1. Выбор молодых людей для поступления в наши духовно-учебные заведения предоставляется преимущественно духовным властям в Славянских Государствах, для определения же в наши учебные заведения гражданского и военного ведомств — необходима рекомендация военных и гражданских властей означенных Государств, заведывающих делом воспитания юношества. Представление кандидатов для помещения в наши учебные заведения, помимо рекомендации светских и духовных властей славянских государств, предоставляется также и нашим заграничным агентам в этих государствах. В тех местностях Балканского полуострова, которые находятся под управлением Турецких властей, избрание кандидатов в наши учебные заведения всецело предоставляется нашим там агентам, кои будут руководствоваться при выборе кандидатов как нуждами православного населения местности, в которой они находятся, так и рекомендацией местных православных общин.

2. Все прошения об определении в наши учебные заведения сосредотачиваются: для Сербии — в Миссии нашей в Белграде, для Черногории —

в Миссии в Цетинье, для Болгарии — в Дипломатическом Агентстве в Софии, для Восточной Румелии — в Генеральном Консульстве в Филиппополе и для Македонии — в Генеральном Консульстве в Салониках.

Примечание. Вице-Консульство в Битоли препровождает прошения в Генеральное Консульство в Салониках и Вице-консульство в Скутари — в Миссию в Черногории. Консульства в Сараеве, Призрене и Адрианополе представляют прошения об определении молодых людей в наши учебные заведения непосредственно в Комиссию по образованию в России южных славян.

3. Означенные Миссии, Дипломатическое Агентство, Генеральные Консульства и Консульства по рассмотрении прошений, поступивших к ним непосредственно, или переданных им подведомственными им Консульствами и Вице-Консульствами, а равно духовными и светскими властями Славянских Государств, объявляют лицам, ходатайствующим об определении детей в наши учебные заведения, что все молодые люди, кои получают образование в России на счет ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, обязаны по окончании курса возвратиться на родину и не будут пользоваться у нас правом поступления на Государственную службу; за сим Миссии, Дипломатическое Агентство и Консульства препровождают поданные прошения с своими замечаниями в Комиссию по образованию в России южных славян к 1-му апреля.

4. При передаче этих прошений в Комиссию необходимо сообщение следующих сведений:

а) Точное обозначение заведения, в какое имеет быть помещен представляемый кандидат,

б) его имя, фамилия и возраст,

в) его документы: метрическое свидетельство и аттестат заведения, в котором он воспитывался на родине, с обозначением, по возможности, предметов пройденного им курса,

г) сведения о его родителях и об имущественном цензе их,

д) представление, если таковое будет, местных духовных и светских властей,

и е) сведения о том — знает ли представляемый кандидат русский язык.

5. Комиссия, по рассмотрении переданных ей прошений, извещает означенные выше Миссии, Дипломатическое Агентство, Генеральные Консульства и Консульства об избранных ею кандидатах и указывает сроки, к которым они должны прибыть в наши заведения.

6. К началу каждого учебного года Комиссия сообщает Агентам нашим в славянских землях сведения как о тех учебных заведениях, в кои могут быть помещаемы южнославянские уроженцы, так и о количестве имеющих, приблизительно, освободиться вакансий к началу следующего учебного года.

Примечания: а) Число представляемых кандидатов должно быть более числа имеющих открыться вакансий.

б) Кандидаты, представляемые для помещения в наши технические заведения, должны избираться, по возможности, из числа молодых людей, оказавших наилучшие успехи по математике». (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1883, фас. XXXI).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

«Правила выбора и рекомендации славянских уроженцев в русские учебные заведения, выработанные Комиссией по образованию в России южных славян.

1.

Избрание кандидатов — славян на стипендии в наши учебные заведения всецело предоставляется нашим Агентам в Турции и Славянских Государствах, кои будут руководствоваться при выборе таковых как нуждами православного населения местности, в которой они находятся, так и рекомендацией местных духовных, военных и гражданских властей.

2.

Все прошения с ходатайствами о принятии в наши учебные заведения сосредоточиваются:

Для Сербии — в Миссии нашей в Белграде; для Черногории — в Миссии в Цетинье; для Болгарии — в Дипломатическом Агентстве в Софии; для Македонии — в Генеральном Консульстве в Салониках.

Примечание. Консульство в Ускюбе и Вице-Консульства в Битоли и Призрене препровождают прошения славян в Генеральное Консульство в Салониках; Вице-Консульство в Скутари — в Миссию в Черногории; Консульство в Нише — в Миссию в Белграде; Консульство в Сараеве — в Посольство в Вене; Консульства в Адрианополе и Янине — в Посольство в Константинополе; Консульство в Рушук и Вице-Консульства в Варне, Бургасе и Филиппополе — в Дипломатическое Агентство в Софии.

3.

О таковом распоряжении Комиссии наши заграничные Агенты должны известить местных гражданских и духовных властей, дабы последние впредь не обращались с представлениями кандидатов непосредственно в Комиссию.

4.

Означенные выше Миссии, Агентство и Консульства, по рассмотрении прошений, поступивших к ним непосредственно или переданных им духовными и светскими властями Славянских Государств, — объявляют лицам, ходатайствующим об определении детей в наши учебные заведения, что все молодые люди, кои получают образование в России на счет ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, не будут пользоваться у нас

правом поступления на государственную службу и обязаны, по окончании курса, возвратиться на родину.

5.

За сим Миссии, Агентство и Консульства препровождают поданные им прошения с своими замечаниями в Комиссию по образованию славян к 1-му числу Апреля месяца.

Ходатайства, поступившие позже означенного срока, будут рассмотрены Комиссией лишь в следующем учебном году.

6.

При передаче прошений в Комиссию необходимо сообщение следующих сведений и документов:

а) По возможности точное обозначение заведения, в каковое имеет быть помещен представляемый кандидат.

б) Имя, фамилия и возраст кандидата.

в) Документы его: метрическое свидетельство и аттестат заведения, в котором он воспитывался на родине, с обозначением, по возможности, предметов пройденного им курса.

г) Сведения о его родителях и об имущественном цензе их.

д) Представление, если таковое будет, местных духовных и светских властей; причем, в случае рекомендации лиц, желающих поступить в наши духовные учебные заведения, должны быть соблюдаемы условия, сообщенные при циркулярном предписании Комиссии от 10-го октября 1898 г., и

е) Сведения о том — знает ли представляемый кандидат русский язык.

7.

Комиссия, по рассмотрении поступивших к ней ходатайств, извещает означенные выше Миссии, Агентство и Консульства об избранных ею кандидатах и указывает сроки, к которым они должны прибыть в наши учебные заведения.

8.

До получения такового извещения Комиссии, Агенты наши отнюдь не должны разрешать молодым людям приезжать в Россию для поступления в наши заведения.

Южнославянские уроженцы, самовольно приехавшие в Россию, лишаются права получения стипендии из средств Комиссии.

Об этом распоряжении Комиссии Агентам нашим надлежит поставить в известность местных духовных и гражданских властей.

9.

Комиссия по образованию в России южных славян представляет стипендии в наших учебных заведениях исключительно южнославянским уроженцам, т. е. сербам, болгарам, македонцам, черногорцам, боснякам и герцеговинцам. А по сему Агенты наши за границей должны отклонять ходатайства о принятии в наши учебные заведения — австрийских сла-

вян (чехов, хорватов, словаков и др.), греческих и румынских уроженцев, а равно и русскоподданных, проживающих в славянских землях.

10.

Принимая в соображение, что открывшиеся в Болгарии и Сербии гимназии дают уже южным славянам возможность получать среднее образование у себя на родине и что означенные Государства нуждаются в лицах с высшим и техническим образованием, Комиссия впредь будет предоставлять стипендии лишь в высших заведениях и специально технических.

1) К высшим заведениям, в кои будет открыт доступ южнославянским уроженцам, относятся: Университеты С.-Петербургский, Московский, Св. Владимира в г. Киеве, Харьковский и Новороссийский; Военно-Медицинская Академия; Институты: Горный, Лесной, Технологические в С.-Петербурге, Харькове, Инженеров Путей Сообщения и наконец Духовные Академии.

2) К техническим и специальным: Харьковский и Варшавский Ветеринарные Институты, Мореходные Классы в С.-Петербурге, Техническое Морское Училище в Кронштадте; Техническая Артиллерийская Школа в С.-Петербурге; Ремесленное Училище Цесаревича Николая в С.-Петербурге; училища сельскохозяйственные, [1 слово неразборчиво] и коммерческие и Электротехническая школа в С.-Петербурге.

11.

Из средних заведений, кроме поименованных выше специальных, могут быть открыты для славян лишь духовные училища, семинарии и кадетские корпуса.

12.

Кандидаты, избираемые для определения в наши кадетские корпуса, поступают предварительно в особый учрежденный Комиссией приготовительный класс д. с. с. Минкова. В виду сего Агентам нашим надлежит принимать ходатайства лишь о малолетних, находящихся в возрасте от 9-ти до 10-ти лет.

13.

В славянских землях Балканского полуострова наиболее сильный недостаток ощущается в образованных священнослужителях. В виду сего представляется необходимым, чтобы Агенты наши оказывали особое покровительство тем из просителей, которые пожелали бы определить сыновей своих в наши духовные училища.

14.

Что касается славянских уроженков, то таковые могут быть приняты в Левашевский Пансион в Киеве, в Славянский Питомник в Одессе, в Керченский Кушниковский Девичий Институт, в Астраханскую Женскую Гимназию, в женские Епархиальные Училища, в Повивальный Институт при С.-Петербургском Родовспомогательном Заведении и в Женский

Медицинский Институт в С.-Петербурге» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1899, фас. XLVII, д. 1).

Приложение 3

Письмо директора Азиатского департамента МИД Д. А. Капниста министру-резиденту в Цетинье К. М. Аргиропуло от 10 декабря 1892 г.

«Милостивый Государь Кимон Мануилович,

В виду выраженного Вами желания представить к наступающему учебному году кандидатов из черногорских уроженцев для замещения вакансий в наших учебных заведениях, считаю долгом сообщить Вашему Превосходительству выработанные Комиссией правила, коими она руководствуется при определении славян на казенные стипендии.

Для сербских, болгарских, черногорских и босно-герцеговинских уроженцев имеются стипендии в высших и средних учебных заведениях; к числу первых принадлежат: Университеты, Военно-Медицинская Академия, Горный и Технологический Институты. Ко вторым: Харьковский Ветеринарный Институт, Морское Техническое Училище в Кронштадте, Мореходные классы в С.-Петербурге, Техническая Артиллерийская Школа и кадетские военные корпуса. Из духовных заведений славянам одинаково открыты как Семинарии, так и Духовные Академии.

Кандидаты на стипендии в средние учебные заведения должны иметь элементарную подготовку в науках и некоторое знакомство с русским языком; в высшие же учебные заведения принимаются молодые люди, имеющие аттестаты зрелости и дипломы о прохождении ими курса наук в заграничных средних учебных заведениях, программа коих соответствует программе наших учебных заведений.

Для малолетних славян, предназначаемых в наши кадетские корпуса, открыт особый класс д. с. с. Минковым, который взял на себя обязанность готовить их к приемному испытанию.

Списки кандидатов должны быть представлены в Комиссию не позже 15 Апреля со всеми документами и аттестатами.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и такой же преданности.

Граф Дмитрий Капнист» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1892, фас. XL).

Приложение 4

Сообщение из Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ России адъютанту князя Николая И. Поповичу-Липовацу от 27 февраля 1893 г.

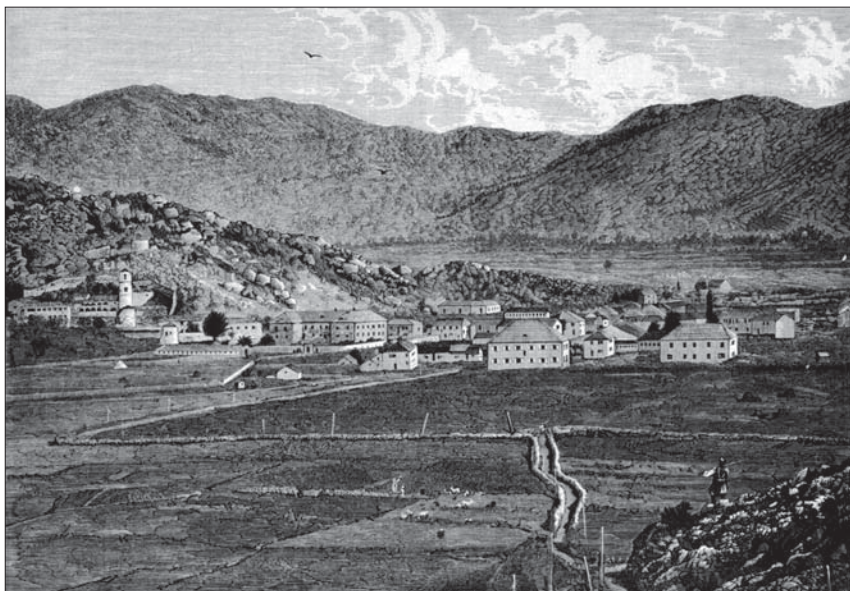
«Адъютанту Его Высочества Князя Черногорского, бригадному генералу Поповичу-Липовацу.

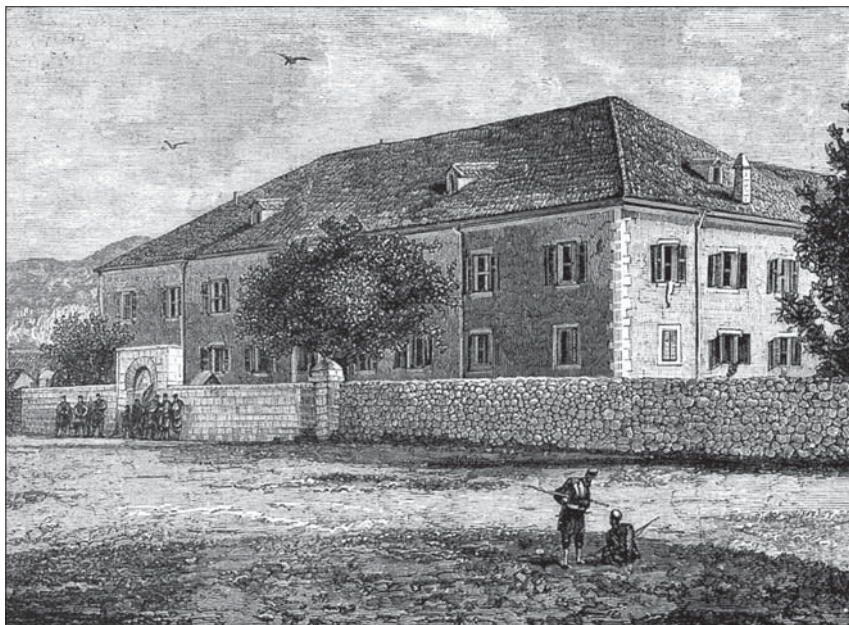
Основатель династии Петровичей-Негошей владыка Данило

Митрополит Василий Петрович

Черногорская столица, г. Цетинье. XIX в.

Черногория, Цетинье. Дворец князя Николы. 1880 г.

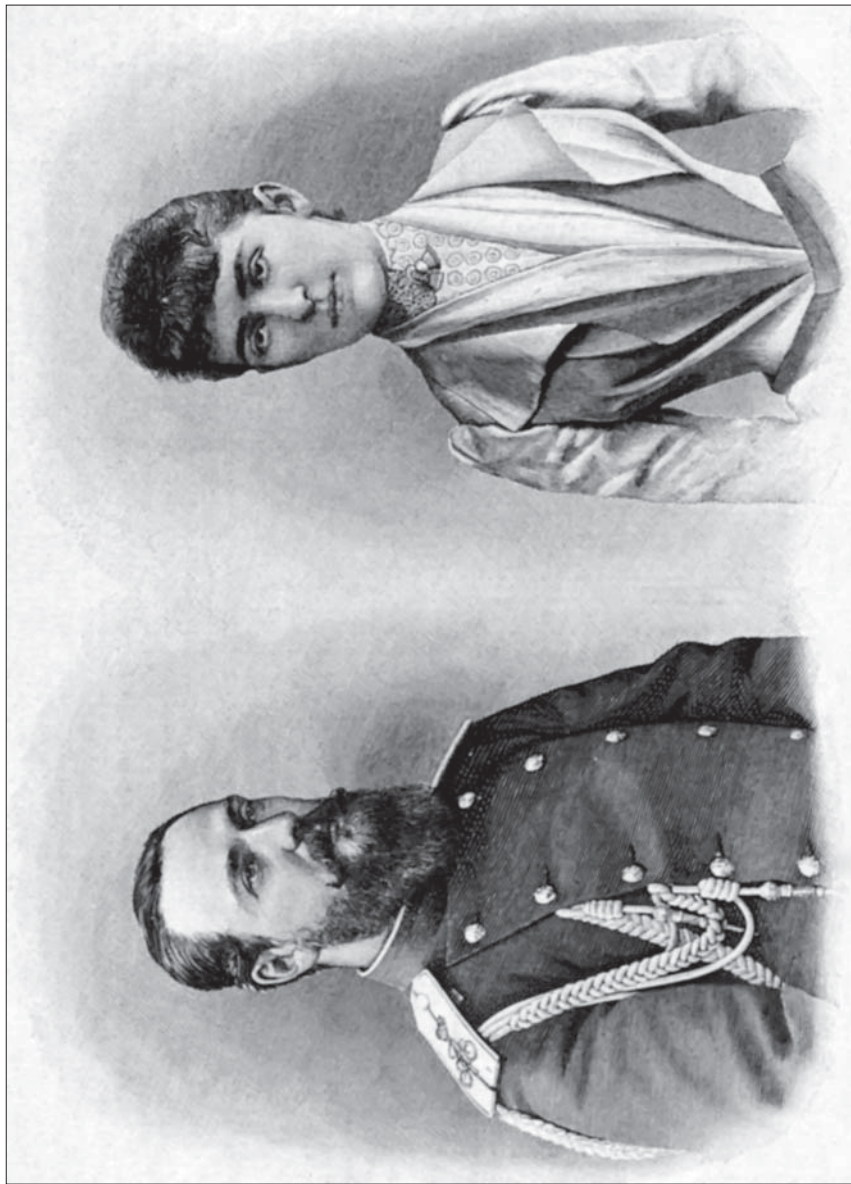
Никола Петрович-Негош. 1882 г.

Никола Петровић-Негош. 1889 г.

Великий князь
Петр Николаевич
Романов и его
супруга
великая княгиня
Милица
Николаевна.
1889 г.

Герцог Георгий
Максимили-
анович
Лейхтенбергский
и его жена
Анастасия
Николаевна.
1889 г.

Портрет королевской семьи, отмечающей провозглашение
Черногории королевством 28 августа 1910 г.

Задняя линия: (слева направо) принцесса Вера Черногорская,
великий русский князь Петр Николаевич Романов,
принц Франц Иосиф Баттенбергский, принцесса Ксения,
наследный принц Черногории Данило, принц Мирко,
принцесса Наталия и принц Петр.

Сидят: (слева направо) итальянский король Виктор Эммануил III, наследная принцесса Милица – Юта, королева Елена Итальянская, черногорская королева Милена, король Черногории Никола I, русская великая княгиня Милица Николаевна и принцесса Анна Баттенбергская.

Передняя линия: (слева на право) наследный принц Александр Карагеоргиевич Сербский, принцесса Марина Петровна Романова (дочь великой княгини Милицы Николаевны, в 1927 г. вышла замуж за принца Александра Николаевича Голицына) и принцесса Елена Карагеоргиевич.

Престолонаследник Данило. 1889 г.

Иван (Йован) Юрьевич Попович-Липовац

Андрей (Андро) Степанович Бакич

Велько Влахович

Велько Мичунович

Радивое Кнежевич. 1944 г.

Здравко Татар-Лешевич, сын Янко, жена Антонина. 1961 г.

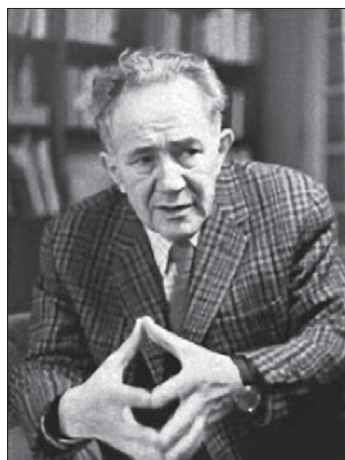
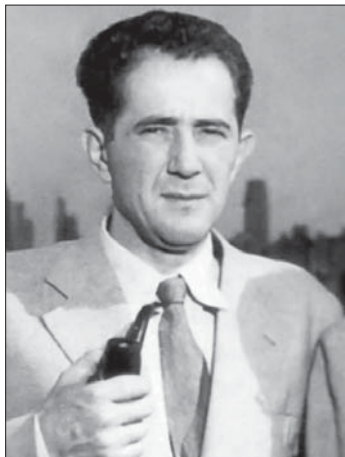
Йоко Павлович. 1970 г.

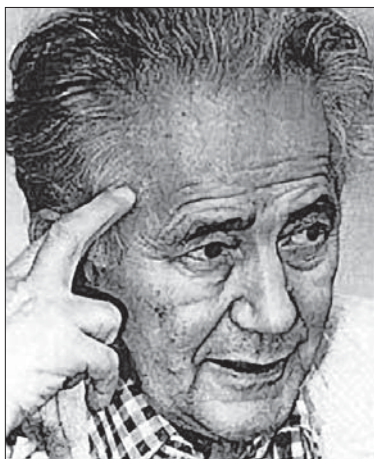
Милич Бойович. 1995 г.

С первой супругой
Митрой Митровић до войны,
когда учил русский язык
и переводил с него

Милован Джилас в разные годы

Вследствие возбужденного Вашим Превосходительством, по поручению Черногорского Правительства, ходатайства об учреждении при Императорском Никитском Саде казенных стипендий для молодых черногорцев и представления по этому предмету бывшего Министра Государственных Имуществ, Статс-Секретаря Островского, в 8 день Февраля сего года воспоследствовало Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, коим Министерству Государственных Имуществ предоставлено учредить с текущего года две новые стипендии для практикантов в означенном Саду по 300 руб. в год каждую и помещать на указанные стипендии имеющих на то право по своей подготовке молодых черногорцев, до тех пор, пока о приеме их в число практикантов при Никитском Саде будет заявляемо со стороны Черногорского Правительства.

О таком высочайшем соизволении имею честь уведомить Ваше Превосходительство для донесения Черногорскому Правительству.

При сем прилагается 1 экземпляр утвержденных Министерством Государственных Имуществ правил для практикантов в Императорском Никитском Саду.

Временно управляющий Министерством Государственных имуществ
Товарищ Министра, Статс-Секретарь Вешняков
Директор Калачов» (АОНМЧ. Ф. короля Николы, 1893, 20).

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Письмо из Одесского сиротского дома адъютанту князя Николая И.Поповичу-Липовацу от 18 ноября 1892 г.

«Милостивый Государь, Иван Юрьевич.

Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что указанные в письме Вашем четыре мальчика из уроженцев Черногории могут быть помещены, согласно выраженному Вами желанию, в Одесский Городской Сиротский дом, а два мальчика в школу садоводства и огородничества. В Сиротском доме дети могут обучаться, по желанию, столярному, слесарному, переплетному, портняжному или сапожному ремеслу. Принимаются в это учреждение дети не моложе 8 лет и не старше 12-летнего возраста; если мальчик без всякой подготовки, то курс его шестилетний; если же он поступает со знанием курса народного училища, то ему придется пробыть не менее трех лет. Содержание мальчика в Сиротском доме обходится в 220 рублей в год.

В школе садоводства и огородничества имеются два приготовительных и три специальных класса. В первый приготовительный принимаются дети без экзаменов, не моложе 13 лет, а чтобы поступить в специальный класс, мальчик должен знать курс народного училища и быть не моложе 15 лет. Размер платы за полное содержание в этой

школе определен: за первый год — 200 рублей и в последующие годы по 150 рублей с ученика в год.

Если встретятся затруднения относительно уплаты за содержание в том и другом учебном заведении указанных Вашим Превосходительством шести учеников, то я приму заботу об этом на себя.

Считаю своим долгом сообщить при этом, что Городской Сиротский дом находится под ведением Товарища моего Действительного Статского Советника Валериана Николаевича Лигина, благодаря энергии и просвещенной заботливости которого Сиротский дом получил в настоящее время развитие, дающее ему право считаться образцовым учреждением со специальными отделами. Вместе с тем В. Н. Лигин состоит Попечителем школы садоводства и огородничества.

Прошу принять уверение в моем глубочайшем уважении и совершенной преданности

Вашего Превосходительства покорнейший слуга Г. Марадли.

Ноября 18 дня 1892 г. г. Одесса».

(АОНМЧ. Ф. князя и короля Николы, 1893, 20).

Приложение 6

Письмо действительного статского советника Ф. Минкова министру-резиденту в Цетинье К. А. Губастову от 4 июня 1900 г.

«Многоуважаемый и Добрейший Константин Аркадьевич!

От воеводы Симо Поповича из моей телеграммы Вам наверно уже известно, что все черногорцы, бывшие у меня воспитанниками в Пансионе, выдержали экзамен, а теперь у Вас прошу извинить меня за откровенность, с которой я Вам расскажу, как много мне пришлось в Корпусе в Петербурге налгать относительно Вашего протече Блажо Марковича. Дело в том, что по метрике ему показано всего 11 лет, но он как по росту, так и по виду выглядит, по крайней мере, на 17-летнего юношу, на что обратили внимание в Корпусе, и вот чтобы уладить это дело, я решил рассказать им небылицу про то, что будто бы отца Марковича я лично знаю, и что он мужчина около 4 арш. роста, а между тем мать у него крохотная женщина и т. п. Рассказ сделал свое дело, и Маркович осенью будет принят в Корпус, хотя экзамен он выдержал, как говорится, с грехом пополам, но он на лето остается здесь в Пансионе, и я постараюсь, чтобы он загладил некоторые пробы.

На будущее же время, если будете посылать ко мне своих кандидатов, то я Вас очень прошу обращать внимание на метрические свидетельства и на наружность.

За награждение черногорскими орденами Гродненского Архиепископа, господина Судейкина и меня, я Вам еще раз приношу свою искреннюю благодарность. Когда я был в Петербурге и представлял в Министерство

для получения разрешения на право ношения ордена данную мне грамоту, то Директор Департамента действительный статский советник Василий Александрович Рахманов тонко заметил мне: «Только Вам!». Я ему на это ответил: «Возможно скоро будет и Вам!». А потому я решаю напомнить Вам свое прежнее ходатайство о нем и просить Вас хлопотать ему черногорскую звезду 2-й степени. Кроме того, оказывается, что Гродненский губернатор действительный статский советник Николай Александрович Добровольский, друг и приятель почтенного Министра Внутренних Дел г-на Синицына, и остается в Гродне, так что, пожалуйста, постарайтесь устроить и ему награду черногорским орденом, что Вам теперь при нынешнем положении дел не представит особенного затруднения, а я Вам за это буду крайне обязан и больше беспокоить не буду. Этим Вы меня избавите от неловкого положения перед Губернатором, человеком очень самолюбивым, тем более, что архиерей уже получил черногорский орден, а он обойден.

В надежде, что Вы не рассердитесь на меня за беспокойство, прошу принять уверение в совершенном моем к вам почтении и преданности, с каковым имею честь быть Ваш преданный Ф. Минков

Июня 4 дня 1900» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1900, фас. XLVIII).

Примечание:

Последняя часть письма Ф. Минкова прямо не относится к теме данного исследования, но представляет интерес для историков, изучающих русско-черногорское сотрудничество потому, что свидетельствует о стремлении российских чиновников обзавестись черногорскими наградами. Надо полагать, ордена князя Николы «котиrowались» в бюрократической среде, так как династические связи двух дворов были крепкими, и обладание «черногорской звездой» повышало статус государственного служащего.

Приложение 7

Сообщение из Азиатского департамента МИД министру-резиденту в Цетинье А. С. Ионину от 7 сентября 1881 г. 3706

«Милостивый Государь Александр Семенович! Во время пребывания Княгини Милены в С.-Петербурге Ее Высочеству было угодно ассигновать 200 рублей для выдачи в пособие, по пятидесяти рублей, студентам Московского Университета, черногорским уроженцам Врбице, Ораховцу, Колуджеровичу и Радоницу.

Вследствие сего имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству для представления Княгине Милене расписки означенных студентов в исправном получении пожалованных им денег.

Примите уверение в совершенном почтении и таковой же преданности. Мельников» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1881, фас. XXIX).

Приложение 8

Письмо секретаря С.-Петербургского Славянского благотворительного общества В. И. Аристова министру-резиденту в Цетинье К. М. Аргиропуло от 5 марта 1890 г.

«Милостивый Государь Кимон Мануилович.

В дополнение к письму от 24 ноября 1889 г. за 2164, о возвращении в кассу Славянского общества денег, выданных по ходатайству профессора В. И. Ламанского из сумм общества воспитанникам Его Высочества Князя Николая Черногорского на их содержание в течение 1889 года, по поручению Совета Славянского Общества, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что сумма всех выдач, произведенных названным воспитанникам, к 1 марта выросла до 2726 р.93 к. и будет ежемесячно увеличиваться, так как постоянные выдачи молодым черногорцам необходимо продолжать им как на их содержание, так и на учебные пособия и ремонт одежды.

Между тем, Совет Славянского Общества обязан давать публичный отчет в израсходовании находящихся в его распоряжении сумм и потому находится в крайне неудобном положении, умалчивая о выдачах молодым черногорцам, производимых за счет Его Высочества Князя Николая Черногорского.

В виду оногo, не изволите ли Вы признать возможным предложить Его Высочеству — разрешить Совету Славянского Общества возместить и на будущее время возмещать расходы на содержание в России его стипендиатов из сумм, поступивших уже и еще имеющих поступить «в пользу черногорцев, нуждающихся по случаю неурожая».

В таком случае все суммы, израсходованные и имеющие быть израсходованными на стипендиатов Его Высочества, могли бы быть помещенными в отчете Славянского Общества в общей рубрике: «в пользу голодающих черногорцев».

О последующем не откажите уведомить Совет Славянского Общества в возможно непродолжительном времени.

Прошу принять заверение в совершенном почтении и преданности

Вашего Превосходительства покорнейший слуга Василий Аристов» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1890, фас. XXXVIII).

Приложение 9

Конфиденциальное письмо директора Азиатского департамента МИД Д. А. Капниста министру-резиденту в Цетинье К. М. Аргиропуло от 1 апреля 1892 г. 113

«Милостивый Государь Кимон Мануилович,

Считаю долгом уведомить Ваше Превосходительство об исправном получении доставленных при конфиденциальном письме от 2 Марта с. г., 14,

семисот австрийских гульденов, составивших по размене 582 р.70 коп. Из этих денег удержано было Департаментом 420 руб. в пополнение таковой же суммы, переданной заимообразно Славянскому Благотворительному Обществу для выдачи стипендий за Февраль и Март месяцы воспитывающимся на средства Князя Николая шести черногорцам. Остаток в 162 р. 70 коп. переслан был затем тому же Обществу для содержания поименованных в письме Вашем 14 трех молодых людей, а также указанного в секретной телеграмме от 17-го марта Иосифа Перро.

Обращаясь затем к самому содержанию означенного письма Вашего, считаю долгом сообщить нижеследующее:

Как я уже имел честь передавать Вашему Превосходительству в секретной телеграмме моей от 22-го Января с. г. и в письме от 5-го Марта за 968, Славянское Благотворительное Общество настоятельно требует уплаты ему израсходованных на содержание присланных князем Николаем 6-ти воспитанников 3300 руб., а равно последующего обеспечения их содержанием на будущее время. По первому из этих двух пунктов письмо Ваше не содержит никаких указаний и, таким образом, Департамент доселе поставлен в невозможность сообщить названному Обществу о распоряжениях, кои сделаны князем касательно уплаты должных им 3300 руб. Что же касается второго пункта, то развивая подробно обстоятельства, ставящие Правительство Князя Николая в деле воспитания черногорцев в крайне затруднительное положение, Вы возбуждаете ходатайство о том, чтобы воспитанникам Князя даны были казенные стипендии. Вполне разделяя высказанные Вами по этому случаю соображения, я должен однако заметить, что в настоящее время ходатайство это не может подлежать удовлетворению за неимением свободных стипендий. Во всяком случае, мною сделано распоряжение о зачислении воспитанников Князя в кандидаты, за исключением Душана Радовича, зачисленного в стипендиаты Славянской Комиссии с Января текущего года, как о том уже известно Вашему Превосходительству. За невозможностью теперь же назначить стипендии воспитанникам Князя, само собою возникает вопрос о дальнейшем обеспечении их содержанием. При этом нельзя не заметить, что переданных Славянскому Благотворительному Обществу 162 р. 70 к. едва ли будет достаточно для выдачи ежемесячных пособий упомянутым в письме за 14 и последующей секретной телеграмме Вашей четырем черногорцам. Ваше Превосходительство не откажете поэтому обратить на этот предмет внимание Князя Николая и указать Его Высочеству, что кроме этих 4-х лиц, стипендиатом Князя числится воспитывающийся в С.-Петербургском Технологическом Институте Вук Дьюрашкович, о котором в письме Вашем никаких указаний не имеется.

В заключение не могу не указать Вам на следующий способ легчайшей уплаты должных Князем Николаем 3300 р.

В начале Июня месяца предстоит высылка второй половины ежегодно получаемого Черногорским Правительством пособия в 20 тыс. рублей. Если Князем Николаем изъявлено будет на то согласие, Министерство Иностранных дел легко могло бы удержать из предстоящих к высылке 10 тыс. руб. 3300 руб., а также ту сумму, которую Его Высочество предполагал бы передать Славянскому Благотворительному Обществу на дальнейшее содержание своих воспитанников, что в значительной степени облегчило бы разрешение этого вопроса.

Покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, не отказать объяснить с Князем Николаем по содержанию сего письма и о результате объяснений Вашем уведомить меня в возможно непродолжительном времени, пользуясь настоящим случаем, чтобы возобновить Вам уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Граф Дмитрий Капнист» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1892, фас. XL).

Приложение 10

Письмо директора Азиатского департамента МИД Д. А. Капниста министру-резиденту в Цетинье К. М. Аргиропуло от 24 июня 1895 г. 2652 «Милостивый Государь Кимон Мануилович.

Препровождая при сем Вашему Превосходительству копию с отношения Славянского Благотворительного Общества за 792, а также подлинное письмо ко мне Тайного Советника Васильчикова, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что мною сделано распоряжение о выдаче заимообразно из сумм Азиатского Департамента ста пяти рублей воспитаннику Князя Черногорского Родовану (так в письме. — В. Х.) Вукотичу, в размере получавшейся им стипендии по 35 рублей в месяц, на прожитие в С.-Петербурге до Сентября месяца, когда с получением университетского диплома ему можно будет вернуться на родину.

Принимая во внимание заимообразный характер этой выдачи, а также необходимость оказать Вукотичу некоторое пособие при возвращении его на родину в Сентябре месяце, причем отпущенных Князем Черногорским на содержание воспитанников Его Высочества сумм не хватит на сей предмет, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, исходатайствовать у Князя Николая возврата означенных 105 рублей, а также согласно письму моему от 28 Июня т. г. за 2687, ассигнования некоторой суммы для обеспечения содержания воспитывающихся за счет Князя молодых людей и возвращения их на родину по окончании курса.

Примите уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности. Граф Дмитрий Капнист» (АОНМЧ. Ф. Прин. рук., 1895, фас. XLIV).

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

Копия с отношения Славянского Благотворительного Общества в С.-Петербурге от 7 июня за 792

«Воспитанник Князя Черногорского Родован Вукотич ныне окончил курс в С.-Петербургском Университете по юридическому факультету и выдержал экзамен с правом получения диплома 1 степени. Диплом этот будет выдан ему не ранее 1 Сентября месяца.

Между тем, суммы Черногорского Князя, доставленной 1 ноября 1893 г. на содержание как Вукотича, так и других воспитанников Его высочества, для Вукотича не достало, а ему необходимо помочь в эти три месяца в том же размере, как и получавшееся им ранее пособие по 35 рублей.

Сообщая об этом Вашему Сиятельству, я покорнейше прошу Вас по примеру прошлых лет не оставить Вукотича выдачей ему пособия за три месяца, всего 105 рублей, т. к. свободных сумм на этот предмет Славянского Общества не имеет. Примите уверение и пр. ...» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1895, фас. XLIV).

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Письмо Б. А. Васильчикова Д. А. Капнисту от 8 июня 1895 г. С.-Петербург «Глубокоуважаемый Граф Дмитрий Алексеевич.

Я подписал вчера письмо на Ваше имя, за не совсем складную редакцию которого я должен извиниться перед Вами. Оно было составлено делопроизводителем канцелярии здешнего Славянского Благотворительного Общества, которого я не хотел обидеть редакционной притязательностью, да и некогда было переделать приготовленное для подписи письмо. А теперь позволяю себе еще кое-что к оному добавить. Стипендиат Князя Николая Вукотич, о котором я ходатайствую перед Вами, действительно заслуживает помощи. Он слеп, и слепым прошел весь университетский курс по юридическому факультету и выдержал Государственный экзамен с правом получения диплома 1-й степени; это одно уже замечательно, но кроме того заслуживает внимания и причина постигшей его здесь слепоты. Как Вам может быть известно, высылка из Черногории на содержание Княжеских стипендиатов денег производится довольно неаккуратно, сначала уплата за стипендиатов и выдача им пособий были поручены Князем профессору и академику В. И. Ламанскому, и при неисправности в высылке ему на то денег, пользовались прежде всего ими те из стипендиатов, которые были потребовательнее и поназойливее, а Вукотичу, как наиболее скромному из своих товарищей, приходилось часто терпеть нужду и лишения, и вот это последнее и было причиной болезненных явлений, которые лишили его почти совершенно зрения. Вукотич

сначала состоял воспитанником Военно-Медицинской Академии, но когда его зрение стало плохо, он должен был оставить Академию, где учиться слепому очевидно немыслимо, и он перешел в Университет. По выдержании Государственного экзамена Вукотич получил свидетельство на диплом 1-й степени, но самые дипломы выдаются лишь в начале Сентября, а ему, в виду исключительности его положения, необходимо вернуться на родину лишь имея диплом. В виду этого он ходатайствует о выдаче ему средств на прожитие до Сентября в России. Что касается средств, получавшихся им от Князя, то все, следовавшее ему, он от Славянского Общества, в ведении которого находятся теперь Княжеские стипендиаты, получил; а в виду недостаточности сумм, имеющих в распоряжении С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества на содержание стипендиатов и для помощи проживающим здесь славянам, ему из сумм Общества не представляется возможным выдать нужное ему пособие. Не подлежит однако сомнению, что и К. Е. (так в письме — В. Х.) Агрипоуло не замедлил бы испросить у Князя добавочное пособие этому за заслуживающему уважения и сострадания человеку, состоящему при этом и в родстве с семьей Княгини Милены.

Пользуясь случаем, чтобы выразить Вам чувство глубокого моего Вам уважения и искренней преданности. Б. Васильчиков» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1895, фас. XLIV).

Приложение 13

Прошение Раича Новов-Раичевича князю Николе от 5 октября 1909 г.

«Неговом Краљевском Височанству, Господару и Књазу Црне Горе Ваше Краљевско Височанство!

Син дичне и славне Црне-Горе, верни и отдани поданик Вашег Краљевског Височанства, обраћа се молбом Вашем Краљевском Височанству [1 слово неразборчиво] вероподаничким осечајима, са сузама у очима, уверен у превелику милост и доброту драгог и љубљеног Господара и Књаза Црне-Горе, да му молбу неће одбити, која се састоји у следећем.

Жаждући за науком, жељећи, да послужим као прави црногорац на корист и дику Господара и Књаза Црне-Горе и миле ми отаџбине, ја сам се без сваких материалних средстава, као син сиромашних родитеља, отпратио пре три месеца у братску нам Русију, како бих ступио у ма ком било средњем учебном заводу, [1 слово неразборчиво] и после свршетка, као верни слуга Вашег Краљевског Височанства, да послужим Вашем Краљевском Височанству и својој отаџбини.

Колико сам мука, колико сам беда за кратко време претрпио од дана свога доласка у Петрограду, само милостиви Бог и ја знамо, но све препреке ја сам храбро савлађивао, имајући пред очима једину циљ, да изађем

на прави пут, да будем поштен и исправан грађанин, како бих могао да послужим на дику и понос свога Господара и своје отаџбине. После свих препрека, после очајне борбе за опстанак и будућност, ја сам по својој молби преко министра двора барона Михаила Фредерикса, наредбом Његовог Императорског Величанства Господара и Самодржца Русије Императора Николе II и наредбом Његовог Императорског Височанства великог кнеза Сергија Михајловића, инспектора артилерије, примљен у Војно-Артилеријску Пиротехничку школу. Како сам црногорски поданик и испуњен најдубљим осечајима према Вашем Краљевском Височанству и својој драгој отаџбини и готов, да на први позив положим и свој живот за Ваше Краљевско Височанство и Ваш узвишени дом, то сам ја, жељећи да се у своју отаџбину вратим после свршетка школовања, предао молбу 31 јула ове године г. Министру Војном и молио, да ми изда своје решење као црногорског поданику, како бих могао ступити у горе упоменуту школу, и у истој молби навео сам, да ћу после свршетка [1слово] школе ићи у отаџбину, да одслужим сво[...] војске, прописаним законима и уставом [1 слово] Црне-Горе, на моју превелику жалост, да ми се исто решење не може издати, с мотивацијом што Црна-Гора има довољан број питомаца са образовањем Артиљ. Пиротехничке школе. [И сим] одговор ми је послан у Петрограду под бр. 3771 од 10 авг. под потписом Шћепана Лазовића. Како ми је исто решење врло потребно, јер ми је без њега немогуће остати у Артиљ. Пиротех. Школу, то сам се ја поново обратио г. Министру Војном, да ми исто изда, но у исто време, ја се са најпокорнијом молбом обраћам Вашем Краљевском Височанству, да нареди г. Министру Војном, да ми решење изда, како бих могао ступити у Артиљ. Пиротех. Школу. Цео мој живот, сва моја будућност налази се у рукама Вашег Краљевског Височанства и једна једина Ваша ријеч може ме учинити најсрећнијим човеком, готовим вазда, да положи и свој [општавни] живот за узвишеног Господара и његов светли дом. Надајући се на [1 слово] милост Вашег Краљевског Височанства, уверен да ће ме узвишена доброта драгоценог Господара озарити својом милошћу, ја на завршетку своје молбе кличем:

Да живи Ваше Краљевско Височанство!

Да живи узвишени краљевски дом.

Вашем Краљевском Височанству најпонижнији

Раич Новов-Раичевић

Ђак Трговачке школе

5 октобра 1909» (АОНМЧ. Ф. князя и короля Николы, 1909, 101).

Приложение 14

Письмо М. П. Джуровича князю Николаю от 13 декабря 1904 г.

«Његовом Краљевском Височанству

Књазу и Господару Црне-Горе и Брда.

ВАШЕ КРАЉЕВСКО ВИСОЧАНСТВО
МИЛОСТИВИ ГОСПОДАРУ!

Знајући неуморни рад Вашег Краљевског Височанства за благостање и напредак Црне-Горе, и знајући, да Ваше Краљевско Височанство вазда гаји и заштићава од бура и неприлика оне Црногорце, који теже, да уложе сав свој живот за своју отаџбину и за оне, који ју срећно воде к дивној будућности, усуђујем се обратити к Вашему Краљевскоме Височанству с најпонижнијом молбом, да би се Ваше Краљевско Височанство смилвало одредити ми за ове двије године — до свршетка универзитета — стипендију, те да би ја могао достигнути свога циља — доћи, да служим својој отаџбини, коју је Ваше Краљевско Височанство из ничега — што се вели — подигнуло на жиће и рад за славну будућност.

Шилући Вашему Краљевском Височанству своја два књижевна рад: „Бијели Павле“ — поему, и „Пустињак“ — поему, и позивајући се односно својих одличних успјеха у наукама на Императорски Московски Универзитет, надам се, да ме Ваше Краљевско Височанство неће заборавити.

Наипокорнији поданик Вашег Краљевског Височанства студент

Историјско-филолошког одсјека Императорског Московског Универзитета Митар П. Ђуровић (М. Брдски). 13 децембра 1904. Москва» (АОНМЧ. Ф. князя и короля Николы, 1904, 172).

Приложение 15

Прошение М. Драговича на имя императора Александра III от 1 ноября 1882 г.

«ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Осмеливаюсь поднести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ мое всепокорнейшее прошение.

Еще будучи студентом С.-Петербургской Духовной Академии, я в 1880 и 1881 годах занимался в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел перепиской дел, относящихся к истории сношений России с Черногорией.

Из материалов, переписанных в упомянутом Архиве, напечатано уже несколько мною и моим братом в журналах «Христианское чтение», «Русская старина», «Журнале Министерства народного просвещения» и в газете «Новое время».

По окончании курса в С.-Петербургской Духовной Академии в нынешнем году, я начал заниматься в Государственном Архиве и в Главном Архиве Министерства Иностранных Дел в С.-Петербурге перепиской дел, относящихся к упомянутому мною вопросу.

Когда соберу возможно более материалов, относящихся к этому вопросу, я намерен написать и издать историю сношений России с Черногорией со времени Императора Петра I, когда и начались первые сношения.

Желая, чтобы мое сочинение вышло более полное, то я желаю побывать в Венеции на один год, и в тамошних архивах заняться перепиской дел, относящихся к моему вопросу.

Так как Венеция была первая соседка Черногории, и венецианские власти зорко следили за всем тем, что делалось в Черногории, в особенности если это касалось сношения с Россией, как это делает ныне Австрия, и делали обо всем доношения Сенату, то в тамошних архивах есть много дел по вопросу, труд изучения которого я взял на себя.

Но так как я не имею средств для приведения в исполнение этого моего великого желания, то всепокорнейше прошу ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО пожаловать на эту цель 1200 рублей, что дает мне возможность прожить в Венеции один год.

Надеюсь, что Царская Милость, которая многих осчастливила, и меня не мимоидет.

Кандидат С.-Петербургской Духовной Академии, черногорский уроженец Марко Драгович. С.Петербург 1 ноября 1882 г.» (АОНМЧ. Ф. князя и короля Николы, 1882, без номера).

Примечание:

Письмо хранится в личном фонде короля Николы, возможно, оно не было передано русской стороне. М. Драгович из России вернулся в Черногорию и стал секретарем Министерства просвещения и церковных дел Черногории. Он преподавал, занимался журналистикой, издал около 120 научных и популярных работ.

Приложение 16

Письмо попечителя Дома Анатолия Демидова, состоящего под покровительством императрицы Марии, П. П. Кутузова министру-резиденту в Цетинье К. А. Губастову от 26 июня 1898 г.

«Милостивый Государь Константин Аркадьевич.

При вверенном моему попечительству благотворительном и учебно-воспитательном учреждении, именуемом «Домом Анатолия Демидова», существуют, между прочим, две женские восьмиклассные (кроме приготовительного класса) школы: а) училище коммерческого счетоводства для приготовления счетчиц, кассирш, делопроизводительниц и коммерческих корреспонденток и б) рукодельно-профессиональная школа для приготовления учительниц в женские учебные заведения. Несмотря на постоянный наплыв в эти школы наших русских воспитанниц (в последние годы поступают на специальные курсы окончившие институтки и гимназистки), вследствие пробудившейся потребности в реальном образовании, заведение, по принципу, не отказывало в приеме и в образовании девиц, прибывших из южнославянских земель, причем, по недостаточности их средств, воспитывало и отправляло на родину на

свой счет, так напр.: в 1885 г. привезена была из Болгарии 10-летняя девочка Наталья Павлова, окончившая курс в 1893 г. Затем в 1886 г. поступила 11-летняя девочка, сербская подданная Любича Стоянович (дочь учителя из Белграда) и по окончании курса в 1895 г. отправлена на родину. Наконец, в 1887 г. неожиданно привезены были из Черногории две семилетние девочки Марица Николич-Павлович и Ангелия Роганович (уроженки г. Цетинья). Как не достигшие определенного школьного возраста (10 лет) и как совершенно неграмотные не только по-русски, но и по-черногорски (так в письме — *В. Х.*), они не могли поступить ни в одну русскую школу; только вверенное мне учреждение их приняло, и они в нем безвыездно пробыли 11 лет, из которых два первые года прошли в заботе об укреплении их детских южно-нежных организмов, долгое время не могших привыкнуть к С.-Петербургским климатическим условиям. Затем, 9 лет они учились и ныне окончили курс учения с ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным званием «учительниц» и с присвоенными сему званию знаками, причем Ангелия Роганович удостоена золотого, а Марица Павлович — серебряного знака. Таким образом, вверенное мне учреждение не только вырастило этих двух черногорских девочек, но и за свой счет их воспитало, умственно и специально образовало и ныне отправило их на родину, сделавши достаточную на первых порах экипировку. Я убежден, что они своими общими и прикладными знаниями принесут пользу своей родине, если только найдут необходимую вначале поддержку. Перед выездом своим в Черногорию, они, сопровождаемые своим Директором, имели счастье представляться, 9 сего Июня, Великой Княгине Милице Николаевне, которая милостиво их приняла, пожаловала подарки и обещала оказать свое высокое покровительство на родине в Черногории. Директор заведения писал о них Начальнице Черногорского девичьего Института г-же Мертваго и рекомендовал их как могущих быть весьма полезными деятельницами в заведоваемом ею Институте. Пребывая одиннадцать лет в стенах интернатного русского учреждения, они, конечно, забыли черногорский язык и тем самым, на первых порах, будут поставлены у себя на родине в неудобное положение, тем более, что родные их — люди, кажется, недостаточного материального состояния, и вследствие этого им придется заботиться о самостоятельном труде и заработке. Наконец я, по званию и обязанностям Попечителя заведения и воспитавшихся в нем черногорских девиц, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, о следующем:

1) Оказать им со своей стороны возможное содействие и покровительство. Они родные внуки черногорского воеводы Пеко Павловича и ныне отправились к нему.

2) Так как вверенное моему попечительству благотворительное и учебно-воспитательное учреждение, по мере возможности, послужило на пользу балканских славян, и этой возможностью и достигнуты-

ми результатами всецело обязано ближайшему управителю педагогической, хозяйственной и медицинской частями заведения Директору, врачу, Действительному Статскому Советнику Владимиру Степановичу Судылковскому, то я считаю нравственным своим долгом посвидетельствовать об этом, при Вашем посредстве, перед ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ Князем Черногории Николаем 1, и при Вашем содействии ходатайствовать о почетном награждении г. Судылковского, соответственно классу занимаемой им должности, чину и имеющимся у него русским почетным наградам; для чего прилагаю копию формулярного его списка.

Примите, Милостивый государь, уверение в отличнейшем моем почтении и глубокой преданности. П. П. Кутузов [1 слово неразборчиво]» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1898, фас. XLVI).

Приложение 17

Письмо председателя СПб. Славянского благотворительного общества российскому посланнику в Цетинье А. А. Гирсу от 6 августа 1913 г. 2269

«Милостивый Государь, Александр Александрович.

В виду замечающегося в последнее время наплыва в столицу Империи Черногорских подданных, заявляющих о своем желании получить образование в России, в то время, как сами эти лица, по своей неподготовленности, не могут быть приняты в русские учебные заведения, куда они просят, почему многих из этих лиц приходится отправлять обратно в Черногорию, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство чрез напечатание в местных газетах напомнить черногорским подданным, что прежде, нежели пускаться в путь в Россию, молодым людям необходимо заблаговременно списываться с Славянским Благотворительным Обществом, сообщая ему сведения как о своих летах, так и о своем образовании, выезжать лишь по получении ответа о том, что на их воспитание и образование имеются средства, и что они, по степени своего образования и по своим летам, могут рассчитывать на поступление в то или другое учебное заведение, что лица, являющиеся в Россию без предварительного сношения с Славянским Обществом и получения от него благоприятного ответа, не могут рассчитывать на получение себе субсидии из сумм общества.

Примите уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности. Петр Паренсов» (АОНМЧ. Ф. Принов. рук., 1913, фас. LXVI).

Н. Г. Струнина

НИКОЛА ПЕТРОВИЧ-НЕГОШ И ЕГО ДОЧЕРИ — РУССКИЕ ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ РОМАНОВЫ

РУССКИЕ ВИЗИТЫ НИКОЛЫ ПЕТРОВИЧА-НЕГОША

Отношения России и Черногории прошли долгий путь развития, апогеем которого явился конец XIX — начало XX в. Именно к этому периоду относится 60-летнее правление в Черногории Николы Петровича-Негоша¹, которое оставило яркий след в истории русско-черногорских отношений.

Никола Петрович-Негош был первым и последним королем Черногории. Его вклад в развитие страны трудно переоценить. Он был мудрым политиком с невероятными амбициями, а свои планы пытался проводить в жизнь при помощи и поддержке России. Ему удалось наладить личные контакты с двумя последними русскими императорами, к которым он довольно часто ездил с визитами. Будучи умелым дипломатом и обладая талантом красноречия и силой убеждения, Никола решал в результате своих визитов множество дел политической важности.

Именно благодаря России Черногория получила долгожданную независимость по Берлинскому договору 1878 г., а династия Петрович-Негош впоследствии была признана равноправной с другими европейскими правящими домами. Произошло это в 1889 г., во время очередного визита черногорского правителя в столицу Российской империи, когда на весь мир прозвучал знаменитый тост Александра III в честь Николы Петровича, а затем было объявлено о помолвке двух дочерей князя с двоюродными братьями императора. Никто и не мог предположить, за исключением самого Николы Петровича, что эти две черногорские принцессы, получившие статус русских великих княгинь, вскоре станут весьма влиятельными особами при русском дворе и будут служить двум родинам — маленькой Черногории и великой России.

В работе привлечены новые архивные материалы. Автором были исследованы личные фонды императора Николая II (№601), великих князей Николая Николаевича (№671) и Петра Николаевича (№653) и великой княгини Милицы Николаевны (№669) в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), а также документы из фонда черногорского короля Николы в Архивном отделении Народного музея Черногории (Архивско одјелење Народног музеја Црне Горе).

Примерный семьянин и мудрый политик

Никола Петрович-Негош родился 7 (19) октября 1841 г. в семье воеводы Мирко Петровича-Негоша (1820–1867) и Анастасии (Станы) Мартинович (1824–1895).

В раннем детстве Никола «никак не предназначался быть князем», как пишет русский ученый и дипломат, исследователь Черногории П. А. Ровинский, и свои детские годы проводил «как и все черногорские дети более или менее родовитых и зажиточных семейств. Вместе с другими мальчиками он ходил в единственную в то время школу в Цетинье, участвовал в общих ребяческих играх и схватках»².

С 1856 г. князь учился в гимназии Триеста, а затем в лицее Людовика Святого в Париже, где овладел немецким, французским и итальянским языками.

То, что Никола стал черногорским князем, по мнению Ровинского, произошло «благодаря случайному обстоятельству»: у его предшественника князя Данилы не было детей мужского пола, только дочь, которая, по черногорским законам, не могла занять престол. По закону в этом случае должен был наследовать брат князя — Мирко, но тот отказался от престола в пользу своего сына³.

Вот так, 19-летним юношей, в 1860 г. Никола стал во главе Черногорского государства. Первое время молодому князю помогал править его отец, и только после его смерти Никола стал полноправным правителем.

Сразу по восшествии на престол Никола обвенчался с Миленой Вукотич (1847–1923), дочерью воеводы Петра Вукотича, с которой был помолвлен еще в 1853 г., когда ему было 12, а его невесте всего 6 лет. В 1856 г. Милену привезли в Цетинье, где она получила скромное образование в местной школе. Почти четыре года, пока Никола учился в Париже, Милену провела в семье своего будущего мужа. По возвращении Николы, соблюдая черногорские традиции, Милену держалась с ним очень сдержанно, почти игнорируя его. Однако когда сразу после восшествия на престол Никола тяжело заболел, Милену, втайне от всех, проводила бессонные ночи у его больничной постели⁴.

27 октября (8 ноября) 1860 г. состоялась свадьба Николы и Милены. От этого брака родилось 12 детей — девять дочерей и три сына. В Черногории девочка не была желанным ребенком, в отличие от сына, продолжателя фамилии, рождение которого было величайшей радостью⁵. Однако Никола сумел превратить этот «недостаток» в свою пользу и во благо Черногории.

Черногорский владыка хотел иметь «своих людей» при дворах великих держав, дабы с их помощью осуществлять свои планы и отстаивать интересы Черногории⁶. И кто как не родные дети могли быть самыми верными людьми, тайными представителями в другом государстве? Именно с этой целью Никола пытался как можно выгоднее выдать замуж своих дочерей, за что его часто именовали «тестем всей Европы».

Планы черногорского владыки выходили далеко за границы его родины. Он мечтал сделать Черногорию «Пьемонтом» единого южнославянского государства⁷, в состав которого могли бы войти как Черногория с

Боснией, Герцеговиной, Старой Сербией, частью северной Албании, Бокой Которской и Далмацией, так и болгары и сербы⁸. Понимая, что в одиночку таких грандиозных целей ему не осуществить, Никола решает добиться помощи и расположения России. Но для того, чтобы к его интересам относились уважительно, чтобы его просьбы и требования выполнялись, ему нужны были верные люди в России. Причем они должны были быть высокопоставленными, чтобы постоянно лоббировать черногорские интересы в самых высоких сферах. Для этого Никола строит планы по введению в семью Романовых своих дочерей. В соответствии с этими замыслами, пять дочерей черногорского князя были отправлены в Россию получать образование. Несомненно, сделано это было с умыслом оставить их затем в Петербурге и, если удастся, скрепить их судьбы посредством браков с семьей Романовых. Иначе девочки могли бы учиться и в Цетинье, где в 1869 г. был открыт Женский институт царицы Марии Александровны. В этом учебном заведении, содержавшемся на русские деньги, давали отличное образование. Русский язык здесь изучался наравне с сербским, а также преподавался французский. В целом программа занятий Женского института в Цетинье копировала программу Смольного института в Петербурге⁹. Выбор Николы в данном случае был обусловлен чисто прагматическими интересами. Из того же самого прагматизма он исходил и при выборе супругов для всех своих детей.

Свою старшую дочь Зорку (1864–1890), выпускницу Смольного института, черногорский князь использовал как орудие для обострения политической ситуации в Сербии. Летом 1883 г., незадолго до Тимокского восстания в Сербии, он выдал ее замуж за князя Петра, представителя династии Карагеоргиевичей, которая была давней соперницей правящей тогда в Сербии династии Обреновичей. Эта свадьба сербским князем Миланом Обреновичем была расценена как явная угроза его династии¹⁰. Он ошибочно считал свершившийся брак происками России, которая якобы желала посадить на сербский трон Петра Карагеоргиевича и через него проводить русскую политику на Балканах¹¹.

Отношения Сербии с соседними славянскими странами все больше осложнялись. В Черногорию и Болгарию хлынули сербские беженцы и повстанцы (после подавления Тимокского восстания). С их главой, Николой Пашичем, черногорский князь Никола поддерживал контакты и даже прощупывал почву для возможного «*coup d'état*»¹² в Сербии¹³.

В 1903 г. Петр Карагеоргиевич стал королем Сербии в результате кровавого переворота — убийства Александра и Драги Обренович. Жена Петра Зорка, задолго до этого, в 1890 г., умерла при родах пятого ребенка, Андрия, который тоже не выжил. Трое оставшихся детей (был еще один ребенок — Милена, которая прожила лишь два года) воспитывались в семье деда, князя Николы. Впоследствии все они — Елена, Георгий, Александр — оставили свой след в истории югославянских стран

и были связаны с Россией. Елена также окончила Смольный институт, после чего сочеталась браком с князем императорской крови Иоанном Константиновичем Романовым. Ее братья — Георгий и Александр — учились в России, воспитывались в Петербурге, первый в Александровском корпусе, второй — сначала в императорском училище правоведения, затем в Пажеском корпусе. Впоследствии Александр стал первым королем Югославии.

Другой своей дочери, Елене (1873–1952), черногорский князь прочил будущее русской императрицы и планировал выдать ее замуж за будущего императора Николая II. В 1888 г. на традиционном ежегодном балу Смольного института пятнадцатилетняя черногорская принцесса Елена первый раз вышла в свет и сразу всех очаровала. Она открывала бал вместе с престолонаследником Николаем Александровичем, после чего стали поговаривать об их помолвке¹⁴. Но этого не произошло. Возможной причиной было нежелание императрицы Марии Федоровны нарушать традиции принятия в семью Романовых немецких принцесс, иначе новая русская императрица была бы славянского происхождения¹⁵. Однако другой причиной могла быть и личная привязанность престолонаследника к принцессе немецких кровей Алисе Гессенской. Их свадьба состоялась в 1894 г., но черногорский князь на это торжество приглашен не был.

Что же касается черногорской принцессы Елены, то ей суждено было стать во главе другого государства — в 1896 г. она составила партию будущему итальянскому королю Виктору Эммануилу III (1869–1947).

Самая младшая из черногорских принцесс, отправленных в Петербург для учебы, Мария (1869–1886), не выдержала тяжелых условий петербургской жизни и скончалась на семнадцатом году жизни. Марию проводили в последний путь с невероятными почестями, каких она не видела при жизни. На прощании присутствовал лично император Александр III и престолонаследник¹⁶.

Милица (1866–1951) и Анастасия (1868–1935) окончили Смольный институт соответственно в 1882 г. и 1883 г., а в 1889 г. вышли замуж за представителей Дома Романовых. Они стали венченосными супругами великих князей Петра Николаевича (1864–1931) и Николая Николаевича младшего (1856–1929), внуков императора Николая I (1796–1855), кузенов Александра III (1845–1894) и двоюродных дядей Николая II (1868–1918). Молодых черногорских принцесс при дворе считали высокомерными, самоуверенными выскочками, подруг у них так и не появилось. Однако прошло некоторое время, и они вошли в расположение к императрице и стали близки с царской четой.

Еще одна дочь князя Николы, княжна Анна (1874–1935), стала супругой принца Франца Иосифа фон Баттенберга (1861–1924), брата первого князя Болгарии Александра I (1823–1888) Баттенбергского и двоюродного брата русского императора Александра III.

Наследный черногорский принц Данило (1871–1939), старший сын черногорского князя Николы, женился на принцессе Юте Мекленбург-Стрелицкой (1880–1946), дочери великого герцога Адольфа Фридриха V Мекленбург-Стрелицкого от брака с принцессой Елизаветой Ангальтской, получившей при переходе в православие имя Милицы.

Принц Мирко (1879–1918), великий воевода Грахова, полковник русской армии, в 1902 г. связал свою жизнь с Наталией Константинович (1882–1950), дальней родственницей сербского короля Александра Обреновича (1876–1903).

Самый младший сын Николы, принц Петр (1889–1932), сочетался браком с Виолеттой Вегнер (1887–1960).

Таким образом, восемь своих детей Никола сумел связать брачными узами со знатнейшими европейскими домами. София, к несчастью, умерла в раннем детстве. Мария, как уже говорилось выше, скончалась в России, в возрасте 16 лет. Все остальные дети, кроме не вышедших замуж княжны Ксении (1881–1960) и княжны Веры (1887–1927), заключили весьма выгодные брачные союзы.

Все дочери Николы были хорошо воспитаны и образованны. Что же касается сыновей, то, по мнению югославского историка Николы Шкеровича, князь их «оставил без внимания», и они получили довольно поверхностное домашнее образование и знание иностранных языков¹⁷. Сыновья черногорского князя, как пишет Шкерович, в жизни вообще не проявили себя с позитивной стороны, никто из них не помогал отцу поднимать престиж династии, не говоря уже о какой-либо деятельности на благо общества и государства. Да и на войне они проявили себя не с лучшей стороны. Так, престолонаследник Данило, будучи верховным инспектором черногорской армии, во время Первой балканской войны участвовал в боях за Скадар, но после бомбардировки лагеря турецкой артиллерией, когда ему «удалось удачно избежать снаряда»¹⁸, бежал с линии фронта домой и так и не появился в рядах черногорской армии до конца войны¹⁹. Такое трусливое поведение было совершенно не характерно для черногорцев, славившихся своей доблестью и отвагой.

Визиты черногорского князя в Россию

Как уже упоминалось, Никола Петрович-Негош довольно часто бывал в России. Пожалуй, самым нашумевшим его визитом был визит в 1889 г., когда русский император произнес знаменитый тост в его честь: «Пью за единственного моего друга князя черногорского»²⁰. Этот тост Александра III, произнесенный на званом ужине, еще больше укрепил позиции Николы среди всех югославян и повысил его авторитет. На этом же ужине было объявлено о помолвке черногорской принцессы Милицы Николаевны и великого русского князя Петра Николаевича. В скором времени

стало известно и о втором предполагаемом брачном союзе, связывавшем династию Петровичей с Романовыми — княжна Анастасия Николаевна (Стана) была помолвлена с герцогом Георгием (Юрием) Лейхтенбергским. Никола, таким образом, обеспечил себе сильную опору в лице российского императора²¹.

Весть о тосте русского императора в честь черногорского князя разлетелась по всему миру и сразу же получила разные трактовки. В Европе недоумевали, как в правящую династию столь мощного государства, как Россия, занимающего шестую часть европейского континента, приняли представителя какого-то захолустного, никому не известного черногорского рода Петровичей-Негошей?!

Отмечая, что это «весьма подняло черногорского князя, а с другой стороны, поставило в некоторое недоумение коронованных особ Европы», министр финансов России С. Ю. Витте²² писал, что этот тост «государь провозгласил не бесцельно, а чтобы показать, что ему никаких ни с кем политических дружб не нужно, что он считает Россию настолько сильной и властной державой, а сам он не нуждается ни в каких подержках... Поэтому тост этот надо понимать в том смысле, что у меня есть единственный друг, конечно, друг политический, и этот друг князь черногорский, а известно, что Черногория является такой страной, которая по размерам и по количеству населения менее какого-нибудь малочисленного уезда одной из русских губерний»²³. Такого же мнения придерживался и придворный историк С. С. Ольденбург, отметивший, что Россия была в то время очень могущественна и не нуждалась в союзниках²⁴.

Конечно, Витте по-своему прав, но прав ли он в том, что Черногория была для России просто «политическим другом»? Все же отношения между Россией и Черногорией остаются уникальным явлением, «загадочной историей», как назвал их директор Института славяноведения РАН К. В. Никифоров, ведь часть национального самосознания черногорца — любовь к России, а это лежит вне области политики.

Александр III, называвший сербского короля Милана Обреновича не иначе как «подлецом», английскую королеву Викторию — «старой сплетницей», японцев — «обезьянами, играющими в европейцев», а принца Наполеона — «скотом»²⁵, назвал черногорского князя Николу «единственным другом России». Поразительный факт! Неудивительно, что тост русского императора произвел эффект «разорвавшейся бомбы».

Во время этого визита черногорского князя в Россию его удостоили высокой чести — Александр III назначил его шефом 15-го стрелкового полка, который героически проявил себя во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Однако не всегда черногорский князь был в фаворе у русского императора. Всего два года спустя после знаменитого тоста Александра III

очередной визит черногорского князя не вызвал бури радости, как в 1889 г., когда в Петербурге он был всячески обласкан. В 1891 г. черногорский правитель был наказан невниманием. Тогда об аудиенции у императора не могло быть и речи. С чем же была связана подобная переменчивость в отношении к князю?

Возможно, ответ кроется в политической обстановке на Балканах. Династическое соперничество Сербии и Черногории не создавало спокойствия в регионе. Черногорский князь лелеял мечту о создании «Великой Черногории», которая объединила бы все сербские земли. В это время на стороне Николы были симпатии всех славян «от Софии и на всех территориях до Любляны и Праги»²⁶. Для того, чтобы поднять свою популярность, Никола действовал в пику правящей в Сербии династии Обреновичей. В 1883 г. черногорский князь выдал свою любимую дочь Зорку замуж за потенциального претендента на сербский престол, Петра Карагеоргиевича. Играя на антиавстрийских и русофильских чувствах простых сербов, Никола «стал оказывать поддержку всем действиям, направленным на ослабление режима короля Милана, а по возможности и его свержение»²⁷. Он вступил в контакт с представителями сербской Радикальной партии, в том числе с Николой Пашичем, который находился в изгнании в Болгарии. Черногорский князь обсуждал с радикалами возможность государственного переворота в Сербии с удалением династии Обреновичей²⁸ и возведением на сербский престол Петра Карагеоргиевича или другого кандидата, пользующегося расположением России²⁹.

Россия вела осторожную политическую линию и, выступая против вмешательства во внутренние дела Сербского государства, советовала черногорскому князю соблюдать осторожность и прекратить контакты с радикалами. Несмотря на эти предостережения, в Петербург продолжали поступать сведения о том, что Радикальная партия не только действует от имени черногорского князя, но и не без его ведома³⁰. Сербский король постарался договориться с радикалами. Он передал власть своему сыну, заручившись при этом поддержкой Петербурга, а самое главное — радикалов, которые настояли на принятии в декабре 1888 г. конституции. Таким образом, при косвенном участии Николы, Россия начала восстанавливать хорошие отношения с Сербией. Возможно, в том числе и поэтому черногорский князь был весьма тепло встречен в Петербурге, его роль и значение были оценены по достоинству, да так, что Романовы не погнушались принять в свою семью двух дочерей черногорского князя. Не только Черногории были выгодны эти брачные союзы. Россия увидела в Черногории и, в первую очередь, в Николе такого союзника, в лице которого она могла бы получить рычаги влияния на Балканах.

Действительно, в это время популярность Николы на Балканах была столь велика, что он по праву мог назвать себя выразителем взглядов и чаяний «народа юго-славян»³¹. Это было то время, когда по одному

слову черногорского князя могло вспыхнуть восстание в Боснии или свершиться государственный переворот в Сербии. И лишь Россия могла сдержать эти нежелательные шаги, предотвратить события, которые могли бы привести к страшным последствиям и вылиться в европейскую войну.

Политика России была направлена на ослабление противоречий на Балканах, на сближение югославянских народов и, в первую очередь, их правителей. Отношения между Сербией и Черногорией постепенно налаживались. В 1890 г. регентский совет и правительство Пашича подписали договор с князем Николой о совместной политической деятельности среди славянского населения в Европейской Турции. В 1891 г. между ними был заключен торговый трактат, что вызвало одобрение России.

Одновременно налаживались и русско-сербские отношения, в результате чего роль Черногории в балканской политике России уменьшалась, что, конечно, не могло не задевать черногорского князя. В 1891 г. с визитом в Петербург приехал юный король Александр Обренович с Й. Ристичем и Н. Пашичем. Помимо нормализации русско-сербских отношений Россия вела политику по сближению Сербии и Черногории, служащих плацдармом для Балканского союза. В 1894 г. в Петербурге состоялась встреча черногорского князя Николы и сербского короля Александра, которые договорились устранить все распри. Несмотря на это обещание, Никола неохотно шел на сближение с Сербией. С одной стороны, в нем говорили чувства общеславянского патриотизма, объединения всех югославян, и даже больше — всех балканских народов, а с другой — амбиции, которые не давали ему пойти на компромисс с Сербией. Никола более не был согласен, как в 1866–1867 гг., пожертвовать своим тронем и именем своей страны ради высокой цели объединения всех югославян в одно государство во главе с Сербией. Он хотел сам встать во главе будущего югославянского объединения.

Во всяком случае, факт остается фактом — визит черногорского князя в Петербург в 1891 г. не был столь блистательным, как визит 1889 г.

Дом Романовых имел одну показательную традицию: обычно в честь гостивших коронованных особ на церковных службах все члены императорской семьи должны были надевать ленты страны гостя. Однако в 1891 г. Романовы не желали «слишком баловать „единственного верного и честного друга России“», поэтому в виде приложения к приглашению на заутреню гостям принесли специальную повестку, предлагающую быть в «русских лентах», несмотря на присутствие этого в своем роде тоже иностранного монарха»³².

Через два дня отношение к Николе все же потеплело. В. Н. Ламздорф записал в дневнике 21 апреля 1891 г.: «Пасха... При императорском выходе этой ночью шествие открывалось их величествами; во второй паре князь Черногорский вел великую княгиню Марию Павловну. Кажется, этот

«лучший друг», дойдя до решетки, перегораживающей ту часть церкви, которая предназначается для августейших особ, счел нужным скрыться в толпе великих князей, но великий князь Владимир удержал его за талию, чтобы он встал среди братьев государя. Он был в своем национальном наряде, с лентой св. Андрея»³³.

Еще один визит черногорского правителя в Россию вызвал множество пересудов и практически скандал. Случилось это в конце 1901 — начале 1902 г. Как и в предыдущие визиты, черногорский князь приезжал за деньгами. В этот раз Никола просил императора, «чтобы ему была уступлена контрибуция, которую платит Турция России — 3 000 000 руб. в год»³⁴. На первый взгляд эта просьба казалась ошеломляющей, но Никола обосновал ее тем, что русских денег ему не надо, а вот турецкие он бы взял. После этой встречи Николы с Николаем II к министру финансов пришла дочь черногорского князя Анастасия Николаевна и просила «оказать содействие». Когда же Витте узнал, в чем нужно «содействовать», возмущению его не было предела. Сергей Юльевич сделал все, чтобы эта ошеломляющая договоренность не была исполнена. Он пошел к царю и заставил его переменить свое мнение, и решение было отменено. После этого, чтобы сгладить ситуацию, черногорская субсидия была увеличена «на несколько сот тысяч рублей». Конечно, «несколько сот тысяч» не могли сравниться с тремя миллионами, поэтому великая княгиня Анастасия Николаевна с яростью сказала Витте: «Ну, я вам это не забуду, будете помнить...»³⁵.

Никола понимал, что «Черногория и черногорский народ всем обязаны России и ее императору», о чем писал Николаю II: «Черногория только и существует на русские деньги»³⁶. Благодаря усиленным стараниям Николы, ежегодные субсидии, которые Россия выплачивала Черногории, возросли с 500 рублей при Петре I до 100 000 рублей к началу царствования Николая II, а уже в начале XX в. достигали 1 миллиона рублей³⁷. Однако этих денежных средств все равно не хватало. Черногорский князь брал огромные кредиты у австрийских банков, и страна постепенно погружалась в бездну экономической кабалы. Россия же не могла допустить все увеличивающегося влияния Австро-Венгрии на экономику княжества и также давала князю кредиты на щадящих условиях³⁸. Несмотря на это, Никола пытался получать деньги не по кредитам, о чем в своих мемуарах рассказывает граф Витте: «Князь черногорский приезжал в Россию непременно с каким-нибудь проектом, а в результате всегда имел в виду получить себе в карман несколько сот тысяч рублей. Для этого он прибегал к несоответственным приемам, делал представления о том, что нужны деньги для такого-то военного дела, чтобы содержать такую-то военную часть, все, конечно, на пользу России, на случай войны на Балканах, а в результате ... большинство всех этих денег шло просто ему в карман»³⁹.

Никола не забывал постоянно благодарить Николая II, часто вспоминая и благодеяния его отца, императора Александра III. Действительно, предпоследний русский император был весьма к нему расположен. Не говоря уже о браках двух дочерей Николы с двоюродными братьями императора, в 1885 г. Александр III распорядился о выдаче черногорскому князю Николе 400 тысяч рублей на личные расходы.⁴⁰ Были также оплачены все расходы, связанные с созданием «Имущественного законника» Черногории, а сумма составляла около 160 тысяч рублей (она не учитывала последующее вознаграждение составителя этого законника В. Богишича в 1889 г.)⁴¹.

Отношение Николая II также было благожелательным — и к черногорскому князю, и к его детям. Это подтверждалось довольно частыми разовыми выдачами денег (в том числе старшему сыну Николы, престолонаследнику Даниле), о чем сохранились документы⁴².

«Хочу Вам сказать, Государь, — писал Никола Николаю II, напрашиваясь на очередной визит в Россию, — пользуясь этой счастливой возможностью, что к моему великому сожалению, здесь, у нас, я чувствую себя слишком изолированным, слишком предоставленным самому себе, немного забытым и лишенным поддержки и советов, в которых я так нуждаюсь...»⁴³.

Поддержка черногорскому князю действительно была нужна. Но вот советы он любил раздавать сам, как мы видим из его переписки с русским императором⁴⁴. Трудно себе представить, но князь маленького, существующего на русские субсидии государства давал советы, как поступать, с кем заключать союз императору великой Российской империи. Было ли это следствием того, что Никола испытывал к тогда только вззошедшему на престол молодому Николаю II отцовские чувства, или же пытался таким образом оказывать влияние на еще неопытного, по его мнению, императора, выставляя на первый план свою дружбу с Александром III, сказать трудно. Однако черногорский князь, тем не менее, делал Николаю II подробное изложение состояния дел на международной арене⁴⁵.

Еще один визит Николы в Россию, получивший огласку в придворных кругах, состоялся в 1911 г. Примечательно, что в этот раз черногорский правитель прибыл в Петербург уже в другом статусе — короля Черногории, который он сам себе присвоил в год празднования пятидесятилетнего юбилея своего правления. В 1910 г. Черногория была провозглашена королевством, что получило международное признание. В честь этого Николай II пожаловал Николу Петровичу-Негошу звание генерал-фельдмаршала российской императорской армии.

Итак, черногорский король в 1911 г. отправился в Петербург, чтобы поблагодарить за пожалованное ему высокое звание и честь, оказанную российским императором лично ему и его стране. В это время

в Петербурге готовились состязания офицеров и гусар в «прыгании препятствий» и других спортивных упражнениях на коне, на просмотр которых должны были пригласить и черногорского правителя. Однако встречен Никола был весьма холодно и даже не получил приглашения на военные маневры. Дочери новоиспеченного короля, две российские великие княгини Милица и Анастасия Николаевны, также не были приглашены на данное мероприятие, на чем настояла лично императрица⁴⁶. Черногорский король и его дочери посчитали это оскорблением.

Как выяснилось, в это время дочери Николы не были в фаворе у императорской четы. Некогда Милица и Анастасия были очень близки с императрицей, однако в их отношениях произошел разлад, после чего недавние подруги превратились в злейших врагов. «Черногорки», как при дворе называли дочерей Николы, интриговали против императрицы и даже готовили планы по свержению Николая II и возведению на престол Николая III — великого князя Николая Николаевича, главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа и председателя Совета Государственной Обороны (с 1905 г.), мужа Анастасии Николаевны. Так или иначе, императрица настояла на том, чтобы ни великая княгиня Анастасия Николаевна, которая должна была присутствовать на состязаниях по своему статусу полковой дамы, ни ее отец не были приглашены.

Другой причиной охлаждения отношения к королю Николе были сведения о его тайном пособничестве албанскому восстанию 1911 г., во время которого черногорцы снабжали албанцев оружием, которое Россия поставляла для черногорской армии.

Возможно, Никола мог бы совершить поездку в Россию еще и в 1916 г., в период Первой мировой войны, когда его армия и страна находились на пороге гибели и король искал спасения за ее пределами. Он скрылся в Италии и в марте 1916 г. изъявил желание приехать в Россию, однако Николай II ему в этом отказал⁴⁷.

Отношение к Николе в России было не всегда одинаковым — оно менялось в зависимости от политической ситуации на европейской арене, планов России и действий самого князя (короля). Так или иначе, он довольно часто бывал в России и при личных встречах с российскими императорами решал важные вопросы, касавшиеся и будущего его страны, и его личного благополучия.

Черногорский правитель Никола единолично определял политику Черногории, именно от него зависело абсолютно все в этой маленькой стране, начиная от раздачи ружей солдатам и срубания новогоднего дерева до объявления войны. Именно он, по словам П. А. Ровинского, мог с полным правом сказать: *«l'état c'est moi»*⁴⁸.

* Государство — это я (франц.).

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА ПЕТРОВИЧ-РОМАНОВА. РУССКАЯ ЧЕРНОГОРКА

В семье черногорского князя Николы I Петрович-Негош и его жены Милены Вукотич, как уже отмечалось выше, родилось 12 детей, 9 из которых были женского пола. За первые 10 лет брака Николы и Милены рождались только девочки, люди поговаривали, что над княжеской семьей навис рок и наследник не родится вовсе. Возможно, именно поэтому Никола начал строительство и восстановление монастырей⁴⁹, в особенности женских, ведь содержание и будущее благоустройство дочерей предполагали большие расходы, которые князь не мог себе позволить. Казалось, что грандиозные планы черногорского князя о возведении на троны европейских монархий своих детей разбивались, словно волны о камни.

Однако мудрый черногорский правитель решил: раз у него так много дочерей, так почему бы не сосватать их в будущем за видных представителей правящих европейских династий, чтобы те тайно влияли на политику государства в пользу Черногории?..

Русский след и черногорский характер.

Роль воспитания и образования

Милица родилась 14 (26) июля 1866 г., она была вторым ребенком в семье, второй дочерью⁵⁰. Год спустя в семье черногорского правителя родилась третья дочь, Стана. Именно эта младшая сестра-погодка стала лучшей подругой Милицы, они всю жизнь были неразлучны, и судьбы обеих оказались связаны с Россией.

Раннее детство Милица провела на родине с сестрами, в семье родителей, где складывался ее характер и где от своих родителей она получила основные представления о жизни. Отец, Никола Петрович-Негош, будучи хорошо образованным человеком, постарался и своим детям дать отличное образование, однако главное, что он сделал, это сформировал в них чувство собственного достоинства и невероятный патриотизм. Планируя связать будущее своих дочерей с Россией, Никола не оставил их на родине и отправил 10-летнюю Милицу вместе с сестрами в Петербург учиться в Смольном институте, хотя и в Черногории существовали уже подобные учебные заведения. Так, Женский институт императрицы Марии Александровны сразу после открытия стал пользоваться большим авторитетом и популярностью. Здесь воспитывались девочки из Черногории и других южнославянских стран. В Богословском училище, также открытом на русские деньги, обучались молодые люди, будущие священники и учителя. Выпускники этих учебных заведений получали среднее образование. Существовали эти учебные заведения на личные средства русской императрицы Марии Александровны, а работали под непосредственным надзором

черногорской княгини Милены, жены черногорского правителя⁵¹. В 1872 г. открылась и государственная женская основная школа, в которой было только два класса, и в ней девочки воспитывались по большей части как будущие домашние хозяйки. Лучшие из этих учениц принимались в Женский институт⁵².

Интересно, что о цетиньском Женском институте часто рассказывали в путевых впечатлениях русские путешественники по Черногории начала XX в., например, Н. К. Горталов, писавший: «Жители Черногории, Далмации, Боснии, Герцеговины, австрийские славяне добиваются чести поместить своих дочерей в этот институт»⁵³.

Отметим, что, став в будущем русской великой княгиней, Милица Николаевна поддерживала связи с Женским институтом, следила за его деятельностью, помогала материально и приезжала туда с визитами.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРУДНОСТИ, ЖИЗНЬ ИНСТИТУТКИ

При всех положительных сторонах обучения в институтах, как в Смольном в Петербурге, так и в Женском институте в Цетинье, были и отрицательные моменты в их деятельности. Институт в Цетинье постоянно страдал от нехватки средств — как на ремонт здания, так и на зарплату учителям. У Смольного, в котором обучалась Милица с сестрами, были другие сложности — не все воспитанницы могли выдержать суровый петербургский климат и тяжелые условия институтской жизни. Так, бывшая «смолянка», А. Н. Энгельгардт, рассказывает в своих воспоминаниях про «темную сторону» жизни институток: «Слабые натуры с трудом и даже некоторым риском переносили тот внутренний переворот, какой совершался неизбежно в натуре каждого ребенка, когда он внезапно очутится, бывало, лицом к лицу с чуждым ему, да вдобавок еще таким суровым бытом. Многие платились болезнью за переживаемое потрясение; иные портились нравственно и превращались в гнусных, подленьких, заискивающих существ...»⁵⁴. Последнего ни с кем из черногорских княжон не произошло.

Однако, отметим, что Милица и ее сестры были отправлены в Россию не в самом раннем возрасте, как это было принято по правилам Смольного института. Милице было уже 10 лет, и она уже сложилась как личность, со своим характером, с устоявшимся менталитетом, утвердившимися представлениями о жизни, на формирование которых, безусловно, повлияли ее родители, особенно отец. Он воспитал в Милице патриотизм и невероятную тягу к знаниям, которая проявилась во время обучения, несмотря на его тяжелые условия.

День у институток начинался с 6 часов утра, когда звучал громкий звонок, возвещавший подъем. После приведения себя и комнаты в порядок, в 8 часов, после молитвы, девочкам подавали чай. С 9 до 12 было два урока с двумя переменами. Затем, с 12 до 14 часов, была «рекреация», то

есть гимнастика, физкультура, в это же время обучались музыке. Даже после этих занятий девочек не кормили. С 14 до 17 проводилось еще два урока, после чего горничная приносила булки, на которые, естественно, голодные девочки с жадностью набрасывались. Обед у них не было. С 17 до 18 отводился час для приготовления уроков. С 18 до 20 часов по расписанию у старших было пение, а у младших — танцкласс. После этого, наконец, был ужин, перед которым читалась молитва. После трапезы девочки шли спать⁵⁵.

Помимо того, что институтки недоедали, они постоянно страдали от переохлаждения, о чем пишет бывшая институтка Е. Н. Водовозова: «Наряд совсем не был приноровлен к условиям жизни: холщовая пелеринка, накинутая на плечи, не защищала от зимнего холода, когда термометр в классе показывал десять и даже девять градусов, а во время уроков приходилось сидеть с обнаженными плечами»⁵⁶. В таких условиях многие девочки не выдерживали — они заболели и даже умирали.

Вот так и сестра Милицы, княжна Мария, выросшая в жарком черногорском климате, не выдержала тяжелых условий жизни и скончалась в 1885 г. Это стало большой травмой для Милицы и Станы. Тогда старшей из них, Милице, было 19, а Стане всего 17 лет.

О том, с какими почестями проводили в последний путь черногорскую княжну Марию Николаевну, повествуют интересные материалы, найденные нами в черногорском архиве в Цетинье, в стопке неописанных документов из фонда короля Николы. Это церемониал перевоза тела черногорской княжны из церкви Святого Александра Невского при императорском воспитательном обществе благородных девиц на станцию Николаевской железной дороги⁵⁷. Церемониал был составлен и высочайше утвержден специально по этому случаю.

При прощании с черногорской княжной присутствовали «статс-дамы, камер-фрейлины, гофмейстерины, свитные фрейлины ее величества государыни императрицы и фрейлины их высочеств государынь великих княгинь, первые и вторые чины Двора, генерал-адъютанты, свиты его величества, генерал-майоры, флигель-адъютанты и адъютанты государей великих князей»⁵⁸. В шествии также приняли участие войска во главе с военным начальником, специально для этого приехал и епископ цетиньский Митрофаній. Но, что самое важное, в церемонии участвовали лично император Александр III и наследник престола, цесаревич Николай Александрович, а также множество великих князей, среди которых, кстати, были Петр Николаевич, Николай Николаевич и Георгий Лейхтенбергский, будущие мужья черногорских княжон Милицы и Анастасии. Возможно, именно при этих печальных обстоятельствах и состоялась первая встреча Петра Николаевича и Милицы Николаевны.

Существует мнение, что Милицу в жены сыну выбрал некто иной, как отец великого князя Петра Николаевича, великий князь Николай

Николаевич старший. Причины, сподвигшие пожилого великого князя на такое решение, по мнению современного журналиста А. Хохрева, следующие: «Черногорская княжна обладала незаурядным характером и природным магнетизмом, что потом позволило недоброжелателям говорить о ее «дьявольском» характере. Дьявольщина здесь, разумеется, ни при чем, просто южная кровь в сопоставлении с болотистой, питерской, казалась взрывоопасной»⁵⁹. Милица Николаевна действительно обладала незаурядным характером и умом, однако нам представляется вероятнее, что если уж великий князь Николай Николаевич старший действительно сам выбирал невесту сыну, он скорее обратил внимание на незаурядную внешность черногорской принцессы, о красоте которой писали ее современники⁶⁰.

Окончив Смольный институт, Милица получила хорошее образование и выучила русский язык так, что владела им, как родным. Такой вывод можно сделать из прочитанных писем Милицы к мужу, великому князю Петру Николаевичу. Не хуже она выучила и французский язык. На нем черногорские княжны переписывались с отцом и даже друг с другом, вставляя то сербские предложения, то русские словосочетания⁶¹.

В своих письмах к мужу Милица постоянно пишет, что читает различные книги, часто прилагает к письмам списки тех книг, которые Петр Николаевич должен был приобрести для нее. В одном из писем мужу Милица пишет: «Учусь целый день по[-]персидски, очень легко!»⁶². Тяга к знаниям у Милицы была просто поразительной, ее энтузиазму и способностям мы можем только позавидовать.

Счастливый брак или политический союз?

Милица обвенчалась с Петром Николаевичем 26 июня 1889 г. В России по этому поводу напечатали специальные буклеты с воззванием Александра III к русскому народу. Один из экземпляров этого буклета хранится в черногорском архиве⁶³.

Эта свадьба имела невероятное значение как для Черногории, так и для России и даже всей Европы. Но, конечно, прежде всего для Черногории.

Кумовство в Черногории, и вообще в черногорском народе, считается самой сильной духовной связью. И церковь, в плане заключения браков, считает кумовство самой близкой кровной связью⁶⁴.

Вслед за Милицей с представителем Дома Романовых сочеталась браком и ее младшая сестра Стана (Анастасия). Бракосочетания черногорских принцесс с представителями Дома Романовых готовились заранее. Еще в январе 1889 г. старшая дочь черногорского князя, Зорка, получив письмо от Станы, телеграфирует отцу из Риеки, что, судя по полученной от Станы информации, они с Милицей прибыли в Петербург, где были при-

глашены к императору на завтрак. Завтрак был рассчитан на тридцать человек, из которых именно черногорские княжны удостоились чести — заняли места рядом с императором: «одна по правую руку императора, другая — по левую»⁶⁵. В тот же вечер девушки были приглашены на ужин к императрице, которая при этом любезно добавила: «Если только вас это не слишком утомит»⁶⁶. Помимо этого княжон уже успели пригласить на всевозможные праздники Мекленбурги⁶⁷. Таким образом, черногорских принцесс постепенно вводили в высший свет, в круг царской семьи, приглашая на различные мероприятия.

Вскоре императором Александром III был произнесен знаменитый тост в честь черногорского князя Николы, и было объявлено о помолвке Милицы и Петра. Этот знаменитый тост и следовавшая свадьба черногорской княжны и двоюродного брата русского императора вызвали волну «одушевленных возгласов и великих надежд», как пишет югославский исследователь Н. Шкерович, не только со стороны черногорских вожakov, народа, черногорской прессы и придворных поэтов, но и вообще всего общественного мнения сербов, хорватов и словенцев⁶⁸. На это событие отреагировала вся мировая общественность (среди личных поздравлений были и письма королевы Изабеллы⁶⁹ из Парижа⁷⁰ и Одесского славянского общества⁷¹).

Сам факт этого брака говорит о многом. До этого момента дом Романовых не брал невест из славянских стран, но для правящего дома Петровичей-Негошей было сделано исключение. Причем женихи были выбраны не простые, а двоюродные братья императора. Эти браки, и в первую очередь брак Петра и Милицы, открыли для династии Петровичей-Негошей большие возможности. Подчеркнем, что после признания таким образом равнородности черногорской династии и другие европейские дома не погнушались заключить брачные союзы с представителями Петровичей-Негошей.

Итак, этот брак нарушил традицию принятия в семью Романовых немецких принцесс, которым приходилось переходить в православие и учить русский язык. При этом они полностью ассимилировались и становились «русскими до мозга костей». Возьмем несколько примеров из ближайшего окружения Милицы: императрица Мария Федоровна, жена императора Александра III; великая княгиня Александра Петровна, мать великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича младшего, жена великого князя Николая Николаевича старшего; императрица Александра Федоровна, жена Николая II. Сама императрица Александра Федоровна, хотя и с ошибками, говорила по-русски, считала себя совершенно русской.

Перед самой свадьбой, 25 июля, был заключен брачный договор между черногорской княжной Милицей Николаевной Петрович-Негош и русским великим князем Петром Николаевичем Романовым. С черногорской

стороны представителем выступил воевода Божидар Петрович-Негош, председатель Государственного совета Черногории, министр юстиции, кавалер черногорского ордена Данилы 1-й степени, Белого Орла и множества других иностранных орденов. С русской стороны присутствовал статс-секретарь императора, сенатор, действительный тайный советник Николай Карлович Гирс, кавалер многих русских и иностранных орденов, министр иностранных дел, а также генерал-адъютант императора Александра III, генерал-лейтенант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, министр императорского двора и уделов, канцлер императорских и царских орденов, кавалер многих русских и иностранных орденов. Ими был заключен и подписан брачный договор, состоящий из семи статей⁷².

Брак оказался счастливым, в нем родилось трое детей: Марина (1892–1981), Роман (1896–1978) и Надежда (1898–1988). Четвертый ребенок, сестра-близнец Надежды, Софья, умерла вскоре после рождения.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ И АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ МИЛИЦЫ

Как только не величали в семье Романовых и в придворных кругах великого князя Петра Николаевича. В семье его ласково называли «Петюшей», а язвительный Витте из-за плохого здоровья великого князя именвал «слабогрудым»⁷³.

У Петра Николаевича был мягкий характер, — он не мог ударить кулаком по столу и чего-то настойчиво потребовать, однако он прислушивался к мнению и советам жены, в которой души не чаял и которую без памяти любил. Из-за слишком сильного характера Милицы Петра считали «слабовольным подкаблучником»⁷⁴, — не удивительно, ведь сама императрица часто отзывалась о великих князьях Николаевичах и их женах-черногорках: «эти женщины держат своих мужей под башмаком»⁷⁵. Это мнение могло подкрепляться тем, что великий князь много времени проводил дома с детьми, в то время как его жена совершала различные поездки, пыталась влиять на судьбу Черногории.

В ГАРФ, в фонде великого князя Петра Николаевича Романова⁷⁶, содержится множество писем и телеграмм личного характера: огромную часть фонда составляет переписка между мужем и женой. Супруги обменивались письмами — будучи в разлуке, непременно каждый день за редким исключением они писали по одному, чаще по два или три письма. Основываясь на данных письмах, можно составить некоторое представление об их семье. Нельзя не отметить невероятную нежность и теплоту, которые пронизывают все письма Петра Николаевича к жене. «Заза моя ненаглядная... Моя радость...»⁷⁷, «...моя голубка сизокрылая...»⁷⁸, «Рара моя дорогая... Святая моя Мися»⁷⁹, «Дорогая моя Мися, розовое мое воскресенье, голубое мое счастье, белая моя душенька...»⁸⁰ — так Петр Николаевич обращался к Милице в письмах. Привязанность и любовь Петра Николаевича столь искренни, а

письма пронизаны такой нежностью, что нельзя не поверить в счастье их брака. На постоянные просьбы «Петюши» писать ему чаще Милица адресовала письма своему любимому «Демле Кер»⁸¹, «Миелку, Биелку, Амляру»⁸², Глупорству, Мулину...»⁸³, «дорогому Петру», и отвечала: «Считаю дни до отъезда»⁸⁴. В сравнении с этими письмами даже переписка императорской четы уступает им в искренности и чувственности⁸⁵.

Как видно из писем Петра Николаевича, Милица часто находилась в деловых поездках, хотя с виду они вовсе не выглядели таковыми. «Жена уехала святое дело делать, а я гнездышко домуру защищаю...»⁸⁶, — писал в одном из писем Петр Николаевич. И действительно, получалось, что муж и жена в их семье поменялись обязанностями: Милица Николаевна отправлялась в частые путешествия то в Берлин, то в Цетинье, то в Петербург, то в Глейхенберг, решая различные вопросы, а Петр Николаевич занимался с детьми, а затем рассказывал жене в письмах забавные, трогательные истории.

Супруги имели в Крыму свой дворец Дюльбер. Само его название, означающее на тюркском «прекрасный, великолепный», отлично его характеризует. Он был построен в 1895–1897 гг. в восточном стиле тогда еще малоизвестным ялтинским архитектором Н. П. Красновым. Именно благодаря постройке этого дворца и дружеским связям Милицы и Петра с императорской четой Краснов получил заказ от Николая II и там же, в Ливадии, построил последний императорский дворец, что принесло ему такие почести, как пожалование в архитекторы высочайшего двора, орден Св. Владимира 4-й степени, а через два года Петербургская академия художеств единогласно избрала Краснова своим академиком.

Петр Николаевич был военным инженером и специалистом по фортификационным сооружениям, и его увлечением была гражданская архитектура, особенно в восточном стиле. Из-за слабого здоровья он, по совету врачей, «часто путешествовал по странам Средиземноморья, Магриба и Ближнего Востока, откуда привозил альбомы с собственными зарисовками памятников зодчества населявших их народов, по которым потом сделал несколько эскизов будущего Дюльбера»⁸⁷.

Увлечение Востоком сыграло большую роль в выборе Петром Николаевичем для создания дворцово-паркового ансамбля Дюльбер архитектора Краснова. К этому прибавились рекомендация Краснова знаменитым искусствоведом, академиком Кондаковым и богатый опыт строительства в условиях Крыма (сложный рельеф местности, крутые спуски к морю, обширные оползневые участки и сейсмоопасность), накопленный им за время работы в должности ялтинского городского архитектора (1887–1899 гг.)⁸⁸. Тогда Краснов и не подозревал, что со строительства дворца Дюльбер по заказу мужа княгини-черногорки его будущее так и будет связано с Балканами, а именно с Королевством Югославия, куда после падения Российской империи бежало более 40 тысяч русских эмигрантов. Именно Краснов стал впоследствии воссоздателем часовни св. Петра Цетиньского в Черногории,

разрушенной во время Первой мировой войны. Николай Петрович Краснов остался работать в Белграде, выполняя заказы югославского короля⁸⁹.

Дворец Дюльбер, «словно из сказок Шахрезады», в «арабском» или, вернее, «сарацинском стиле», при всей своей красоте и внешнем богатстве, был построен из недорогих материалов, а его драгоценный восточный фаянс имитировали простейшие компоненты, взятые в определенных пропорциях, — гипс, вазелин и красители⁹⁰, что было весьма кстати, ведь в то время Петр Николаевич и Милица Николаевна испытывали финансовые трудности. Был даже период, когда строительство дворца было «заморожено» из-за отсутствия средств у заказчика. С. Ю. Витте писал в воспоминаниях, что причина такого неприятного финансового положения была связана с неправильным ведением расходов, следить за которыми великий князь взял сына своего бывшего гувернера по фамилии Дюмени. Этот молодой человек злоупотребил добродушием и доверчивостью Петра Николаевича и растратил деньги в играх на бирже. Тогда великому князю пришлось обратиться к Сергею Юльевичу, где его ждал отказ. В итоге великокняжеская семья получила помощь лично от императора, как пишет Витте, «кажется, из уделов, но супруга, черногорка 1, такую мою дерзость простить не могла»⁹¹.

Финансовые дела Петра и Милицы в то время действительно оставляли желать лучшего. Когда в 1897 г. главноуправляющим двора его императорского высочества стал барон А. И. фон Сталь, он поразился царившей в делах великокняжеской семьи полнейшей бесхозяйственности и многочисленным долгам. Нечем было платить архитектору и рабочим, не говоря уже о счетах за заказанные материалы. В декабре 1897 г., в самый отчаянный момент, барон Сталь даже предложил Петру Николаевичу продать Дюльбер за 600 тыс. рублей, чтобы расплатиться с долгами. Однако великий князь предпринял решительные меры (продажа части имущества Знаменка, доставшегося Петру Николаевичу еще от деда, Николая I; четкая организация работы принадлежавшего ему кирпичного завода в Териоках и ряд других), которые через некоторое время принесли свои результаты, и, наконец, архитектору Н. П. Краснову оплатили все его расходы на строительстве Дюльбера⁹².

Мнения о личности и влиятельности великого князя Петра Николаевича разительно расходятся. Академик Ю. А. Писарев называл Петра Николаевича «влиятельным», отмечая, что он «был близок к Николаю II»⁹³, современник же великого князя, граф Витте, величает его «второстепенным великим князем»⁹⁴. Однако Петр Николаевич был двоюродным братом императора Александра III и двоюродным дядей Николая II и на правах близкого родственника часто бывал в гостях у императорской четы, заезжая то на обеды, то просто так, то на ужины, которые, бывало, затягивались допоздна, и великокняжеская чета оставалась ночевать в гостях у императорской. Неизвестно, оказывал ли Петр Николаевич влияние на императора, но можно точно сказать, что дружба их была весьма крепкой.

Великий князь состоял в хороших отношениях с родственниками Милицы. Петр Николаевич, как вспоминает о нем Георгий Карагеоргиевич, племянник Милицы, старший брат будущего короля Югославии Александра, был постоянно весел и улыбчив⁹⁵. При первой же встрече Георгия и Александра с великим князем, которая произошла на вокзале при их приезде в Россию на обучение, Петр Николаевич заключил племянников жены в свои объятия, сглаживая неловкости первой встречи и придавая ей легкость и теплоту⁹⁶.

В мемуарах Георгия Карагеоргиевича показан весьма положительный образ великого князя Петра Николаевича. Георгий писал, что великий князь всегда тепло относился к нему и в сложное для Георгия время поддерживал его. В день государственного переворота в Сербии 1903 г., когда к власти пришла династия Карагеоргиевичей, вокруг Георгия поднялась суета, он был очень взволнован происходящим, тогда великий князь его успокоил, объяснив молодому престолонаследнику его новую роль, дал советы, учил, как себя держать и вести, так как теперь в Сербии на него устремилось все внимание⁹⁷.

Петр Николаевич, несмотря на слабое здоровье, принимал непосредственное участие в военных действиях в период Первой мировой войны и даже отличился в них. 27 октября 1914 г. император писал Александре Федоровне из Ставки Верховного главнокомандующего: «Здесь я застал старого Петюшу, только что приехавшего из Львова и из сражения, в которое его взял Радко-Дмитриев⁹⁸.

Они три часа провели под огнем тяжелой австрийской артиллерии. Из других телеграмм видно, что *Петя* держал себя с большим хладнокровием, и он просит для себя награды; поэтому я дал ему *георгиевское оружие*, от чего он чуть не помешался. Он этого не ожидал. Теперь он простужен и заключен в пустой барак возле поезда. В общем, всем нам кажется, что он стал гораздо менее экспансивен, чем обыкновенно, — вероятно, оттого, что побывал под огнем»⁹⁹.

Но уже 19 ноября Петр Николаевич снова был в форме и приступил к работе в Ставке¹⁰⁰.

Этот с виду болезненный и тихий человек прожил 67 довольно счастливых лет, имея любимую жену, большую семью и все, что было нужно для счастья, а многого он и не требовал.

«Гильом Телль * одним словом мальчишка и щенок»¹⁰¹

Если трудно сказать, влиял ли Петр Николаевич на русского императора, то можно точно сказать, что его жена предпринимала такие попыт-

* Имеется в виду Вильгельм Телль — главный герой одноименной оперы Россини, проникнутой пафосом освободительной борьбы. Этот легендарный народный герой Швейцарии, живший в конце XIII — начале XIV в., считался искусным

ки. И Милица, и ее сестра Стана, да и сам черногорский князь, их отец, пытались влиять на Николая II разными способами. Все это делалось с целью обеспечения интересов Черногории в политике России.

При дворе, по сведениям очевидцев, черногорские принцессы часто пытались давать царю советы, «постоянно выдвигали политические предложения», их собственные дворы часто служили местом горячих политических споров¹⁰².

Черногорских сестер интересовала политика, они живо обсуждали международные отношения, особенно политическую ситуацию в Сербии¹⁰³. Когда там в 1903 г. произошел кровавый Майский переворот и официальные сербско-черногорские отношения испортились, черногорки, будучи восприимчивыми политики своего отца, разорвали отношения со своими сербскими родственниками. Так, Милица отказывается принимать у себя сербского королевича Александра, о чем пишет русский генерал, участник Первой мировой войны, военный писатель Николай Алексеевич Епанчин в своих воспоминаниях. «Я Вам скажу с полной откровенностью, — заявила Милица Епанчину, — что приму моего племянника два раза в год: на Новый год и на Пасху — и каждый раз на десять минут, вы меня понимаете?». Это было воспринято как нежелание видеть королевича Александра, причем Епанчин особенно подчеркнул, что великая княгиня, получившая образование в России, прекрасно знавшая русский язык, говорила с ним «по-французски, не сказав ни одного русского слова»¹⁰⁴.

В мемуарах Витте, который рассказывает о частых к нему визитах черногорских принцесс по денежным вопросам, интересно замечание о том, что черногорки «были преданные дочери и постоянно хлопотали о всяких денежных субсидиях своему княжескому родителю»¹⁰⁵. Милица и Стана обращались не только к Витте, но и к Коковцову¹⁰⁶, и к Гирсу¹⁰⁷, о чем мы узнаем из их переписки. Одна из таких зашифрованных телеграмм хранится в фонде великой княгини Милицы Николаевны, в уже дешифрованном виде. В этой телеграмме Стана пишет сестре о том, что нужно «передать на имя Гирса Коковцову 20 000 руб.»¹⁰⁸.

Милица пристально следила за развитием политической ситуации на Балканах и вообще в Европе. Когда начался боснийский кризис 1908 г., она составляла расчеты о расстановке сил в Европе в случае возникновения войны. Она полагала, что в этой ситуации Россия может положиться лишь на Англию и Австрию, а вот на Германию рассчитывать не стоит, ибо ее император норовит все повернуть против России, причем «в пользу недавних переговоров с Италией»; в свою очередь, король Италии не уделяет особого внимания тому, чтобы непременно остаться с Россией верными друзьями — «в случае войны в Европе солдаты короля Италии

лучником и был патриотом своей страны и храбрым борцом за ее независимость от Австрии и Священной Римской империи. Долгое время считался историческим лицом.

будут в самом деле врагами»¹⁰⁹. И все это несмотря на то, что королевой Италии была родная сестра Милицы — Елена (1873–1952).

Во время вооруженных столкновений черногорцев с турками в 1910–1911 гг.¹¹⁰ Милица постоянно получала письма от сестры Веры из Черногории, в которых последняя докладывала информацию непосредственно с места событий, о положении войск, бомбардировках, числе жертв¹¹¹.

Основываясь на письмах периода Балканских войн и начала Первой мировой войны, можно согласиться с черногорским историком Р. Расповичем в том, что Милица являлась неофициальным дипломатическим представителем Черногории в России¹¹². Она пыталась вести политическую линию своего отца. Эта «черногорка №1»¹¹³ писала трогательные и милые письма своему другу, императору Николаю II, щедро снабжая их политическими идеями о будущем Черногории. Она постоянно упоминала о «вопросах важных в глазах своего отца», о «поручении отца», «желании отца»¹¹⁴, таким образом показывая, с одной стороны, что она здесь как бы ни при чем, но лишь является проводником и представителем интересов Николы. С другой стороны, великая княгиня отмечала, что ее мнение совершенно совпадает с мнением ее отца¹¹⁵, следовательно, она решала вопросы, важные для нее самой.

Будучи замужем за великим князем Петром Романовым, Милица являлась представительницей императорского дома, что накладывало на нее определенные обязательства. Однако став русской великой княгиней, Милица оставалась черногоркой в душе, пытаясь проводить в жизнь интересы своей родины. Именно этого и добивался ее отец. Исполняя его поручения, Милица встречалась с министром финансов В. Н. Коковцовым и об этих официальных встречах считала необходимым отчитаться лично перед императором: во-первых, дабы «не действовать за спиной», а во-вторых, дабы «оградить себя в будущем от невольных[,] но неправильных истолкований» ее взглядов¹¹⁶. Отстаивая честь черногорского короля, она заявила Николаю II о пренебрежительном отношении к ее отцу генерал-майора Потапова¹¹⁷, русского военного агента в Черногории: «О своем отъезде из Цетинье он не считал нужным доложить моему Отцу»¹¹⁸.

Отметим, что еще до окончания Первой мировой войны, в России строились планы предварительного территориального разграничения балканских государств. Великая княгиня Милица Николаевна лично принимала в нем участие, отстаивая интересы Черногории и ее короля. Ввиду того, что Черногория не имела своего официального дипломатического представителя в России, его функции великая княгиня в это время взяла на себя. В своем письме от 5 апреля 1915 г. на имя императора, на фоне стабилизации обстановки и затишья на балканских фронтах, Милица указывала те границы, в которых, по ее мнению и мнению черногорского короля, должна находиться Черногория. Тем самым буквально создавалась Великая Черногория — заветная мечта черногорского короля. Речь шла о Черногории в границах

от Далмации до Албании, включающих части этих земель. Черногорскими должны были бы стать некоторые территории Герцеговины «с той частью Адриатического моря, которая ей (Герцеговине) принадлежит; затем южные // части Далмации до Антивари, острова (с Рагузой и Катаро)»¹¹⁹. По мнению Милицы, на северо-востоке Черногория должна была бы получить небольшую полосу южной Боснии, и, обосновывая это, великая княгиня подчеркивала, что эту территорию черногорцы заняли собственными силами, без участия сербов¹²⁰. На юге к Черногории должны были отойти «от устья Дрины весь правый берег ее черногорско-сербской границы, южнее Дьяковицы (конечно, все[, что к северу от Дрины, г. Скутари, озеро)»¹²¹. Вышеуказанные границы предполагались великой княгиней лишь в случае раздела Боснии, Герцеговины, Далмации и части Албании, а если же в раздел вошли бы Хорватия, Славония и Сирмия¹²², — то, «конечно, часть, относящая Черногории, должна будет увеличиваться...»¹²³. Эти планы, поражающие своей масштабностью и претензиями, в тот момент, однако, были вполне реальными в случае победы русской армии и удач черногорской. Но, как показала история, все это так и осталось несбыточной мечтой представителей семейства Петровичей-Негошей. С осени черногорская армия стала терпеть поражения на фронте, а к концу 1915 г. уже не была способна отражать атаки австро-венгерских войск. В самом начале 1916 г. Цетинье было захвачено. Король Никола с семьей бежал из Черногории, бросив страну на произвол судьбы. Этого черногорцы не смогли ему простить и запретили въезд в Черногорию всем представителям его семейства.

Итак, Милица пыталась посредством личных встреч, бесед и переписки влиять на императора ради проведения в жизнь «черногорской мечты», однако рядом с императором находился человек, противодействовавший этому влиянию. Императрица Александра Федоровна ранее была близкой подругой Милицы и Станы, однако в их отношениях произошел разлад, причиной которого был Распутин. Недавние подруги превратились во врагов. Когда столица Черногории была захвачена противником, императрица со злорадством писала императору: «Я прочла, что эвакуировано Цетинье и что их войска окружены. Ну, вот теперь король с сыновьями и черными дочерьми, находящимися здесь и так безумно желавшими этой войны¹²⁴, расплачиваются за свои грехи перед Богом и тобою, так как они восстали против нашего Друга¹²⁵, зная, кто Он такой! Господь мстит за себя. Только мне жаль народа, это все такие герои, а итальянцы — эгоистичные скоты, покинувшие их в беде, — труссы!»¹²⁶. Позже императрица поняла, что весь народ не должен нести ответственность за некоторых своих представителей, даже если это королевская семья. «Думаю, что настроение черных сестер, — писала императрица, — должно быть подавленным из-за участи их несчастной родины!»¹²⁷. То положение, в котором находилась черногорская и сербская армии в 1916 г., не могло не вызывать сочувствия, которое затмевало даже чувство ненависти.

«Я боюсь Милицы и ее лукавства...»¹²⁸ От любви до ненависти

История дружбы черногорки и императрицы весьма примечательна. Все они не нашли доброго к себе расположения придворного окружения. Императрица была закрытым человеком, а черногорки, наоборот, весьма напористы. Свою версию начала этой дружбы изложил граф Витте в свойственной ему язвительной манере, подчеркивая при этом коварство Милицы и Анастасии. По его словам, они выбрали подходящий момент, чтобы «втереться» в доверие к императрице: «Как раз императрица заболела какою-то желудочною болезнью; черногорки тут как тут, ее не покидают, устраняют горничных и сами добровольно принимают на себя эту неприятную в подобных болезнях обязанность. Таким образом они втираются в её фавор и делаются ее первыми подругами. Покуда государь не разошелся, было не особенно заметно, но, по мере того, как он начал расходиться, и императрица-мать * начала терять свое влияние, влияние черногорок все усиливалось и усиливалось»¹²⁹.

Однако можно ли точно сказать, что действия черногорок были обусловлены коварством? На наш взгляд, следует посмотреть на ситуацию и с другой стороны. Так же как и черногорки, императрица не пользовалась при дворе особой любовью, у нее не было друзей. Милица и Стана окружили Александру Федоровну вниманием и заботой в тот момент, когда она больше всего в этом нуждалась. Черногорки действительно самоотверженно ухаживали за императрицей, этого нельзя отрицать.

Император и императрица часто бывали в компании Милицы и Станы, собираясь на чаепития, приезжали друг к другу в гости, устраивали спиритические сеансы. Императорская чета нередко бывала в доме Милицы и Петра Николаевича. Также они встречались и у Анны Александровны Вырубовой **. В одну из таких встреч черногорки и познакомили царскую чету с неким месье Филиппом¹³⁰, которого Милица специально выписала из Парижа. Затем, после смерти месье Филиппа, появился Распутин¹³¹.

Помимо знаменитых месье Филиппа и Распутина, Милица и Стана приводили к императору и императрице разных «целителей», юродивых, за что черногорок обвиняли в насаждении при дворе «фанатического

* Императрица-мать — императрица Мария Федоровна (1847–1928), вдова Александра III.

** Вырубова Анна Александровна, урожд. Танеева (1884–1964) — дочь главного управляющего собственной канцелярии императорского величества А. С. Танеева, прапраправнучка фельдмаршала Кутузова, фрейлина, близкая подруга императрицы Александры Федоровны. В 1907 г. вышла замуж за морского офицера Александра Вырубова, брак оказался несчастливым и через год распался. С приходом к власти большевиков на Анну Александровну начались гонения, несколько раз она сидела в тюрьме, несмотря на инвалидность, полученную в 1915 г. после автокатастрофы. В 1920 г. она сумела бежать в Финляндию, где постриглась в монахини. Умерла в возрасте 80 лет.

мистицизма»¹³², спиритизма и прочего негативного влияния. Однако не стоит забывать формулу: «спрос рождает предложение». Если спиритизм и мистицизм так хорошо прижились при царском дворе, то для этого явно была благодатная почва. Многие современники считали, что императрица была психически неуравновешенна. Они с императором очень хотели иметь сына, наследника, но у них рождались девочки, одна за другой... Александра Федоровна считала это своей виной, эта идея-фикс изводила ее, и морально, и физически. При этом она невероятно прониклась православной верой, хотя вера ее была весьма странной: императрица верила в чудеса, знамения, пророчества, в которых пыталась найти ответы на мучащие ее вопросы и искала спасение и надежду на рождение наследника. Узнав о существовании «божьих людей», она поверила в них всей душой. Милица и Стана, будучи близкими подругами царицы, искренне желали ей помочь — они стали приводить ко двору «божьих людей» со всей России.

Существует даже мнение, что Милица своей «религиозно-мистической деятельностью» преследовала чисто коммерческую цель, которая заключалась в получении от Николая II «многочисленных и значительных сумм»¹³³.

Возможно, многие негативные отзывы о религиозно-мистической деятельности Милицы и ее сестры появились вследствие зависти придворного окружения к тому, что черногорки пользовались полнейшим доверием у царской четы, а также из-за недовольства их все возрастающим влиянием при дворе.

Дружба черногорок с императорской четой была весьма сильна, а доверие Николая II и Александры Федоровны к ним почти безгранично. Они посвящали Милицу и Стану даже в самые личные, семейные дела, в которые, учитывая особую закрытость и узость семейного круга императора, посторонние люди не посвящались.

Император Николай II, а для «милой Милицы»¹³⁴ — просто Ники, не только старался исполнять ее просьбы, но и делился с ней самыми сокровенными радостями и переживаниями, сообщая, например, что у Аликс начались роды. Он просит Милицу: «Молись за нее и за ребенка»¹³⁵. Считая «дорогую Милицу»¹³⁶ неким проводником, посредником Бога, император разделяет с ней радость рождения сына: «Не хватает слов, чтобы достаточно благодарить Господа за Его великую милость. Пожалуйста, передай каким-нибудь образом нашу благодарность и радость... Ему»¹³⁷.

Однако теплая дружба с императорской четой неожиданно сменяется холодной озлобленностью. О причине этого разлада в мемуарах их современников не говорится прямо, часто их авторы сами этого не знают.

Можно предположить, что черногорки, «первооткрыватели» Распутина, стали ревновать старца к Ники и Аликс. Возможно, они ожидали, что Григорий будет выказывать им больше благодарности. Некоторые

отечественные исследователи считают, что черногорские принцессы хотели через Распутина влиять на мнение императора и таким образом проводить желаемую им политику¹³⁸. Распутин, по-видимому, отказался быть «орудием» в их руках, что вызвало недовольство черногорок и послужило причиной разрыва отношений. После этого Милица и Стана начали злословить против Распутина, а он, в свою очередь, против них. Когда же перед императрицей встал выбор между подругами-черногорками и «божьим человеком» — Распутиным, она предпочла старца, обладавшего даром исцелять цесаревича Алексея.

Юлия Ден, подруга императрицы, в своих мемуарах связывает этот разлад с другим событием, а именно с увольнением великого князя Николая Николаевича, второго мужа Станы¹³⁹, с должности Верховного главнокомандующего во время Первой мировой войны, после чего дома Милицы и Станы «превратились в один из главных центров распространения сплетен и клеветы против их величеств»¹⁴⁰. Ден ошибается, так как разлад, по нашим данным, произошел значительно раньше — около 1907 г. Что же касается Николая Николаевича, то его назначили на пост Верховного главнокомандующего скорее не благодаря дружбе его жены Станы с императрицей, а вопреки уже сложившемуся к началу войны ее плохому отношению к семьям черногорок и Николаю Николаевичу.

Ю. Н. Данилов, бывший генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, пишет, что этот разлад произошел «под влиянием того же отвергнутого в семье великого князя (Николая Николаевича младшего — *Н. С.*) Распутина и других причин семейного характера»¹⁴¹, вследствие чего «императрица Александра Федоровна глубоко возненавидела жену великого князя Николая Николаевича великую княгиню Анастасию Николаевну и ее сестру Милицу Николаевну, жену брата великого князя — Петра Николаевича, и потому всемерно старалась отвести Николая Николаевича от какого-либо активного влияния на царя»¹⁴².

Романова или Петрович-Негош?

Не раз упоминавшийся нами министр финансов Витте недаром именовал Милицу Николаевну и ее сестру Стану не иначе как «черногорка 1» и «черногорка 2». Примечательно, что придворное окружение, даже то, которое не общалось с Милицей и Станой лично, все же знало, что они — черногорки, и именовало их «черными женщинами», «черными паучихами», связывая эти прозвища и с их смуглым цветом кожи, и с неприязнью к ним, и с именем их родины — Черногории. Почему же Милица и Стана оставались при дворе «черногорками», почему остались самобытными, почему не ассимилировались и не обрусели, как все другие принцессы?

Будучи российской великой княгиней, Милица постоянно следила за развитием политической ситуации на Балканах, а особенно на своей

родине. В 1907 г. в письме мужу она писала: «В Черногории политический горизонт очень темный. Копия нашего»¹⁴³. Милица имела в виду либо нарастающую оппозицию против князя в Черногории, либо назревающий боснийский кризис и усложняющиеся отношения балканских стран с Османской империей. И в чем-то Милица была права. В это время в Черногории существовала оппозиция князю Николе, любые выступления которой сразу же безжалостно подавлялись сверху. Известен инцидент с бомбами, которые якобы были привезены из Сербии для подготовки теракта против Николы. Однако есть вероятность утверждать, что черногорский князь это специально подстроил и сам заказал бомбы, чтобы обвинить оппозицию в якобы готовившемся против него заговоре и расправиться со своими противниками.

Когда «пороховой погреб Европы» начал детонировать и дым Балканских Войн (1912–1913) окутал полуостров, Милица Николаевна не сидела сложа руки в России. Необходимость постоянной деятельности и долг перед своей маленькой родиной заставляли ее поехать в Черногорию. По дороге туда, из Вены, княгиня писала своему мужу письма, докладывая обо всех известных ей фактах обстановки на Балканах. Великая княгиня пристально следила за событиями, внимательно изучала австрийскую прессу. И этот интерес и внимание носили вовсе не поверхностный характер. Вообще такая глубокая заинтересованность политикой была не свойственна особам ее положения. Но в ее собственной семье события Балканских войн живо обсуждаются, даже сын Милицы, Роман, детально изучает планы Черногории по своей настольной карте Скутари¹⁴⁴ — объекту, которым столь сильно желал обладать его дед Никола черногорский.

С началом Первой балканской войны великая княгиня оставила все дела в России и развернула активную деятельность по оказанию помощи раненым. Ни дом, ни семья — ничто не могло ее удержать! В свою бурную деятельность Милица втягивала и свою мать, черногорскую королеву Милену, и мужа, великого русского князя Петра Николаевича. В письме от 30 января 1913 г. она писала ему на французском: «Мама только что телеграфировала императрице Марии Федоровне, прося ее дать согласие на переоборудование института¹⁴⁵ в госпиталь. Это очень срочно, скажи Шервашидзе¹⁴⁶, что нужно телеграфировать приказ императрицы директору института Мертваго. Это дело чрезвычайной важности»¹⁴⁷. Когда приказ императрицы был получен и в здании института был устроен госпиталь для раненых, Милица осталась там работать. «Работаю весь день, размещая постоянно прибывающих раненых... Их слишком много, помощь оказываться не успевает... Напишу подробнее, как только будут разбиты миллионы турок»¹⁴⁸, — сообщала она мужу.

Многие родственники Милицы Николаевны по материнской линии (Вукотич) принимали участие в военных действиях. Они храбро сража-

лись, отстаивая честь своего рода и родины. Следившая за их судьбами Милица с прискорбием сообщала Петру Николаевичу 4 февраля 1913 г.: «Все наши раненые были госпитализированы. Мамин брат воевода Стево Вукотич был слегка ранен, остальные три маминых двоюродных брата Вукотич были убиты. Пять раненых Вукотич со стороны матери. 4 убитых и 4 раненых маминых двоюродных брата и 1 племянник. Ее двоюродный брат Перко Вукотич нёс знамя своего батальона, из-за чего героически погиб (очень любили)»¹⁴⁹. В тот же день Милица докладывала мужу и другие, более приятные новости: «Здорова. Забыла дать подробности о том, как был подбит турецкий корабль нашими пушками с большого корабля "Широка" с проектором *, также был подбит корабль, который, чтоб укрыться, бежал в Скутари и там сел на мель. С их корабля продолжают поступать сведения»¹⁵⁰.

В этот период великая княгиня жила войной, писала мужу лишь о военных действиях и о родных, которых не щадила война: король болел, да и «Перо¹⁵¹, возможно, подхватил малярию, когда переходил рвы с водой...»¹⁵². Через несколько дней — другие вести: «Папе лучше, всё проходит, температура нормальная. У Перо вчера был новый приступ малярии, он принимал хинин, чтобы быстрее поправиться»¹⁵³.

На благо родины Милица действовала еще и в ином, образовательном направлении. В Цетинье существовал «Детский сад великой княгини Милицы Николаевны», о котором подробно рассказывает П. А. Ровинский.

Идея создания детского сада зародилась у управляющей Женским институтом Софьи Петровны Мертваго. Помощь пришла от великой княгини Милицы Николаевны Романовой, по словам Ровинского, «всегда чуткой к нуждам и потребностям родного ей черногорского народа»¹⁵⁴. Милица Николаевна не просто выделила сумму денег на покупку «домика с садом», но и «приняла на себя все содержание этого заведения со включением жалования двум воспитательницам»¹⁵⁵.

Этот детский сад, который держался «примера других подобного рода заведений просвещенной Европы», был рассчитан на 60 детей (мальчиков и девочек) в возрасте от четырех до семи лет, после чего дети поступали в основную школу. Детский сад был первоначально открыт для бедняков, так как по улицам Цетинье бродило много «грязных, босых и оборванных» детей, которые «вечно играют и дерутся между собою или пристают к проходящим, особенно к иностранцам, выпрашивая копейчку на хлеб»¹⁵⁶. Все это, конечно же, не могло привести в восторг путешественников и вызывало грусть у Ровинского. Однако после открытия «Детского сада великой княгини Милицы Николаевны» ситуация совершенно изменилась. Вместо бродячих детей каждое утро Ровинский с радостью наблюдал «тех же детей, движущихся группами и в одиночку, по одному

* прицелом (Н. С.).

направлению и видимо с сознанием, куда и зачем они идут; в иных замечается некоторая важность»¹⁵⁷. Даже дети из бедных семей были умытыми и одетыми, так как, в случае нужды, одежду неимущим предоставлял детский сад.

В детский сад поступали и дети из семейств зажиточных и чиновничьих, которым приходилось платить небольшую плату помесечно, «что указывает на его хорошую постановку», отмечает Ровинский. Свидетельство «хорошей постановки» также и в том, что дети из сада возвращались «совершенно другими — дисциплинированными настолько, что не только устраняется необходимость присмотра за ними, но можно и им поручать присмотр за другими детьми»¹⁵⁸.

Чему же в детском саду учили детей? Ровинский пишет, что детей «прежде всего приучают к порядку», они знакомятся с природой, сажают и изучают растения в маленьком садике, «засаженном всевозможными растениями и цветами», учат молитвы, а также «проделявают гимнастику, маршируют, поют, заучивая песенки, водят хороводы, проделявая разные фигуры», играют всячески, «и, наконец, работают». Развивая у детей артистические способности, их учат петь, а также заучивают с ними на слух стихотворения и устраивают что-то вроде маленьких спектаклей. Помимо этого дети занимаются ручным трудом, черчением, шитьем, вышиванием, вязанием, в котором достигают таких успехов, что «ими делаются игрушки, которые могли бы поступать на продажу»¹⁵⁹.

Помимо этого великая княгиня выделила денежные средства на открытие в Цетинье питьевого источника. Первый стакан выпил сам черногорский князь со словами: «За здоровье великой княгини Милицы»¹⁶⁰!

Однако нельзя сказать, что великая княгиня Милица Николаевна не ощущала себя одновременно Романовой и русской. Выйдя замуж за великого князя Петра Николаевича, Милица приняла на себя не только звание и фамилию, но и все обязанности и обязательства, возлагавшиеся на нее по титулу, она вошла в семью Романовых, стала ее частью. Даже когда она пишет мужу о политической ситуации в Черногории в 1907 г., она сравнивает ее с российской, которую называет «нашей»¹⁶¹, то есть своей, она ощущает принадлежность к Романовым и к России.

Как представительница дома Романовых, Милица занималась общественной деятельностью, вела переписку с вдовами, помогала им и советами и оказывала материальную помощь, получала прошения от крестьян, поздравления от простого народа, состояла в Обществе русских ориенталистов¹⁶².

Великая война, как тогда называли Первую мировую, началась для России с успешных военных действий и побед на фронте. Однако с 1915 г. начались неудачи, армия терпела поражения, что отражалось на настроениях народных масс. «...Внутри России, в ее сердце — Москве — нездоровые настроения разразились в начале июня 1915 г. серьезными народ-

ными беспорядками... Постепенно беспорядки в городе разрастались и приняли кое-где враждебные правительству формы. Но за границей уже увидели в этих беспорядках враждебное отношение русского народа не только к немцам, но и вообще к иностранцам»¹⁶³, — писал современник событий Ю. Н. Данилов.

Будучи пронизательной и дальновидной, Милица Николаевна понимала, что эти народные волнения, начавшиеся как возмущение против врагов-немцев, а вскоре и против бездействия союзников — Англии и Франции, начинали перерастать в антиправительственные. Великая княгиня старалась предусмотреть любой поворот событий, даже такой, как свержение царствующего императора Николая II. Именно поэтому она начала кампанию по увеличению популярности Верховного главнокомандующего, мужа своей сестры Станы, великого князя Николая Николаевича. «Эта популярность, — писал великий князь Николай Михайлович Романов, — была искусственно подготовлена из Киева Милицей, совсем исподволь и всеми способами — распространение в народе брошюр, всяких книжонок, лубков, портретов, календарей и т. д. Благодаря такой обдуманной подготовке, популярность не упала после падения Галиции и Польши и снова возросла после кавказских побед...»¹⁶⁴. Об этой деятельности Милицы писали многие современники¹⁶⁵, часто опасаясь ее последствий. Больше всех опасалась сама императрица, которая полагала, что «черногорки» вынашивают план по возведению на российский престол великого князя Николая Николаевича, и пристально следила за их деятельностью. 3 сентября 1915 г. императрица докладывала императору: «Михень»¹⁶⁶ известно, что *Милица* ведет переписку с *Суворыным*¹⁶⁷. Заставь *полицию* это выяснить, ведь это уж форменная измена»¹⁶⁸.

Деятельность Милицы в Киеве усиливала тревогу императрицы. Так, народу раздавались портреты великого князя Николая Николаевича перед Казанским собором от имени Синода во время чтения молитв за русского императора. «Что это значит? — с беспокойством спрашивала она Николая II и сама отвечала: — Они¹⁶⁹ замышляли совершенно иную игру. Наш Друг¹⁷⁰ вовремя раскрыл их карты и спас тебя тем, что убедил прогнать Н.¹⁷¹ и принять на себя командование. Со всех сторон доходит все больше и больше про их грязную, изменническую игру. М. и С.¹⁷² распространяли в *Киеве* всякие ужасы про меня, — что меня собираются запереть в монастырь, — одна из замужних дочерей Трепова¹⁷³ была так оскорблена этими речами, что попросила их покинуть комнату. Она написала об этом графине Шуленбург»¹⁷⁴.

По всей вероятности, слухи о том, что «черные женщины» стояли во главе заговора по отстранению Распутина, были правдой. Целью заговора было лишить царя «зловредного» влияния «старца», при этом предполагалось заключить императрицу в монастырь, чтобы наверняка положить конец пагубному влиянию на Николая II¹⁷⁵. Все это разрабатывалось

Милицей и ее сестрой Анастасией Николаевной для того, чтобы вернуть свое бывшее влияние на русского императора, если даже не посредством личного общения, то через Николая Николаевича, мужа Анастасии Николаевны.

Что же касается большой популярности великого князя Николая Николаевича, то она беспокоила не только императрицу. Великий князь Николай Михайлович писал императору: «Популярность эта вовсе не идет на пользу престола или престижа императорской фамилии, а только к муссированию мужа великой княгини¹⁷⁶, славянки, а не немки, а равно как и его брата и племянника Романа. При возможности всяких смут после войны надо быть начеку и наблюдать зорко за всеми ходами для поддержания сей популярности»¹⁷⁷. Действительно, дальновидные и поражающие своей амбициозностью планы Милицы Николаевны могли иметь целью возведение на российский трон ее сына Романа Петровича Романова, внука черногорского короля Николы, племянника сербского короля Петра и двоюродного брата будущего короля Югославии Александра.

Хотя с приходом к власти большевиков многое в стране поменялось, но даже уничижительные и негативные статьи о царской власти не могли отрицать значимости Милицы Николаевны. Так, один анонимный большевистский автор писал, что именно она была своего рода генератором идей и планов по свержению Николая II, и ее целью было возведение на российский престол своего сына Романа Романова¹⁷⁸.

«ЧЕРНОГОРКА 2». ГЕРЦОГИНЯ. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ. ИМПЕРАТРИЦА?

Два брака Анастасии Николаевны

23 декабря 1867 г. (4 января 1868 г.) в черногорской столице, городе Цетинье, у князя Николая и княгини Милены родилась четвертая дочка — Стана. Чем старше она становилась, тем больше сближалась со своей старшей сестрой-погодкой Милицей. Девочки стали лучшими подругами, доверяли друг другу все секреты, их дружба прошла через всю жизнь, и только смерть разлучила их, забрав Стану раньше сестры.

Детство Станы прошло в родной Черногории, в кругу большой семьи и в компании любимой сестры — Милицы. Когда девочкам было около девяти лет, отец отправил их в Россию получать образование, о чем договорился с императором Александром III и императрицей Марией Федоровной. Девочки поехали в Петербург, в Смольный институт благородных девиц, о чем уже говорилось выше.

После окончания учебы сестры вышли замуж в один и тот же год — в 1889 г. состоялись свадьбы Милицы Николаевны Петрович-Негош и Петра Николаевича Романова и Анастасии Николаевны Петрович-Негош и Георгия (Юрия) Романовского, 6-го герцога Лейхтенбергского, третье-

го сына великой княжны Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского.

Георгию (Юрию) тогда было 38 лет, он был вдовцом, это был его второй брак. Первым браком герцог был женат на герцогине Терезии Ольденбургской. Овдовев, герцог стал вести легкомысленный образ жизни. Это устраивало Георгия Максимилиановича, однако указание императора Александра III о том, что он должен немедленно жениться на молодой черногорской княжне, даже не обсуждалось. Очевидно, что этот брак не был продиктован чувствами, а заключался по договоренности, был политическим шагом. И все же мы можем задаться вопросом: были ли чувства между супругами? Что касается отношения Анастасии Николаевны к своему мужу, то здесь сложно сказать, любила ли она его. Скорее ее отношение к браку и супругу было продиктовано супружеским долгом, она уважала мужа, а полученное воспитание заставляло ее ценить брак и семью. На вопрос, любил ли герцог свою жену, можно ответить его собственными словами: «Ни одного дня»¹⁷⁹!

В первые два года супружеской жизни он был увлечен молодой и красивой женой-балканкой. Петр Николаевич в письме сообщал Милице, что герцог говорит о своей жене Стане «мило и сердечно, даже больше чем сердечно»¹⁸⁰.

Однако вскоре отношение герцога изменилось, жена ему наскучила, и он стал все чаще совершать поездки во Францию, под предлогом поправления здоровья, но, как пишет С. Ю. Витте, на самом деле герцог ездил к своей любовнице-француженке¹⁸¹. Император Александр III был ярким защитником традиционных семейных ценностей, правил и обычаев дома Романовых. Однажды он не сдержался и довольно грубо высказался о поведении герцога Лейхтенбергского, находившегося в то время в Биаррице: «А, и он там полоскал свое поганое тело в волнах океана»¹⁸².

По мнению того же Витте, «Юрий Максимилианович был в сущности безобидный человек и совсем не дурной, это тип великих князей последних формаций»¹⁸³. При этом стоит отметить, что в своих «Воспоминаниях» Сергей Юльевич практически никого не охарактеризовал положительно.

Глубоко переживая измены мужа и его холодное отношение, Стана склонна была первое время винить себя в семейных проблемах. Как преданная жена, она пыталась наладить отношения с супругом, искала способы, чтобы вернуть его в семью. В 1903 г. Стана едет во Францию, где встречается с уже упоминавшимся выше доктором Филиппом, и возвращается 23 января «с письмами и добрыми известиями от „нашего друга“»¹⁸⁴ — так записал в своем дневнике Николай II. «Одно время как будто наступило „потепление“, связанное с присутствием... доктора Филиппа. Но в отличие от супруги у герцога это увлечение длилось не долго»¹⁸⁵.

Несмотря на все усилия, которые прилагала молодая герцогиня, вернуть мужа в семью так и не получилось. А ведь все могло случиться

иначе... Ведь в 1889 г. герцог Лейхтенбергский был не единственным претендентом в мужья только что окончившей Смольный институт черноморской княжны. Вторым кандидатом был великий князь Дмитрий Константинович, брат известного писателя великого князя Константина Константиновича. Причины, по которым этот брак не состоялся, не известны. Не женившись на черноморке, Дмитрий Константинович так и остался холостяком¹⁸⁶.

Хотя брак Анастасии Николаевны и Георгия Лейхтенбергского был несчастлив, в нем родилось двое детей: Сергей (1890–1974) и Елена (1892–1976). В 1890 г. в дневнике будущего императора Николая II, а пока еще цесаревича Николая Александровича, появляется следующая запись: «18-го июля. Среда. Утро было прелестное. Поехал верхом в Петергоф на Весте, доехал в 1½ часа. Завтракало очень много черноморского элемента. В 4 часа были крестины сына Юрия и Станы¹⁸⁷ — Сергея. Мама и я были первый раз восприемниками...»¹⁸⁸. Это кумовство служило еще одним поводом для возникновения в будущем теплых неформальных отношений между Анастасией Николаевной и императорской семьей.

Часто бывая в доме своей сестры Милицы и ее мужа Петра Николаевича, Анастасия знакомится там с великим князем Николаем Николаевичем, родным братом Петра Николаевича. Брак Анастасии и Георгия к тому времени существовал лишь формально, так что герцогиня наслаждалась обществом сестры, ее мужа Петра и его брата Николая.

Уже в 1903 г. великий князь Николай Николаевич и герцогиня Анастасия Николаевна начали близко общаться, они часто виделись то у Милицы с Петром, то у императора с императрицей. В дневнике императора можно часто встретить записи, подобные следующей, от 25 января 1903 г.: «Обедали: Николаша и Стана; долго сидели с ними»¹⁸⁹. 27 января появляется запись: «После обеда к нам приехали Николаша и Стана»¹⁹⁰, 30-го: «Николаша и Стана провели у нас вечер»¹⁹¹, 1 февраля: «Вечером приехали Стана, Николаша и Петюша»¹⁹², 3 февраля: «Николаша, Петюша и Стана провели у Аликс вечер»¹⁹³.

Анастасия Николаевна сильно переживала сложившееся положение в ее семье. По всей видимости, герцогиня рассказывала не самые лестные истории про своего мужа, чем вызывала жалость у царской четы и, в первую очередь, у Александры Федоровны. Возможно, Стана разыгрывала роль мученицы, поскольку, как пишет российский историк А. Боханов, «исчезновение герцога с петербургского небосклона» очень ее устраивало¹⁹⁴.

«Несчастливая Стана» в доме своей сестры Милицы встретила человека, который «готов был бросить к ее ногам жизнь». Им оказался старший брат Петра Николаевича великий князь Николай Николаевич (1856–1929) — самый высокий (в буквальном смысле) великий князь: под два метра ростом... История их «незаконных отношений» тянулась долго. Ни-

колаша был без ума от своего «ангела». Стана окружила «великоростного обожателя» вниманием и заботой, подарила ему «тепло своего сердца». «Она читала ему Флобера, пела французские романсы, играла по вечерам на гитаре. Великий князь всегда и всему восторгался и умилялся, порой до слез...»¹⁹⁵. Более того, великий князь даже порвал многолетнюю связь с актрисой Александринского театра Марией Потоцкой¹⁹⁶.

Итак, Анастасия Николаевна решила во что бы то ни стало добиться развода. Брак с герцогом спасти было невозможно, мужа она не интересовала, а терпеть такое положение вещей ей, видимо, мешали ее характер и гордость. Это является отличительной чертой черногорок: они не терпят, когда их унижают, ущемляют, когда им кажется, что их права не соблюдаются в полной мере¹⁹⁷. Ведь пример женского терпения был буквально у Станы перед глазами: мать великих князей Петра и Николая Николаевичей, великая княгиня Александра Петровна, стойко переносила измены своего мужа. Великий князь Николай Николаевич старший, как пишет Витте, жил с танцовщицей Числовой и даже «от нее прижил дочь, которой была дана фамилия Николаевой»¹⁹⁸. К сожалению, этот случай был не единственным в ту эпоху. О причинах неудачного брака Александры Петровны и Николая Николаевича старшего Витте писал следующее: «Вина была с обеих сторон»: «с одной стороны, великий князь Николай Николаевич любил несколько жуировать и веселиться, а с другой стороны, великая княгиня Александра Петровна была в некоторой степени аномальной»¹⁹⁹, хотя она была человеком прекрасной души, очень почтенная и неглупа»²⁰⁰. Как бы там ни было, Александра Петровна не помышляла о разводе, она смирилась, уехала в Киев и стала искать утешения в религии, посвятив себя служению Богу. Стана же боролась до последнего, обращалась к доктору Филиппу за помощью. Однако нормальные отношения в семье уже нельзя было восстановить, поэтому она начала добиваться развода, что само по себе было невероятным.

Однако Георгий Максимилианович был не глуп, понимая, к чему все клонится, поэтому он написал Николаю II письмо 30 октября 1906 г., в котором пытался «обелить» себя, уверить государя, что он хороший отец и любящий муж, а вину за неудавшийся брак свалить на жену. Герцог пишет: «Ваше императорское величество! Ее высочество просит меня дать ей согласие на развод, для того, чтобы по признании нашего брака законно расторгнутым вступить в новый брак с е[го] и[мператорским] в[ысочеством] в[еликим] к[нязем] Николаем Николаевичем. Дело о разводе было возбуждено ея и. в.(герцогиней Анастасией Николаевной — Н. С.), а я со своей стороны, сохраняя полное к ней расположение и любовь и полагая сделать ее счастье, соглашаюсь на развод, подавляя в себе все чувства, присущие человеку, мужу и отцу. Соглашаясь на развод, я считаю необходимым оставить за собою по отношению детей от нашего брака все права отца. <...> Я оставляю сына и дочь на попечении их матери, но,

в свою очередь, я вправе желать, чтобы дети сохранили бы расположение ко мне. <...> Мое благословение всегда будет над ними, вместе с горячими молитвами о счастии их матери и их самих. Позвольте надеяться, что Ваше величество не откажете мне в моей тяжелой просьбе»²⁰¹.

В 1907 г. Анастасия Николаевна добилась развода с Георгием Максимилиановичем, и им с Николаем Николаевичем было разрешено пожениться. Для этого они долго выпрашивали разрешение Святейшего Синода, ведь по законам церкви два родных брата не могут жениться на родных сестрах. Анастасия и Николай Николаевич сумели обойти и «Учреждение об Императорской Фамилии». На этот брак свое согласие новобрачным дали лично императрица и император. Последний записал в дневнике 11 апреля: «Обедали: Николаша, Стана и Петюша. Перед их отъездом в Крым благословили первых иконами к предстоящей свадьбе»²⁰². За день до этого, 10 апреля, в Гусарском полку был дан месячный обед, который «был также мальчишником для Николаши»²⁰³. Уже 13 апреля Стана и Николаша уехали в Крым, где провели медовый месяц в южно-бережном имении Анастасии Николаевны «Чаир»²⁰⁴. Примечательно, что небольшой «Чаир», построенный в неогреческом стиле, был подарком великого князя Николая Николаевича, который он сделал Стане еще до заключения брака, в 1902 г.

Дворцово-парковый ансамбль в усадьбе «Чаир», где провели полтора весенних месяца новобрачные, был второй крупной работой архитектора Н. П. Краснова по заказу Романовых. В 1902–1903 гг. по собственным проектам и эскизам он построил красивый дворец и разбил парк и сад, прославившийся вскоре своей необыкновенной коллекцией всевозможных сортов роз²⁰⁵, привезенных из Греции и Италии. (Популярное тогда танго «В парке Чаир распускаются розы» как раз и было навеяно красотой великокняжеской розовой коллекции²⁰⁶.)

Свадьба была более чем скромная, присутствовали только самые близкие и, конечно же, сестра невесты, великая княгиня Милица Николаевна. Она приложила все усилия, чтобы не пропустить этого важного события. И хотя Петр Николаевич отговаривал жену, Милица даже отменила лечебные процедуры во Франции, о чем объявила мужу в письме от 29 марта 1907 г.²⁰⁷

Со вступлением в брак статус Анастасии Николаевны меняется: у великой княгини почета, привилегий, а также денежных средств становится гораздо больше. При этом у нее появляется свой двор. По традиции в России существовал большой двор — двор императора — и несколько маленьких, обычно создававшихся после женитьбы великих князей. Однако не у всех великих князей были свои дворы. Примечательно, что к 1917 г. таких малых дворов существовало всего десять: двор великой княгини Марии Павловны (вдова великого князя Владимира Александровича), двор великого князя Кирилла Владимировича, двор великой кня-

гини Елизаветы Федоровны (существовавший несмотря на то, что сама она, вдова великого князя Сергея Александровича, приняла монашество), двор великой княгини Елизаветы Маврикиевны (вдовы великого князя Константина Константиновича), дворы великих князей Петра и Николая Николаевичей, Георгия и Александра Михайловичей, великой княгини Ольги Александровны (сестры Николая II) и принца Александра Петровича Ольденбургского²⁰⁸.

После того как Стана развелась со своим первым мужем Георгием Максимилиановичем Лейхтенбергским, и другие великие князья посчитали, что и на них снизойдет императорская милость, и их просьбы о разводах тоже могут быть удовлетворены, а также разрешены морганатические браки, которые при Александре III были просто невозможны. За развод и последующий брак без разрешения императора представителям фамилии Романовых грозило наказание, вплоть до запрета въезда на родину. Однако при более мягком и снисходительном Николае II прощение за такой поступок можно было получить довольно скоро, после чего некоторые князья начинали отстаивать права своих морганатических жен. К примеру, великий князь Павел Александрович²⁰⁹, сын императора Александра II, заключивший морганатический брак с графиней Гогенфельзен, требовал, чтобы его жена пользовалась всеми правами морганатической жены. Прецедентом для этого служило в первую очередь недавнее бракосочетание Анастасии Николаевны и Николая Николаевича. Ради того, чтобы отстоять права своей морганатической жены, великий князь Павел Александрович даже готов был отказаться присутствовать на помолвке своей родной дочери Марии! Он писал Николаю II: «Не для этого я ломал все и всем жертвовал, чтобы потом давать унижать и обижать ее (графиню Гогенфельзен — *Н. С.*) напрасно. Если ее не будет на том месте, где ей полагается быть по морганатическому браку со мной, по браку, тобой признанному указами Сенату и министру двора, то и меня там не будет — это мое непоколебимое решение. Если б ты хотел мне сказать, почему она не может приехать в Россию, и причем тут выход замуж Марии? Если оттого, что я женат морганатически, то Карлова²¹⁰ (кавалерственная дама) уже прецедент. Если оттого, что она была разведена, или вернее — для меня развелась, то недавний брак Николаши²¹¹, тобой разрешенный и тобой благословленный, сразу и навсегда сломал все существующие в этом смысле преграды. Ведь в душе своей ты справедлив и добр и чувствуешь, что я прав»²¹².

При императоре Николае II былая строгость ушла в прошлое и разведенные часто получали «амнистию». Эту «моду на разводы», которая пошла после скандального развода Анастасии Николаевны, французский посол в Петербурге Морис Палеолог назвал «общественной язвой»²¹³.

Итак, Анастасия Николаевна стала великой княгиней. Их отношения с Николаем Николаевичем складывались замечательно, по словам

М. К. Лемке, человека приближенного к великому князю (он был военным цензором в ставке Верховного главнокомандующего в период 1915–1916 гг.). Окружение великого князя отмечало, что женитьба хорошо повлияла на Николая Николаевича, «сделала его более вдумчивым в свою роль — роль старшего из всех родственников царя»²¹⁴.

Николай Николаевич засыпал жену нежными письмами, называя ее не иначе как «*Mon Bonheur Divin Cadeau du Siele **»²¹⁵, «счастье из счастья»²¹⁶, «мой ангел»²¹⁷, «мое небесное счастье на земле — подарок Божий»²¹⁸ и проч.

Когда Николаю Николаевичу приходилось покидать свою жену, будь то деловая поездка или же просто охота, он каждый день писал ей нежные письма, рассказывая о себе, подробно излагая события дня, описывая смешные истории, приключившиеся с ним. После охоты он писал жене длинные послания, где хвастался своими успехами: «Я убил 268 зайцев, 5 куропаток, 105 фазанов и 6 сов — всего 384». И это он называл плохим уловом, ведь в предыдущий день было убито «от 1200 — 1400»²¹⁹. «Удивительной» Николай Николаевич называет охоту, на которой все вместе убили 3150 штук дичи!²²⁰

Современники великого князя отмечали, что он был властолюбив, однако можно сказать, что, помимо власти и блестящей военной карьеры, в его жизни было две страсти — охота и жена, великая княгиня Анастасия Николаевна, причем когда в его жизни появилась черногорская красавица, охота отошла на второй план. И каждый раз, когда Николай Николаевич покидал жену, то в нежных письмах просил у нее прощения, что из-за охоты опять оставил своего «ангела» одну²²¹.

Нежность и чуткость друг к другу Николай Николаевич и Анастасия Николаевна сохраняли на протяжении всех 22 лет совместной жизни.

«О, она постарается там всех обворожить!»²²²

Придворное окружение отмечало «интимность императрицы с обеими черногорками — великой княгиней Милицей и княгиней Анастасией Николаевнами»²²³.

Некоторые приближенные к царской семье²²⁴ считали, что именно Стана была лучшей подругой императрицы. Действительно, многочисленные посещения царской четы, а больше личные встречи наедине Анастасии Николаевны и Александры Федоровны, о которых упоминается в дневниках императора, сблизили двух женщин. Эти встречи, душевные разговоры за ужином или просто чашкой чая были довольно частыми с конца 1890-х гг. и практически ежедневными в период с 1901 г. и до брака Анастасии Николаевны с великим князем Николаем Николаевичем в 1907 г.

* Мое счастье, божественный подарок небес (франц.).

26 марта 1901 г. в дневнике императора появилась запись: «Вечером виделся с одним замечательным французом Mr Phillippe! Долго разговаривал с ним. Аликс его тоже видела»²²⁵. И с этого дня на протяжении месяца император проводил с французом все дни напролет.

Филипп неоднократно приезжал в Россию и по несколько месяцев жил в Петербурге, причем останавливался он в летних резиденциях Милицы и Анастасии. Он проводил беседы и мистические сеансы с императорской четой, великими князьями Николаевичами и самими «черногорками»²²⁶.

Император был в восторге от Филиппа, в чем искренне признавался всем. Атмосфера магнетизма и мистицизма распространялась по дворцу и вызывала у придворного окружения опасения и одновременно недовольство черногорками, как виновницами происходящего. Великий князь Сергей Александрович писал в своем дневнике: «А цари глупят с каким-то магнетизмом — un espèce de Calioistro — introduit par les stupides monténégrines! (некто вроде Калиостро, которого привели эти глупые черногорки! — фр.)»²²⁷. К этому времени относятся и злобные высказывания Витте, как выразителя придворного мнения: «Ох уж эти проклятые черногорки, натворили они бед России!»²²⁸. Именно граф Витте породил то негативное стереотипное мнение о Милице и Анастасии, которое до сих пор остается доминирующим.

А императорская чета была счастлива в обществе «черногорок». Но если Милица часто совершала поездки с мужем на юг, из-за его слабого здоровья, или по делам за границу, то Анастасия Николаевна стала за всегдтаем в семье Николая II и Александры Федоровны.

Лето 1905 г. принесло императорской чете печальную весть о смерти «друга» — месье Филиппа. Тогда, с июля по ноябрь, Анастасия еще чаще посещает Ники и Аликс, пытаясь ободрить, развеселить их. А в скором времени черногорки находят Филиппу замену. Уже 1 ноября 1905 г. в дневнике императора появляется запись о знакомстве императорской четы с Григорием Распутиным. Этот «человек Божий Григорий», как называл его Николай II, впоследствии сыграл зловещую роль в судьбе династии Романовых²²⁹.

После свадьбы Анастасии Николаевны и Николая Николаевича в 1907 г. императрица вновь почувствовала себя одинокой. Теперь соболезновать и сопереживать было некому — Стана упивалась счастьем, проводя вместе с мужем медовый месяц в Крыму. По возвращении в Петербург Стана обнаружила при Александре Федоровне Анну Александровну Танееву, занявшую за столь короткое время то место ближайшей подруги императрицы, которое она, Анастасия, считала своим. Вскоре Анна Танеева вышла замуж за А. В. Вырубова. Однако этому браку не суждено было стать счастливым. А. А. Вырубова все чаще бывала с императрицей и императором, проводя, бывало, в их обществе дни напролет, жалуясь на своего мужа и горькую жизнь. Александра Федоровна была равнодушна

к человеческим страданиям, а особенно к несчастным бракам, поэтому императрица быстро стала близкой подругой Вырубовой.

Анастасия Николаевна не могла с этим смириться. Желая оградить императрицу от постоянного общения со своей «конкуренткой» — Вырубовой, Стана придумала хитрость: она решила поговорить с троюродным братом мужа новоиспеченной подруги императрицы, дворцовым комендантом императора генералом В. Н. Воейковым. В присутствии своего мужа она потребовала от генерала «не принимать в своем доме Вырубову»²³⁰, мотивируя это требование якобы вредным влиянием ее на императрицу. Однако исполнить желание великой княгини Воейков «не счел для себя возможным, находя, что, поступив так с подругой государыни, был некорректен по отношению к самой императрице»²³¹.

Тогда Анастасия Николаевна решила очернить Вырубову, распуская неблагоприятные слухи о ней и Распутине, — после «отхода» на второй план Анастасии Николаевны именно Вырубова служила связующим звеном между царской четой и «старцем».

Однако вернуть царственную подругу и потерянное доверие царской четы, а также бывшее влияние на императрицу и императора Анастасии Николаевне так и не удалось. Тогда она начала действовать по-другому, вынашивая планы по возведению своего мужа на престол.

Николаша или Николай III?

Двоюродного брата Александра III и, соответственно, двоюродного дядю Николая II, великого князя Николая Николаевича младшего, в семье очень любили и ласково называли Николашей. Однако некоторые осмеливались именовать его Николаем III²³². Об этом человеке писали его современники, его критиковали и восхищались им, его обожали и ненавидели, ему подчинялись и противоборствовали — мало кто оставался к нему равнодушным. В этом он был схож со своей женой Анастасией и ее сестрой Милицей.

Отметим два труда о великом князе: во-первых, воспоминания о нем бывшего генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего Ю. Н. Данилова²³³, дающие Николаю Николаевичу в целом позитивную оценку, и, во-вторых, воспоминания бывшего военного министра В. А. Сухомлинова²³⁴, ненавидевшего великого князя. Несмотря на противоположность и противоречивость их оценок и характеристик Николая Николаевича, оба автора согласны в том, что его роль была велика и влияние на царя бесспорно.

На этой почве сталкивались интересы великого князя и императрицы: борясь за преобладающее влияние на императора, они интриговали друг против друга. Виной этому был Распутин. Однако еще до разлада отношений Григорий многое сделал для двух великокняжеских семей: он

помог вылечить родителей Милицы и Анастасии. Черногорская княгиня Милена сильно заболела — у нее были камни в желчном пузыре и почках²³⁵. Из письма Николая Николаевича от 7 декабря 1908 г., в котором он пишет о Григории Распутине, мы можем почерпнуть сведения о черногорской княжеской семье: князь Никола находился при смерти; княгиня Милена приехала в тяжелом состоянии в Петербург специально ради операции. Для княгини Григорий привез специальный «флакон от Макария», а также передал образки, цепочки с медальонами и кресты для всех членов семьи Анастасии и Милицы. Николай Николаевич писал Стане о разговоре с Распутиным: «Про отца твоего сказал, что ему поможет. Просил (Бога. — Н. С.), чтобы он не только не умер, но был бы здоров, иначе крышка всему, т. к. им все держится. Сам сказал, что и мать твоя для его спокойствия должна быть здорова»²³⁶.

Однако хорошим отношениям с Распутиным пришел конец, когда черногорки поняли, что он не будет средством их влияния на царскую чету. Они попытались удалить Распутина, но влияние этого человека на царицу стало огромным из-за его способности останавливать болезнь цесаревича Алексея. Бывший «Друг» сам успешно интриговал против недавних покровительниц, вследствие чего они вышли из фавора императрицы. Окончательный разрыв дружеских отношений, как нам удалось установить, пришелся на 1909–1910 гг. Вместе с великими княгинями в немилость попал и великий князь Николай Николаевич.

Как пишет современник событий В. И. Гурко, Александра Федоровна по «наговорам» Распутина преисполнилась определенной неприязнью» и к великому князю²³⁷. Однако несмотря на это он все же был назначен Верховным главнокомандующим русской армии, когда началась Первая мировая война.

Популярность его в народе была велика. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов пишет в своих мемуарах, что после Второй Балканской войны восторженные настроения в пользу славян достигли в Петербурге своего апогея. «Уличные и иные демонстрации повторялись ежедневно и относились к великому князю Николаю Николаевичу, зятю короля Черногорского, а также к сербскому и болгарскому посланникам»²³⁸.

В ставке Верховного главнокомандующего в Барановичах во время Первой мировой войны всегда находился Петр Николаевич, считавший своим долгом быть рядом со старшим братом.

Анастасия Николаевна в это время трудилась в киевском лазарете. Великий князь никогда не забывал жену и, стараясь помочь ее делу, в добровольно-принудительном порядке собирал средства для этого лазарета. «Все постоянно довольствующиеся в поезде Верховного чины штаба считались гостями великого князя. В свою очередь они, отвечая на гостеприимство Николая Николаевича, добровольно вносили особые пожертвования в кассу лазарета, во главе которого в Киеве стояла

супруга Верховного великая княгиня Анастасия Николаевна», — писал Ю. Н. Данилов²³⁹.

Анастасия Николаевна вместе с сестрой активно оказывали помощь раненым и пострадавшим. Как уже отмечалось, наряду с этим они распространяли в народе различные картинки, лубки, брошюры с изображением великого князя Николая Николаевича, стараясь тем самым повысить его популярность в народе. Это, конечно, шло на благо армии и развития патриотизма, как отмечали одни²⁴⁰, но в то же время растущая популярность великого князя очень беспокоила других, в первую очередь императрицу, которая боялась переворота.

Морис Палеолог, французский посол в России (1914–1917), в своих мемуарах также описывает в начале 1916 г. план заговора по свержению императора и императрицы, чтобы «спасти царизм путем дворцового переворота». Заговорщиками были несколько великих князей. В их числе он называет трех сыновей великой княгини Марии Павловны: Кирилла, Бориса и Андрея. План заговора сводился к следующему: «с помощью четырех гвардейских полков, преданность которых уже поколеблена, двинуться ночью в Царское Село; захватят царя и царицу; императору докажут необходимость отречься от престола; императрицу заточат в монастырь; затем объявят царем наследника Алексея, под регентством великого князя Николая Николаевича»²⁴¹.

Одни считали, что это просто большая фантазия императрицы²⁴²; другие полагали, что слухи о готовящемся военном *pronunciamento*²⁴³ были рождены и распущены «шайкой Распутина»²⁴⁴; третьи же тщательно разрабатывали планы. Князь Львов, председатель земского городского союза, в своих планах «спасения Родины путем переворота» поднимал вопрос «о высылке государя с семьей за границу, выработке нового строя государственного управления и венчании на царствование *Николая III*», в то время популярного Верховного главнокомандующего»²⁴⁵.

Однако все пошло не так, как предполагал князь Львов. Поднявшаяся волна революционного движения начала сметать все на своем пути, и сам князь стал ее жертвой. Временное правительство сначала отстранило всех представителей царской фамилии от власти, а затем начало их преследование.

Все же сам факт таких настроений, само наличие планов заговора, ощущение необходимости реформ, которые никак не приходили «сверху» и поэтому вырывались «снизу», ярко характеризуют то время, предвещавшее гибель империи.

Однако, возвращаясь к великому князю Николаю Николаевичу младшему, интересно рассмотреть вопрос о его отношении к черногорским вопросам: поддерживал ли он свою жену Анастасию и ее сестру Милицу в их

* Имеется в виду великий князь Николай Николаевич младший.

планах, участвовал ли в них сам, способствовал ли он вообще лоббированию черногорской темы в политике России. Российский военный деятель, генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов признавал, что «много злословили по поводу отношений к интересам Черногории великого князя Николая Николаевича, указывая на родственные отношения его к царствующему в Черногории дому Негошей, заставлявшие, якобы, покровительствовать ему в ущерб Сербии». Однако такие слухи нельзя считать правомерными, так как сам Данилов писал, что Николай Николаевич, как Верховный главнокомандующий, «близко оберегал интересы Сербии, при переговорах России с Италией и с Румынией»²⁴⁶ и проявлял «нейтральность» к черногорским притязаниям. Великий князь отказался сам решать вопрос о будущих границах Черногории, которым занималась в 1915 г. дипломатия Держав Согласия, а «предпочел предоставить определение деланий [границ] великой княгине Милице Николаевне», что последняя охотно и совершила в особом письме императору от 5 апреля 1915 г. из Киева, где проживали в то время обе черногорки²⁴⁷.

В одном из писем великого князя к жене за 1910 г. мы читаем: «Удивительное дело — как не прошу — лучше не умею[] что касается тебя — отказ по всем степеням — и у всех»²⁴⁸. Похоже, великий князь ходатайствовал по некоторым вопросам, о которых его просила жена.

Доказательством «включенности» великого князя в черногорские дела является то, что во время Первой мировой войны в Ставке Верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, наряду с военными атташе союзных государств Антанты находился черногорский представитель, что противоречило всем правилам и не соответствовало занимаемому Черногорией положению, значимости в этой войне ее армии. Югославский историк Н. Ракочевич писал, что черногорский король желал иметь своего делегата в Ставке, о чем и начал вести переговоры в марте 1915 г. Великий князь Николай Николаевич, без предварительного согласия российского правительства, удовлетворил просьбу Николы прислать своего военного делегата. 14 апреля 1915 г. из Цетинье в Ставку отправился Митро Мартинович, взяв с собой письмо Сазонову и еще одно письмо лично для великого князя²⁴⁹.

Степень «включенности» великого князя в черногорские дела до конца непонятна. Однако связь черногорок и Николая Николаевича в политическом плане является очевидной. Маловероятно, что великие княгини поднимали популярность великого князя в Киеве только из родственных чувств — на наш взгляд, это был определенный замысел, результатом которого должно было стать восшествие великого князя на российский престол.

Возник клубок хитросплетений: семейные отношения Анастасии и Николая Николаевича, планы черногорок, касающиеся великого князя, отношения с императрицей, императором и Распутиным, замыслы,

страхи, надежды — все это переплелось воедино, а результатом были интриги и множество планов заговора, на практике не реализованных.

17 июня 1915 г. императрица писала императору: «Никто теперь не знает, кто император. Кажется со стороны, будто Н. (Николай Николаевич. — *Н. С.*) все решает»²⁵⁰. А 25 июня того же года она сообщала Николаю II: «Министры ездят к нему с докладами, как будто бы он теперь государь»²⁵¹.

Сложности на фронте и доводы императрицы, что «враги нашего Друга (Распутин. — *Н. С.*) — н а ш и враги»²⁵², заставляют императора принять решение самому стать во главе русской армии. Когда великий князь Николай Николаевич был отстранен от должности Верховного главнокомандующего и направлен на Кавказ, подальше от Петрограда, императрица, радуясь этому, пишет мужу: «Левые в ярости, потому что все выпадает у них из рук, карты их раскрыты, и ясна их интрига»²⁵³, для которой они хотели пользоваться Н.»²⁵⁴.

В свою очередь Николай Николаевич, со слов императрицы, организовал на себя покушение, чтобы дискредитировать императрицу. Все знали, что она ненавидела великого князя, и общественность могла бы решить, что это покушение дело ее рук. Об этом Александра Федоровна гневно сообщала императору в письме 25 августа 1915 г.: «В газетах была статья о том, что поймали около Варшавы двух мужчин и одну женщину, намеревавшихся сделать покушение на *Николашу*. Говорят, что *Суворин*²⁵⁵ выдумал это ради сенсации (цензор сказал А²⁵⁶, что все это *утки*). Месяц тому назад все редакторы из Петрограда вызывались в *ставку*, где *Янушкевич*²⁵⁷ дал им инструкции. Это сказал Ане²⁵⁸ военный цензор, подчиненный *Фролову*²⁵⁹, — сам провалится в яму, которую мне роет...»²⁶⁰. Распутин еще больше укреплял ненависть императрицы к великому князю, убеждая ее в том, что «два покушения на жизнь Николаши — не более как утка»²⁶¹.

Возможно, что эта «утка» была также замыслом «черных женщин», которых так невзлюбила Александра Федоровна. Императрице кажется, что они полностью контролируют великого князя, не оставляя ему даже собственного мнения. «Иногда у него бывает собственное мнение, не зависящее от того, что думают окружающие», — пытается разубедить Александру Федоровну император²⁶².

Хитрая «лисичка»

«Хитрой лисичкой» Анастасию Николаевну называет современная журналистка Кира Буренина²⁶³. Действительно, Стана была далеко не глупа. Знание многих иностранных языков, склонность к поэзии (стихи Анастасии Николаевны можно найти в ГАРФ, в фонде великого князя Николая Николаевича младшего²⁶⁴), а также природный ум выделяли ее из

придворного окружения. Недаром именно она «председательствовала комиссией на переходных экзаменах в Первом Московском [кадетском] корпусе», о чем повествует князь императорской крови Гавриил Константинович Романов в своих воспоминаниях, называя великую княгиню «тетей Станой»²⁶⁵.

Что же касается хитрости, то ее черногорки в полной мере проявляли в решении денежных вопросов. Как известно, Милица к министру финансов Витте обращалась не так часто, как Стана, так как горделивая «черногорка 1» посчитала оскорблением тот случай, когда Петр Николаевич получил у ярого хранителя государственной казны отказ в выдаче денежных средств на постройку дворца.

Примечательны рассказы Витте о частых к нему визитах Анастасии Николаевны. В бытность свою герцогиней Лейхтенбергской Стана, по словам Витте, заявила ему, что им с герцогом «трудно жить», при этом она намекала на свою дружбу с императрицей, через посредничество которой она просила помощи у государя. От министра финансов требовалось лишь оказать «содействие к устройству этого дела». Суть сводилась к тому, чтобы казна выделяла герцогу ежегодно по 150 тысяч рублей. Витте «признал это невозможным». Несмотря на это, дело было решено в пользу Лейхтенбергских: «Бюджет министерства двора был увеличен на 150 000 руб., а сие министерство уплачивает Лейхтенбергскому равную сумму». Герцогиня одержала верх над недовольным министром финансов, который позже недоумевал: «Как это устроится теперь, когда черногорка 2 покинула своего мужа Лейхтенбергского и вышла замуж за великого князя Николая Николаевича, не знаю». Предприимчивая «черногорка 2» все же получила пособие «из особого высочайшего повеления относительно бюджетов министерства двора»²⁶⁶.

А вот другой интересный факт, о котором упоминает Витте: Стана приходила к нему просить за Петра Карагеоргиевича, мужа покойной Станиной сестры, первой и самой любимой дочери князя Николы, Зорки. Просьба снова заключалась в том, чтобы министр финансов «оказал содействие». Петру Карагеоргиевичу требовалось получить ссуду под имение в Румынии. Витте, как обычно, отказал, но и в этот раз черногорское влияние на императорскую чету дало о себе знать. С высочайшего разрешения будущему сербскому королю все же была выдана ссуда из правления Бессарабского Таврического банка²⁶⁷.

Итак, ссуда была выдана. А в скором времени, в 1903 г., в Сербии произошел кровавый переворот. Тщательно спланированное зверское убийство короля Александра и королевы Драги повергло в шок всю Европу. В результате этих событий Петр Карагеоргиевич стал сербским королем. Можно теперь представить, собрав все воедино (кто знает, может быть эти русские деньги были потрачены на подготовку переворота в Сербии), почему черногорские родственники прекратили общение со

своей сербской родней и почему обе черногорские тетушки не явились на свадьбу своей некогда любимой племянницы Елены Карагеоргиевич, которую ласково звали Ябе. И натянуто-официальные отношения замечали и при дворе²⁶⁸.

Отметим, что в уже упомянутом случае 1901–1902 гг., когда Николай II чуть не уступил Черногории турецкую контрибуцию в 3 000 000 руб., Анастасия Николаевна также играла роль посредника. Она приходила к министру финансов с просьбой «оказать содействие», однако Витте расстроил эту уже состоявшуюся сделку, чем вызвал сильный гнев «черногорки 2»²⁶⁹.

Помимо решения финансовых вопросов, Анастасия Николаевна, через посредничество императрицы Александры Федоровны, также организовывала своему отцу аудиенции у Николая II, о чем мы можем читать в письмах черногорского князя к императору²⁷⁰.

Стана также умела «расстраивать» встречи. Именно благодаря ее усилиям Николай II отказал в официальном визите жене сербского короля Александра Обреновича, Драге Машин. В неофициальном визите в Крым ей также было отказано²⁷¹.

Племянник Станы-Анастасии писал в своих мемуарах, что она живо интересовалась политикой, международными отношениями и особенно Сербией и ее правителями Обреновичами. «Кажется, она была еще огорчена, — рассказывает Георгий Карагеоргиевич, — тем, что на свадьбе короля Александра русский император был кумом. Она считала это кумовство позором для всего дома Романовых и через царицу особенно похлопотала, чтобы кумовство это было как можно более незначительное. Вероятно, именно под ее влиянием царь не отправил специального посланника в Белград, чтобы представлять царя на свадьбе, что сильно оскорбило самого короля Александра». Стана была против того, чтобы «царь своим авторитетом прикрыл этот отвратительный брак»²⁷².

После убийства королевы Драги у «тети Станы» не находится ни одного доброго слова о ней²⁷³.

В чем только не обвиняли черногорских сестер! Императрица их обвиняла в заговоре против императора; министр финансов Витте — вообще во всем плохом, что случилось с Россией, особенно в проматывании средств русской казны и насаждении мистицизма, историк русской журналистики М. К. Лемке приписывал черногоркам роковую роль в развязывании Первой мировой войны²⁷⁴; русский военный министр Сухомлинов также усматривал их причастность к Великой войне. Черногорки, через своих мужей, великих князей Петра и Николая Николаевичей управляли русским панславизмом, который стал опасной игрушкой в руках двух великих княгинь.

Подтверждая влияние Милицы и Станы, но все же унижая их, военный министр пишет, что они «домогались такого влияния, мо-

жет быть, подходящего в споре из-за похищенного стада баранов, но не для крупной политики государства, занимающего шестую часть земной поверхности и граничащего с двенадцатью другими государствами»²⁷⁵. Такое отношение к великим княгиням не удивительно, учитывая личные счеты военного министра с великим князем Николаем Николаевичем. Они всегда друг друга недолюбливали, но ненависть их проявилась тогда, когда оба пожелали единолично влиять на армейские дела. Пик конфликта приходится на начало Первой мировой войны, когда и тот и другой претендовали на пост Верховного главнокомандующего. По словам Сухомлинова, император, конечно же, хотел назначить именно его Верховным, но Сухомлинов отказался, предвидя последствия этого²⁷⁶, и объявил государю, что примет этот пост, только если великий князь Николай Николаевич от него откажется²⁷⁷.

Великий князь не отказался. Первое время под его руководством армия одерживала блистательные победы, но в 1915 г. ситуация изменилась, противник стал наступать, а наши войска терпели поражение за поражением. Николай Николаевич был назначен наместником на Кавказ, куда он уехал вместе с женой Анастасией Николаевной, Милицей, Петром и всем окружением.

Однако спокойствия императрице это не прибавило. Ей казалось, что и оттуда до Петербурга доходят волны сплетен и провокаций в ее адрес, она полагала, что «черные галки» снова «замышляют недоброе» и выют свое гнездо теперь уже на Кавказе.

Между императрицей и великой княгиней шло настоящее противоборство. Когда же в Петербурге осенью 1915 г. народ тяжело воспринимал неудачи на фронте, началось насаждение образа врага и шпиона, росло недовольство всем немецким. Тогда хитрая Анастасия Николаевна начала действовать в пику императрице, учитывая все реалии, условия и тенденции. Александра Федоровна негодовала: «Стана уволила свою верную фрейлину m-lle Петерс²⁷⁸. Я предполагаю, что она вдруг нашла ее имя слишком немецким и хочет взять себе даму с Кавказа, которая могла бы ей помочь стать популярной. О, она постарается там всех обворожить!»²⁷⁹.

Чем дальше — тем больше императрица становилась непопулярной в народе, а вести с Кавказа поступали благоприятные, где под командованием Николая Николаевича войска добивались успехов. Они не давали императрице покоя, она понимала, что успехи великого князя ложатся весомым грузом на одну из чаш весов авторитета и популярности. На другой же чаше весов были авторитет и популярность Николая II.

Все это было понятно и великой княгине, которая постепенно собирала на Кавказе свой двор. «Как-то там все теперь устроится — это гнездо снова собирается! — писала императрица. — Стана взяла жену *Крупенского*²⁸⁰ к себе. Ее муж был самым вредным болтуном в старой ставке — он

нехороший человек. Надо постоянно следить за их действиями — это очень опасный враг теперь», а в довершение придавала своим словам вес высказыванием «Друга»: «*На Кавказе солнца мало*». Страх Александры Федоровны все рос, она считала виновницами всего Милицу и Стану — «эти женщины держат своих мужей под башмаком»²⁸¹.

Не только императрица считала Николая Николаевича «подкаблучником». Придворные круги часто сходились во мнении, что «великий князь находился под влиянием своей жены Анастасии (Станы) Николаевны», однако мнения разнились в другом: «собралась ли эта честолюбивая княгиня претворять в жизнь свои планы, или ей было достаточно влиять на своего мужа»²⁸².

На Кавказе тем временем продолжались интриги, которые были частью продуманной линии. Беспокойство императрицы все возрастало: «Я не могу понять, что Н. делает, — пишет императрица, — теперь он взял *Истомуна*²⁸³ (который ненавидит *Григ.*²⁸⁴ и был помощником *Самарина*²⁸⁵) управляющим своей канцелярией»²⁸⁶.

Все эти факты активности Анастасии навели императрицу на мысль о том, что на Кавказе создается альтернативный двор. Когда с Кавказа поступила просьба назначить особого местного митрополита, Александра Федоровна написала императору: «Скоро они потребуют отдельных министров для себя»²⁸⁷.

Эти страхи императрицы не оправдались. Волна революции смела всех Романовых, не пощадив одних, но дав возможность спастись другим.

С приходом к власти большевиков начались гонения на Романовых. Семьи Петра и Николая Николаевичей успели перебраться в Крым, откуда, вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, в 1919 г. на корабле «Мальборо» навсегда покинули Россию.

Подобная же участь ждала отца великих княгинь, короля Николу, который был вынужден покинуть родину и умер в изгнании. Судьба второго и последнего светского правителя Черногории, ее единственного короля, ярко отражала трагедию падения монархического режима и судьбу его представителей.

Поначалу Милица и Анастасия с мужьями и всеми детьми жили в Италии, в гостях у своей сестры, итальянской королевы Елены. В 1922 г. они переехали во Францию. Николай Николаевич, по многочисленным просьбам русской эмиграции, принял на себя звание председателя «Зарубежного союза русских военных инвалидов» и до своей смерти в 1929 г. претендовал на российский престол. После смерти великого князя Николая Николаевича в Италии и Югославии был объявлен траур.

В 1931 г. не стало великого князя Петра Николаевича, а в 1935 г. скончалась и великая княгиня Анастасия Николаевна. После этого Милица с детьми переехала к сестре, королеве Елене, в Италию, а после свержения

монархического режима в этой стране вместе с ней бежала в Египет, где и скончалась в 1951 г.

Ее сын Роман Петрович (1896–1978) был женат морганатическим браком на графине Прасковье Шереметевой (1901–1980). В браке родилось двое детей — Николай (род. в 1922 г.) и Дмитрий (род. в 1926 г.). Сейчас князь Дмитрий Романович живет в Копенгагене. Он является одним из основателей и председателем «Фонда Романовых для России». Конечно, он считает себя Романовым, однако черногорские корни дают о себе знать. Дмитрий Романович написал и издал на английском языке несколько книг о наградах — черногорских, болгарских и греческих, работает над книгой о сербских и югославских наградах, мечтает написать книгу о старых российских и советских, а также о медалях постсоветской России. В настоящее время он является крупнейшим специалистом по черногорской нумизматике и фалеристике²⁸⁸.

Именно внук великой княгини Милицы Николаевны Романовой, князь Дмитрий Романович Романов, ныне является самым старшим представителем династии Романовых, прямым потомком и главой русского императорского дома в изгнании.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Такая знаковая фигура, как Никола Петрович, не мог не привлечь внимания исследователей и истории Черногории, и Балкан в целом. См.: *Ракочевић Н.* Црна Гора у првом свјетском рату. Цетиње, 1969; *Jovanović R.* Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // *Le Montenegro dans les relations internationales.* Titograd, 1984; *Писареv Ю. А.* Великие державы и Черногория в годы первой мировой войны // *Балканские исследования:* Вып. 1. Международные отношения на Балканах. М., 1974; *Он же.* Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // *Новая и новейшая история.* 1991. 6; *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Часть 1, 2; *Јовићевић М.* Вјенчање на црногорском двору. Цетиње, 1990; *Кудрявцева Е. П.* Королевские династии Югославии // *Новая и новейшая история.* 1995. 3; На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1997; *Бабовић-Распоповић С.* Руски утицај на културно-просвјетну политику династије Петровић-Његош // *Династија Петровић-Његош.* Т. II. Подгорица, 2002; *Војводић М.* Односи књаза Николе и владара династије Обреновић (1860–1903) // *Династија Петровић-Његош.* Т. II. Подгорица, 2002; *Гуськова Е. Ю.* Романовы — Петровичи: пример исторической дружбы на фоне политического прагматизма // *Династија Петровић-Његош.* Т. I. Подгорица, 2002; *Зечевић М.* Краљ Никола Петровић-Његош и Никола Пашић // *Династија Петровић-Његош.* Т. II. Подгорица, 2002; *Надовеза Б.* Однос српских радикала и краља Николе Петровића // *Династија Петровић-Његош.* Т. II. Подгорица,

- 2002; *Распоповић Р.* Династије Романових и Петровића у спољнополитичком животу Црне Горе у другој половини XIX и почетком XX вијека // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002; *Фолић М.* Краљ Никола и краљ Петар I Карађорђевић према ослобођењу Метохије и државно разграничење Црне Горе и Србије // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002; *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // Родина. 2003. 3; *Борозан Дж.* Взгляд надежды. Основные веки черногорско-русских отношений // Россия и Черногория: веки истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006; *Никифоров К.* Единство, спаянное любовью // Россия и Черногория: веки истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006; *Шемакин А.* Несостоявшийся переворот. Сербская эмиграция, Черногория и Россия в 1885–1887 годах // Россия и Черногория: веки истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006; *Юхманкова Г.* Бъёт — значит любит. Черногорские женщины в XIX веке // Россия и Черногория: веки истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006; *Бычков Ю. Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. Очерки истории Черногории. М., 2004; *Распоповић Р.* Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд; Подгорица, 2005; *Кузьмичева Л.* «Сделай все, чтобы нас венчали в России...» // Россия и Черногория: веки истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006; Она же. Балканские принцессы в семье европейских монархов (к вопросу о равноудности черногорской и сербской династий) // Человек на Балканах. М., 2007; *Андријашевић М. Ж., Растодер Ш.* Историја Црне Горе. Подгорица, 2006; *Андријашевич М. Ж., Растодер Ш.* История Черногории. Москва; Подгорица, 2009.
- 2 *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888–1915. Т. 3. С. 39–40.
- 3 Там же. С. 39.
- 4 *Јовићевић М.* Венчање на црногорском двору. Цетиње, 1990. С. 41.
- 5 *Юхманкова Г.* Бъёт — значит любит. Черногорские женщины в XIX веке // Россия и Черногория: веки истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006. С. 68–71.
- 6 *Распоповић Р.* Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд; Подгорица, 2005. С. 383.
- 7 Донесение К. Д. Петковича П. Н. Стремоухову от 8 мая 1869 г. // Црногорско-руски односи, 1711–1918: Документи. Подгорица; М., 1992. С. 415–416; *Искендеров П. А.* Черногория в международных отношениях 1878–1903 гг. // В «покроховом погребѣ» Европы. 1878–1914 гг. М., 2003. С. 182–190.
- 8 ГАРФ. Ф. 601(Николай II). Д. 1309. (Письма Николая, князя Черногорского, Николаю II. На франц. яз.). Л. 4 об.–5.
- 9 ГАРФ. Ф. 669 (великая княгиня Милица Николаевна Романова). Оп. 1. Д. 98. Л. 1–6. Учебный план (программа) школы для девочек в Цетиње (Черногория) на сербском языке. 1880 г.

- 10 После Берлинского конгресса 1878 г. сербский князь Милан изменил свою внешне-политическую ориентацию — с России на Австро-Венгрию. Никола решил воспользоваться недовольством народа новой политикой Милана и сыграть на традиционных чувствах уважения к сербской династии Карагеоргиевичей и своей династии Петровичей. Сам Никола вел политический курс по объединению всех югославян и тем самым поднимал собственный авторитет и популярность во всех югославянских землях и, конечно же, в их центре — Сербии, где его политика получала полное одобрение и поддержку.
- 11 Отчет МИД за 1883 и 1884 год // Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске Империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Нови Сад, 1996. С. 73.
- 12 Государственный переворот (франц.)
- 13 См. подробнее: *Шемякин А.* Несостоявшийся переворот. Сербская эмиграция, Черногория и Россия в 1885–1887 гг. // Россия и Черногория: веки истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006. С. 48–51; *Надовеза Б.* Однос српских радикала и краља Николе Петровића // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002. С. 111–120; *Зечевић М.* Краљ Никола Петровић-Његош и Никола Пашић // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002. С. 29–50.
- 14 *Јовићевић М.* Вјенчање на црногорском двору. Цетиње, 1990. С. 135.
- 15 Там же. С. 136.
- 16 АОНМЦГ. Фонд короля Николы. Фасц. 1885 г. 3. XII. 1885.
- 17 *Шкеровић Н. П.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 28.
- 18 ГАРФ. Ф. 653 (великий князь Петр Николаевич Романов). Оп. 2. Д. 160. Телеграммы великой княгини Милицы Николаевны мужу великому князю Петру Николаевичу. 1913 г.
- 19 *Шкеровић Н. П.* Указ. соч. С. 28.
- 20 Министр финансов России граф Сергей Юльевич Витте выразил свое мнение по этому поводу в мемуарах следующим образом: «Между Россией и Черногорией издавна существовали дружественные отношения, причем царское правительство оказывало этой балканской стране денежную и иную помощь. Формального союзного договора между ними не заключалось. Тост царя имел целью подчеркнуть не столько значение русско-черногорских отношений, сколько силу и самостоятельность России, не нуждавшейся в дружбе других великих держав. Немного позднее царское правительство вынуждено было изменить свою позицию и пойти на союз с Францией» // *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3 т. Т. 1. Таллин; М., 1994. С. 464.
- 21 *Шкеровић Н. П.* Указ. соч. С. 29.
- 22 Витте Сергей Юльевич (29 июня 1849 г. — 13 марта 1915 г.) — граф, российский государственный деятель, министр финансов России (1892–1903), председатель комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905–1906).

- 23 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 411–412.
- 24 *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II в 2 т. Т. 1. Белград, 1939. С. 18.
- 25 *Ротштейн Ф. А.* Предисловие к кн.: *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891–1892. М.; Л., 1934. С. VIII.
- 26 *Војводић М.* Односи књаза Николе и владара династије Обреновић (1860–1903) // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002. С. 24.
- 27 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 147.
- 28 *Шемякин А. Л.* Никола Пашич и Россия (1883–1889 гг.) // Балканские исследования. Вып. 15. М., 1992. С. 133, 143; *Шемякин А.* Несостоявшийся переворот. Сербская эмиграция, Черногория и Россия в 1885–1887 годах // Россия и Черногория: вехи истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006. С. 48–51; *Надовеза Б.* Однос српских радикала и краља Николе Петровића // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002. С. 111–120; *Зечевић М.* Краљ Никола Петровић-Његош и Никола Пашић // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002. С. 29–50.
- 29 *Хитрова Н. И.* Указ. соч. Часть 1. С. 146–149.
- 30 Там же. С. 149.
- 31 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Письмо Николая, князя Черногогорского, Николаю II на французском языке от 30 ноября 1897 г. Л. 1 об.
- 32 *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891–1892 гг. М.; Л., 1934. С. 99.
- 33 Там же. С. 100.
- 34 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 253.
- 35 Там же. С. 254.
- 36 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Л. 2, 3, 7 об., 8, 8 об. и др.
- 37 До 1878 г. сумма постоянной субсидии, которую Россия выплачивала Черногории, была более или менее постоянной: 46 тысяч рублей — черногорскому правительству и князю, 8 тысяч рублей — учительско-духовной семинарии, 5,5 тысяч рублей — Женскому институту в Цетинье и 3 тысячи рублей — на нужды церкви. Начиная с 1879 г., Россия стала помогать деньгами цетиньскому госпиталю, выплачивая ему 2,5 тысячи рублей. Все вместе эти выплаты составили около 64 тысяч рублей или около 80 тысяч флоринов. С 1889 г. русские субсидии Черногории возросли до 100 тысяч рублей, из которых половина предназначалась двору князя Николы. В 1893 г. Александр III учредил специальную ежегодную субсидию на содержание черногорской регулярной армии в размере 82 тысяч рублей. В 1897 г. Россия решила выплачивать 20 тысяч рублей двору престолонаследника Данилы ежегодно. Таким образом, расходы только на содержание черногорского двора составили 70 тысяч рублей в год. Итак, в середине 90-х годов XIX в. Черногория получала от России более 220 тысяч рублей. Однако уже в 1902 г. эта цифра поднялась до 500 тысяч рублей, из которых более 330 тысяч направлялись на расходы армии. С каждым годом русские субсидии все росли, к примеру, только затраты на армию в 1911 г. составили 600 тысяч рублей, а

общая сумма была близка к миллиону рублей. При этом помощь России не ограничивалась только деньгами, — в голодные годы Россия отправляла в Черногорию продукты питания // *Jovanović R. Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // Le Montenegro dans les relations internationales. Titograd, 1984. С. 15–55; Хитрова Н. Вступительная статья к сборнику документов «Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.». Т. I. Подгорица; М., 2003. С. 15–25; Хитрова Н. И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Ч. 1. С. 111–125; Бабовић-Располовић С. Руски утицај на културно-просветну политику династије Петровић-Његош // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002. С. 407–412.*

Хитрова Н. И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Часть 1. С. 125–132.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 411–412.

Цит. по: Хитрова Н. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 122.

Там же.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Л. 2а–2а об. Письмо Николая, князя Черногорского, на французском языке. 30 ноября 1897 г.

Там же. Л. 1–1 об.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Письма Николая, князя Черногорского, Николаю II на французском языке 30 ноября 1897 г. — 14 февраля 1913 г.

Там же. Л. 3 об.–4 об. — Письмо Николая, князя Черногорского, Николаю II. 30 ноября 1897 г. На французском языке.

Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 37–38.

Stanojević S. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. Knj. 3. Zagreb, 1928. S. 90.

Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 73.

В 1886 г. на месте старой разрушенной церкви, основанной еще в 1233 г., черnogорский князь Никола Петрович-Негош возвёл новый храм — Враньина, расположенный на одном из островов Скадарского озера. Одновременно был построен и большой двухэтажный (с мансардой) келейный корпус. По легенде, здесь князь Николай хотел постричь в монахини тех из своих многочисленных дочерей, которые не выйдут замуж. После Второй мировой войны Враньина была сожжена и заброшена. Реставрационные работы начались только в 1998 г. Необычность этого сооружения еще и в том, что, в отличие от других храмов, построенных при Николе I Петрович-Негош, над его входом высечена надпись о строительстве монастыря на русском языке: «Этот храм Святого Николая Чудотворца построен заслугами благоверного государя князя Николая I Петровича-Негоша лета Господня 1886 г. на месте, где когда-то была бывшая резиденция Зетской митрополии». См.: <http://www.eskulapus.ru/kristus/skadar.html>

Николай было восстановлено множество женских монастырей. Только на Скадарском озере, куда, по легенде, Никола и собирался перевезти

дочерей, помимо Враньины, это и монастырь Старчева Горица, основанный в конце XIII — начале XIV в., и монастырь Брезица (Бешка) XIV в. См.: <http://www.eskulapus.ru/kristus/skadar.html>

- 50 Данная статья является первой серьезной попыткой исследовать личность Милицы Николаевны Романовой, проследить становление ее личности и выявить роль, которую она играла при русском императорском дворе. Специальных научных трудов на эту тему нет, однако стоит отметить работы, в которых затрагивалась данная тема: *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // Родина. 2003. 3; *Распоповић Р.* Милица Николајевна Романова као дипломатски заступник Црне Горе у Русији // Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд; Подгорица, 2005; *Грачева Д.* Матримониальные планы черногорских сестер. 2007. <http://www.informonte.com/articles/6.html>; *Хохрев А.* Аномальная княгиня. <http://www.gazetastrela.ru/gazeta/print.php?id=2606>; *Буренина К.* Милица и Стана. Черные принцессы. 2008. http://burenina.ru/chernye_princessy. Также имеет место упоминание о ней в научных трудах: *Кузьмичева Л. В.* Балканские принцессы в семье европейских монархов // Человек на Балканах: социокультурные изменения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007; *Писарев Ю. А.* Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // Новая и новейшая история. 1991. 6. Главными источниками для написания нашей работы явились архивные материалы: Государственный архив Российской Федерации, это фонд великой княгини Милицы Николаевны 669 и фонд великого князя Петра Николаевича 653, и Архивное отделение народного музея Черногории (АОНМЦГ — Архивско одјелјење Народног музеја Црне Горе), фонд короля Николы. Эти материалы ранее не публиковались и в научный оборот вводятся впервые. Также использовались опубликованные материалы: *Медведев С.* Николай II и его двор. М., 1917; *Николай II и великие князья* (Родственные письма к последнему царю). М., 1925; *Платонов О. А.* Терновый венец России: Николай II в секретной переписке. М., 1996; *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. В 3 т. СПб., 1888–1915. Ряд мемуаров: *Гавриил Константинович, великий князь.* В Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001; *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3 т. Таллинн; М., 1994; *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995; *Данилов Ю. Н.* Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930; *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны (перевод с английского В. В. Кузнецова). СПб., 1999; *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996; *Карађорђевић Ђ.* Истина о моме животу. Београд, 1988; *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Министерства Императорского Двора. М., 1993.
- 51 *Ровинский П. А.* Девојачки институт Царице Марије на Цетињу. Цетиње, 2000. С. 5.
- 52 *Јовановић Ј.* Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С. 257.

- 53 *Горталов Н. К.* Княжество Черногория и поездка казанских гимназистов в июне 1901 года. Казань, 1903. С. 9.
- 54 *Энгельгардт А. Н.* Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2008. С. 135.
- 55 Там же. С. 142–144.
- 56 *Водовозова Е. Н.* На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2008. С. 229.
- 57 АОНМЦГ. Фонд короля Николы. Фасц. 1885 г. 3. XII. 1885.
- 58 Там же.
- 59 *Хохрев А.* Аномальная княгиня. <http://www.gazetastrela.ru/gazeta/print.php?id=2606>
- 60 К примеру: *Лемке М.* 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С. 298.
- 61 ГАРФ. Ф. 671 (Фонд великого князя Николая Николаевича (младшего)). Оп. 1. Д. 34. Л. 1–23 об. Письма Милицы Николаевны великой княгине Анастасии Николаевне (жене великого князя Николая Николаевича). 28 октября 1910 г. и б/д.
- 62 ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 154. Л. 11.
- 63 АОНМЦГ. Ф. короля Николы. Фасц. 1889 г. 26. VII. 1889.
- 64 *Шкеровић Н. П.* Црна Гора на освитку XX вијека. С. 7.
- 65 АОНМЦГ. Ф. короля Николы. Фасц. 1889. 18. I. 1889. Телеграмма черногорскому князю от дочери Зорки из Риеки.
- 66 Там же.
- 67 Там же.
- 68 *Шкеровић Н. П.* Указ. соч. С. 29.
- 69 Изабелла II (1830–1904), королева Испании, старшая дочь Фердинанда VII и его четвертой жены Марии Кристины Неапольской. Родилась в Мадриде 10 октября 1830 г. В трехлетнем возрасте была объявлена королевой Испании. С началом испанской революции 1868–1874 гг. Изабелла была выслана в Париж, и здесь 25 января 1870 г. отреклась от престола в пользу своего сына Альфонса XII. Умерла Изабелла II в Париже 9 апреля 1904 г.
- 70 АОНМЦГ. Ф. короля Николы. Фасц. 1889. 31. V. 1889. Телеграмма от королевы Изабеллы Петру Карагеоргиевичу.
- 71 Там же. 19. IX. 1889. Поздравительное письмо от Одесского славянского общества.
- 72 Там же. 25. VII. 1889.
- 73 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 251.
- 74 *Грачева Д.* Матримониальные планы черногорских сестер. <http://www.informonte.com/articles/6.html>
- 75 Письмо императрицы Александры Федоровны Николаю II. 19 сентября 1915 г. // *Платонов О. А.* Терновый венец России: Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 249.
- 76 ГАРФ. Ф. 653. Оп. 1–2. Фонд великого князя Петра Николаевича Романова.

- 77 ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.
- 78 Там же. Л. 11об.
- 79 Там же. Л. 12.
- 80 Там же. Л. 52.
- 81 Сердце мое (имитация французского «de mon Coeur»).
- 82 Возлюбленный (имитация французского «aimée bien»).
- 83 ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 156. Л. 2, 3 об., 12 об. Письма великой княгини Милицы Николаевны мужу, великому князю Петру Николаевичу. 1907 г.
- 84 Там же. Л. 2.
- 85 См., напр., *Платонов О. А.* Терновый венец России: Николай II в секретной переписке. М., 1996.
- 86 ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 76 об.
- 87 *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2009. С. 158–159.
- 88 Там же. С. 157–158.
- 89 *Никифоров К.* От Ливадии до Ловчена. Русский архитектор Николай Краснов и Черногория // Россия и Черногория: вехи истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006. С. 89–91; *Он же.* Творческая деятельность Н. П. Краснова в Югославии // Конференция «Архитектурное наследие Русского Зарубежья», Москва, 19–20 октября 2001 г.
- 90 *Калинин Н., Земляниченко М.* Указ. соч. С. 160.
- 91 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 253.
- 92 *Калинин Н., Земляниченко М.* Указ. соч. С. 162–163.
- 93 *Писарев Ю. А.* Великие державы и Черногория в годы первой мировой войны // Балканские исследования. Вып. 1. Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 133.
- 94 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 251.
- 95 *Карађорђевић Ђ.* Истина о моме животу. Београд, 1988. С. 94–100.
- 96 Там же. С. 96.
- 97 Там же. С. 150–155.
- 98 Болгарский генерал, добровольно воевавший на стороне России.
- 99 *Платонов О. А.* Терновый венец России. С. 64.
- 100 Письмо императора к императрице от 19 ноября 1914 г. // Там же. С. 69.
- 101 Так отзывался о Милице великий князь Николай Николаевич, второй муж Анастасии Николаевны, сестры Милицы // ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 30. Л. 23. Письмо великого князя Николая Николаевича великой княгине Анастасии Николаевне (жене) от 17 декабря 1910 г.
- 102 *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника министерства императорского Двора. М., 1993. С. 71.
- 103 *Карађорђевић Ђ.* Истина о моме животу. С. 135 — 136.
- 104 *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 342.
- 105 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 251.

- 106 Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), российский государственный деятель и предприниматель (крупный банковский деятель), граф (с 1914 г.), министр финансов (1904–1914 гг., перерыв 1905–1906 гг.), председатель Совета министров (1911–1914 гг.).
- 107 Гирс Николай Карлович (1820–1895), русский дипломат, министр иностранных дел России в 1882–1895 гг., действительный тайный советник (1878 г.), статс-секретарь (1879 г.), почетный член Петербургской Академии наук (1876 г.).
- 108 ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 10 об. Письма и телеграммы (с подписями «Александра, Николаша, Георгий») великой княгине Милице Николаевне Романовой. 21 августа 1882 г. — 9 января 1915 г.
- 109 Там же. Д. 14. Л. 7–8.
- 110 Черногорский князь признавался русскому военному агенту в Черногории Н. М. Потапову в том, что после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, а особенно после дарования в феврале 1910 г. конституционных законов для славянского населения аннексированных территорий с целью уменьшить их недовольство австрийским правительством, Черногория стала терять надежду на присоединение боснийских и герцеговинских территорий. Однако это не мешало Николе надеяться увеличить площадь своей страны за счет албанских земель. Для этого было необходимо, по его словам, «заварить кашу на Балканах», чтобы настроить в пользу Черногории албанское население. Для этого велось тайное (от России) сотрудничество с албанскими военачальниками, а после активизации албанского освободительного движения албанцам активно оказывалась помощь в виде оружия и боеприпасов. Ко всему прочему, большое число черногорцев вступало в вооруженные конфликты с турками — рапорт Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу* о намерении Черногории развязать военный конфликт на Балканах с целью присоединения примыкающих к ней славянских земель, находящихся под властью Турции // Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.; Подгорица, 2003. С. 423–425; рапорт Н. М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о намерении Черногории присоединить Северо-западную Албанию и поддержке ею албанского освободительного движения // Там же. С. 425; рапорт Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу о мерах по предотвращению вмешательства Черногории в события в Северной Албании // Там же. С. 437; донесение Н. М. Потапова начальнику Генерального штаба Я. Г. Жилинскому о тайной поддержке королем Николаем албанцев против турок // Там же. С. 491–491; телеграмма Н. М. Потапова Я. Г. Жилинскому о необходимости Черногории прекратить помощь албанцам ввиду невозможности турецко-черногорского военного конфликта // Там же. С. 492; рапорт Н. М. Потапова о введении в боевую готовность черногорских войск на границе с Албанией // Там же. С. 493; телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о снабжении черногорскими властями албанцев оружием и боеприпасами

и угрозе турецкого посланника покинуть Цетинье // Там же. С. 494; письмо Н. М. Потапова российскому министру-резиденту в Черногории С. В. Арсеньеву о снабжении черногорцами оружием восставших албанцев // Там же. С. 494–495; ведомость оружия и патронов, выданных из черногорских складов по приказанию высланного королем 19-го марта 1911 г. в город Подгорицу // Там же. С. 496; рапорт поручика Й. Раичевича в артиллерийско-инженерную секцию Военного министерства Черногории о выдаче оружия албанцам без расписок // Там же. С. 497; телеграмма Н. П. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о сосредоточении на черногорской границе турецких войск // Там же. С. 500; телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о приказе короля Николая раздать оружие черногорским войникам // Там же. С. 502; и др.

* Гарнгросс Е.А. — начальник Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) с сентября 1909 г. по февраль 1911 г.

- 111 ГАРФ. Ф. 669. Д. 7. Л. 19, 20, 21. Телеграммы сестры великой княгини Веры Николаевны из Черногории в Петербург, январь 1910 г.
- 112 *Распоповић Р.* Милица Николаевна Романова као дипломатски заступник Црне Горе у Русији на почетку XX вијека. // Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд; Подгорица, 2005. С. 383.
- 113 *Bumte С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 250.
- 114 ГАРФ. Ф. 601. Д. 1300. Л. 1 об., 2 об., 6, 8, 10.
- 115 Там же. Л. 10 об.
- 116 Там же. Л. 4 об., 5.
- 117 Потапов Николай Михайлович (1871–1946) — русский военный агент в Черногории в период с 1903 по 1915 г.
- 118 ГАРФ. Ф. 601. Д. 1300. Л. 7.
- 119 Там же. Л. 11 об.-12.
- 120 Там же.
- 121 Там же.
- 122 Имеется ввиду Срем // *Распоповић Р.* Црна Гора и Русија. С. 392.
- 123 ГАРФ. Ф. 601. Д. 1300. Л. 12 об.
- 124 Императрица считала, что Милица и Анастасия способствовали началу войны, преследуя несколько целей: территориальное расширение Черногорского королевства, вплоть до создания «Великой Черногории»; распространение славянофильских и одновременно германофобских настроений в России и, как следствие, свержение императора Николая II и Александры Федоровны, немки по происхождению; завоевание неоспоримого авторитета великого князя Николая Николаевича в армии, прославление в народе и возведение его на русский престол. Распутин же был категорически против войны // *Платонов О. А.* Терновый венец России. М., 1996.
- 125 Имеется в виду Григорий Распутин.
- 126 Письмо императрицы от 5 января 1916 г. // *Платонов О. А.* Терновый венец России. С. 338.

- 127 Письмо императрицы от 7 января 1916 г. // Там же. С. 344.
- 128 Так писала императрица Александра Федоровна о Милице в письме императору Николаю II от 15 сентября 1915 г. // Там же. С. 236.
- 129 *Bumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 251.
- 130 Низье Антельм Филипп, известный также как месье Филипп, мэтр Филипп, Филипп Лионский (25 апреля 1849, Савоя — 2 августа 1905) — целитель из Франции, чьими услугами с 1901 по 1905 г. пользовалась российская императрица Александра Фёдоровна. Был специально выписан Милицей из Парижа.
- 131 Распутин (Новых) Григорий Ефимович (10 (22) января 1869 г. — 16 (29) декабря 1916 г.) — крестьянин села Покровское Тобольской губернии. Приобрёл всемирную известность благодаря тому, что мог облегчать муки сына последнего российского императора Николая II, Алексея. В 1900-е гг., не без участия «черногорок», приобрел репутацию «старца», прозорливца и целителя.
- 132 *Медведев С.* Николай II и его двор. М., 1917. С. 3, 9.
- 133 См. кн.: Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). М., 1925. С. 15–16.
- 134 Так император Николай II обращается в письмах к великой княгине Милице Николаевне // ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 94. Л. 2. Письма императора Николая II великой княгине Милице Николаевне. 1904 г. и б/д.
- 135 ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.
- 136 Там же. Л. 1, 3.
- 137 Там же. Л. 1.
- 138 См. подробнее: *Боханов А.* «Черные сестры»; *Писарев Ю. А.* Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // Новая и новейшая история. 1991. 6.
- 139 Женой великого князя Николая Николаевича в 1907 г. стала Анастасия Николаевна, родная сестра Милицы Николаевны. Это был второй брак для нее. Со своим прежним мужем — Георгием Максимилиановичем Романовским, герцогом Лейхтенбергским, она развелась.
- 140 *Ден Ю.* Подлинная царица. Воспоминания близкой подруги императрицы Александры Федоровны (перевод с английского В. В. Кузнецова). СПб., 1999. С. 219–220.
- 141 *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 83.
- 142 Там же.
- 143 ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 156. Л. 43.
- 144 Там же. Д. 159. Л. 2–3.
- 145 Женский институт в Цетинье.
- 146 Шервашидзе Георгий Дмитриевич — князь, обер-гофмаршал, состоявший при вдовствующей императрице Марии Федоровне.
- 147 ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 159. Л. 5.
- 148 Там же. Л. 6.
- 149 Там же. Л. 10.
- 150 Там же. Л. 11.

- 151 Петр Петрович-Негош (1889–1932), самый младший сын черногорского князя Николы.
- 152 ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 160. Л. 2.
- 153 Там же. Л. 3.
- 154 *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 442.
- 155 Там же.
- 156 Там же. С. 441–442.
- 157 Там же. С. 442–443.
- 158 Там же. С. 443.
- 159 Там же. С. 443–445.
- 160 ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 14. Письма знакомых великой княгине Милице Николаевне Романовой. 1890–1892 гг.
- 161 ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 156. Л. 43.
- 162 ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–82. Письма и телеграммы от частных лиц (протокол общества русских ориенталистов; прошения вдов, крестьян; поздравления) великой княгине Милице Николаевне Романовой. 1892–1915 гг.
- 163 *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. С. 204.
- 164 Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). М., 1925. С. 66–67.
- 165 *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового комманданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 148.
- 166 Великая княгиня Мария Павловна (1854–1920) — вдова великого князя Владимира Александровича (1847–1909), урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, мать великого князя Кирилла Владимировича, самозванно провозгласившего себя в 1924 г. «главой» императорского дома Романовых.
- 167 Имеется в виду или Суворин Борис Алексеевич, редактор газеты «Вечернее время», или Суворин Михаил Алексеевич, редактор газеты «Новое время».
- 168 Письмо императрицы от 3 сентября 1915 г. // *Платонов О. А.* Терновый венец России. С. 205.
- 169 Имеются в виду великие княгини Милица и Стана.
- 170 Григорий Распутин.
- 171 Великого князя Николая Николаевича.
- 172 Милица и Стана.
- 173 Скорее всего, имеется в виду Трепов Федор Федорович (1854–1938), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, сенатор, в 1908–1914 гг. занимал пост киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. Во время войны — помощник верховного начальника санитарной и эвакуационной части, с октября 1916 г. — военный губернатор областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны. Или Трепов Александр Федорович (1862–1928), государственный секретарь, член Государственного совета, сенатор, егермейстер. С октября 1915 г. — управляющий министерством путей сообщения. В ноябре—декабре 1916 г. — председатель Совета министров, отстранен за требование удаления из Петербурга Г. Распутина и

- увольнения министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Не признал отречения императора и после октября 1917 г. стремился восстановить династию на престоле с финансовой и военной помощью Германии.
- 174 Письмо императрицы от 10 сентября 1915 г. // *Платонов О. А.* Терновый венец России. С. 224.
- 175 *Платонов О. А.* Указ. соч. С. 721.
- 176 Великий князь Николай Михайлович ошибается, считая великого князя Николая Николаевича мужем великой княгини Милицы Николаевны. После него то же ложное суждение будет повторять В. А. Сухомлинов в своей книге-памфлете «Великий князь Николай Николаевич» // *Сухомлинов В. А.* Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925.
- 177 Николай и великие князья (родственные письма к последнему царю). Л., 1925. С. 68.
- 178 Анонимный большевистский автор во вступительной статье и комментариях к изданию писем и документов «Николай II и великие князья...» пишет про Милицу, что именно ей «принадлежит организация рекламирования в. к. Николая», что она все свои практические расчеты связала с личностью брата своего мужа, Николая Николаевича, женатого на ее сестре Анастасии. «Если бы Николай-кандидат сделался царем, Милица стала бы полуцарницей; а так как в. к. был бездетен, то наследником его явился бы сын Милицы — Роман. Ради осуществления таких перспектив и старалась Милица об усилении «популярности» Н. Н. Романова» // См.: Николай и великие князья (родственные письма к последнему царю). М., 1925. С. 15–16.
- 179 Цит. по: *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // *Родина.* 2003. № 3. С. 80.
- 180 ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 5. Письма и телеграммы, шифрованные записки великого князя Петра Николаевича Романова великой княгине Милице Николаевне Романовой. 19 марта 1891 — 7 декабря 1891.
- 181 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 415–416.
- 182 Там же. Т. 2. С. 251.
- 183 Там же.
- 184 Дневник императора Николая II (1890–1906 гг.). М., 1991. С. 136.
- 185 *Боханов А.* «Черные сестры». С. 79.
- 186 *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2009. С. 219.
- 187 Георгий Максимилианович Романовский герцог Лейхтенбергский и его жена Анастасия Николаевна Романовская герцогиня Лейхтенбергская. Впоследствии стала женой великого князя Николая Николаевича.
- 188 Дневник императора Николая II (1890–1906 гг.). С. 27.
- 189 Там же. С. 137.
- 190 Там же.
- 191 Там же. С. 138.
- 192 Там же.

- 193 Там же. С. 139.
- 194 Боханов А. Указ. соч. С. 80.
- 195 Там же.
- 196 Калинин Н., Земляниченко М. Указ. соч. С. 163.
- 197 Об отличительных чертах черногорской системы воспитания см.: Раскатова Ю. А. Орлята Черной Горы. Черногорские дети: система воспитания, образования и правовые отношения (XIX век). М., 2006.
- 198 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 161.
- 199 По мнению Витте, «анормальными» были все русские Ольденбургские, к которым принадлежала Александра Петровна. Ольденбургские произошли от брака принца Георгия Ольденбургского и великой княжны Екатерины Павловны, дочери императора Павла I, которого Витте считает основоположником этой «анормальности» // Там же. Т. 1. С. 163.
- 200 Там же. С. 162.
- 201 Чит. по: Калинин Н., Земляниченко М. Указ. соч. С. 164.
- 202 Дневник императора Николая II (1894–1917). С. 361.
- 203 Там же.
- 204 «Чаир» великой княгини Анастасии Николаевны являлся частью бывшего имения Барбо-Кристо, приобретенного в 1865 г. светлейшим князем С. М. Воронцовым у княгини А. Б. Мещерской и занимавшего тогда территорию в 43 десятины. После смерти князя его супруга, княгиня М. В. Воронцова, продала Барбо-Кристо дворянам Титушкину и Токмаковой, которые, в свою очередь, начали распродавать его частями разным лицам. Так образовались имения Дюльбер, Мурад-Авур, гр. Клейнмихелейн и др. У одного из таких частных владельцев, некоего Яблотова, и приобрела Анастасия Николаевна в 1898 г. первые 1,5 дес. своего будущего имения «Чаир», а в 1902 г. площадь усадьбы увеличилась за счет покупки двумя частями еще 2,5 дес. земли // Калинин Н., Земляниченко М. Указ. соч. С. 155–182.
- 205 Там же. С. 166.
- 206 Боханов А. «Черные сестры». С. 80.
- 207 ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 156. Л. 5–13. Письма великой княгини Милицы Николаевны мужу, великому князю Петру Николаевичу. 1907 г.
- 208 Думин С. Романовы. Императорский дом в изгнании. Семейная хроника. М., 1998. С. 14.
- 209 Великий князь Павел Александрович — младший брат Александра III. Он был женат (первым браком) на дочери короля Георга греческого, Александре Георгиевне, которая умерла в 1891 г. От этого брака были дети: Дмитрий Павлович и Мария Павловна.

Позднее Павел Александрович вступил в брак с женой адъютанта своего брата Владимира — Пистолькорс, вследствие чего был исключен в 1902 г. из службы (он состоял командиром гвардейского корпуса) и выслан за границу. Жене его был пожалован титул графини Гогенфельзен. Над детьми великого князя была учреждена опека, причем главным опекуном был Ни-

колай II. В 1907 г. опекуны, без согласия отца, решили выдать его дочь Марию замуж за шведского принца, герцога зюдерманландского Вильгельма. Об этом великий князь пишет в письмах к Николаю II // Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю) М., 1925. С. 53–62.

Мария, будучи замужем за принцем шведским, покинула его и вернулась к отцу.

Во время Первой мировой войны, в 1915 г., великому князю Павлу Александровичу было разрешено вернуться с женой в Россию, и 28-го мая 1916 г. он был вновь назначен командиром 1-го гвардейского корпуса.

Несмотря на эти уступки и видимое прощение, Павлу Александровичу не удалось добиться всех привилегий для его жены, однако ей был пожалован титул княгини Палей.

- 210 Графиня Наталья Федоровна Карлова — морганатическая жена герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого.
- 211 Великий князь Николай Николаевич женился на разведенной жене князя Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского.
- 212 Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). М., 1925. С. 59–60.
- 213 *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 232.
- 214 *Лемке М.* 250 дней в царской ставке. Пб., 1920. С. 81.
- 215 ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, Л. 6. Письма великого князя Николая Николаевича жене Анастасии Николаевне.
- 216 Там же. Л. 2.
- 217 Там же. Л. 3.
- 218 ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 30. Л. 4. Письма великого князя Николая Николаевича великой княгини Анастасии Николаевне (жене). 13 ноября — 18 декабря 1910 г.
- 219 Там же. Л. 13.
- 220 Там же. Л. 15.
- 221 Там же. Л. 17.
- 222 Имеется в виду великая княгиня Анастасия Николаевна Романова // См. письмо императрицы Александры Федоровны императору Николаю II от 17 сентября 1915 г. // *Платонов О. А.* Терновый венец России. С. 245.
- 223 *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Министерства Императорского Двора. М., 1993. С. 49.
- 224 К примеру, генерал Воейков.
- 225 Цит. по: Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 549.
- 226 Там же. С. 549–550.
- 227 Там же. С. 586.
- 228 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 250.
- 229 Дневник императора Николая II (1890–1906 гг.). М., 1991. С. 246.
- 230 Анна Алексеевна Вырубова (до замужества Танеева) была замужем за троюродным братом В. Н. Воейкова — А. В. Вырубовым.

- 231 Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 81–82.
- 232 Императрица Александра Федоровна в письмах к императору выражала свой страх по поводу доходивших до нее слухов о готовящемся заговоре по свержению Николая II и возведению на престол Николая III (великого князя Николая Николаевича). Она писала, что этот переворот планируется в среде «левых», а также активно разрабатывается самим великим князем и его «кликой», в которую, по мнению императрицы, входили Гучков, Родзянко, Самарин и др. См. письмо императрицы Николаю II от 22 августа 1915 г. // Платонов О. А. Указ. соч. С. 179; письмо императрицы Николаю II от 15 сентября 1915 г. // Там же. С. 238.
- Отечественный историк и публицист О. А. Платонов считает, что план по отстранению от власти Николая II и возведению на трон Николая III вынашивали масонские круги. Отстранение Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего в августе 1915 г. в масонских и левых кругах вызвало ярость и разрушило их надежды на переворот и возведение на престол Николая III. См.: Платонов О. А. Указ. соч. С. 179.
- 233 Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.
- 234 Сухомлинов В. А. Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925.
- 235 ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 15. Письма Милены Петровны, королевы Черногории, великой княгине Милице Николаевне (на сербском языке).
- 236 ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 29. Л. 9.
- 237 Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927. С. 85.
- 238 Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1994. С. 104.
- 239 Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 114.
- 240 Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 148.
- 241 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 274.
- 242 Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 197–198.
- 243 Переворот (итал.)
- 244 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 678.
- 245 Воейков В. Н. Указ. соч. С. 167.
- 246 Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 244.
- 247 Там же. С. 74.
- 248 ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 30. Л. 23. Письма великого князя Николая Николаевича великой княгине Анастасии Николаевне (жене) 13 ноября — 18 декабря 1910.
- 249 Ракочевич Н. Црна Гора у првом свјетском рату 1914–1918. Цетиње, 1969. С. 65.
- 250 Письмо императрицы от 17 июня 1915 г. // Платонов О. А. Указ. соч. С. 160.
- 251 Письмо императрицы от 25 июня 1915 г. // Там же. С. 171.
- 252 Письмо императрицы от 16 июня 1915 г. // Там же. С. 156.
- 253 План по отстранению от власти Николая II и возведению на трон Николая III — великого князя Николая Николаевича.

- 254 Письмо императрицы от 22 августа 1915 г. // *Платонов О. А. Указ. соч.* С. 179.
- 255 Редактор газеты «Новое время».
- 256 Анна Вырубова.
- 257 Янушкевич Николай Николаевич (1868–1917) — генерал от инфантерии. До войны — начальник Генерального штаба. В войну — начальник штаба Верховного главнокомандующего. В августе 1915 г. вместе с великим князем Николаем Николаевичем переведен на Кавказ на должность помощника наместника по военной части. Убит большевиками сразу же после Октябрьского переворота.
- 258 Анна Вырубова.
- 259 Фролов Петр Алексеевич — главный начальник Петроградского военного округа.
- 260 Письмо императрицы от 25 августа 1915 г. // *Платонов О. А. Указ. соч.* С. 179.
- 261 Письмо императрицы от 28 августа 1915 г. // Там же.
- 262 Письмо императора Николая II императрице от 27 августа 1915 г. // Там же.
- 263 *Буренина К. Милица и Стана. Черные принцессы.* http://burenina.ru/chernye_princessy
- 264 ГАРФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 49. Стихи великой княгини Анастасии Николаевны, жены великого князя Николая Николаевича, б/д.
- 265 *Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. Мемуары.* М., 2001. С. 47.
- 266 *Vitte С. Ю. Воспоминания.* Т. 2. С. 253.
- 267 Там же. С. 254.
- 268 *Епанчин Н. А. На службе трех императоров.* М., 1996. С. 338–343.
- 269 *Vitte С. Ю. Воспоминания.* Т. 2. С. 253–254.
- 270 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Л. 1. Письма Николая, князя Черногорского, Николаю II на французском языке. 30 ноября 1897 г. — 14 февраля 1913 г.
- 271 *Карађорђевић Ђ. Истина о моме животу.* Београд, 1988. С. 135–139.
- 272 Там же. С. 135–136.
- 273 Там же. С. 136–138.
- 274 М. К. Лемке писал про Милицу и Стану: «Эти пауки довели в 1914 г. дело до ужаснейшей войны, надеясь при помощи ее достичь высших степеней славы и могущества» // *Лемке М. 250 дней в царской ставке.* Пг., 1920. С. 298.
- 275 *Сухоминов В. А. Воспоминания.* Берлин, 1924. С. 179–180.
- 276 Сухоминов пишет о ненависти к нему Николаю Николаевичу и о желании великого князя самому занять пост Верховного главнокомандующего. Военный министр предполагал, что если этот пост займет он, то великий князь будет ставить ему «палки в колеса» и плести интриги против него // Там же. С. 292–294.
- 277 Там же. С. 293.
- 278 Петерсон Анна Карловна, фрейлина великой княгини Анастасии Николаевны.
- 279 Письмо императрицы от 17 сентября 1915 г. // *Платонов О. А. Указ. соч.* С. 245.
- 280 Крупенский Матвей Егорович, генерал-лейтенант, состоял при великом князе Николае Николаевиче в Ставке, вместе с ним отправился на Кавказ.

- Крупенская Мария Георгиевна, урожденная Уиникен, жена М. Г. Крупенского, гофмейстера двора великой княгини Анастасии Николаевны.
- 281 Письмо императрицы от 19 сентября 1915 г. // *Платонов О. А.* Указ. соч. С. 249.
- 282 *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника министерства императорского двора. М., 1993. С. 95.
- 283 Истомин Петр Владимирович, товарищ обер-прокурора Св. Синода до 17 октября 1915 г., затем директор канцелярии великого князя Николая Николаевича на Кавказе.
- 284 Григория Распутина.
- 285 Самарин Александр Дмитриевич, егермейстер, член Государственного совета, московский губернский предводитель дворянства, исполняющий должность обер-прокурора Святейшего Синода. Намечался в воспитатели к наследнику, в конце 1916 г. —председатель Постоянного совета объединенного дворянства.
- 286 Письмо императрицы от 9 октября 1915 г. // *Платонов О. А.* Указ. соч. С. 265.
- 287 Письмо императрицы Александры Федоровны императору Николаю II от 21 сентября 1916 г. // Там же. С. 564.
- 288 Князь Дмитрий Романов. Впервые в Ливадии. Интервью 22. 08. 2009. <http://www.bigvalta.com.ua/story/1248>

«Я БОГА МОЛИЛ О ТОМ, ЧТОБЫ СКОРЕЙ ТЕБЯ УВИДЕТЬ...»

Последний роман генерала Бакича в документах*

Биография одного из вождей Белого движения на Востоке России, черногорца по происхождению, генерал-лейтенанта Андрея Степановича Бакича уже основательно изучена, особенно в сравнении с биографиями многих других колчаковских генералов¹. Но, к сожалению, до сих пор значительная часть документов следственного дела генерала Бакича все еще остается неопубликованной. Между тем, в этих документах содержатся интересные сведения, проливающие свет на некоторые события истории Гражданской войны на Востоке России в целом и на отдельные аспекты биографии генерала в частности.

Андро (Андрия) Бакич родился 31 декабря 1878 г. в Черногории в деревне Забрджа близ Андриевицы, учился в Сербии, но в возрасте 20 лет ему пришлось покинуть родину в связи с причастностью к покушению на экс-короля Сербии Милана Обреновича. Перебравшись в Россию, Бакич окончил Одесское пехотное юнкерское училище и сделал неплохую карьеру в русской армии. По-настоящему героическим было его участие в событиях Первой мировой войны, в годы которой он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием, дослужился до чина полковника, был ранен и контужен. Бакич не принял революцию и присоединился к антибольшевистским силам в Поволжье, в рядах которых проделал весь путь от Волги до Монголии. В годы Гражданской войны Бакич стал одной из крупных фигур антибольшевистского лагеря, командовал корпусом, а впоследствии был произведен в генерал-лейтенанты. Тем не менее, ни Китай, ни Монголия не стали надежным прибежищем для Бакича и тех ветеранов Белого движения, которые шли за ним. По договоренности с китайскими и монгольскими властями части РККА трижды вступали на китайскую территорию для ликвидации Бакича, но так и не смогли осуществить задуманное. Тем не менее, будучи в безвыходном положении, генерал с группой приверженцев сдался в плен монголам в конце 1921 г. и был выдан ими на расправу большевикам. Генерал Бакич с несколькими соратниками был расстрелян в Новониколаевске в ночь на 17 июня 1922 г.

В годы Гражданской войны генерал Бакич находился вдалеке от своей большой семьи (жена Ольга Константиновна (в девичестве Данич) и

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 "Военная элита в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.".

трое детей), которая жила в Омске, а позднее перебралась на Дальний Восток. Тем не менее, как свидетельствуют документы, генерал не забывал о близких ему людях и, чем мог, старался им помогать. В то же время, у Бакича в военные годы появилось несколько гражданских жен, разделивших с ним тяготы боевой и походной жизни. И хотя по черногорской традиции женщинам не полагается вмешиваться в мужские дела, на эти взаимоотношения такой подход не распространялся.

Бурная личная жизнь Бакича могла бы остаться неизвестной историкам, если бы не драматические события, с ней связанные. Так, первой гражданской женой Бакича стала Ольга Федоровна Якименко, служившая в 1918 г. зубным врачом в гарнизоне Сызрани, а позднее во 2-й Сызранской стрелковой дивизии и при штабе IV Оренбургского армейского корпуса. В июле 1920 г., находясь в Китае в лагере на реке Эмиль, она покончила с собой во время припадка истерии². В условиях однообразной лагерной жизни обстоятельства ее гибели вызвали массу домыслов и слухов, вплоть до того, что в отряде говорили об убийстве несчастной женщины самим генералом Бакичем. В результате было проведено специальное, доказавшее невиновность генерала, расследование, материалы которого сохранились до наших дней³. Тем не менее, нельзя исключать того, что и на самом генерале лежала доля ответственности за судьбу Якименко.

Лагерная жизнь отряда отличалась своеобразием. Стоит упомянуть, что начальника штаба Бакича Генштаба генерал-майора И. И. Смольникова Терванда также обвиняли в жестокости по отношению к жене. По одному из свидетельств, «о том, что этот юный генерал шутить не любит, красноречиво свидетельствует нижеследующий случай из его частной жизни: повздорив со своей женой и желая проучить ее, немедленно приказал ей встать по всем правилам военного строя (руки по швам) и заявил ей, что если она пошевелится и изменит позу, то будет пристрелена им, сам же держал наготове револьвер и проходил с ним всю ночь по комнате, направляя на стоящую руки по швам жену...»⁴

Но данная публикация целиком посвящена другому, до сих пор неизвестному эпизоду жизни Бакича — его последнему роману, о котором в литературе можно встретить самые невероятные и далекие от действительности свидетельства⁵.

Бакич недолго переживал гибель Ольги Якименко и вскоре нашел себе новую спутницу. Ею уже с декабря 1920 г. стала 20-летняя Александра Николаевна Ишимова (в девичестве — Поверяева). Она была женой хорунжего станицы Верхнеуральской Оренбургского войска, участника антибольшевистского движения Михаила Степановича Ишимова. Последующую судьбу ее мужа, который был ранен в 1918 г. в боях с красными⁶, проследить не удалось, но вдовой Ишимова себя на допросах в 1921 г. не именovala. Роман Бакича и Ишимовой в какой-то мере иллю-

стрирует общую картину разложения и гибели остатков белых армий Востока России в Китае и Монголии и представляет собой практически детективную историю, в которой историческая действительность, однако, превзошла самый изощренный художественный вымысел. Но обо всем по порядку.

В следственном деле Бакича сохранилась очень интересная записка «К материалам об интернированных отрядах в Китае (Западном) и их полководцах», датированная 25 сентября 1921 г. и составленная в Барнауле. Автором этого документа был явно недоброжелательно настроенный по отношению к Бакичу, но весьма осведомленный неизвестный очевидец. По его мнению, Бакич «чрезмерно честолюбив, плохо говорит по-русски, но любит говорить речи перед войсками, которых обычно никто не может понять, как полководец считается храбрым, но совершенно бездарным, пишет по-русски безграмотно и образования небольшого... одет всегда с иголочки, при орденах, в генеральских погонах, часто любит говорить, что он над русскими в Китае диктатор, уверен, что его имя будет занесено в историю, и т. п. Живет как помещик, имеет парадных лошадей, рессорные коляски, автомобиль, свиней, кур, коров и целый штат прислуги. Живет, хотя и в лагере, но в хорошо отделанном помещении из 4-х комнат. В Китае уже заводит себе третью жену: первая, законная, теперь где-то на востоке, 2-я — Ольга Ивановна⁷ (зубной врач) не то застрелена им (эта версия упорно господствует в лагере среди верхов и низов), когда надоела, не то сама застрелилась, не будучи в силах более выносить его издевательства (публичных), имевших место незадолго до кончины. Третью жену, весьма красивую, жену одного офицера Александру Ишимову он взял в декабре [19]20 года, щедро наградил ее родственников серебром, кишмишем и урюком; озолотил, конечно, и ночную жену, заведя ей кольцо с бриллиантом и т. п.

По словам заместителя Бакича в г. Чугучаке полковника Камышенского, калым за эту последнюю жену отряду стоил больших денег и вызвал ропот в войсках. Верхи отряда в своих частных разговорах о дарованиях и личных качествах генерала Бакича весьма нелестного мнения, не раз приходилось слышать, что ему бы быть только фельдфебелем, а не начальником отряда. Его честолюбие, тупость, непонимание русского человека, нехозяйственность, неадминистративность и преступная халатность к нуждам войск своего отряда очень ярко обрисована была в последнем предсмертном приказе Дутова... копия с этого приказа истекшей весной нелегально распространялась в Чугучаке, как среди военных, так и среди невоенных. Как и все генералы, Бакич в своих политических суждениях не пошел далеко, в партиях разбирается весьма плохо, но себя причисляет к сторонникам социал-революционеров. Но мнение на это все то, что все это только одни разговоры и что Бакич в политическом

отношении обладает изумительной покладистостью, когда это не грозит умалению его личного положения и власти»⁸.

По оценке начальника штаба сводного Русско-инородческого партизанского отряда полковника В. Ю. Сокольниковского, «новая женщина властвовала над этим, не имевшим сдерживающих винтиков человеком, и играла теперь весьма видную роль в жизни корпуса»⁹. Однако об основной миссии Ишимовой ни анонимный недоброжелатель Бакича, ни полковник Сокольниковский даже не подозревали.

Как позднее утверждал на допросе отец Ишимовой, Н. П. Поверяев, он являлся секретным сотрудником Семиреченской ОблЧК, и в июне 1921 г. получил задание внедриться в отряд Бакича для его разложения¹⁰, хотя, по показаниям дочери, Поверяев давал ей поручения разведывательного характера уже в мае 1921 г. в городе Чугучак¹¹. Задание Поверяевым было выполнено блестяще, и генерал Бакич, близко сошедшийся с Ишимовой, если верить показаниям самой Ишимовой и ее отца, попал в сети чекистов. Данные о работе Поверяева на красных подтверждаются и другими свидетельскими показаниями¹².

Новая гражданская жена Бакича уведомляла отца, а тот, в свою очередь, чекистов, обо всем происходившем в отряде и даже о планах Бакича. В результате красные не только получали ценную разведывательную информацию, но и действовали на опережение. Так, на основе информации Ишимовой было предотвращено убийство чугучакского комиссара Якубовского, арестован штабс-капитан Г. В. Лютин, а красные на многие месяцы получили возможность упреждать каждый шаг своего противника¹³. Поверяев фактически окружил Бакича своими агентами, создав целую сеть. Например, узнав о том, что генерал суеверен, подослал к нему гадалщика на бобах, который при помощи «гадания» пытался влиять на решения Бакича. Кроме того, с Поверяевым сотрудничали полковники А. П. Прокопьев, Г. И. Краснов и И. И. Кокорев, агитировавшие в отряде в пользу советской власти. Последний из них провел переговоры с генералом Р. П. Степановым, пообещавшим отказаться от активной борьбы с большевиками в обмен на командный пост в РККА¹⁴. Успешно развивалась и пропагандистская работа — несколько офицеров под влиянием Поверяева решили вернуться в Советскую Россию.

Нельзя исключать, что изначально Ишимова руководствовалась если не чувствами, то расчетом на то, что сближение с Бакичем принесет ей какую-то выгоду или просто защитит в тяжелое время. Затем (но не позднее мая 1921 г., пока белые еще оставались в районе приграничного китайского города Чугучак) началось ее сотрудничество с отцом. На допросах она демонстративно заявляла о своем равнодушном отношении к Бакичу. В частности, показала, что Бакич взял ее «как вещь, я была как

рабыня, я не имела собственной воли, не имела желаний, т. е. мои желания не были осуществляемы. И в смысле того, как говорит пословица "стерпится-слюбится", не имела никаких надежд, и о будущей совместной жизни не мыслилось, потому что у Бакича было свое семейство, находящееся в Никольск-Уссурийске. И он только и мечтал о том, когда он дождется того времени, когда соединится с[о] своим семейством и уедет в Сербию. И я только мучилась и терзалась своей неопределенностью и бесцельностью своего существования и нашла смысл лишь тогда дальнейшего существования, когда отец мой (Повираев¹⁵) предложил мне соучаствовать в выполнении возложенного на него поручения, что я и выполняла»¹⁶.

Фактически в отряде Бакича действовала разведывательная сеть Семиреченской ОблЧК во главе с Н. П. Поверяевым, сумевшая внедриться в ближайшее окружение генерала и имевшая доступ к секретным сведениям командования белых. Разумеется, в условиях начавшихся со второй половины мая 1921 г. скитаний отряда Бакича по степям Китая и Монголии ценность этой агентуры была невелика, поскольку серьезной проблемой была передача сведений красным, не говоря уже об оперативности такой передачи. Дополнительную щекотливость этой ситуации придавало и то, что, по показаниям Поверяева и его дочери, в Семиреченской ОблЧК также работали бывшие офицеры контрразведки отряда Бакича, причем раскаялись они или же продолжали сотрудничать с белыми — неизвестно. Тем не менее, успешные действия Поверяева и его агентов свидетельствуют о разложении и измене даже в рядах старшего командного состава белых.

Явным диссонансом с показаниями Поверяева и его дочери, обманывавших доверчивого Бакича, звучат бесхитростные строки личных писем Бакича к ним. Эти письма были написаны генералом накануне отправки в Советскую Россию и переданы через его недавнего противника, командира красных партизан С. К. Кочетова. В письме к отцу своей гражданской супруги Бакич, подписавшись «Ваш Андро», сожалел о том, что не уехал вместе с Поверяевыми в Россию, когда находился на реке Кобдо, «но теперь это поздно»¹⁷. Генерал обращался к Ишимовой со словами «милая и дорогая моя Шура», «милая тупуся». Там же были и такие слова: «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть и днем и ночью думаю о тебе» и «у меня ничего нет кроме креста на груди, но мне ничего и не нужно, ты одна меня понимала и знала — буду жить надеждой увидеть мою милую тупусу»¹⁸. Отцу Ишимовой Бакич писал: «Тяжело и больно нет около меня и вблизи мое[й] дорогой Шуры»¹⁹. Эти документы рисуют перед нами образ наивного, но искренне любящего и заботливого человека. Это еще одна, и немаловажная, составляющая личности человека, которому в то сложное время волею судьбы оказались доверены жизни тысяч людей.

Возможно, Бакич так до конца и не узнал, на какие подлости оказались способны те люди, которых он считал своими близкими. Пути Бакича и Ишимовой разошлись в районе деревни Атамановка в Урянхайском крае, где Поверяев и его дочь отказались двигаться дальше, в результате чего, если верить показаниям Поверяева, красным 11 декабря 1921 г. сдалась большая часть обоза отряда Бакича. Бакич после этого ушел обратно в Монголию, где 30 декабря сдался в плен монголам.

Впрочем, Поверяеву и его дочери красные поверили не сразу. 30 декабря 1921 г. ответственный сотрудник штаба 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа Арсений Иванов, производивший допросы пленных, составил заключение по делу, в котором отметил, что на всякий случай за Поверяевым и его дочерью необходимо установить негласный надзор, а также навести справки, действительно ли Поверяев, политическая физиономия которого все еще казалась неясной, работал в Семиреченской ОблЧК. В том же документе отмечалось, что Ишимова, «способствующая своему отцу Повираеву в выполнении данного ему Совет[ской] властью поручения, безусловно, должна пользоваться покровительством Советских учреждений и лиц»²⁰. Из поселка Атамановка, где Поверяев с дочерью сдались красным, они должны были отправиться в поселок Туран, где предполагалось их держать под негласным надзором военного корреспондента Котельникова до выяснения всех обстоятельств дела²¹. В случае попытки побега при переезде сопровождающим было дано разрешение на экстренные репрессивные меры вплоть до расстрела на месте²². К сожалению, дальнейшая судьба Ишимовой и ее отца нам неизвестна.

Вниманию читателей предлагается публикация протоколов допросов Н. П. Поверяева и А. Н. Ишимовой, произведенных во второй половине декабря 1921 г. сотрудником штаба 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа А. Ивановым. Также публикуются инструкции советским работникам о том, как следует обращаться с Ишимовой и ее отцом, письма Бакича и другие документы, проливающие свет на эту историю. Все эти документы отложились в следственном деле Бакича и его соратников, хранящемся в Государственном архиве Новосибирской области. Публикуемые документы позволяют глубже понять трагедию самого генерала Бакича и антибольшевистского движения на Востоке России. Кроме того, они дают представление о методах ведения следствия органами советской военной юстиции в годы Гражданской войны. Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации (за исключением писем Бакича, в которых сохранена оригинальная орфография, демонстрирующая уровень его владения русским языком), но при сохранении стилистических особенностей оригинала, неточности в написании географических названий исправлены без оговорок.

Документ 1. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Н. П. ПОВЕРЯЕВА.

17 декабря 1921 г.

Протокол

1921 года Декабря 17 дня я сотрудник Штаба 5 армии и ВСВО²³ А. Иванов произвел опрос добровольно пришедшего из отряда Бакича гражданина Оренбург[ской] губ., В[ерхне]-Уральского уезда Тирлянской вол. Повираева Николая Петровича, который показал нижеследующее.

Я крестьянин указанной местности — имею от роду 43 года, грамотный. Женат. Жена Ольга Петровна 42 л. и 5 детей. Причем старшая Александра замужем за прапорщ[иком]²⁴ Ишимовым и находится здесь в отряде. Остальные дети остались в Бахтах²⁵ Семипалат[инской] области при Чрез[вычайной] След[ственной] Комиссии, сотрудником которой я состою (Семирекоблачеки).

7го июня 1921 года мне было дано задание войти в армию Бакича с целью ее дезорганизации путем пропаганды. Таковое же задание дано было и тов. Вотякову Вас[илию] Алекс[еевичу?]. Но он цели не достиг, вернулся в Чугучак²⁶. Мною об этом было сообщено в Экспедиционный отдел по ликвид[ации] банд на имя нач. тов. Удилова. Из Кобуцкой долины²⁷ я передавал сведения несколько раз и полагаю, что сведения достигали своего назначения. Из Шара-Сумэ мною подавались тоже сведения раза три — но получались ли таковые адресатом, мне неизвестно. Я писал донесения мною придуманным шифром, состоящим из 12 пунктов. Дочь моя, Александра Николаевна Ишимова, находящаяся в отряде, мне деятельно помогала в выполнении возложенного на меня задания.

Так, например, в Чугучаке — с целью убийства политкомиссара Якубовского был командирован специально человек — об этом узнала моя дочь Александра (как близкий человек Бакичу), предупредила означенное преступление тем, что сообщила мне, и я прочел ее письмо Якубовскому, который принял было того человека (офицера Следнева) в свою личную охрану. Вторичный случай — комендант отряда капитан Лютин²⁸ дал обещание совет[у] власти — убить Бакича за 10 пуд[ов] серебра и получил в задаток 4 пуда. Но моя дочь, сведавши, что Лютин просто шантажирует совет. власти — и что, получивши остальное серебро, привезет его в лагерь — уведомила об этом меня, что я не замедлил передать тому же тов. Якубовскому, которым были приняты меры и Лютин был арестован. И затем последовательно дочь моя уведомляла меня о намерениях Бакича. Все сведения, мною от нее получаемые, я направлял при первой возможности в г. Чугучак через Кобук — представителю Еникееву. В Шара-Сумэ я прибыл в июле м[еся]це, назвавшись беженцем, между тем предложил моей дочери помогать мне, объяснивши ей цель моего пребывания в отряде. Дочь согласилась мне во всем помогать.

Результатом нашей совместной деятельности явилось то обстоятельство, что часть отряда Бакича в числе 3000 человек не выехала из Шара-Сумэ на Кобдо, а осталась сдать совет. власти. Из числа своих сотрудников, помогавших мне в этом деле, могу указать полковника Краснова²⁹, который путем словесных разъяснений солдатам о[б] истинном положении отряда и настоящем настроении и внутренней политике Совет. России весьма много помог мне в моей работе. Мною принимались различные меры и способы, способствующие преуспеванию в делах совет. отрядов и вообще нашей общей идеи. Бакич был суеверен, и я через свою дочь представил Бакичу искусного гадалщика на бобах — гражд[анина] г. Семипалатинска Аркадия Белова, находившегося в отряде (остался в Шара-Сумэ). Кроме сих лиц весьма ценным сотрудником считаю полковника Кокорева³⁰, который заведовал корпусным интендантством, который всегда вращался в кругу солдат и много способствовал разложению отряда. Кокорев остался в г. Кобдо после приказа Бакича о том, кто желает оставаться в отряде и кто желает уходить, препятствий не имеется. После сего в Кобдо осталось до 1000 человек, и ушло много из отряда по разным направлениям.

Во время стоянки на Сарыгунь-куре мною было сделано предложение (через посредство дочери) Бакичу войти в соглашение с Байкаловым³¹ и принять все его условия. Бакич, исходя из общего положения и учитывая состояние своего отряда, был согласен войти в переговоры с Байкаловым, но как раз в это время было издано распоряжение начштаба Смольнина³² о снятии осады, и мое намерение не имело успеха.

Затем после боя при Атамановке, состоя в обозе 11/XII, когда обоз был готов к движению за хребет, я не послушал распоряжения Шеметова³³ и вместе с дочерью открыто заявили, что более никуда двигаться не намерены. Это повлияло и на остальных, благодаря чему весь обоз остался.

До наступления на Атамановку было решено идти на Тес зимовать. Намечался и еще пункт Улясутай. По настоянию Казанцева³⁴, Сеерпаса и Смольнина решили идти на Атамановку. Куда побежал Бакич в настоящем не знаю. Нар. Кобдо мною было завербовано из отряда три сотрудника вполне надежных — фамилии их: Прокофьев, Башарин и Часовский.

На вопрос — не имелась ли у Бакича контрразведка и как и где раскинуты ее сети? Отвечаю. Контрразведка у Бакича имелась, начальником которой состоял капитан Кузьминых³⁵. Неотлучно находилась при штабе. Из разведки лично знакомы мне, кроме Кузьминых — его заместитель Мальков (поручик)³⁶, Мальков остался в Бахтах, где исполняет обязанности следователя при Семиречоблачека. В Шара-Сумэ остался некто Балиев (чиновник воен[ного] времени). Здесь при отъезде остался Сочнев и Носов (поручик).

Назначались из Шара-Сумэ в район Бурчум — Бийск 10 человек с целью пропаганды под командой полковника Васильева, но вследствие того,

что этот район был занят совет. войсками, посланные возвратились. О всем этом мною извещалось отделение в Чугучаке через тов. Еникеева.

К сему подписуюсь Н. Повираев

Сотруд[ник] Штарма 5 и ВСВО А. Иванов

ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 48–49. Подлинник. Рукопись.

Документ 2. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА А. Н. ИШИМОВОЙ.

17 (?) декабря 1921 г.

Опрошенная гражданка Ишимова Александра Николаевна, 21 года, замужняя — показала нижеследующее: я крестьянка Оренбургск[ой] губ. В[ерхне]-Уральскогоу[езда], Тирлянской вол[ости]. Получила образов[ание] в В[ерхне]-Уральской женской гимназии, кончила 7 классов. В 1917 году вышла в замужество за хорунжего 2го отдела Оренбург[ского] казач[ьего] войска — Михаила Степановича Ишимова. Революция и события 1918 года застали меня в следующем положении: 2^й Оренбург[ский] каз[ачий] полк стоял в Минске, и я находилась здесь при муже. Когда же полк направился на Уфимский фронт, то все женщины оставались на месте, и я решила уехать к родителям в Верхнеуральск. Здесь по степени приближения совет[ских] войск носились угрозы, что все семейства офицеров будут истреблены, в силу каковых обстоятельств я и мои родители направились в Троицк. Это было в 1919 году. Отсюда при отступлении белых войск мы продвинулись в Атбасар. Здесь, когда проходил Дутов, мы в числе других беженцев направились в Чугучак. В Семиреченской области, не доходя до Чугучака, в Бахтах, мы некоторое время проживали. Прибыли затем в Чугучак ранее войсковых частей более недели. В Чугучаке³⁷ отец занялся торговлей. Сюда к нам приезжали из Бахтов какие-то люди, которые о чем-то тайно говорили с отцом. Я знала, что эти люди были большевики и что они желали иметь сведения о намерениях белых. Впоследствии, когда я сошлась с Бакичем, отец просил меня сообщать о всех совещаниях и решениях комсостава и о всем том, что можно услышать от Бакича или от посещавших его офицеров.

Однажды отец просил меня сообщить (это было в Чугучаке), кто таков комендант корпуса Лютин и каковы его убеждения? Отец его видел в несоответствующей среде, — т. е. в компании большевиков. Я узнала от Бакича, что Лютин взялся шантажировать большевиков, обещая им за 7 пудов серебра доставить голову Бакича. И что Лютин успел в своем намерении. Контрразведка донесла, что деньги Лютин получил. Было послано к Лютину, и у него взяли 4 пуда серебра. Бакич вторично хотел послать за оставшимся серебром, но намерение не было приведено в исполнение, потому что красные заняли Чугучак. Вторично отец осведомлялся, не было ли откуда делегации и о чем говорилось с Бакичем, я сообщила, что были делегаты от народн[ой] дивизии³⁸, но что это за дивизия и где они, не знаю. Вскоре

прибыла эта дивизия и привезла оружие, которое перепрятано было по разным частям для того, чтобы не узнали об этом кит[айские] власти. И вообще о всем и всегда я сообщала отцу, что он находил более или менее интересное для себя. Припоминаю Акмолинской области старика Дериглазова³⁹, который ворожил на бобах, он ворожил и Бакичу, хотя Бакич не суеверен.

На Сарлгуне я говорила Бакичу вести переговоры с Байкаловым, Бакич отвечал, что он не прочь бы от переговоров, но это зависит не от меня одного. Когда же ушла дивизия с Кочневым⁴⁰, то Бакич выразился так — мне ничто не мешает соединиться с Байкаловым и резать всех беспощадно. По прочтении письма Байкалова⁴¹ я вновь говорила Бакичу о необходимости сдать, то он отвечал это дело не женское и вам об этом судить нельзя. В общем, хотя Бакич для меня не имеет какого-либо значения — по совести говоря главным виновником всего определяю начштаба Смольнина и его единомышленника Кирхмана⁴². Эти двое держали все в руках и всем произвольно распоряжались, и Бакич попал всецело под их влияние.

Когда шли в Урянхай, на совещании было постановлено идти зимовать на Тес. Но здесь Сеерпас и Казанцев разбили этот план, доказавши, что можно без каких-либо препятствий пройти на Урянхай и там зимовать. Они указывали, что настроение населения благоприятствует их вторжению. Берут все у крестьян, даже отбирают для комиссаров яйца. И что это говорят все знакомые Казанцеву сойоты⁴³, их поддержал Смольнин. В настоящем же мне неизвестно, куда бежал Бакич. После того, как он пошел в наступление, я его более не видала.

В отряде, я знаю, была контрразведка, начальником которой состоял капитан Козьминых. Работали они [в] Чугучаке, где часть их во главе с полковником Комашинским⁴⁴ попала в плен красным. Я знаю из к[онтр]разведки прапорщика Носова, поручика Малькова, который остался в Чугучаке с Комашинским. Капитан Лекс, которые обои состояли впоследствии в Бахтах сотрудинками Семипалатоблачека.

Добавляю, что когда я давала сведения отцу о прибытии народной дивизии в обход Чугучака в лагерь Бакича, я указала, что патронов привезено мало и что народная дивизия, сделавши недельный отдых, намеревается напасть на Чугучак, где захватит оружие, потом идти на Бахты и Зайсан. Благодаря данным мною сведениям [преступ]ление было предупреждено. Красные войска за[няли Чугучак и]⁴⁵ овладели все оружием, находившимся в [Чугучаке]. А. Ишимова.

ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 49–49об. Подлинник. Рукопись.

Документ 3. ПРОТОКОЛ ВТОРОГО ДОПРОСА А. ИШИМОВОЙ.

Вторично опрошенная Александра Ишимова, на вопрос — какими побуждениями руководствовалась при вступлении в супружескую

связь с Бакичем? Общностью идей, побуждениями личного характера, исходящими из-за борьбы за существование или Бакич взял вас как вещь — в смысле удовлетворения собственных потребностей? Отвечаю: в смысле общности идей у меня не могло быть речи уже по одному тому, что никаких идей о власти и социальном положении у меня не было. За что боролся Бакич, куда он шел и зачем? Я не знала. На совещаниях штаба не бывала, и если застанет меня таковое, то меня обыкновенно удаляют на кухню (что случалось сведать, то только от Бакича или знакомых офицеров о решении собрания). Не шла я за Бакичем и в смысле борьбы за существование, ибо я была в своей семье у отца, который, хотя и не имел больших средств, но для нашего пропитания находились средства. Не нужно думать, что я шла за Бакичем дабы способствовать большевикам. Меня взял Бакич как вещь, я была как рабыня, я не имела собственной воли, не имела желаний, т. е. мои желания не были осуществляемы.

И в смысле того, как говорит пословица «стерпится-слюбится», не имела никаких надежд, и о будущей совместной жизни не мыслилось, потому что у Бакича было свое семейство, находящееся в Никольск-Уссурийске. И он только и мечтал о том, когда он дождетсЯ того времени, когда соединится с[о] своим семейством и уедет в Сербию. И я только мучилась и терзалась своей неопределенностью и бесцельностью своего существования и нашла смысл лишь тогда дальнейшего существования, когда отец мой (Повираев) предложил мне соучаствовать в выполнении возложенного на него поручения, что я и выполняла.

На вопрос — имел ли Бакич сношение с[о] своим семейством и чрез посредство кого? Отвечаю: Сношение имел по телеграфу чрез генерала Анисимова⁴⁶ в Харбине, которому он телеграфировал, прося о помощи его семье в счет его жалования. Подтверждение вы найдете в бумагах штаба. К сему подписуюсь: А. Ишимова.

ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 50об. Подлинник. Рукопись.

Документ 4. ИНСТРУКЦИЯ СОТРУДНИКУ ШТАБА 5-Й АРМИИ
ТОВ. ПРОСВИРНИНУ.
30 декабря 1921 г.

С. Секретно

Инструкция сотру[д]нику шт[а]рм 5 тов. Просвирнину

1. Поручаю Повираева и Ишимову, именующих себя сотрудниками Семиречоблачека, принять в свое ведение в пос. Атамановке и доставить в пос. Туран в ведение военкорреспондента тов. Котельникова.

2. Во время следования в пути не давать посторонним возможности входить с ними в соприкосновение. Не отвечать на вопросы любопыт-

ствующих, кто едет? куда? и проч. Ограждать от оскорблений. И заботиться о средствах быстрейшего передвижения.

3. При остановках в пути избирать помещение, где можно бы было иметь самое бдительное наблюдение над сопровождающимися — не наводя их на подозрение.

4. Имеющиеся вещи при Повираеве и Ишимовой осмотреть тщательно и в дальнейшем не позволять ни под каким предлогом их осмотра и вообще какого-либо соприкосновения.

5. За все, что может случиться в пути, вы отвечаете единолично. Вследствие сего вам разрешается требовать конвой, увеличивать число конвоиров по своему усмотрению.

6. В случаях, непредвиденных сим, имеющих целью бегство сопровождаемых или нежелание двигаться далее без уважительных на то причин — предоставляю вам право применить экстренные репрессивные меры до расстрела на месте включительно.

Ответств[енный] сотрудник Штарма 5 и ВСВО Ар. Иванов. 30/XII.

Настоящую инструкцию читал, усвоил и обещаю выполнить. Прошурин.

ГАН. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 64об. Подлинник. Рукопись.

Документ 5. ИНСТРУКЦИЯ ВОЕННОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ ТОВАРИЩУ КОТЕЛЬНИКОВУ.

Военкорреспонденту тов. Котельникову

Доставленные мне военнопленные сотрудниками Ос[обого] от[дел]а поста 27 для опроса с целью узнать намерения Бакича мною были временно задержаны: генералы Шеметов, Жадановский⁴⁷ и полковник Степанов⁴⁸, одновременно с ними поступили в мое ведение именующие себя агентом Семиречоблачека — Повираев, его дочь и соучастница Ишимова и завербованные ими сотрудники полковник Прокофьев⁴⁹, шт[абс]-капитан Башарин⁵⁰ и шофер Часовский⁵¹.

Параллельно нужного мне материала из опросов всех указанных лиц — выяснилось, что присутствие Повираева в лагере Бакича имеет какие-то причинности — согласно же заявления Повираева — отождествляющие его цель согласованную с[о] смыслом задания от 7 июня с/г за 111/а — что в свою очередь побуждает меня принять соответствующие меры.

Желая помочь своему человеку — сексоту Семиречоблачека — я решил изолировать его от общего режима и послал запрос [в] Штаб 5 [армии] срочно навести справку Семиречоблачека с целью выяснения истинной физиономии Повираева. Между тем, согласно просьбы сотр[удников]

Ос[обого] от[дел]а и наших — не давать в обиду своих сотоварищей — взял под свое ведение и защиту Повираева, Ишимову и их сотрульников, которых в настоящем и препровождаю в Туран в ваше ведение с протоколами дознания. Полагаю, что найдете в протоколах достойного внимания, извлечь, а все остальное передать в ведение Ос[обого] от[дел]а. Указав, где находятся люди, со слов коих протоколы были составлены.

В постановлении указаны, кто и где находится каждый из них. С тов[арищеским] приветом

Сотр[удник] штаб 5 Ар. Иванов

ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 64–64об. Подлинник. Рукопись.

Документ 6. ПИСЬМО А. С. БАКИЧА А. Н. ИШИМОВОЙ-БАКИЧ.

2 февраля 1922 г.

Урянхайский Край.

Товарищу Кочетову⁵²

с просьбой передать

Александре Николаевне

Ишимовой-Бакич.

Монголия. Гор. Урга 2 февраля 1922 года.

Добры[й] день, милая и дорогая моя Шура, хотя и не уверен, что ты это письмо получишь — но я все же пишу, ибо на душе мне легче станет. О, как тяжело и больно не знать, как живет моя милая тупус и от нее не получить весточки. Вот уже два месяца как я тебя не вижу — днем и ночью думал и мне мучило то, как ты живешь, что с тобой? Одно утешение только то, что с тобой был папа — конечно я уверен, что он не может меня заменить, но все же свой родной — я из Уланхома (так в документе — А. Г.) выехал с 19 человек[ами]. Конечно луч[ш]е, сказать спроводили, дав конвой 22 декабря 1921 г., прибыл 15 янв. 22 г. и нахожусь на г[а]уп[т]вахте со всеми — комнаты светлые и достаточно теплые, продовольствие хорошее — Если отправлюсь куда-нибудь, я напишу. Сколько здесь пробудем, неизвестно и что будет также неизвестно. Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть и днем и ночью думаю о тебе и как ты живешь[ь] и как тво[е] зд[о]ровие. Здесь я встретил старых знакомых по службе до Европейской войны. Получала ли ты письма от меня, где Таиса и Ольга? Напиши мне о всем подробно и о том, как ты живешь. Со мной Феодор и Степа — Гавриил и Михаил здоровы. Мое здоровье ничего, лишь что простудился и кашлил — конечно у меня ничего нет кроме креста на груди, но мне ничего и не нужно, ты одна меня понимала и знала — буду жить надеждой увидеть мою милую тупусу. Привет папе и как и в давние [времена] крепко-крепко мысленно целую мою любимую тупусу. Твой Андро.

Николаю Петровичу написал также. Адрес. Урга, Главный штаб, передат гражд. А. С. Бакич.

ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 59–60об. Подлинник. Рукопись.

Документ 7. ПИСЬМО А. С. БАКИЧА Н. П. ПОВЕРЯЕВУ.
2 февраля 1922 г.

Илийский Край
Товарищу Кочетову
за просьбой передать
Николаю Петровичу
Повираеву

Монголия Урга 2 февраля 1922 г.
Добри день дор[о]гой
Николай Петрович

Я писал Шуре, но не знаю, получила ли она письмо. Как я рад, что Вы оказались с ней — что бы она делала одна. Я нахожусь здесь на гауптвахте при команданте. Комната топлая и светлая, продовольствие хорошее. Но тяжело и больно нет около меня и вблизи мое[й] дорогой Шуры — но веру и надежду не тираю увидат ее, если буду жив надежда на Вас — как Вы живете? Известно ли Вам, где Ваши, где Таиса и Ольга? Не знаю, куда нас и когда отправят и что будет — напишите сюда в главный штаб Монголии для передачи гражданину меня (т. е. для передачи мне. — А. Г.). Многое еще написал бы Вам о жизни, но тоже — из Уланхома ехали 24 дня с 22 дек. 21 г. до 15 янв. 22 года. Да уже два месяца как я Вас и Шуру не вижу. Да надо было с р. Кобдо уехать вместе в Россию, как Вы говорили — но тепер это поздно — привет Шуре, жму Вашу руку. Ваш Андро.

ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 57 – 58. Подлинник. Рукопись.

Документ 8. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПОКАЗАНИЕ
БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА КОЛОКОЛЬЦЕВА⁵³

В частном разговоре с генералом ШЕМЕТОВЫМ я от него узнал, что генерал БАКИЧ в гражданские жены берет Александру Николаевну ИШИМОВУ, и генерал ШЕМЕТОВ хотел съездить к нему, чтобы переговорить о том, что в Корпусе идет молва[что] за ИШИМОВУ из казенного серебра уплачивают в подарок большую сумму. И когда это было передано, то генерал Бакич ответил, что из казенного серебра он ничего не берет, так как оно хранится не у него, а про частную семейную жизнь никому дела нет.

Верно:

Уполномоченный Особотделения 26⁵⁴

ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 33. Заверенная машинописная копия.

Документ 9. РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА ПОГРАНИЧНОГО ОСОБОГО ОТДЕЛЕНИЯ
НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.
20 февраля 1922 г.

Р.С.Ф.С.Р.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Восточно-Сиб[ирского] Воен[ного] Округа

ПОГРАН[ичное] ОСОБОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

3

Общая часть

20 февр[аля] 1922 г.

145/с

НАЧОСОБОТДЕЛА В.С.В.О.⁵⁵

РАПОРТ.

При сем препровождаю материалы на пленных отряда БАКИЧА, которые для нас не представляют особенной ценности, а в настоящее время являются историческим материалом.

Присовокупляю, что генерал ШЕМЕТОВ отправлен нами в Особ[ое] отделение 26 дивизии, а генерал ЖАДАНОВСКИЙ, по непроверенным сведениям, якобы умер в Урянхае. Повираев (сотр. Семиреч. Чека), физиономия которого не выяснена, а также ИШИМОВА (жена Бакича) находится на службе в Урянхайском Крайревкоме.

НАЧОСОБОТДЕЛЕНИЯ 3⁵⁶

СЕКРЕТАРЬ Смирнов

ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 38. Подлинник. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее о Бакиче см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; *Он же*. Црногорац у служби Русије: генерал Бакић. 2 исправљено и допуњено издање. Никшић, 2009; *Он же*. Атаман А. И. Дутов. М., 2006; *Он же*. Андрия Бакич: черногорский белый генерал // Россия и Черногория: вехи истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006. С. 80–83; *Он же*. Черногорский русский генерал Андро Бакич // Свой. Журнал Никиты Михалкова. 2008. 7. С. 58–63.

- 2 Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 817. Л. 4об., 11об.
- 3 Подробнее см.: *Ганин А. В.* Черногорец на русской службе. С. 123–125.
- 4 Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 86.
- 5 См., напр.: *Филатенко А.* Как атаманша партизанам помогла // Вечерний Красноярск. 2005. 13.05. 6.
- 6 *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891—1945. Биографический справочник. М., 2007. С. 249.
- 7 Автор неточен — Ольга Федоровна. — *А. Г.*
- 8 ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 85–86. Явные ошибки исправлены без оговорок.
- 9 ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.
- 10 ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 38, 48.
- 11 Там же. Л. 49–49об.
- 12 Там же. Л. 56об.
- 13 Там же. Л. 48.
- 14 Там же. Л. 57об.
- 15 Так в документе. — *А. Г.*
- 16 ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 50об.
- 17 ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 57об.
- 18 Там же. Л. 60об.
- 19 Там же. Л. 57.
- 20 Там же. Д. 139. Л. 63об.
- 21 Там же. Л. 64об.
- 22 Там же.
- 23 Восточно-Сибирского военного округа. — *А. Г.*
- 24 На самом деле — хорунжим. — *А. Г.*
- 25 Бахты — пограничный пункт Семипалатинской области, через который отряд Бакича перешел в Китай 27 марта 1920 г. — *А. Г.*
- 26 Чугучак — приграничный китайский город на территории Синьцзяна. — *А. Г.*
- 27 Имеется в виду долина реки Кобук. — *А. Г.*
- 28 Лютин Григорий Васильевич — из с. Кивать Сызранского уезда Симбирской губ. Прапорщик (на 06.1919). Штабс-капитан (на 07.1920). Капитан (на 1921). Начальник партизанского отряда (01.1919). Зачислен в почетные казаки по станице Магнитной 2-го военного округа Оренбургского казачьего войска (утверждено 3-м очередным Войсковым Кругом Оренбургского казачьего войска 09.06.1919). Участник Голодного похода (11–12.1919). В эмиграции — в Западном Китае (с 03.1920). Комендант лагеря отряда генерала А. С. Бакича на р. Эмиль (1920). Заведующий контрразведкой отряда.
- 29 Краснов Георгий Иванович (23.05.1870 — 25.05.1922) — из станицы Оренбургской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по 2-му разряду. На службе с

17.07.1889. Хорунжий (с 23.02.1896). Сотник (с 01.07.1900 со старшинством с 23.02.1900). Подъесаул (с 01.07.1904 со старшинством с 23.02.1904). Есаул (за отличие, с 14.11.1906 со старшинством с 13.12.1905). Войсковой старшина (с 28.01.1915). Полковник (на 1920). Служба: в 3-м Оренбургском казачьем полку (1892 — 1894), в 3-м Верхнеудинском казачьем полку участвовал в русско-китайской войне (1900—1901), на льготе. Со льготы назначен в 9-й Оренбургский казачий полк (1904), участник русско-японской войны, ординарец ген. В. П. Грекова. В 12-м Оренбургском казачьем полку (1904—1905), в 1-м Оренбургском казачьем полку (1908—1910). Командир 4-й сотни 5-го Оренбургского казачьего полка (1914). Помощник командира 5-го Оренбургского казачьего полка (1915). Временно командовал полком (1916). Спортсмен. Начальник карательного отряда для усмирения деморализованной пехоты (07.1917). Помощник командира 6-го Оренбургского казачьего полка (07.1917). Командир 6-го Оренбургского казачьего полка (на 10.1917). В эмиграции — в Западном Китае (с 03.1920). Интернирован в лагере на реке Эмиль. Участник похода к Шара-Сумэ (1921). Преследовал дунган от Шара-Сумэ. Остался в Шара-Сумэ, отделившись от корпуса генерала А. С. Бакича. Арестован 27.09.1921 Зайсанским особым погранотделом. Приговорен выездной сессией Семипалатинского объединенного губревтрибунала 25.05.1922 к расстрелу. Реабилитирован 17.12.1998 Главной военной прокуратурой республики Казахстан на основании закона республики Казахстан от 14.04.1993. Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1900, утверждено в 1901), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1906), чин есаула (1906), в 1914—1917 — бухарский орден золотой звезды 3-й ст. (13.05.1914), Св. Анны 2-й ст. с мечами (по другим документам — 1906), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Высочайшее благоволение, Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1917). Супруга — дочь действительного статского советника Елизавета Васильевна Шнырова (с 15.07.1896). Дети: Людмила (17.11.1901), Вера (17.09.1903).

- 30 Кокорев (Кокарев) Иван Иванович (01.01.1875 —?) — из станицы Степной 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (1899). На службе с 01.09.1897. Хорунжий (с 21.07.1900). Сотник (с 01.07.1904). Подъесаул (с 01.07.1908). Есаул (на 1918—1921). Войсковой старшина (?). Полковник (?). Служба: в 1-м Оренбургском казачьем полку (с 1903), в 4-м Оренбургском казачьем полку (1904—1908), в 5-м Оренбургском казачьем полку (1908—1910), смотритель складов имущества 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска (1908—1914). По мобилизации 1914 г. направлен в 4-ю Оренбургскую казачью запасную сотню (там же в 1915). В 3-м Оренбургском казачьем полку (1914—1916), командир 1-й сотни. Ранен и контужен (04.07.1916). На лечении в Пятигорске (1917). В 3-м Оренбургском казачьем запасном полку (начало 1918, Верхнеуральск). Имел свой химический завод, занимался производством краски.

Пособственным показаниям, якобы, мобилизован белыми для производства краски на нужды армии (10.1918—15.07.1919). Командир Илекского дивизиона (1918). Командир конного отряда своего имени на Бузулукском направлении (с 10.10.1918). В связи с приближением красных проведена тотальная мобилизация, назначен командиром Илекского дивизиона (с 07.1919 — по собственным показаниям, данным в красном плену, на самом деле по оперативным документам Народной армии дивизион Кокарева существовал еще в 10.1918). По распоряжению атамана 2-го военного округа Оренбургского казачьего войска В. Н. Захарова назначен командиром дивизиона своего имени (400 чел.). Перешел в расположение IV Оренбургского армейского корпуса генерала А. С. Бакича, служил в корпусе (с 08.1919). Участник Голодного похода (11–12.1919). В эмиграции — в Западном Китае. Интендант корпуса генерала А. С. Бакича (1921). Сдался в плен РККА 08.12.1921 в районе Кобдо — Шара-Сумэ вместе с В. Н. Захаровым. Постановлением особого совещания при НКВД СССР 25.01.1941 приговорен к 8 годам лишения свободы. Освободился и умер в преклонном возрасте.

- 31 Байкалов (Некундэ) Карл Карлович (1886—1950) — советский военачальник, участник Гражданской войны. Родился в Риге, в семье латвийских революционеров. За революционную работу выслан в Прибайкалье. Командир отряда, позднее вошедшего в состав 5-й советской армии. Командир сводного советско-монгольского интернационального отряда, участвовавшего в 1921 г. в борьбе с белогвардейцами в Монголии. Окружен отрядами белых и осажден в монастыре Саруль-гун на западе Монголии возле озера Толбо-Нур. Позднее белые сняли осаду. Командующий войсками Якутской области и Северного края (с 03.1922—1923). Участник подавления Якутского восстания и борьбы с генералом А. Н. Пепеляевым. И. о. секретаря Якутского обкома ВКП(б). Управляющий Якутлестреста (1932 —1936). Председатель военного трибунала внутренней охраны Якутской АССР. Арестован (11.09.1937), осужден 25.05.1940 Верховным судом Якутской АССР на десять лет лишения свободы, в 1941 г. срок сокращен до пяти лет. Умер в поселке Абалах Якутской АССР. Посмертно реабилитирован 13.01.1956 военным трибуналом Забайкальского военного округа.
- 32 Смольнин-Терванд (Turvand Jaan) 2-й Иван Иванович (04.07.1887 — 17.06.1922) — из граждан Лифляндской губ. Евангелическо-лютеранского вероисповедания. Окончил Перновское городское училище, экзамен за 4 класса гимназии, Виленское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду и императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911—1914). На службе с 01.10.1904. Младший портупей-юнкер (с 1906). Старший портупей-юнкер (с 1907). Подпоручик (с 12.08.1907 со старшинством с 24.03.1906). Поручик (с 24.03.1910). Штабс-капитан (с 24.03.1914). Капитан (с 10.04.1916). Подполковник (с 15.08.1917). Полковник (Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 19.05.1919 со старшинством с 15.05.1919). Генштаба генерал-майор (условно, вследствие

перерыва связи со штабом фронта произведен А. И. Дутовым 08.01.1920). В службу вступил на правах вольноопределяющегося 2-го разряда юнкером рядового звания (01.10.1904), в 24-м Сибирском стрелковом полку (с 08.1907), офицер для поручений при штабе Иркутского военного округа (с 08.05.1914), старший адъютант штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии (с 19.07.1914). Участник Первой мировой войны. Вр.и.д. начальника штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии (22.11—28.12.1914; 08.05—11.07, 11.09—11.11.1915; 11.01—11.02, 10.09—10.11.1916). Вр.и.д. начальника штаба 20-й Сибирской стрелковой дивизии (16.01—08.02.1917). Правитель дел по учебной части Рижской школы прапорщиков (02.1917—12.04.1917). Штаб-офицер для поручений при штабе XXVIII армейского корпуса (1917). Начальник штаба 1-й Кавказской стрелковой дивизии (с 02.09.1917). В распоряжении начальника штаба армий Северного фронта (с 22.01.1918). В распоряжении командира XLIX армейского корпуса и обер-квартирмейстер группы из XIII, XLIX и VI Сибирского армейских корпусов (с 19.02.1918). Начальник штаба XLIX армейского корпуса (29.03—25.04.1918). Временно командующий XLIX армейским корпусом (12—25.04.1918). Без должности (04—06.1918). Находился в Петровске Саратовской губернии, куда был направлен корпус для расформирования. В РККА — начальник разведывательного отделения штаба Северо-Кавказского военного округа (с 06.1918). В командировке для инспектирования советских войск в Дагестанской области (08.1918). Получив отпуск к семье в Саратов, перешел фронт (08.1918), прибыл в Самару (13.09.1918), служил в Народной армии. Начальник штаба 2-й Сызранской стрелковой дивизии (с 16.09.1918). Начальник штаба Бузулукской группы Юго-Западной армии (с 06.11.1918). По расформировании штаба группы откомандирован к месту штатной службы во 2-ю Сызранскую стрелковую дивизию (02.01.1919). Командирован для вр.и.д. генерал-квартирмейстера штаба Отдельной Оренбургской армии (05.02.1919). Назначен начальником штаба IV Оренбургского армейского корпуса (с 21.02.1919 (по другим документам — с 24.02), утвержден и.д. — Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 17.03.1919). Начальник штаба IV Оренбургского армейского корпуса и начальник контрразведывательного отделения корпуса (с 21.02.1919). Зачислен по Оренбургскому казачьему войску (Постановление 3-го очередного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска 13.03.1919). Участник Голодного похода (22.11 — 31.12.1919). Штаб IV Оренбургского армейского корпуса переименован в штаб отряда атамана Дутова на положении отдельного корпуса (13.01.1920). Начальник штаба отряда (с 13.01.1920). Перешел у местечка Бахты границу Китая и интернирован в составе отряда (27.03.1920). Отряд переименован в Отдельный Оренбургский корпус (03.03.1921). Корпус вследствие нападения на него большевистских и китайских войск находился в передвижениях в Тарбагатайском, Алтайском, Кобдинском округах и Урянхайском крае (23.05 — 30.12.1921). Корпус сдал оружие монгольским войскам Хатан-Батор-Вана и прекратил

33

свое существование (30.12.1921). В плену (с 30 (17).12.1921). Осужден в Новониколаевске (05.1922) и расстрелян вместе с генералом А. С. Бакичем и группой военачальников. Награды: 1914–1917 — орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (вследствие захвата власти большевиками результат представления неизвестен), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст., Св. Станислава 3-й ст. (08.05.1914), Св. Анны 2-й ст. с мечами, мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст.; орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами (за боевые отличия, 04.01.1920). Приговором 11 станицы Магнитной 2-го военного округа Оренбургского казачьего войска от 04.04.1919 избран почетным казаком (Протокол 3-го очередного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска 09.06.1919). Женат на Ирме Федоровне Вольнер. Дочь Ирина (11.03.1913). Жена и дочь вероисповедания евангелическо-лютеранского. В Западном Китае (1920), видимо, гражданская супруга — Мария Ивановна. Шеметов Алексей Семенович (13.03.1882 — 20.08.1933) — из казачьих детей поселка Петропавловского станицы Карагайской 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Получил домашнее образование, окончил курс полковой учебной команды при 5-м Оренбургском казачьем полку «отлично» (21.04.1900, награда — 15 руб.) и Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду. Участник русско-японской и Первой мировой войн. На службе с 15.08.1899. Приказный (с 24.12.1899). Младший урядник (с 07.07.1900). Подхорунжий (с 22.07.1902). Хорунжий (с 06.04.1903 со старшинством с 01.09.1902). Сотник (с 01.07.1907 со старшинством с 01.09.1906). Подъесаул (с 05.10.1910 со старшинством с 01.09.1910). Есаул (за боевое отличие, с 14.04.1915 со старшинством с 01.09.1914; установлено старшинство в чине с 01.09.1912 — Приказ армии и флоту 15.07.1917). Войсковой старшина (с 25.08.1916 со старшинством с 20.06.1916). Полковник (Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска 201. 19.09.1918 с утверждением в занимаемой должности и с награждением «Лентой отличия»). Генерал-майор (за боевое отличие, приказ войскам Отдельной Оренбургской армии 4. 08.01.1920; условно, вследствие перерыва связи со штабом фронта произведен А. И. Дутовым). Служба: в 5-м Оренбургском казачьем полку (с 08.06.1899), во 2-м Оренбургском казачьем полку (с 26.07.1902), на льготе (25.04.1903–1904), со льготы назначен в 10-й Оренбургский казачий полк (16.04.1904–1905), ранен (10.1904), полковой адъютант (с 19.07.1905), уволен на льготу (20.03.1906), в отдельном Оренбургском казачьем дивизионе (15.12.1906–1908), дивизионный адъютант (21.07.1907 — 21.07.1908), на льготе (с 02.08.1908), в 5-м Оренбургском казачьем полку (с 16.01.1912), полковой казначей (04.02 — 01.12.1912), полковой адъютант (с 01.12.1912), командир 4-й сотни 5-го Оренбургского казачьего полка (с 18.02.1915), заведующий хозяйством полка (с 14.02.1917), 3-й помощник командира полка (с 21.03.1917). Контужен в бою у д. Андрюшевы 31.08.1915 осколком снаряда, остался в строю. Делегат 1-го Войскового Круга Оренбургского казачьего войска (04.1917), избран председателем. Делегат на всероссийский казачий

съезд от Войскового Круга Оренбургского казачьего войска (06.1917). Помощник командира полка по строевой части (с 11.08.1917). Командирован на Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска (02.12.1917). Прикомандирован ко 2-му Оренбургскому казачьему запасному полку (с 06.12.1917). Прибыл в полк (29.12.1917). Депутат чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска от станицы Петропавловской (01–02.1918). В распоряжении Войскового правительства Оренбургского казачьего войска (12.02 — 06.07.1918). По собственным показаниям 07.04.1918 бежал и 2,5 месяца скрывался в лесу. Сформировал из казаков своего поселка и принял командование Петропавловским добровольческим полком (с 06.07.1918), принимал активное участие в боях с красными в Верхнеуральском уезде. Со своим полком с боем занял Белорецкий завод (05.08.1918), что вынудило отряды братьев Кашириных и В. К. Блюхера начать отход из пределов губернии. Командир Петропавловского полка 2-й Оренбургской казачьей дивизии (на 08.08.1918). Полк переименован в 16-й Карагайский атамана Дутова казачий полк. Командир 16-го Оренбургского казачьего полка (с 06.07.1918 — Приказ по Оренбургскому казачьему войску 243. 30.09 — 01.10.1918). Полк входил во 2-ю Оренбургскую казачью дивизию. Командующий 16-м Оренбургским казачьим полком (на 19.09.1918). Начальник Орского участка (приказ командующего Юго-Западной армией 8. 01.12.1918) в составе 15-го и 16-го Оренбургских казачьих полков, 7-й Оренбургской казачьей батареи и легкой батареи отдельного Оренбургского казачьего дивизиона. Вступил в командование (12.12.1918). Сдал командование (04.01.1919). Назначен командующим 1-й бригадой 2-й Оренбургской казачьей дивизии (Приказ по Оренбургскому казачьему войску 1. 03.01.1919). Временно командовал 2-й Оренбургской казачьей дивизией (19.01 — 06.03.1919). Допущен к и.д. начальника 2-й Оренбургской казачьей дивизии (04.03.1919; Приказ войскам Отдельной Оренбургской армии 173. 24.03.1919). Начальник 2-й Оренбургской казачьей дивизии (с 07.03.1919). Участвовал в Оренбургской операции (04–05.1919). 2-я Оренбургская казачья дивизия переформирована в 1-ю Оренбургскую казачью дивизию (Приказ войскам Оренбургской армии 2. 01.11.1919). Участник Голодного похода (11–12.1919). 1-я Оренбургская казачья дивизия переформирована в 3-ю Оренбургскую казачью дивизию (Приказ войскам Оренбургской армии 11. 20.11.1919). При отступлении находился в арьергарде, прикрывая отход армии на Сергиополь (Семиречье). 3-я Оренбургская казачья дивизия переформирована во 2-ю Оренбургскую казачью дивизию отряда им. атамана Дутова Отдельной Семиреченской армии (Приказ войскам Отдельной Оренбургской армии 3. 06.01.1920). В составе отряда перешел границу Китая и интернирован в лагере на р. Эмил (27.03.1920). Отряд переформирован в отдельный Оренбургский корпус (04.03.1921). Заместитель ген. А. С. Бакича. 2-я Оренбургская казачья дивизия за малочисленностью переформирована во 2-й Оренбургский казачий полк (04.10.1921). После боев (конец 10.1921) вместе с остатками корпуса

ген. А. С. Бакича сдался в плен под Уланкомом (23.12.1921). Ревтрибуналом приговорен к 5 годам лишения свободы (05.1922). Находился в заключении, освобожден. После освобождения жил в Новосибирске, работал главным бухгалтером Западно-Сибирского промышленного совета (Новосибирск). Арестован по «делу» ген. В. Г. Болдырева (15.02.1933) по необоснованному обвинению в «причастности к контрреволюционной повстанческой организации». Постановлением Коллегии ОГПУ 05.08.1933 приговорен по ст. 58-2, 58-6, 58-11, 58-13 УК РСФСР к расстрелу. Расстрелян в Новосибирске 20.08.1933, место захоронения неизвестно. Реабилитирован определением Военной коллегии Верховного Суда СССР 4н — 2753/58 от 29.07.1958. Награды: 1904–1908 — орден Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (29.01.1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (01.12.1905), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (11.12.1905), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (24.12.1904), светло-бронзовая медаль в память русско-японской войны; бухарский орден золотой звезды 3-й ст. (17.11.1913, разрешено носить 08.07.1914); 1914 — 1917 — орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (09.04.1916), Св. Анны 2-й ст. (06.05.1914), мечи к ордену Св. Анны 2-й ст. (16.05.1915), Высочайшее благоволение (за боевое отличие, 21.06.1916); «Лента отличия» Оренбургского казачьего войска «за отличия всего полка (16-го Оренбургского — А. Г.) в борьбе с большевиками и за отличное руководство полком» (Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска 201. 19.09.1918), Георгиевское оружие за то, что «13 января 1919 г., временно командуя 2 Оренбургской казачьей дивизией, после занятия станции Сагарчин — продолжал свое наступление на ст. Ак-Булак и, заметив отходящую раньше принявшую бой нашу колонну, остановил, заставил ее опять принять участие в бою, и наличностью вышеуказанных сил, после упорного боя захватил станцию Ак-Булак, важный пункт неприятельского расположения» (Приказ войскам Отдельной Оренбургской армии 262. 18.04.1919), орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами (Приказ войскам Отдельной Оренбургской армии 382. 06.01.1920), награжден мундиром 16-го Оренбургского казачьего полка (Приказ Походного атамана всех казачьих войск 18. 18.06.1920). Женат на дочери священника Евдокии Михайловне Крепкогорской, уроженке Оренбургской губ. (05.03.1880). Детей не имел (на 03.1920).

- 34 Казанцев И. Г. (? — 21.12.1921) — урядник (на 05.1917), есаул (на 1921). Председатель правления Енисейского казачьего войска (с 05.1917). Атаман Енисейского казачьего войска. Арестован красными в Иркутске и содержался в иркутской тюрьме (05–10.1920), бежал в Монголию. По поручению барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга весной 1921 г. занялся формированием партизанского отряда для освобождения Урянхайского края. Командир белоповстанческого отряда, действовавшего на территории Монголии и Урянхайского края (1921). Ввиду малочисленности отряда в конце августа 1921 г. присоединился к отряду есаула А. П. Кайгородова. Позднее присоединился к отряду генерала А. С. Бакича. По некоторым данным погиб в бою под Атамановкой.

- 35 Козьминых Виктор Константинович (1888 — 17.06.1922) — из мещан Пермской губ., уроженец станицы Кособродской 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, родился на приисках. Окончил Екатеринбургское реальное училище, студент-юрист 4 курса Петроградского университета (1914). Владимирское военное училище (01.02.1916). Владел французским языком. Прапорщик. Штабс-капитан (на 1917). Капитан (не ранее 10.1919). В 127-м запасном пехотном батальоне (Уфа, 1916). Участник Первой мировой войны. В 39-м Сибирском стрелковом полку на Румынском фронте, младший офицер 7-й роты, 6-й роты, командир 7-й роты, начальник команды службы связи. Рядовой Троицкой офицерской роты (07.1918). В 5-м Башкирском стрелковом полку (Верхнеуральск, 08.1918), начальник команды пополнения. В Троицком контрразведывательном отделении (09.1918 — 02.1919), начальник Верхнеуральского контрразведывательного отделения (04—07.1919). Начальник контрразведывательного отделения IV Оренбургского армейского корпуса и отряда атамана Дутова (10.1919 — 03.1920). В эмиграции — в Западном Китае (с 03.1920). Участник похода в Монголию (1921). Попал в плен под Уланкомом (12.1921). Судим в Новониколаевске (05.1922). Приговорен к расстрелу. Холост. За отцом дом и арендованный участок земли.
- 36 Мальков — обер-офицер для поручений Верхнеуральского контрразведывательного отделения (04.1919). Участник Голодного похода (11.12.1919). В контрразведывательном отделении штаба IV Оренбургского армейского корпуса и отряда атамана Дутова. В эмиграции — в Западном Китае (с 03.1920). Интернирован в лагере на р. Эмиль. Направлен генералом И. И. Смольным-Тервандом в Чугучак для ведения контрразведывательной работы (1920). Уехал в Советскую Россию (1920 — 1921). Служил следователем в Семиреченской ОблЧК (на 1921).
- 37 Зачеркнуто — в Бахтах. — А. Г.
- 38 Народная дивизия — формирование западносибирских крестьян-повстанцев (4 полка, 1200–2000 человек при 4 пулеметах) под командованием подхорунжего Сибирского казачьего войска С. Г. Токарева. Первоначальное наименование — 1-я Сибирская казачья дивизия. Под ударами красных повстанцы были вынуждены в марте 1921 г. отступить из Петропавловского в Кокчетавский уезд Омской губернии. 6 апреля 1921 г. дивизия заняла Каркаралинск, где была реорганизована и получила название Народной. В связи с наступлением красных дивизия отступила в Синьцзян и вошла в состав Отдельного Оренбургского корпуса генерала А. С. Бакича в качестве 1-й Сибирской дивизии. Начальник штаба дивизии — подъясаул И. З. Сизухин.
- 39 Фамилия в протоколах допросов Ишимовой и ее отца не совпадает — А. Г.
- 40 Кочнев Дмитрий Васильевич (09.10.1893 — 21.05.1981) — из станицы Оренбургской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, сын войскового старшины. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Киевское Константиновское военное училище по 1-му разряду (1912). Хорунжий (с 12.07.1914 со старшинством с 06.08.1913). Сотник (с 1916 со стар-

шинством с 19.07.1915). Подъесаул. Есаул (за отличия в борьбе с большевиками, Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска 102.29.08.1918 со старшинством с 14.07.1917). Войсковой старшина. Полковник (1920). Служба: в 5-м Оренбургском казачьем полку (1914), в 12-м Оренбургском казачьем полку (27.07.1914—1917), ранен (13.12.1914), но остался в строю. В партизанском отряде есаула Жукова (03.1918), в Красногорском партизанском отряде есаула Р. П. Степанова (1918). Состоял в комплекте конных полков Оренбургского казачьего войска (1918). Временно командующий 4-м Оренбургским казачьим полком (03.1919). Ранен (13.03.1919). Участник Голодного похода (11—12.1919). Командир 4-го Оренбургского казачьего полка (01.1920), в отряде атамана Дутова в лагере на р. Эмил в Китае (на 03.1920—1921). Командир 1 отдельного Оренбургского казачьего дивизиона в отдельном Оренбургском корпусе генерала А. С. Бакича (1921). Арестован Бакичем в г. Шара-Сумэ. Участник похода в Монголию (до 19.10.1921). Командир 1-го Оренбургского казачьего полка. Покинул корпус Бакича в ночь на 19.10.1921. Вероятно, в отряде А. П. Кайгородова. Жил в Ханькоу и Шанхае. Вице-председатель (1927—1934), председатель (1934—1944) Казачьего союза в Шанхае. Помощник председателя Российского эмигрантского комитета Н. К. Серженикова. Атаман Оренбургской казачьей имени атамана Дутова станицы в Шанхае (на 1936—1937). Член ревизионной комиссии Общеказачьего союза. Председатель кружка ревнителей истории Оренбургского казачьего войска. В США (после 1949). Издатель сборника «Оренбургский казак» (Сан-Франциско, 1952). Умер в Сан-Франциско. Похоронен на Сербском кладбище. Награды: орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1915). Соч.: Шанхай, Булугун-Эмил, Красногорск и Оренбург // Оренбургский казак. Сан-Франциско, 1952. С. 3—5. Сын Кочнева носит фамилию Кеннеди.

41 См.: Байкалов К. К. Воспоминания. Якутск, 1966. С. 41.

42 Кирхман Дмитрий Николаевич (1882 — 17.12.1937) — из дворян, родился в городе Боровичи Новгородской губернии. Окончил кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1903) и артиллерийскую электротехническую школу в Петрограде. Владел французским и английскими языками. Подполковник (в Первую мировую войну). Полковник (за отличие по службе — Приказ по Сибирской армии 18.09.1918 со старшинством с 17.09.1918). Генерал-майор (с 01.1920). На службе во 2-м Восточно-Сибирском осадном артиллерийском полку (на 1910, Хабаровск). Участник Первой мировой войны, командир 2-го Сибирского тяжелого артиллерийского дивизиона, воевал на Владимиро-Волынском направлении. Командир 1-го Омского сводного артиллерийского дивизиона (с 19.06.1918, переименован 29.08.1918 в Омский запасный артиллерийский дивизион). Командир 11-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона. Допущен к в.р.и.д. инспектора артиллерии Южной группы Западной армии (06.05.1919). Инспектор артиллерии Южной армии (с 05.1919), затем Оренбургской армии (с 09.1919), командир артиллерийской батареи отдельной Сызранской

Егерской бригады (с 06.01.1920, на 1921), инспектор артиллерии отдельного Оренбургского корпуса генерала А. С. Бакича. Интернирован в Китае и Монголии (27.03.1920; 29.12.1921 соответственно). 30.12.1921 под Уланкомом сдался в плен красномонгольским партизанам Х.-Б. Максаржава вместе с генералом А. С. Бакичем, судим в Новониколаевске. Приговорен к 5 годам заключения. По другим данным — Приговором Военной коллегии Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК 25.05.1922 г. приговорен к условному лишению свободы на 3 года с содержанием под стражей. Отбывал наказание в Новониколаевске (на 11.1922). На 1935 —1937 гг. жил в городе Боровичи. Счетовод религиозного общества. Арестован 10.12.1935. Освобожден 11.06.1936, дело прекращено. Секретарь общины Новоспасской церкви города Боровичи. Арестован 15.08.1937, осужден особой тройкой при УНКВД по Ленинградской области к расстрелу. Расстрелян в г. Боровичи. Женат.

43 Сойоты — устаревшее наименование тувинцев. — А. Г.

44 Комашинский — личность не установлена. — А. Г.

45 Текст неразборчив. — А. Г.

46 Анисимов Николай Семенович (18.12.1877 — 08.04.1931) — из дворян Оренбургской губернии, поселка Изяк-Никитинского станицы Пречистенской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Иркутский кадетский корпус (1899) и Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду (1902). На службе с 05.12.1899. Хорунжий (с 30.01.1902 со старшинством с 01.09.1901). Сотник (с 18.01.1906 со старшинством с 11.05.1904). Подъесаул (с 01.07.1908 со старшинством с 11.05.1908). Есаул (не ранее 1915). Войсковой старшина (Приказ армии и флоту 21.05.1917 со старшинством с 06.12.1916, с утверждением в занимаемой должности). Полковник (Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска 277. 02—08.10.1918 со старшинством с 20.06.1918 «за отличия в борьбе с большевиками и за особые заслуги, оказанные войску по созданию центральной Государственной власти в России» — утвержден Приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 04.05.1919). Генерал-майор (06.1919). Служба: С 1896 — в органах управления Оренбургского казачьего войска. 27.01.1904 направлен во 2-й Нерчинский казачий полк Забайкальского казачьего войска (до 10.07.1906), участник русско-японской войны. В составе отряда генерала П. К. Ренненкампа, участник боев под Ляояном, на р. Шахэ и под Мукденом. Во 2-м Оренбургском казачьем полку (на 01.01.1908 — 01.01.1910). Старший адъютант 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска (с 14.11.1910). Помощник старшего адъютанта Войскового штаба Оренбургского казачьего войска (с 20.09.1912). Штаб-офицер при Наказном атамане Оренбургского казачьего войска (с 29.07.1914). В Первую мировую войну в 1-м Оренбургском казачьем полку, командир 5-й сотни (1915). Направлен в комплект Оренбургских казачьих полков (01.03.1915). Ранен в бою у Ржавенцы (29.04.1915). Ранен (25.08.1915). Вернулся в строй. Ранен (27.11.1915) и назначен и.д. офицера для поручений при Наказном атамане Оренбургского

казачьего войска (до 1917). Вошел в состав Временного казачьего комитета (09.03.1917). Депутат 1-го Войскового Круга Оренбургского казачьего войска (04–05.1917), член военной комиссии. Избран членом Совета Союза казачьих войск (1917). В октябре 1917 представитель казачества в Ставке. Представитель Оренбургского казачьего войска и заместитель руководителя делегации Союза казачьих войск в Совете республики (10.1917). Участник фронтового казачьего съезда (1917). Кандидат в депутаты Учредительного Собрания от Оренбургского казачьего войска. Один из инициаторов набега на Оренбург 04.04.1918. Депутат Войсковых Кругов Оренбургского казачьего войска (1917–1919). Член Войскового правительства Оренбургского казачьего войска (12.1917 — 06.02.1918). Уполномоченный Войскового правительства Оренбургского казачьего войска в Самаре (с 30.07.1918 — Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска 485). Состоял в распоряжении военного отдела Войскового правительства Оренбургского казачьего войска (на 08.10.1918 — 1919). Представитель Оренбургского казачьего войска при Временном Всероссийском правительстве — Директории. Уполномоченный представитель Оренбургского казачьего войска при Ставке и правительстве адмирала А. В. Колчака в Омске (1918–1919). Член Государственного экономического совещания (Омск, сентябрь 1919). После гибели Колчака продолжил службу в вооруженных силах Российской Восточной Окraiны атамана Г. М. Семенова и его приказом (28.06.1920) назначен уполномоченным представителем Оренбургского казачьего войска в штабе Походного атамана. Эвакуировался в порт Гензан (Корея) на пароходе «Эльдорадо». В эмиграции в Харбине. Осенью 1920 получил от атамана Г. М. Семенова 100 тысяч золотых руб. для поддержки оренбургских казаков в Китае. После гибели атамана А. И. Дутова был избран на организационном собрании оренбургских казаков в Харбине (01.03.1921) Заместителем Войскового атамана Оренбургского казачьего войска. Прибыл в Гродеково. Зачислен на провиантское довольствие при управлении коменданта крепости Владивосток (с 30.08.1921). Получил в распоряжение войсковые средства (около 50 тысяч руб.). Снят с поста (16.02.1923) за растрату войсковых средств. С группой казаков (в основном, забайкальских и оренбургских) бежал из Шанхая во Владивосток (СССР), угнав пароход «Монгугай» с 450 беженцами (05.04.1925, захвачен 10.03.1925 и приведен для ремонта в Шанхай). Поселился в Москве, где заведовал лесным складом Парка культуры и отдыха (на 1930). Место проживания: Москва, ул. Новослободская, д. 55, кв. 4. Арестован (15.08.1930). Обвинен в подготовке вооруженного восстания и шпионаже, приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу (03.04.1931) вместе с группой лиц по делу «Контрреволюционной казачьей организации "Казачий блок"». Расстрелян. Похоронен в общей могиле на Ваганьковском кладбище. Реабилитирован на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989. Награды: орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й ст.

с мечами и бантом (1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами, бухарский орден Золотой звезды 3-й ст. (22.02.1915), Высочайшее благоволение «За отлично-усердную службу и труды при мобилизации армии» (1915). Соч.: Борьба с иногородними // Вестник казачьих войск. 1903. 7; К вопросу о зимних занятиях с казаками приговорительного разряда в станицах // Вестник русской конницы. 1911. №21–22. 30.11; Мой ответ правлению казаков Юго-Западного фронта // Оренбургский казачий вестник. 1917. 31.06.09. С. 4; Уфимские впечатления // Оренбургский казачий вестник. 1918. 58. 14.09. Супруга Мария Александровна. Дети: Виктор (27.03.1902), Анатолий (25.10.1903), Анна.

- 47 Жадановский Андрей Андреевич (12.10.1860 —?) — На службе с 26.04.1878. Окончил гимназию и Чугуевское пехотное юнкерское училище. Офицер с 1882. Прапорщик (со старшинством с 16.01.1882). Подпоручик (со старшинством с 25.10.1883). Поручик (со старшинством с 25.10.1887). Штабс-капитан (со старшинством с 15.03.1892). Капитан (со старшинством с 15.03.1897). Подполковник (со старшинством с 26.02.1905, на 1914). Полковник (на 1918). Генерал-майор. На службе в 28-м резервном пехотном батальоне. Командир 2-го батальона 192-го Рымникского пехотного полка (на 1914). Командир 105-го запасного пехотного полка (Оренбург, 1916–1917). Руководил успешным подавлением беспорядков в Оренбурге на почве продовольственного кризиса (02–03.05.1916). Вр.и.д. командира 18-й запасной бригады. В Оренбурге (на 10.1917). В Оренбурге с 22.08.1918. Назначен командиром 18-го Оренбургского стрелкового полка (Приказ по Оренбургскому военному округу 84. 05.08.1918). Начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии, позднее — Сызранской Егерской дивизии (до 16.08.1921). Участник Голодного похода (11–12.1919). В эмиграции — в Западном Китае (с 03.1920). Интернирован в лагере на р. Эмиль. Участник похода к Шара-Сумэ (1921). Состоял по особым поручениям при штабе отдельного Оренбургского корпуса. Попал в плен (12.1921). Судим. Награды: орден Св. Станислава 3-й ст. (1904), Св. Анны 3-й ст. (1907). Женат. Четверо детей.

- 48 Степанов Михаил Александрович (22.02.1886 —?) — из ст. Чернореченской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду. На службе с 01.07.1905. Хорунжий (с 14.06.1907). Сотник (с 05.10.1910). Подъесаул (со старшинством с 24.03.1914). Есаул (с 03.08.1917 со старшинством с 02.01.1917). Войсковой старшина (Указ Войскового правительствa Оренбургского казачьего войска 80. 20.08.1918 со старшинством с 12.07.1917). Представлен к чину полковника (за боевое отличие, со старшинством с 19.04.1919). Полковник (за боевое отличие, с 03.01.1920). Служба: в 4-м Оренбургском казачьем полку (1907 —31.12.1910), младший офицер, на льготе (с 31.12.1910), в 14-м Оренбургском казачьем полку (с 17.07.1914), младший офицер, полковой адъютант, командир 3-й сотни (27.09.1915 — 09.02.1917). В 1-м Оренбургском казачьем запасном полку (03.1917 —

09.01.1918). По собственным показаниям, якобы, жил в станице Магнитной 2-го военного округа Оренбургского казачьего войска (02–03.1918). Участвовал в набеге на Оренбург (04.04.1918). В комплекте конных полков Оренбургского казачьего войска. Во 2-м Оренбургском казачьем полку (с 20.06.1918) в Поволжье, командир сотни. Полк переименован в 19-й Оренбургский казачий. Назначен полковым интендантом 19-го Оренбургского казачьего полка (Приказ по Оренбургскому казачьему войску 146. 09.09.1918). Полк включен в 4-ю Оренбургскую казачью дивизию (10.1918). Помощник командира полка, командир 19-го Оренбургского казачьего полка (16.01.1919 — 01.1920). Отличился 19.04.1919, выбив превосходящего противника из станицы Нежинской при осуществлении набега на станцию Оренбург-2. Набег не удался в связи с тройным превосходством противника в силах. Участник Голодного похода (11–12.1919). Дивизионный интендант штаба 2-й Оренбургской казачьей дивизии (с 01.1920). В эмиграции — в Западном Китае (с 03.1920). Командир 15-го Оренбургского казачьего полка (с 12.04.1921). Участник похода в Монголию (1921). Попал в плен к урянхайским партизанам отряда С. К. Кочетова в составе обоза (23.12.1921). Приговором Военной коллегии Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК 25.05.1922 приговорен к условному лишению свободы на 3 года с содержанием под стражей. Отбывал наказание в Новониколаевске (на 11.1922). Награды: орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (09.1914), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (12.1914, утверждено в 09.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (09.1914), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (12.1914), Св. Анны 2-й ст. с мечами (06.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (09.1916). Мать по слухам расстреляна красными в 1919. Супруга Антонина Михайловна (ок. 1889), в плену вместе с мужем. Дочь Мария (ок. 1912).

- 49 Прокопьев Александр Павлович (18.11.1881 — ?) — из ст. Урлядинской (по собственным показаниям — Верхнеуральской) 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, сын казака. Окончил специальные педагогические классы и Оренбургское казачье юнкерское училище по 2-му разряду. На службе с 01.01.1907. Хорунжий (с 06.08.1910 со старшинством с 06.08.1910). Сотник (со старшинством с 06.08.1914). Подъесаул (с 1916 со старшинством с 20.12.1915). Есаул (по представлению командира Уральско-го армейского корпуса, за выслугу лет — Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска 251. 30.09 — 04.10.1918 со старшинством с 01.08.1916). Войсковой старшина. Полковник (на 01.1920). Служба: Сельский учитель (1898 — 1907), в 3-м Оренбургском казачьем полку (1912), на льготе (с 10.1912), в 9-м Оренбургском казачьем полку атамана Подурова (17.08.1914 — 1917), командир 1-й сотни. Командовал партизанским отрядом Оренбургской казачьей дивизии (с 05.1916). Сформировал и возглавил 1-й Кундравинский казачий полк (1918, до 10.1918). По расформировании полка командирован в 22-й Оренбургский казачий полк. По другим документам — командир 9-го Оренбургского казачьего полка (08.1918), в 9-м Орен-

бургском казачьем полку (на 04.10.1918). Красные расстреляли отца, мать и 14-летнего брата. Участник Голодного похода (11–12.1919). Командир 33-го Оренбургского казачьего полка (06.01 — 13.08.1920). В эмиграции — в Западном Китае (с 03.1920). Интернирован в лагере на р. Эмил. Участник похода в Монголию (1921). Попал в плен (12.1921). Судим. Награды: 1915 — орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами; Св. Анны 2-й ст. с мечами (Высочайший приказ 12.01.1917). Женат.

50 Башарин Николай Алексеевич (ок. 1893 —?) — уроженец г. Актюбинска Тургайской обл. Окончил 2-классное русско-киргизское училище (Актюбинск). На военной службе с 1915. Прапорщик. Подпоручик (на 1917). Поручик. Штабс-капитан (с 1919, на 1922). Участник Первой мировой войны. Ранен под Киевом. Председатель Острожского Совета (1917, Волинская губ.). Мобилизован белыми (09.1918). В управлении Оренбургского воинского начальника. В Степном отряде Отдельной Оренбургской армии, командир нестроевой роты. Заболел тифом (Кокчетав). Участник Голодного похода (11–02.1919). В эмиграции — в Западном Китае. Интернирован в лагере на р. Эмил. Арестован. Попал в плен. Холост (на 1922).

51 Часовский Сергей — шофер отдельного Оренбургского корпуса генерала А. С. Бакича. Попал в плен к красным (кон. 1921).

52 Кочетов Сергей Кузьмич (07.11.1894 — 1957) — руководитель партизанского движения в Урянхайском крае. Родился в деревне Колдыбай Минусинского уезда Енисейской губернии. Работал учеником слесаря. После вхождения Урянхайского края в состав России (1914) семья переехала в село Атамановка, где Кочетов работал плотником. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Активный участник установления Советской власти в Урянхайском крае. Владел тувинским языком. Член РКП(б) с 04.1922. Окончил курсы руководящих работников колхозного строительства при ЦК ВКП(б) (1929–1930). Работал в Таджикской ССР. Позднее работал в Москве, на Урале и на Алтае в горнорудной промышленности. Ранен и контужен в годы Великой Отечественной войны. Демобилизовался в звании майора. Заместитель председателя горисполкома г. Кызыл (с 1945). Депутат Верховного Совета СССР (с 1945). Заслуженный гражданин г. Кызыла. Сотрудник Тувинского областного краеведческого музея, зав. отделом истории Тувинской народной республики. Персональный пенсионер. Награды: орден Красного Знамени (Приказ РВСР 156. 1922), Красной Звезды, Отечественной войны 1-й ст., Знак Почета, орден Тувинской народной республики за освобождение республики «от иностранной зависимости и белых банд» (1936). Похоронен в Кызыле. Единственный сын Владимир погиб в 1943. Именем Кочетова названа улица Кызыла и поселок Кочетово — быв. село Атамановка, где он жил и руководил боевыми действиями против Бакича.

53 Колокольцев Александр Сергеевич (21.09.1870 — конец 1932) — сын чиновника станицы Оренбургской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего

войска. Окончил Оренбургскую военную прогимназию (1888), Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду (1891) На службе с 01.09.1888. Подхорунжий (с 1891). Хорунжий (с 19.03.1894). Сотник (с 01.07.1898 со старшинством с 19.03.1898). Подъесаул (с 01.07.1903 со старшинством с 19.03.1902). Есаул (с 29.04.1914 со старшинством с 19.03.1906). Войсковой старшина (Высочайший приказ 19.12.1916 со старшинством с 16.10.1916). Полковник (за выслугу лет, конец 1919, под Каркаралинском). Генерал-майор (не ранее 1920). Служба: в 1-м Оренбургском казачьем полку (1891—1894), в 6-м Оренбургском казачьем полку (1896—1899), участвовал в подавлении Боксерского восстания в Китае в составе 2-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска (1900—1901), в 6-м Оренбургском казачьем полку (1903—1904, 1908, на 1912—1914). Командир 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни (с 1914), направлен в 5-й Оренбургский казачий полк (16.03.1915). В 12-м Оренбургском казачьем полку (с 1915), командир сотни, помощник командира полка, в 5-м Оренбургском казачьем полку (1916), жил в Оренбурге при большевиках (1918), в войсках А. И. Дутова (1918—1920). В распоряжении начальника Илецкого фронта. На Ташкентском фронте. Состоял в распоряжении Войскового начальства Оренбургского казачьего войска. Назначен помощником командира 8-го Оренбургского казачьего полка (бывшего 2-го Правобережного — Приказ по Оренбургскому казачьему войску 159. 13.09.1918). Помощник командира 8-го Оренбургского казачьего полка. Отчислен от занимаемой должности как получивший другое назначение по распоряжению командующего фронтом с назначением в распоряжение командующего фронтом (Приказ по Оренбургскому казачьему войску 254. 03—04.10.1918). Командир 8-го Оренбургского казачьего полка (с 11.1918). Командир 30-го Оренбургского казачьего полка (с 01.1919). Командир бригады 2-й Оренбургской казачьей дивизии (с 09.1919). Помощник начальника 2-й Оренбургской казачьей дивизии. Участник Голодного похода (22.11 — 31.12.1919). Командир 2-й бригады 1-й Оренбургской казачьей дивизии (с 06.01.1920). Прикрывал переход отряда генерала А. С. Бакича в Китай (27.03.1920). В эмиграции — в Западном Китае (с 27.03.1920). Интернирован в лагере на р. Эмиль. Участник похода в Монголию (1921). Попал в плен в Урянхайском крае (23.12.1922). Содержался в одиночном заключении в Иркутске. Осужден в Новониколаевске (05.1922). Жил в Оренбурге (на 1928—1932), где и умер. Награды: орден Св. Станислава 3-й ст. (06.05.1908), Св. Анны 1-й ст., Св. Владимира 3-й ст., Св. Владимира 2-й ст. (в белой армии). Супруга — дочь вдовы коллежского секретаря Елизавета Николаевна Бобылева (с 12.11.1901). Сын Федор (05.02.1905). Деревянный дом в станице Оренбургской.

54 Подпись неразборчива. — А. Г.

55 На документе штамп регистрации входящих бумаг Особого отдела Восточно-Сибирского военного округа. Вх. 1657. 17.03.1922.

56 Подпись неразборчива. — А. Г.

А. Б. Едемский
ДВА ВЕЛЬКО ИЗ ТИТОВСКОГО ОКРУЖЕНИЯ

І. ВЕЛИМИР ВЕЛЬКО ВЛАХОВИЧ

Судьба Велько Влаховича (1914–1975), прожившего в Советском Союзе в один из наиболее сложных периодов российской истории — в годы борьбы с нашествием германского нацизма, на первых порах была неразрывно связана с деятельностью Коминтерна.

В 1939 г. Влахович, принимавший участие в боевых действиях интернационалистов против франкистского режима в Испании, прибыл в Советский Союз из Франции, куда он был эвакуирован после тяжелого ранения. В 1939–41 гг. Влахович являлся представителем Коммунистического союза молодежи Югославии (КСМЮ) в Исполнительном комитете Коммунистического интернационала молодежи (ИК КИМ) и до роспуска последнего — одним из его секретарей (ИККИ) — органе управления Коминтерна, а в 1943–1945 гг. — в секторе Славяно-балканских стран Отдела международной информации ЦК ВКП(б), точнее — в югославской редакции НИИ-205¹ в качестве редактора, что стало основанием для того, чтобы его называли руководителем коммунистической радиостанции «Свободная Югославия» в Москве.

В это время Влахович нередко выступал с речами на антифашистских митингах² и лекциями о борьбе с оккупантами на Балканах³. Обычно его представляли югославским общественным деятелем и членом Всеславянского комитета.

Влахович пользовался огромным доверием как со стороны советского, так и югославского партизанского руководства. В марте 1944 г. именно ему главнокомандующий Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) И. Броз Тито поручил вручить знамя М. Месичу, командир сформированной в СССР югославской воинской части, перед ее отправкой на фронт⁴. И именно он подготовил для советского руководства краткие информационные справки на всех членов делегации Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ), прибывшей в Москву в апреле 1944 г.⁵

Через год, в апреле 1945 г., после подписания советско-югославского договора «О дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве»⁶ Влахович вернулся в Белград, но остался в зоне повышенного внимания советского руководства. Указом Президиума ВС СССР от 27 июня того же года ему была вручена высшая советская награда — Орден Ленина. В августе посол СССР в Югославии И. В. Садчиков получил предписание «вручить югославскому гражданину Влахович Велимиру Орден Ленина 51186 и орденскую книжку 267522». Более подробное изложение этого документа дает возможность проследить процедуру вручения в те годы иностранцам советских наград.

Влахович не был подвержен промосковским настроениям, прокатившимся по низовым парторганизациями Федеративной Народной Республики Югославии (особенно в Черногории) после того, как весной 1948 г. стало известно о письмах Молотова и Сталина с осуждением действий югославского руководства и соответствующей резолюции второго совещания Коминформа в Бухаресте. Его и не подозревали в этом, поскольку он успел вернуться в Югославию еще в самом начале зарождения советско-югославских противоречий (до мая 1945 г.). Его миновала участь многих членов КПЮ, арестованных и отправленных в концентрационные лагеря на каменистые острова в Адриатическом море (Голи оток, Св. Гргур и др.).

В свою очередь годы советско-югославского конфликта конца 1940-х — начала 1950-х гг. сказались и на восприятии в Москве фигуры Влаховича. Среди справочного материала, готовившегося к визиту советской делегации в Югославию в мае 1955 г., в документе, характеризующем Влаховича, сохранились отголоски конфликта 1948 г. В материале указывалось, что за последние два-три года Влахович выступал в печати в основном со статьями по вопросам международного положения и мирового рабочего движения, в которых «высказывался о Советском Союзе с враждебных позиций», в том числе о его внутривосточном положении и внешней политике, против единства действий всех компартий во главе с КПСС. Вместе с этим в материале также имелась существенная информация — упоминание о том, что он не поддержал Джиласа в начале 1954 г. («по имеющимся сведениям, Влахович в свое время был большим приятелем М. Джиласа. На III пленуме ЦК Союза Коммунистов Югославии (СКЮ) в январе 1954 г. выступал против антипартийной позиции Джиласа»)⁷. Эти строки свидетельствовали не только о том, что советские эксперты в ЦК КПСС проводили различия между этими двумя югославскими идеологами, выделяя Джиласа как главную опасность (отрицает необходимость партии), но и то, что Влахович «свой» в принципе, так как выступает «за» партию.

После своего отъезда из Москвы в Белград Влахович с известной регулярностью посещал СССР в составе официальных государственно-партийных делегаций. Случалось, что такие визиты происходили тогда, когда ситуация в советско-югославских отношениях была неоднозначной. В ноябре 1957 г., несмотря на казалось бы урегулированные взаимоотношения во время встречи в Румынии 1–2 августа 1957 г. между Н. С. Хрущевым и И. Броз Тито⁸, югославский лидер довольно неожиданно направил вместо себя в Москву группу доверенных лиц, среди которых был и Влахович. Эта делегация присутствовала на праздновании 40-й годовщины большевистского переворота в России и принимала участие в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий⁹.

Через несколько лет, в июле 1963 г., Влахович получил возможность посетить СССР без особых поручений и соответствующей им деловой

нервозности. Он (вместе с ним были член Исполкома ЦК СКЮ Д. Пуцар, члены ЦК СКЮ В. Зекович и С. Стефанович) приехал на отдых. Между тем это время использовалось и для соответствующих встреч с советским руководством. 29 июля с ними встретились член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов. Соответствующее упоминание об этой беседе, которая «проходила в дружеской обстановке», было опубликовано в советских газетах¹⁰.

Эта поездка самому Влаховичу запомнилась, и при случае он не забывал напомнить об этом советским собеседникам, выражая благодарность за предоставленную возможность отдохнуть¹¹. В свою очередь, он охотно принимал советские делегации и поддерживал теплые рабочие отношения с советским руководством через посла СССР в Югославии Пузанова¹². Высказывания Влаховича в этот период пользовались популярностью в советском руководстве. Так, Н. С. Хрущев ссылался на одно из них на заседании Президиума ЦК КПСС 10 ноября 1963 г.¹³

В этот период происходившего по нарастающей непрерывного обострения отношений между руководством КПСС и СССР с лидерами югославских руководителей ситуации в коммунистическом мире, фиксируя их наиболее значимые высказывания по этому поводу. В Москве особо радовались оценкам, которые давал Влахович китайскому руководству. Встречаясь с советскими представителями, он, оценивая положительно сдержанную позицию Москвы в отношении Пекина, тем не менее считал, что «вряд ли удастся удержать события в нужных рамках, т. е. китайское руководство продолжает навязывать открытые и не только резкие, но и оскорбительные и совершенно недопустимые в отношениях между братскими партиями методы дискуссии и обращения...»¹⁴.

Формулировки, высказанные Влаховичем, перетекали в соответствующие информационно-справочные материалы, создававшиеся советскими экспертами. Так, в одной из таких справок сообщалось, что «из высказываний т.т. Ранковича, Веселинова и Влаховича можно было понять, что руководство СКЮ придает большое значение предстоящему обсуждению на пленуме ЦК СК вопроса о положении в международном коммунистическом движении. «Очень важно, — подчеркнул А. Ранкович, — чтобы наши коммунисты имели правильное и четкое представление как о действительном положении дел в рядах международного коммунистического движения, так и позиции СКЮ». По словам В. Влаховича, вынося этот вопрос на обсуждение пленума, югославское руководство «намерено подойти конструктивно, а не подливать масла в огонь», учитывая нынешние провокационные и раскольнические действия китайского и албанского руководства. (Выделено слева красной скобкой: «С нашей стороны, — сказал он, — будет сделано все возможное, чтобы не мешать ЦК КПСС и не ослабить нынешнюю твердую

позицию КПСС в борьбе за единство действий всех коммунистических и рабочих партий»).

Согласно записи беседы, «В. Влахович рассказал о том, что во время встречи с Мао Цзэ-дун в Пекине возглавляемой им делегации, в состоявшейся беседе Мао Цзэ-дун много говорил о том, что Сталин был плохим диалектиком, не понимал противоречивых явлений внутри социалистического лагеря. Это свое „рассуждение“, — заметил Влахович, — Мао Цзэ-дун пояснил нам на следующем примере: „В атомном ядре имеются частицы: одни — с положительными, другие — с отрицательными зарядами. Если образно перенести сказанное на соцстраны, то можно сказать так: частицы с отрицательными зарядами — это вы, югославы, с положительными — мы, китайцы, а русские — блуждающие токи. А в целом все имеет поступательное движение вперед“»¹⁵.

Советские эксперты-югославы верно зафиксировали одну особенность Влаховича — доверие к нему со стороны И. Броз Тито. По их мнению, в 1960-е гг. это проявлялось неоднократно, так как он сопровождал Тито во время зарубежных поездок. Но было и второе проявление доверия. В это десятилетие Тито по меньшей мере дважды отправлял Влаховича (в ноябре 1964 г. в Москву и в апреле 1968 г. в Прагу¹⁶) со своего рода миссией изучения кризисной ситуации в этих странах.

Ниже приводятся материалы (Документы 3–4), самым непосредственным образом связанные с выполнением Влаховичем подобной миссии — его визитом в Москву в первой половине ноября 1964 г., через три недели после снятия Н. С. Хрущева. Первый документ — запись беседы Влаховича с представителями советского руководства, в котором он ставит советским собеседникам прямые и предельно жесткие вопросы о произошедшем, а также высказывает югославскую позицию. Второй документ — краткий отчет о пребывании в Москве. Помимо высказанных Влаховичем емких оценок, документ поражает широким кругом его контактов в советской политической и военной элите, на основании обмена мнениями с представителями которой югославский политик пришел к целому ряду выводов. Вместе с тем его оценка того, что советское руководство выделило для встречи с югославской делегацией лиц, наименее значащих в правящей иерархии (А. П. Кириленко и Ю. В. Андропова), показывает, что он все-таки не до конца разбирался в хитросплетениях и интригах советской верхушки тех лет. Оба советских представителя являлись доверенными людьми Л. И. Брежнева.

Визит в СССР в начале ноября 1964 г. В. Влахович использовал и для того, чтобы обратиться к советскому руководству с личной просьбой. Как докладывал в ЦК КПСС зам. зав Отделом ЦК КПСС Л. Горчаков, «товарищ Велько Влахович, член Исполкома ЦК СКЮ, глава делегации СФРЮ, находившейся в Москве в связи с празднованием 47-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, обратился с

просьбой вернуть ему его личные документы, которые он оставил в бывшем Отделе кадров Коминтерна при отъезде в апреле 1945 года в Югославию». Горчаков также сообщил, что «в личном деле Велько (Велимира) Влаховича в числе других находятся следующие документы: заявление о переводе в члены Компартии Испании Велимира Влаховича, студенческие билеты слушателя Пражского и Парижского университетов, документы, относящиеся к его пребыванию в госпиталях из-за ампутации ноги, характеристика на него как на участника гражданской войны в Испании». Эксперты Отдела считали возможным пойти Влаховичу навстречу. «Эти документы, по мнению Отдела ЦК КПСС, могли бы быть переданы тов. В. Влаховичу через посольство СФРЮ в Москве, а в личном деле, хранящемся в Отделе ЦК КПСС, можно было бы оставить их фотокопии»¹⁷.

Передача личных вещей произошла через несколько недель с согласия одного из секретарей ЦК. Как было записано в отчете, документы В. Влаховича были переданы 12 декабря 1964 г. советнику посольства СФРЮ в СССР М. Влаховичу, брату В. Влаховича, зав. сектором Отдела ЦК КПСС т. Берновым¹⁸.

Со второй половины 1960-х гг. в связи с перегруппировкой в югославской правящей элите в результате устранения А. Ранковича и вытеснения, а порой и «чисток» его сторонников, в Москве особое внимание обращали на положение Влаховича в руководстве партии и страны. В частности, в ЦК КПСС придали значение информации о том, что «положение бывшего секретаря ЦК СКЮ, ныне члена Президиума ЦК СКЮ Велько Влаховича остается прочным благодаря его лояльному поведению в кругах руководства, а также вследствие того, что он происходит из Черногории, где в случае его отстранения от поста могла бы возникнуть неблагоприятная для нынешних руководителей Югославии реакция»¹⁹.

К этому времени в советских документах, характеризующих Влаховича, можно отметить некоторую переоценку его позиции в конфликте 1948 г. и добавление к ней ряда новых подробностей. В частности, указывалось, что «в период осложнения отношений Югославии с СССР и другими социалистическими странами в 1948 году Влахович, по имеющимся данным, в одной из частных бесед в ответ на замечание о трудностях в связи с прекращением торговли с СССР заявлял: «Положение тяжелое, это мы знаем. Англичане и американцы за торговлю с нами требуют от нас или платить золотом или принять „план Маршалла“, чего мы не можем сделать по политическим мотивам, но России мы не покоримся». Также указывалось, что «брат Влаховича характеризовал его как твердого сторонника Тито». Помимо этой, в общих чертах уже известной информации, в документе приводилась и дополнительная: было отмечено, что «вместе с тем ряд югославских общественных деятелей отмечает, что Влахович в 1948–1954 годах спас многих югославских граждан —

сторонников бескомпромиссной дружбы с СССР — от смерти и ссылки, предупредив их о грозившей им опасности».

Из контекста документа можно было также понять, что в пользу Влаховича, по мнению экспертов, свидетельствовало и то, что «в первоначальный период становления отношений дружбы и сотрудничества между СССР и Югославией (с 1956 по 1964 г.) Влахович принимал активное участие в налаживании партийных связей с КПСС и другими братскими партиями, входил в состав делегаций СК, участвовавших во встречах с братскими партиями, охотно встречался с советскими государственными деятелями и представителями советской общественности».

В том же контексте приводились и соответствующие факты. В частности, авторы данной информационной справки напомнили, что Влахович «в газете „Борба“ от 4 мая 1956 года критиковал позиции некоторых западных социал-демократических партий за то, что при рассмотрении вопроса о налаживании контактов и сотрудничества с КПСС руководители социал-демократических партий пытаются навязать советской стороне свои условия». В подтверждение этой линии была приведена и его другая статья (26 мая 1956 г. в газете «Борба») под заголовком «Ответ господину Моргану Филлипсу», в которой, как отмечалось в справке, «разоблачаются реакционные позиции английских лейбористов по ряду вопросов».

Вместе с тем советские эксперты отмечали, что «начиная с 1965 года, Влахович стал воздерживаться от приема представителей советской общественности и неоднократно выступал с критикой так называемых "консервативно-догматических" элементов в Югославии, убеждая их в необходимости поддерживать новую экономическую реформу в Югославии и мероприятия по реорганизации СКЮ». Эксперты высказывали предположение, что «Влахович, по-видимому, опасался того, что его могли обвинить в поддержке Ранковича и его сторонников». Последующие перестановки в политической верхушке Югославии эксперты описали следующим образом: «по сведениям, относящимся к 1967 году, в Югославии ходили слухи о возможном выдвижении Влаховича вместо Карделя на пост председателя Союзной скупщины. Сторонники Карделя критиковали его за пассивность, но считали его кандидатуру приемлемой, поскольку он занимал "нейтральную" позицию в борьбе группировок на IV пленуме ЦК СКЮ в июле 1966 г. На деле Влахович был назначен председателем городской конференции СК Белграда на общественных началах, что, по мнению некоторых югославских общественных деятелей, отражает стремление руководства СКЮ использовать авторитет Влаховича в целях разъяснения внешней и внутренней политики Югославии среди югославского населения»²⁰.

В справке особо оговаривалось, что «по имеющимся сведениям, Влахович не упускает возможности поддерживать тенденции Тито, направ-

ленные на укрепление и развитие связей с СССР и КПСС, а также международным коммунистическим движением в целом». В пользу этого говорило и то, что «на заседании Президиума ЦК СКЮ в июне 1967 года, на котором обсуждались вопросы, связанные с ближневосточным кризисом, член Президиума ЦК СКЮ Велько Влахович заявил: «При нынешней ситуации мы должны определенно сказать, с кем мы — с нашими друзьями или против наших друзей». Его поддержали некоторые другие члены Президиума ЦК СКЮ, в том числе С. Вукманович-Темпо». Общим выводом советских экспертов было то, что «положение Влаховича остается прочным благодаря его лояльному поведению в кругах руководства, а также вследствие того, что он происходит из Черногории, где в случае его снятия с поста могла бы возникнуть неблагоприятная для нынешних руководителей Югославии реакция»²¹.

В самом конце 1960-х гг. интерес в Москве к Влаховичу несколько упал, в том числе и из-за его высказываний по поводу событий в Чехословакии и оценки советского вторжения в ЧССР в августе 1968 г. Несмотря на это, данные о нем в соответствующих материалах подавались в объективном духе. В одном из документов того периода указывалось, что Влахович «в Исполнительном бюро Президиума СКЮ занимается идеологическими вопросами. В последнее время особенно активной роли не играет и, видимо, придерживается в основном центристских позиций. В связи с чехословацкими событиями выступал в соответствии с официальной югославской позицией по этому вопросу»²².

Такая тенденция в подаче материалов о Влаховиче и его характеристиках была сохранена и в последующем. Указывалось, что он «после IX съезда СКЮ стал членом Исполбюро Президиума СКЮ, в котором занимается идеологическими вопросами»; «является одним из основных идеологических работников СКЮ, опубликовал большое число статей и выступлений по вопросам роли СКЮ, развития социалистической демократии и др.»; «был одним из непосредственных авторов программы СКЮ, принятой на VIII съезде СКЮ. В связи с событиями в Чехословакии выступал очень резко в соответствии с официальной югославской позицией по этому вопросу». «В. Влахович представлял СКЮ на съездах и конференциях многих партий, и неоднократно возглавлял другие югославские делегации и группы, выезжавшие за границу». Наконец, он «имеет ряд высоких югославских наград, в том числе орден Народного героя Югославии и орден Героя социалистического труда»²³.

Отмеченная нами тенденция в документах советских экспертов конца 1960-х гг. сохранилась и в начале 1970-х. Отношение к Влаховичу, в целом, было положительное. Как правило, в посвященных ему информационно-аналитических справках переписывались абзацы из второй половины 1960-х гг. Формулировки о его позиции в советско-югославском конфликте сохранились, но уже не сопровождались негативными комментариями.

При этом в самые последние строки документов добавлялись и новые, положительные комментарии. В частности, указывалось, что «по имеющимся сведениям (1968 г.), Влахович не упускает возможности поддерживать тенденции Тито, направленные на укрепление и развитие связей с СССР и КПСС, а также международным коммунистическим движением в целом». При этом указывалось, что Влахович — «по опросам самый популярный политик» страны²⁴.

В июне 1971 г. в Москве придали большое значение тому, что Влаховичу, «председательствующему в Исполбюро Президиума СКЮ», было поручено возглавить Комиссию по выработке проекта документа ко Второй конференции СК, созыв которой был намечен на осень 1971 г.²⁵

В целом же закрытые советские материалы информационно-справочного характера в отношении Влаховича (которому в 1974 г. исполнилось 60 лет) готовились советскими экспертами в этот период в такой тональности, что можно высказать предположение: их создатели видели в нем наиболее вероятного и для советского руководства наиболее желательного преемника И. Броз Тито, готовившегося отметить в 1972 г. свое 80-летие. Зачистка политического пространства (разгрома «Хорватской весны» и «сербских либералов»), произведенная Тито в эти годы, могла только стимулировать подобные расчеты.

Уход из жизни В. Влаховича в 1975 г. не дает возможности историкам проверить, как могли бы развиваться события в дальнейшем. Во второй половине 1970-х гг. в библиотеках Москвы появилась на русском языке книга Влаховича «Сознание и реальная жизнь»²⁶, изданная в Белграде после его смерти.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1.

СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛ О В. ВЛАХОВИЧЕ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ В ЦК ВКП (б) в мае 1949 г. для внутреннего использования

Сов. секретно

СПРАВКА о члене Оргбюро ЦК КПЮ ВЛАХОВИЧЕ Велемире

ВЛАХОВИЧ Велемир (псевдоним Власов Иван Павлович, партийные клички «Велько» и «Желько») родился в 1914 г. в селе Влаховича, Колашинского уезда в Черногории. По национальности черногорец. Гражданство югославское. Образование незаконченное высшее. Владеет сербским, хорватским, русским, испанским, чешским, французским и слабо немецким и итальянским языками. Член КСМ Югославии с 1933 г. Член КПЮ с 1936г.

В 1933–1936 гг. учился в университете в Праге, здесь был секретарем ячейки комсомола, членом бюро комсомольской организации факультета и членом партийного комитета университета.

В январе 1937 г. командирован компартией Югославии в Испанию, где был рядовым бойцом, а позже командиром отделения в батальоне им. Димитрова. Вследствие тяжелого ранения и последовавшей ампутации ноги, в июле 1938 г. был эвакуирован во Францию.

В апреле 1939 г. прибыл в СССР. Являясь членом ЦК КСМ Югославии, с 1939 по 1941 гг. работал ответственным редактором в отделе печати ИККИ,

В 1943–1944 гг. ответственный редактор Югославской редакции НИИ-205.

В 1944 г. был представителем КПЮ в Москве. В апреле 1945 г. выезжал в Югославию. Работал в качестве зав. отделом кадров, а затем членом агитпропа ЦК КПЮ.

Член правления организации инвалидов Народно-освободительной войны и правления общества бывших испанских добровольцев.

В 1941 г. избран членом Всеславянского комитета в Москве, а с декабря 1946 г. член Общеславянского комитета в Белграде.

В июле 1948 г. на V съезде КПЮ избран членом ЦК, а в январе 1949 г. на пленуме ЦК — членом Оргбюро ЦК КПЮ.

После опубликования резолюции Информбюро о положении в КПЮ открыто стал на сторону клики Тито. В ряде опубликованных им статей занял враждебную позицию по отношению к СССР и странам народной демократии.

Основание: Материалы личного дела.

Н. Бондарь 30 мая 1949 г.²⁷ 3-лл

Источник: РГАСПИ. Ф.495.

Документ 2.

Справочно-информационный материал о В. Влаховиче, подготовленный в ЦК КПСС в мае 1955 г. для служебного использования

ВЕЛЬКО ВЛАХОВИЧ (краткая биографическая справка)

Родился 2 октября 1914 года в Черногории. Среднее образование получил в Белграде. Учился в высших технических учебных заведениях в Белграде, Праге, Париже и Москве.

До начала второй мировой войны и во время войны находился на ответственной партийной работе.

В 1951–52 гг. работал заместителем Министра иностранных дел ФНРЮ. Два раза входил в состав югославской делегации на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. В 1950 г. — в качестве члена делегации, а в 1952 г. — как глава югославской делегации.

С февраля 1953 г. по февраль 1954 г. работал директором газеты «Борба», органа СКЮ. После опубликования на страницах этой газеты

антипартийных статей Джиласа Влахович был переведен на основную работу в Президиуме Социалистического Союза Трудового Народа Югославии. До настоящего времени Влахович является Председателем Международной комиссии Президиума этого Союза.

В. Влахович избирался депутатом Скупщины ФНРЮ II-го и III-го союза (1950 и 1953 гг.). В 1955 г. Влахович был назначен председателем Комитета по иностранным делам Скупщины ФНРЮ.

В члены югославской компартии Влахович вступил в 1935 г. В рабочем движении стал активно участвовать с 1933 г., будучи членом Союза Коммунистической молодежи Югославии.

Участвовал в гражданской войне в Испании.

В 1939 г. был избран членом ЦК Союза Коммунистической молодежи.

Во время второй мировой войны В. Влахович был представителем ЦК Союза Коммунистической молодежи Югославии в Коммунистическом Интернационале молодежи и до роспуска КИМа являлся его секретарем. Одновременно Влахович выполнял обязанности представителя КПЮ в Коминтерне вплоть до его роспуска.

По имеющимся сведениям, Влахович в свое время был большим приятелем М. Джиласа. На III пленуме ЦК СКЮ в январе 1954 г. выступал против антипартийной позиции Джиласа.

За последние 2–3 года Влахович выступал в печати, в основном со статьями по вопросам международного положения и международного рабочего движения.

В своих статьях Влахович высказывался о Советском Союзе с враждебных позиций.

Внутриполитическое положение в СССР Влахович характеризовал как «внутренний кризис», а внешнюю политику Советского Союза — как одну из причин международного напряжения, как «один из главных компонентов холодной войны» («Борба», 1 января 1954 г., статья Влаховича «Желание и действительность»).

В своих статьях по вопросам международного рабочего движения Влахович еще в 1954 г. основное внимание уделял сотрудничеству между социалистическими, рабочими и коммунистическими партиями различных стран.

В этих статьях Влахович проповедовал отказ от организованного международного сотрудничества между рабочими и коммунистическими партиями, подменяя вопрос идейно-политического единства партий марксистско-ленинского типа общими рассуждениями о специфических условиях, в которых развивалось и развивается рабочее движение в разных странах.

При этом Влахович интересы трудящихся капиталистических, колониальных и полузависимых стран противопоставляет интересам народов СССР и стран народной демократии, а внешнюю политику СССР интересам мира во всем мире.

Наиболее характерными в этом отношении являются его статьи: «Ночная тревога» («Борба», 29 ноября 1953 г.) и «О формах сотрудничества социалистических сил» («Коммунист», 6–7 за 1955 год).

Составил: [Ю. Сидельников]²⁸ Зкк

Источник: РГАСПИ. Ф. 495.

Документ 3.

Запись консультаций представителей советского руководства и югославской делегации во главе с В. Влаховичем в Москве 10 ноября 1964 г.

Запись переговоров югославской государственно-партийной делегации во главе с товарищем Велько Влаховичем с членом Президиума ЦК КПСС А. Кириленко и секретарем ЦК КПСС Ю. Андроповым²⁹.

С югославской стороны присутствуют: Б. Крайгер³⁰, М. Шпиляк³¹, М. Никезич³² и С. Петрович. С советской: Бернов³³ и Севьян.

После того как товарищ Влахович передал приветы от товарищей Тито и ЦК СКЮ, поблагодарив за приглашение делегации и сердечное к ней внимание, *Кириленко* сказал:

Все товарищи искренне удовлетворены тем, что наши дорогие гости, югославские товарищи, приняли приглашение и приехали на наши торжества. Добро пожаловать.

С чего начнем. В этот год дела в нашем сельском хозяйстве были успешными, в промышленности также не плохо. Среди важных задач, стоящих перед нами — подъем уровня жизни советских трудящихся, ускорение темпов жилищного строительства. И все же следует подчеркнуть, что тяжелая промышленность, а именно две ее самые важные отрасли — черная и цветная металлургия, химия — остаются самыми значительными для экономического развития нашей страны, и мы будем продолжать их развивать.

Мы сегодня покупаем за границей лицензии и техническую документацию. В данный момент это хорошо и полезно. Однако если мы и в дальнейшем будем продолжать покупать лицензии, если и дальше будем настаивать на этом виде «помощи», мы неминуемо отстанем, замедлим развитие нашей экономики. Мы не можем следовать по этому пути. Но это не означает, что такую практику следует исключить полностью.

Давая оценку состояния наших двусторонних отношений, мы считаем, что в будущем нужно как можно больше обмениваться различными делегациями, организовывать встречи. Это путь к сближению, лучшему и всестороннему взаимному знакомству. Отдых партийных

работников я считаю важной формой партийного обмена и знакомства. Таким образом, мы постепенно устраняем неясные вопросы, которые стоят на пути дальнейшего улучшения наших взаимоотношений.

Влахович: Я хотел бы высказать некоторые наши взгляды. От вас мы получили две информации об изменениях в руководстве. Товарищ Епишев разговаривал с товарищем Тито. Мы должны сказать, что изменения были для нас неожиданными. Наши замечания относятся, прежде всего, к методу снятия товарища Хрущева. Товарищ Хрущев сделал достаточно много для благоприятного развития отношений между нами. Однако этот прогресс мы не связываем с одной личностью, с одним человеком, а с курсом партии и решениями ее руководства.

Кириленко: Точно. Это курс партии, руководства. И мы выражаем признательность Хрущеву за то, что он совершил.

Влахович: В соответствии с этим СКЮ с удовлетворением принимает ваши заверения о продолжении проведения Советским Союзом и КПСС прежней политики. Мы приветствуем также заявления о дальнейшем развитии отношений между нами. Всякое изменение в партии — дело этой партии. Никто не может вмешиваться в дела других партий. Однако, когда происходят изменения в вашей партии, следует иметь в виду то, что сегодняшнее значение и авторитет Советского Союза выросли в огромных масштабах. И об этом не нужно забывать. Товарищ Тито передал через товарища Епишева, вероятно, вам это Епишев сообщил, что мы не будем делать ничего такого, что могло бы помешать КПСС. Наоборот, мы будем помогать Советскому Союзу.

Для нашей политики в известной мере представляет сложность китайский фактор. Мы не выступаем за плохие отношения с китайцами, но эти отношения не зависят от нас.

К настоящему моменту в разговорах с вашими товарищами мы неоднократно высказали наши замечания, которые напрямую относились к характеру полемики с китайцами. Мы говорили, и повторяем это сейчас, что мы против ссоры, мы против лексики, которая используется в полемике, ибо ругань никому не принесет пользы. Существующие между социалистическими странами различия, обусловленные их историческим, экономическим и культурным развитием, представляют определенную сложность в отношениях. Но наш долг эти сложности преодолеть, не уклоняться от них, а открыто устранять негативные проявления в международном рабочем движении при помощи принципиального рассмотрения проблем. Это — обязанность каждой партии.

В международной политике мы ориентировались на мир и мирное существование. Мы должны констатировать, что в период холодной войны процессы развития социализма были замедлены, что политика холодной войны негативно отразилась на развитии социализма. Возвра-

щение к этому периоду очень опасно. С другой стороны, сегодня политика социализма в пользу установления мира и сосуществования в очень серьезной степени влияет на все общественные процессы, представляет импульс прежде всего для вновь освободившихся стран и для народов под колониальной властью.

Кириленко: Правильно.

Влахович: Если мы и делаем какие-то замечания, то исходим как раз из понимания того огромного значения и влияния, которые социализм оказывает на весь мир.

Кириленко: Позвольте, товарищи, вас заверить в том, мы будем продолжать делать все для того, чтобы отношения между нами продолжали улучшаться еще больше и во всех областях. Нам советовали, не стану говорить кто, не приглашать вас на празднование 7-го ноября, но мы эти советы отклонили.

Влахович: Нам бы хотелось услышать ваше мнение также и о произошедших изменениях, чтобы передать его товарищу Тито и всему руководству.

Кириленко: Наша политика XX и XXI съездов остается неизменной как внутри страны, так и на международной арене. Наши отношения с Югославией ни в коей мере не ставились под сомнения, ни в какой области не появилось необходимости пересмотреть наши подходы. В этом заключается интерес наших государств, партий и социализма во всем мире.

Я посмотрел новый торговый договор. Он, товарищи, действительно представляет шаг вперед в отношениях между нами. Товарооборот будет увеличен на 35 %. Это хорошо. Это невозможно считать не имеющим значения обстоятельством. Разговаривая с нашими представителями, которые в настоящее время ведут торговые переговоры, я почувствовал, что они охвачены чувством необходимости найти и реализовать наши совместные интересы. Мы с радостью приветствуем это.

В наших партийных отношениях проблемы отсутствуют. Нам нужно продолжать развивать сотрудничество между нашими партиями.

Мне хочется высказать сейчас некоторые размышления относительно наших недавних решений. Хочу подчеркнуть, что внешнеполитические вопросы тут роли не сыграли, речь шла об отставке Хрущева. Мы все время имели в виду, что мы равные среди равных, но мы также должны были считаться с тем, что мы — страна Октября. Товарищи, мы не можем сказать: завтра мы сменим Хрущева. Это сложный вопрос. Прежде всего, это не произошло в один день, 14 октября или 14 сентября. Для вас это было неожиданно, а для нас — нет. Этот вопрос назревал день ото дня. Мы боролись за то, чтобы этого не случилось, указывали товарищу Хрущеву на его недостатки, помогали ему. Но у нас не получилось. Он был нетерпелив, непримирим, не только в ЦК или Президиуме, но и в правительстве. Это могло произойти и раньше, но случилось 14 октября.

Хрущев присутствовал на заседаниях Президиума и в первый, и во второй день. (Пленум был проведен под руководством Хрущева). На дневном заседании был обсужден вопрос об ошибках в работе товарища Хрущева. Заседание прошло так, как и любое собрание партийной организации, на котором подобный вопрос мог быть поставлен на обсуждение. После доклада Суслова³⁴ Хрущев имел возможность высказаться, подавал реплики, делал замечания. Главная критика деятельности Хрущева относилась к его порокам, которые не были и не могли соответствовать нормам и курсу партии Ленина. Внутри страны это был вопрос об экономике, сельском хозяйстве. Критике подверглось и разделение партии на сельскохозяйственные и промышленные бюро.

Влахович: Когда произошло это разделение, мы спрашивали, для чего это было нужно. Мы не были уверены в оправданности нарушения всей целостности партийной работы. Об этом мы разговаривали и с товарищем Хрущевым в прошлом году на «Галебе»³⁵. (Примечание³⁶: Андропов тогда защищал и оправдывал это разделение.)

Кириленко: Да. Товарищи, разделение партии на сельскохозяйственные и промышленные бюро произошло благодаря товарищу Хрущеву. И в этом мы не преуспели. Мы поддержали реформы Хрущева, пропагандировали их, делая это всем сердцем во имя авторитета партии и ее первого секретаря.

Андропов: Здесь следовало принимать в расчет и китайцев.

Кириленко: Хрущев ездил по стране и готовил материалы для нового пленума. Он вновь готовил предложения, реформы. Самым тяжелым и самым серьезным было его намерение уменьшить роль партии. Он хотел ликвидировать роль партии в сельском хозяйстве и промышленности за счет ликвидации сначала бюро с тем, чтобы в будущем формировать политические отделения. Партийные комитеты, по его замыслу, должны были заниматься идеологией и культурой, а не вмешиваться в профессиональные вопросы. Он хотел реорганизовать колхозы, создать органы управления, для гусей — одни, другие — для хлопка, и т. д., а над ними создать главки. Снова огромный бюрократический аппарат! Кроме того, якобы от имени Президиума, а на самом деле в этом приняли участие только два или три члена Президиума, а остальные не были поставлены в известность, без одобрения Президиума, он поднял в «Правде» вопрос продолжения семилетки. Он требовал введения восьмилетки. Продолжением плана на один или два года он хотел скрыть невыполнение семилетнего плана. Этим он переполнил и без того полную чашу.

Мы признали на Пленуме его успехи: в том числе и десталинизацию, хотя она — дело всей партии. Мы также подчеркнули его энергичность и инициативность в работе. Но мы также сказали и о том, что он делал неправильно. Он ни в чем не спорил.

Его самый серьезный порок состоит в том, что он все знает. Это сковало все сферы экономики и науки. Он вмешивался во все и повсюду. Все он знал: и сельское хозяйство, и архитектуру, понимал и в подводных лодках, в строительстве, в науке. Без его благословения ничего не совершалось и в науке. На все замечания он только и говорил: «Это — моя слабость». Следует сказать, что помимо этого Хрущев уже раньше подчеркивал свой преклонный возраст, упоминал о пенсии. В последнее время он не был в состоянии слушать собеседников более пяти минут, терял терпение, прерывал их. Он не читал документы, едва мог осилить две страницы. Как это называется...?

Андропов: Склероз.

Кириленко: Он написал письмо о своей отставке и направил его товарищу Суслову. После этого Пленум единогласно, стопроцентно поддержал его отставку. Это важно для судьбы нашей великой страны и партии.

Мы будем уже в этом месяце объединять партийные бюро по-старому: парткомы будем превращать в райкомы. На них лежало все, райкомы 45 лет тянули всю партийную работу, через них осуществлялась деятельность ленинской партии, и так должно быть и в будущем. Мы не будем «прорабатывать» Хрущева на партсобраниях. Это не нужно. Мы только направим информацию членам партии. Мы оповестили актив, а остальные сказали: достаточно, больше объяснять не нужно³⁷.

Знаете, после Хрущева село вздохнуло с облегчением. Крестьяне раньше не знали что сеять, на каких участках. Было слишком много и различных колебаний, чувствовалась неуверенность,

В будущем году мы продолжим выполнение нашего семилетнего плана. Мы будем продолжать улучшения в сельском хозяйстве, так как до настоящего времени его структура была очень сложной. Но это не означает, что мы будем бросаться на сельское хозяйство. Мы не будем бросаться на сельское хозяйство. Мы будем решать проблемы постепенно. Нам предстоит дальнейшее совершенствование структуры сельского хозяйства и промышленности.

В международных делах у нас одна цель: укрепление единства всех социалистических стран и борьба против главного врага — империализма.

Мы вступили в контакт с китайцами и уже провели переговоры. Я должен здесь подчеркнуть, что касается наших дальнейших отношений с Китаем, то мы ни на грамм не будем уступать в принципиальных вопросах. Я в этом вас заверяю.

Андропов: Я бы хотел высказаться относительно метода смещения Хрущева. Этому вопросу больше всего уделяют внимание итальянские товарищи, они сегодня много говорят и пишут об этом. Итальянцы ставят под сомнение метод смещения Хрущева, но в то же время они не в состоянии сказать, какой иной способ следовало применить. Это факт, что у них нет конкретных контраргументов. И это не случайно.

Партия и народ не были удовлетворены экспериментами Хрущева в сельском хозяйстве. Еще январский пленум 1954 года поднял вопрос о сельском хозяйстве, поставив его правильным образом, приняв верные решения. Уже в следующем, в 1955 году мы имели достаточно мяса и молока. А сейчас? Сейчас существуют проблемы с мясом и молоком. Что Хрущев сделал? Он однозначно сказал: мы имеем мясо и молоко. Он отнял у крестьянина его частную собственность: коров, свиней, овец, коз... Хрущев думал, что без этого можно и, когда мы все это ликвидировали, люди, так сказать лишившись всего, пошли в магазин покупать то, что раньше имели. А у нас в магазинах недостаточно, чтобы дать всем. Эта политика затронула миллионы. Ее последним шагом стало повышение закупочных цен на некоторые сельскохозяйственные продукты. Но оказалось, что повышение цен — не выход.

Кириленко: Для того, чтобы остановить его реформаторские идеи, нужно было обладать огромной силой. Что, к примеру, он сделал в своей Калиновке³⁸? Взял у крестьян коров и другой скот, и все передал в колхозное стадо. Этот пример он хотел распространить по всей стране, вынес это предложение на Президиум.

Влахович: Мы в Югославии развиваем крупные хозяйства, но мы поощряем крестьян держать скот.

Кириленко: Когда в магазинах будет достаточно мяса и молока, люди сами увидят, что нужно отказаться от коров, свиней и всего остального.

Андропов: Хрущев имел свою теорию и о науке. Он и тимиразевскую академию хотел выселить из Москвы в сельскую местность. Он хотел ликвидировать Академию наук и говорил об этом не только нам, но и на пленуме, и не только там.

Положение стало невыносимым. В народе это чувствовалось. Для примера, могу рассказать вам о реакции одной девушки из Ярославля, старого комсомольского руководителя. Два месяца тому назад в разговоре с моей женой она спрашивала: «Скоро ли Хрущев уйдет на пенсию?»

Смещение Хрущева это не дворцовый переворот, а потребность партии и народа. Итальянцы нас упрекают и спрашивают: почему вы не критиковали Хрущева в печати. В наших условиях это невозможно. Мы понимали авторитет Хрущева, а значит и партии, не для того, чтобы ударить по партии. Иного выхода не было. Сегодня мы можем сказать, что все было по-марксистски и в соответствии с ленинскими нормами.

Кириленко: И первое сообщение об отставке Хрущева мы считаем правильным.

Андропов: Мы не будем прорабатывать Хрущева. Нам кажется, что нападками на Сталина мы добились противоположного результата. Вокруг мертвого Сталина создан ореол мученика. Гомулка нам однажды сказал: «Я пострадал от Сталина, но то, что Хрущев сделал со Сталиным в

Польше — это не хорошо». Народ поначалу воспринимал все одобрительно, но после говорил, что Хрущев свел счеты со Сталиным.

Кириленко: Если послушать Хрущева, то во всем виноват Сталин. И за нынешнее положение в сельском хозяйстве он обвинял Сталина. Это не означает, товарищи, что я выступаю в защиту сталинизма. Нам ясны ошибки Сталина, но разве Сталин виновен в том, что у нас сегодня нет достаточно зерна? Так нельзя ставить вопрос.

Андропов: У социалистических стран короткая история, всего 15–20 лет. Но мы уверены, что и у вас, в социалистических странах или странах народной демократии, как мы их по-другому называем, в будущем может быть поставлен вопрос о руководителе таким образом, как он был поставлен у нас. Никто не может быть над ЦК партии. Все что касается методов, все сделано в соответствии с ленинскими нормами. Тут нет противоречий.

Китайцы пытаются представить смещение как дело своих рук. Албанцы точно также. Они даже призвали наш народ свергнуть Хрущева. Действительно, Хрущев смещен, но не по воле албанского, а советского народа и партии. Мы сейчас ведем переговоры с китайцами. И вам, и нам должно быть ясно: отношения с Китаем нужно нормализовать. Мы имеем уже фронт с капитализмом. Зачем нам сейчас нужен еще один фронт? Мы им сказали: мы не хотим выступать против вас, а вы не выступайте против нас. Это минимум того, что мы можем сделать для улучшения атмосферы. Однако, они сейчас не готовы к прекращению открытой полемики. Они хотят нормализовать отношения, но с позиции силы. Не нужно думать, что сейчас Хрущев ушел, а Мао Цзедун остался — значит они победили. Им следует понять, что вопрос заключается не в споре Хрущев — Мао Цзедун, а в споре по принципиальным вопросам. До настоящего времени не было достигнуто никакой договоренности.

Мы хотим нормализации отношений с Китаем. Это не может быть вам в ущерб. С другой стороны, мы нормализовали отношения с вами и они развиваются хорошо. В этом заслуга Хрущева, но не только его, а всего ЦК и Партии. Никому не нужны плохие отношения. И это не в наших интересах (СССР).

Влахович: Мы согласны, согласны с вами. Наши размышления идут в другом направлении: мы опасаемся не за себя, а возникновения потенциальной возможности того, что китайский фактор окажет влияние на советскую политику, на ту политику, которая добилась только хороших результатов и которая открыла новые перспективы человечеству и социализму. Нормализация отношений Советского Союза и Китая не должна привести к замедлению развития социализма. Боязнь изменения политики выразил и Мохиеддин³⁹ во время пребывания в нашей стране. Мы высказали наши взгляды. Из разговора с Мохиеддином было ясно, что ОАР в последние годы все больше ориентировалась на СССР во

внешней политике и своем внутреннем развитии. Разговор показал нам обеспокоенность ОАР. В то же время был замечен авторитет, которым пользуется Советский Союз не только в ОАР, но и в неприсоединившихся странах вообще. Это не только капитал социализма, но и ваша большая ответственность.

Кириленко: Для волнений нет причин.

Андропов: ОАР находится под сильным влиянием буржуазной пропаганды и поэтому понятна их обеспокоенность. На Западе много спекуляций. Как повод для них использую даже награждение Насера орденом Героя Советского Союза, что мы якобы против этого, что неверно.

Китайцы нам сказали, что они не совсем довольны докладом товарища Брежнева. Прошу вас не верить слухам о том, что мы будем что-то менять. Разве [нужно] хорошую политику менять?

Кириленко: Хрущев нам (членам Президиума ЦК КПСС) буквально запрещал поездки по стране. Он говорил нам: что вам делать вне Москвы, разве у вас нет работы в Москве, а это — экскурсии. Он нас стреножил. Он хотел создать впечатление, что без него ничего не получается.

Андропов: Не стоит волноваться и, во-вторых, верьте нам. На встречах с представителями социалистических стран и другими будьте активны в разъяснении наших позиций.

Влахович: Мы не волнуемся. Мы заверяли и других, к примеру, Индиру Ганди, которая до своего приезда в Москву побывала с визитом в Югославии, что мы не верим в то, что руководители Советского Союза уйдут от прежней политики, которая принесла столько позитивных результатов. И мне здесь алжирская делегация вновь передала приглашение Бен Бела посетить Алжир. В том случае, если я поеду в Алжир, я знаю: этот вопрос будет центральным в наших переговорах.

Мы очень много сделали для популяризации товарища Хрущева в неприсоединившихся странах. Если мы ошибались, то, возможно, вместе с вами. Как раз из-за стремления высказаться в пользу позитивной роли для дела мира и социализма, которую играл Хрущев, к нам сегодня обращаются наши друзья с тем, чтобы обменяться мнениями о перспективах дальнейшего развития.

Андропов: Вы не ошибались.

Влахович: В этом смысле товарищ Тито много сделал, к примеру, в ОАР. Он советовал Насеру не держать коммунистов по тюрьмам, говорил, что египетские коммунисты также любят свою страну. Несомненно, что дружба товарища Тито с Насером содействовала освобождению коммунистов из тюрем. Точно так же вам известно, что, когда Насер оказался в трудном положении в отношениях с американцами в связи со строительством Асуанской плотины, Тито ему сказал: почему не обратитесь к Советскому Союзу?

Важно продолжить позитивный курс дальнейшего развития социализма. Его формы могут быть различными, но цель остается той же. Сле-

дует чаще встречаться, обмениваться мнениями, чтобы стремиться получить положительные результаты.

Андропов: Я продолжу. Смену Хрущева следует понять как продолжение, как выполнение решений XX съезда. Этот пленум — событие большего значения, чем XX съезд: мы разрушили культ личности мертвого Сталина, а теперь на пленуме мы скинули лавровый венок с живого, сделав это без борьбы, спокойно. Сам Хрущев сказал на пленуме, что сожалеет о стольких своих ошибках, но что он также горд, что такие вопросы могут быть решены в нашей партии без потрясений.

Влахович: Я знаю Советский Союз, его прошлое, партию. Очевидно, что вопрос развития социализма у вас не стоит на месте, затронут вопрос партийной демократии. После Сталина вы шагнули далеко.

Мы также уделяли и продолжаем уделять большое внимание демократизации партийной жизни. Даже Джиласа с его идеями мы обсуждали на пленуме. Пленум был открытым, его заседания транслировались по радио, материалы были опубликованы. Народ имел полную возможность видеть, что происходит.

Кириленко: У нас нет никаких проблем с народом.

Андропов: Мы публично развенчали Сталина. Почему сейчас с Хрущевым нам создавать сенсацию? Это нам не нужно.

Кириленко: Звонить во все колокола? От этого не будет пользы.

Влахович: По крайней мере, следовало сказать Хрущеву спасибо.

Кириленко: Мы ему сказали.

Андропов: Когда о ком-то говорится положительно, нужно и отрицательно. Мы этого делать не будем.

Влахович: Мы знаем о ваших замечаниях на статью в «Борбе»⁴⁰. Они относятся к нашим оценкам XXI съезда и Декларации. Вы знаете, что мы не одобряем формулировки о Югославии на этом съезде, а также и положения из Декларации. Понятно, что этот съезд рассматривал ряд вопросов вашей внутренней и внешней политики, вы говорили не только о Югославии. Но мы не согласны с теми ее частями, которые относятся именно к нам. Я говорю это для того, чтобы все было ясно, ибо мы привыкли в разговорах к откровенности.

Кириленко: Конечно, этот съезд не был посвящен Югославии, а семилетнему плану, нашим проблемам. Мы заявили о том, что Югославия строит социализм, и это был съезд, который рассмотрел многие вопросы внутренней политики Советского Союза. Следовательно, можно сказать, что ваше замечание не совсем верно. Этот вопрос (о Югославии на XXI съезде) снят с повестки дня, снят самой жизнью. Он не должен вас волновать. В определенной мере можно было бы точно также сказать, что такая позиция в отношении Югославии в материалах XXI съезда была высказана формально.

Влахович: Нам не подходит акцент на XXI съезде.

Кириленко: После этого съезда мы написали книгу о социализме в Югославии.

Влахович: Мне не хотелось бы продолжать обсуждать этот вопрос.

Кириленко: Это — эпизод из прошлого.

Влахович: Товарищ Тито уверен, что политика Советского Союза останется прежней. Мы отсекаем то, что когда-то было негативным. Следует смотреть вперед.

Мы удовлетворены развитием наших экономических отношений. Здесь нет крупных проблем, атмосфера на переговорах совершенно благоприятная. Отношения по партийной линии и в области культуры также развиваются. Их нужно развивать еще больше.

Мы здесь себя чувствовали, как среди своих.

Мы тяжело восприняли гибель Бирюзова и других товарищей. Годы войны оставили глубокую симпатию к бойцам Советской армии и советскому народу. Это и сегодня имеет для нас политическое значение. Народ одобряет сохранение традиций.

Кириленко: Есть ли проблемы в экономических отношениях?

Крайгер: Нет. Если и появляются, то только некоторые технические вопросы.

Кириленко: Через небольшие трудности и споры рождается истина.

*Миятович*⁴¹: Наш секретарь по внешней торговле Джуверович⁴² посетил Патоличева и выразил ему нашу готовность к подписанию многолетнего соглашения, которое обеспечит сотрудничество в черной и цветной металлургии. В Советском Союзе мы покупали бы продукцию черной металлургии и инвестировали в цветную металлургию, которая снабжала бы и СССР. Это — взаимная выгода.

Влахович: Я хочу воспользоваться случаем и передать вам приглашения на наш съезд. Мы вам уже направили приглашение, и товарищ Миятович ожидал, что Андропов его передаст. На съезд приедет где-то 35 иностранных делегаций. Мы пригласили партии, с которыми у нас имеется развитое сотрудничество. Помимо коммунистических партий будут представители Алжира и ОАР, Мали, Ганы и Гвинеи. Некоторые просили направить им приглашение. Точно также приглашены итальянские, чилийские и японские социалисты.

Кириленко: Спасибо, мы принимаем приглашение, мы направим делегацию (Примечание: Кириленко, принимая приглашение, посмотрел на Андропова, который, не реагируя, продолжал сидеть, склонив голову.).

Миятович: Мы просим вас ответить до 20-го этого месяца.

Влахович: Поскольку мы сегодня уезжаем и больше не встретимся, передайте наши приветы товарищу Брежневу и остальным товарищам. Мы продолжим наше сотрудничество, как это было и до настоящего времени.

Кириленко: Передайте нашу благодарность товарищу Тито за направление делегации. Передайте ему наши приветы.

10.XI.1964. Записал Слободан Петрович.
Перевод с сербскохорватского А. Б. Едемского
ИСТОЧНИК: АЈ. F.507. IX. 119/I-208.

Документ 4.

Отчет В. Влаховича по результатам поездки в Москву
4–10 ноября 1964 г.

Некоторые замечания после разговоров в Москве⁴³.

1) После многих встреч и разговоров создалось впечатление, что все еще невозможно дать окончательную оценку дальнейшего развития в СССР.

Получается, что все были едины в том, чтобы сменить Хрущева и только затем определить направление внутренней и внешней политики. Таким образом, открыты все крупные вопросы. Дальнейшей политической курс будет зависеть от ряда элементов и событий, которые невозможно предвидеть.

2) На смещение Хрущева повлияло неурегулированное положение в лагере, прежде всего ухудшение конфликта с Китаем, до некоторой степени пример Румынии и тенденции к дальнейшему ослаблению лагерной коалиции.

Относительно внутренней ситуации ряд собеседников (Воронов, Устинов, Полянский, Кириленко) обращали внимание на серьезные диспропорции в экономике, ухудшение снабжения, недостаток мяса, молока. Все подчеркивали огромное политическое значение решения раздать по городам по 2 кг муки на одно домашнее хозяйство. Сообщение о решении Президиума Партии о том, что вновь разрешено выращивать свиней и коров в городских и пригородных поселениях, железнодорожным обходчикам, рабочим совхозов и т. д., было встречено самыми громкими аплодисментами, больше чем любой другой вопрос в докладе. Некоторые собеседники подчеркивали, что в последние годы увеличено число лживых сообщений о выполнении плана. Очевидный акцент на трудностях можно истолковать как составную часть критики Хрущева, но дело не только в этом.

Предложение Хрущева о реорганизации Партии «было каплей, которая переполнила чашу полную воды» и встретила общее сопротивление аппарата Партии. Это был и формальный повод смещения.

На положение в лагере и обострение отношений с Китаем, как представляется, в наибольшей степени отреагировали военные круги (маршал Соколовский мне сказал, что не может позволить создание второго фронта. Главный фронт — борьба против империализма. О втором фронте говорил и Кириленко). Вследствие обострения на китайской границе, вероятно, были поставлены под вопрос и прежние военные планы.

Можно предполагать, что армия оказала давление в пользу установления с Китаем более мирного состояния в интересах борьбы против главного неприятеля.

Состояние отношений с Румынией, особенно тенденции к изменению границ, также вызвало недовольство. Было необходимо идти на умиротворение и введение большего порядка и дисциплины.

3) Дальнейшие кадровые перемены неизбежны. Их вызовет и решение о возвращении к объединению промышленных и сельскохозяйственных партийных комитетов, которое предоставит возможность назначить секретарями объединенных комитетов надежных людей. То, что Хрущев готовил новые реорганизации по договоренности с двумя-тремя членами Президиума, не может остаться для них без последствий. Вместе с тем, по всей вероятности, эти изменения пройдут без спешки.

Я расспрашивал о предстоящем съезде Партии. Воронов говорит, что съезд пройдет в следующем году. Гришин, наоборот, сомневается, что это возможно, учитывая большое число открытых вопросов, по которым за короткое время сложно занять позицию.

4) Во всех разговорах подчеркивается необходимость прекращения реорганизаций. Взят курс на спокойное обсуждение проблем и принятие решений после всестороннего рассмотрения. Методам работы Хрущева приписываются спешка и торопливость, которые принесли только вред.

5) Я не исключаю в ближайшее время некоторую реабилитацию Сталина, которая произойдет и как уступка китайцам, и из-за убеждений той части номенклатуры, которая поднялась в сталинский период.

6) В отношении Китая подчеркивается необходимость прекращения ругани. Воронов говорит, что китайцы решили прекратить кампанию на три месяца. Андропов сообщает, что на переговорах в Москве русские предложили прекращение кампании вообще. Исчерпывающие переговоры прошли в воскресенье и понедельник. Андропов говорит, что китайцы проявляют твердость, неуступчивость, что они знают их тактику. Суслов подчеркивает, что переговоры будут долгими, ибо расхождения глубокие. Это будет сказываться в весьма длительной перспективе, но следует вооружиться терпением и проявить принципиальность. Китайцы хотели остаться на 20 дней для посещения ряда предприятий в Ленинграде и Киеве. По всей вероятности, длительность их пребывания будет зависеть от характера и атмосферы переговоров.

Гомулка⁴⁴ выступил в роли посредника. Китайская делегация посетила его в воскресенье вечером, а он с польской делегацией должен посетить их в понедельник вечером (9 ноября).

7) Присутствие иностранных делегаций было необходимо новому руководству для самоутверждения прежде всего в глазах собственной общественности. Было невозможно не позвать нашу делегацию, ибо и в

стране и за рубежом это вызвало бы нежелательные комментарии. Китайцы выражали протест, не желая приглашения нашей делегации. Отношение хозяев к нам было корректным. Получается, что при обсуждении в ЦК проявились колебания. Решение было принято только накануне нашего отъезда и для встречи с нами был определен самый низкий уровень руководителей⁴⁵. В расчет, очевидно, принималась и китайская чувствительность. В первый день нам задали вопрос о наших пожеланиях. Мы подчеркнули, что хотим нормальной беседы с руководящими товарищами, а кто нас примет персонально, мы оставляем на их усмотрение как хозяев, учитывая загруженность отдельных товарищей⁴⁶.

Все собеседники, начиная с Брежнева⁴⁷ и до тех, кто участвовал в официальных переговорах с нами, подчеркивают, что в отношении Югославии не будет никаких изменений, а наоборот, ожидается дальнейшее продвижение сотрудничества по всем линиям. Мы со своей стороны также выразили такую же готовность.

Дальнейшие отношения, очевидно, будут зависеть от состояния отношений с Китаем и от курса, который в ближайшее время займет руководство КПСС по вопросу дисциплины в лагере, а также от общей международной ситуации.

Микоян, Суслов и Гришин подчеркивают, что внимательно следят за подготовкой к нашему Съезду. Никто не поднимал вопроса Программы. Андропов мимоходом упомянул наличие расхождений.

Детали из отдельных разговоров.

Кадар подробно описал атмосферу вокруг смещения Хрущева. В те дни у него была потребность неофициально встретиться с товарищем Тито. В конце рассказа он настоятельно попросил передать товарищу Тито, что основной вывод, который он сделал из случившегося, заключается в том, что следует еще больше повернуться лицом к собственному народу и еще больше думать об общественном мнении своей собственной страны.

Гомулка⁴⁸ и Клишко⁴⁹. Клишко пространно рассказал о переговорах их делегации в Пекине в начале октября, о встрече с Зековичем в Алжире, о договоренности с Гомулкой пригласить товарища Марко⁵⁰ на охоту в Польшу в январе, используя эту возможность для обмена мнениями по актуальным вопросам. (Гомулка только подтвердил его приглашение и передал приветы товарищу Тито и остальным руководителям). Клишко просит, чтобы мы заблаговременно информировали их о том, сможет ли товарищ Ранкович принять приглашение.

Гришин детально говорил о впечатлениях от своей поездки в Китай. Он готовится приехать к нам с семьей в январе (ответный визит Темпо)⁵¹.

Брежнев и Косыгин передали приветы товарищу Тито и поблагодарили за направление делегации.

Пасионария⁵² будет возглавлять испанскую делегацию на нашем Съезде. Возможно, что она задержится на некоторое время после Съезда.

Судец⁵³ перед группой генералов очень подробно и с воодушевлением говорит о пребывании в Югославии и встречах.

Подгорный передал приветы товарищу Тито. Вообще-то он находится в центре внимания и вероятно играет более важную роль в нынешнем руководстве.

Суслов разговаривал со мной дважды. Мне показалось, что мы преувеличиваем его значение. Он пространно говорил о пребывании его дочери у нас летом на семинаре славистов. Ее впечатления столько позитивны, что оказали влияние и на него. Поэтому он вносит коррективы в свои представления о нашей стране. Пономарев также говорил о позитивных впечатлениях своего брата — генерала, который летом отдыхал в Югославии. (Характерно, что все те, кто посещал Югославию, говорят о нашей стране весьма похвально).

Велько Влахович.

II. ВЕЛЬКО МИЧУНОВИЧ

Имя черногорца Велько Мичуновича (1916–1982), крупного дипломата времен холодной войны, успешного государственного деятеля «второй», титовской Югославии, начавшего делать политическую карьеру из глубин коммунистической службы государственной безопасности и практически пожизненно защищенного от всех политических невзгод участием в антифашистской партизанской борьбе во главе с И. Броз Тито в 1941–1944 гг., тесно связано с Советским Союзом.

В. Мичунович дважды (в 1956–1958 гг. и в 1969–1971 гг.) являлся послом СФРЮ в Москве. До своего первого назначения в Москву он курировал в Государственном секретариате по иностранным делам (ГСИД) СФРЮ вопросы, связанные с Советским Союзом и странами Восточной Европы, а в период между службой в СССР являлся первым заместителем государственного секретаря по иностранным делам СФРЮ, служил послом в США (в 1962–1967 гг.) и председателем Комитета по иностранным делам Скупщины СФРЮ (в 1967–1969 гг.) Высшей точкой его карьеры стали пост члена Президиума СФРЮ от Черногории (с июля 1971 г.) и обязанностей председателя Совета по делам внешней политики при этом органе (с сентября 1971 г.). На этих должностях он находился до отставки и выхода на пенсию в середине 1970-х гг.

Оба пребывания Мичуновича в СССР нашли весьма подробное отражение в изданных им в конце жизни книгах с соответствующими названиями — «Московские годы»⁵⁴.

Первый срок его службы в Москве наиболее известен прежде всего благодаря бурному развитию советско-югославских отношений (только в 1956 г. лидеры двух стран Н. С. Хрущев и И. Броз Тито четырежды обменялись визитами, в ходе которых в разных форматах встречались более

десяти раз), а также и тому, что сам Мичунович был желанным собеседником для всех советских руководителей, и прежде всего и чаще всего для самого Хрущева. Именно эти встречи, отраженные им в последние годы жизни в виде дневниковых записей в объемном труде, привлекли к нему и его произведению огромное внимание читателей.

Первая книга Мичуновича, увидевшая свет в 1978 г., была переведена на десятки европейских⁵⁵ и несколько азиатских языков. Изложенные в ней факты и их интерпретация легли в основу многих научных монографий по мировой истории второй половины 1950-х гг., в том числе и биографии Хрущева.

Второй срок посольской миссии Мичуновича в Москве также нашел отражение в книге (хотя и значительно меньшей по объему). Однако вследствие его редких встреч с советскими лидерами (происходивших также и потому, что о нем и его деятельности в то время советскому руководству поступала достаточно противоречивая и даже негативная информация), а также ввиду бедности событиями двусторонних отношений в те годы, она, в отличие от первой, так и не стала бестселлером. Вторая книга не получила также особого признания у историков, исследовавших соответствующий период. В целом она прошла почти незаметно, скорее лишь напомнив о самом авторе и его первой книге, дав ему возможность более подробно рассказать и о предыстории и об истории ее создания.

Как свидетельствуют публикуемые ниже материалы, советское руководство внимательно следило за деятельностью Мичуновича с начала 1950-х годов (док. 1–2), когда он в должности заместителя главы внешнеполитического ведомства ФНРЮ, в сферу ответственности которого входило и кураторство восточно-европейского направления, включавшего СССР и европейские социалистические страны, регулярно встречался с советским послом В. А. Вальковым⁵⁶. Строки донесений о жестоким поведении Мичуновича в Черногории по приказам Джилаша и Пияде в первые месяцы военных действий против оккупантов⁵⁷ можно отнести на счет своего рода неизбежных отголосков советско-югославского конфликта 1948 г., когда подобного рода «компромат», разрабатывавшийся коминформовцами (эмигрантами из титовской Югославии — сторонниками резолюции Коминформа), был нормой. Но фразы о его причастности к разведывательной деятельности ФНРЮ были, скорее всего, получены уже непосредственно работниками посольства СССР в Белграде.

И в последующем представления о деятельности Мичуновича, отражавшиеся в соответствующих информационных справках советских экспертов, готовивших их для ЦК КПСС, были достаточно противоречивы. В 1969 г. перед его повторным назначением послом в СССР отмечалось, что «по наблюдениям посольства, Мичунович дружелюбно настроен в отношении Советского Союза, охотно идет на беседы с работниками совпосольства, высказывается за улучшение югославо-советских

отношений, за расширение сотрудничества в различных областях, считая его взаимно полезным. Даже в период обострения отношений... в связи с событиями в Чехословакии высказывался о необходимости нормализации и развития дружественных отношений. Думается, что он охотно вновь займет пост посла в СССР, т. к. неоднократно тепло вспоминал о стране и высказывал желание вновь поработать, если придется»⁵⁸.

Вместе с тем очевидно, что после нового приезда Мичуновича в СССР его отношения с советским руководством, прежде всего с Брежневым, не сложились. О трудностях, с которыми он встречался во второй срок пребывания в СССР, свидетельствует, к примеру, почти жалоба Ф. Ходжи, высказанная в беседе с советским послом в феврале 1970 г. относительно того, что Брежнев «долгое время не мог принять посла СФРЮ в Москве Мичуновича для вручения письма от И. Б. Тито». При этом совсем неубедительно звучали слова советской стороны о том, что «задержка получилась из-за сильной занятости т. Брежнева в связи с подготовкой к съезду колхозников, а также в связи с болезнью»⁵⁹. Впрочем, это не помешало советскому руководству в апреле 1970 г. вручить Мичуновичу юбилейную медаль в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина⁶⁰. Впрочем, этот акт лишний раз свидетельствовал о весьма формальном отношении к вождю мирового пролетариата в советских партийно-государственных верхах на рубеже 1970-х годов.

Последующие характеристики, которые давались Мичуновичу во внутренних документах советских экспертов, показывали, что его деятельность оценивалась отрицательно. То, что он старался давать югославскому руководству полную картину происходившего в СССР, не оставляло ему шансов на дальнейшее успешное выполнение обязанностей в Москве. В одном из документов (январь 1971 г.) указывалось, что «по имеющимся данным, В. Мичунович необъективно информирует югославское руководство, представляя дело так, что в Советском Союзе якобы с подозрительностью и недоверием относятся к внутренней и внешней политике Югославии, что в СССР не хотят строить отношения с СФРЮ и СКЮ на равноправной основе. В одном из своих донесений в страну В. Мичунович сообщил, что ЦК КПСС систематически рассылает в партийные организации специальные бюллетени, в которых информирует членов КПСС о положении в Югославии, подчеркивая при этом, что такая практика имела место во время чехословацких событий, что, по его словам, явилось психологической подготовкой к оккупации ЧССР...»⁶¹. Последняя мысль воспроизводилась в подобных документах и в последующем.

В мае 1971 г. советское руководство обратило внимание на высказывания Н. Минчева⁶², который, обобщив «мнения дипломатов братских стран», отметил в одной из бесед, что «югославское руководство усиливает разведывательную деятельность в странах-участницах Варшавского Договора». В доказательство этому были приведены примеры

о том, что югославские эксперты, имевшие отношение к разведке, направлялись на службу в социалистические страны. Минчев имел в виду направление Мичуновича послом в Москву и Дрндича послом в Софию, обращая внимание на то, что «первый после 1948 г. долгие годы был одним из руководящих деятелей разведки югославского МВД, а второй — занимался этой же деятельностью по линии Госсекретариата по иностранным делам, а последние четыре года отвечает в Госсекретариате за политическую разведку»⁶³.

Не очень понятно, как бы сложились отношения Мичуновича в должности посла в Москве с советским руководством в дальнейшем, но его избрание в Президиум СФРЮ от Черногории в июле 1971 г. и его последующее избрание председателем Совета по делам внешней политики при Президиуме СФРЮ в сентябре 1971 г. способствовали завершению этого, как представляется в настоящее время, весьма бесцветного периода его политической карьеры.

Безусловно, мы должны отдавать должное тому вкладу, который внес В. Мичунович в развитие отношений двух стран во второй половине 1950-х годов: дипломатической работой во время первой миссии в Москве и книгой, в которой он описал эти события, вызвав тем самым живой интерес у многих читателей во всем мире. Вместе с тем научная добросовестность неизбежно вынуждает нас констатировать, что его книга, сыгравшая свою значительную роль, в наши дни после получения некоторого доступа к соответствующим документам должна стать и предметом необходимых сопоставлений на предмет выявления исторической точности.

Зарождение сомнений в безусловной научной ценности первой книги В. Мичуновича произошло у отечественных историков еще в момент подробного ознакомления с ней. При внимательном прочтении возникли предположения, что многое автором было дописано задним числом при подготовке книги к печати. Авторитетные отечественные исследователи достаточно давно высказали мнение относительно того, что книга является не отредактированными дневниками, а мемуарами Мичуновича⁶⁴.

Сопоставление варианта советско-югославской встречи на Брионах в начале ноября 1956 г., изложенной в книге, с обнаруженной в 2005 г. записью этой же беседы, сделанной самим В. Мичуновичем через несколько дней после встречи, лишь укрепляет нас в подобных предположениях. Впрочем, и сама история подготовки книги, описанная Мичуновичем в предисловии к его второй книге, где он уделил большое внимание истории сохранения его «московских дневников», а затем процессу их публикации, дает основание предполагать, что в книгу, по меньшей мере, могут закрасться определенные неточности. Работа над нею, начатая в начале 1970-х гг., была продолжена до марта 1977 г. Автор перепечатывал рукопись уже в частично

парализованном состоянии после инсульта в августе 1974 г. Последние правки были внесены при подготовке текста к публикации в издательстве Загребского университета «Libeg» с мая до августа 1977 г.⁶⁵

Ниже публикуются некоторые документы (как советские, так и посланные самим Мичуновичем в Белград из Москвы), позволяющие выявить расхождения между ними.

Читателям предоставляется возможность сопоставить беседу Мичуновича с министром иностранных дел СССР Д. Т. Шепиловым от 7 ноября 1956 г., публикуемую в виде фрагмента официальной советской записи, сделанной в МИД СССР, и ее описание в «воспоминаниях-дневниках» Мичуновича от 8 ноября 1956 г. Во время этой встречи речь шла о расследовании инцидента с обстрелом югославского посольства в Будапеште и о нашедшей убежище в посольстве группе И. Надя. Обращает внимание и стиль подачи материала в книге Мичуновича (к примеру, высказывание о «советской, лживой версии» и т. п.).

Еще одну возможность сопоставления дает публикуемый текст телеграммы Мичуновича в Белград, в которой он описал встречу с Хрущевым 12 ноября в здании ЦК КПСС, и перевод фрагмента из его же «дневников» о той же самой встрече. Как представляется, приводимые свидетельства, продолжая начатые сопоставления текстов брионской встречи⁶⁶, подтверждают необходимость дальнейших сопоставлений данных, изложенных в первой книге Мичуновича, с документами, которые он сам направлял из Москвы югославскому руководству.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1.

Информационно-справочный материал о В. Мичуновиче, подготовленный в Комитете информации при МИД СССР 12 мая 1955 г. по запросу зав. Отделом ЦК КПСС Б. Н. Пономарева

СЕКРЕТНО

Экз. 1

СПРАВКА

о заместителе государственного секретаря по
иностранным делам Югославии Велько МИЧУНОВИЧЕ

Велько МИЧУНОВИЧ родился вблизи г. Цетинье (Черногория), в зажиточной семье. По национальности черногорец. Окончил юридический факультет Белградского университета. В 1937 г. вступил в члены коммунистической партии Югославии, находившейся тогда на нелегальном положении. Участвовал в гражданской войне в Испании.

В годы второй мировой войны Мичунович являлся одним из руководителей черногорского окружного комитета КПЮ, затем занимал командные должности в Народно-освободительной армии Югославии. Имеет звание генерала-подполковника запаса.

После окончания войны Мичунович был назначен помощником министра внутренних дел Югославии. В ноябре 1945 года он был избран депутатом вече национальностей союзной народной скупщины Югославии от Черногории.

В феврале 1950 года МИЧУНОВИЧ вошел в состав правительства в качестве министра — генерального директора металлургии. В 1951 г. он был назначен заместителем министра внутренних дел. В качестве члена югославской делегации МИЧУНОВИЧ принимал участие в работе четвертой (1949 год) и шестой (1951 год) сессий Генеральной ассамблеи ООН. В 1952 году МИЧУНОВИЧ занял пост заместителя министра иностранных дел. После реорганизации государственных органов Югославии в 1953 году он был назначен заместителем государственного секретаря по иностранным делам Югославии.

На 5 съезде КПЮ в июле 1948 года Мичунович был избран кандидатом в члены ЦК КПЮ, а на 6 съезде в ноябре 1952 года — членом ЦК «Союза коммунистов Югославии».

В государственном секретариате по иностранным делам Мичунович ведал вопросами советско-югославских отношений. В беседах с советскими представителями он неоднократно высказывался положительно о мероприятиях Советского правительства, направленных на нормализацию отношений между СССР и Югославией.

В беседах с Советским послом в Югославии МИЧУНОВИЧ несколько раз в резком тоне критиковал агрессивные действия правительства США в отношении КНР. Так, в беседе 13 сентября 1954 г. он заявил, что «налеты го-миндановских самолетов на территорию Китайской Республики являются провокационными действиями, инспирированными американцами».

В другой беседе с Советским послом, состоявшейся 11 ноября 1954 г., Мичунович отрицательно оценил мероприятия западных держав по созданию Западноевропейского союза, подчеркнул, что в этом союзе «преобладают агрессивные элементы». Одновременно он высказался в положительном тоне о советских предложениях относительно создания системы коллективной безопасности в Европе, заметив, однако, что, по его мнению, «при создавшихся условиях нельзя рассчитывать на реализацию этих предложений».

МИЧУНОВИЧ информировал посла СССР о решении пленума ЦК СКЮ, состоявшегося 26 ноября 1954 года, по вопросу о нормализации советско-югославских отношений. При этом Мичунович сказал, что решение пленума о нецелесообразности установления сотрудничества по партийной линии будто бы не исключает возможности некоторого контакта СКЮ

с КПСС. Он высказал мнение, что «всемерное сотрудничество по государственной линии будет способствовать и, несомненно, приведет к сотрудничеству также и по партийной линии».

В беседе с сотрудником Советского посольства 19 марта 1955 г. МИЧУНОВИЧ положительно отозвался о статье, помещенной 12 марта в «Правде», по поводу выступления Тито на сессии югославской Скупщины. Он подчеркнул, что «главное состоит в том, что по вопросам о мире, о необходимости улучшения отношений между СССР и Югославией и о взаимном невмешательстве во внутренние дела между нами нет разногласий».

Следует, однако, отметить, что в некоторых случаях Мичунович допускал в беседах с советскими представителями враждебные в отношении СССР выпады. Так, он заявил 24 января 1955 года советскому послу в Белграде, что создание военных блоков якобы явилось результатом «прежней политики Советского Союза», которая будто бы порождала «страх в Западной Европе перед СССР».

Т. КУПРИКОВ

«[12]» МАЯ 1955 ГОДА

РГАСПИ. Ф.495.

Документ 2.

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ о В. Мичуновиче,
подготовленный в ПГУ КГБ СССР 13 мая 1955 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА

На заместителя государственного секретаря по иностранным делам Югославии МИЧУНОВИЧ Велько

Велько МИЧУНОВИЧ родился вблизи г. Цетинье (Черногория) в зажиточной семье.

В 1937–1940 гг. МИЧУНОВИЧ учился на юридическом факультете Белградского университета и принимал активное участие в работе студенческой организации «Народная студенческая молодежь». В 1934 году он был принят в члены КПЮ.

В июле 1941 года, когда в Черногории возникло партизанское движение, МИЧУНОВИЧ был на руководящей работе в окружном комитете партии гор. Цетинье. В конце 1941 года и в начале 1942 года по указанию ПЬЯДЕ и ДЖИЛАСА производил массовые расстрелы целых крестьянских семей (в том числе стариков, женщин и детей), нелояльно относившихся к коммунистам и партизанскому движению. МИЧУНОВИЧ работал в то время в районе Цетинье секретарем парткома и особенно отличился в этих расстрелах.

Он лично расстреливал и приказывал это делать другим. В его районе было больше расстрелов, чем в других областях. Эти расстрелы позднее были признаны ЦК КПЮ политически вредной мерой, искривлявшей линию партии.

В 1942 году, когда партизаны потеряли большую территорию в Черногории, МИЧУНОВИЧ был назначен секретарем окружного комитета компартии Черногории и оставлен в тылу врага на нелегальном положении.

Велько МИЧУНОВИЧ находился на партийной работе в Черногории до 1945 года, затем был назначен помощником министра внутренних дел Югославии и руководил работой ОЗНа (сейчас УДБ). На этой работе ему было присвоено звание генерала.

В 1950 году Велько МИЧУНОВИЧ был назначен генеральным директором дирекции металлургии Югославии. В 1951 году он был снова переведен на старую работу — руководителем разведки и контрразведки в армии (КОС).

В феврале 1952 года В. МИЧУНОВИЧ был назначен заместителем министра иностранных дел Югославии. После реорганизации югославского правительства и образования государственных секретариатов он был назначен на пост заместителя государственного секретаря по иностранным делам. Ведает вопросами взаимоотношений Югославии с восточноевропейскими странами, а также, по неофициальным данным, осуществляет координацию действий в работе разведывательных органов и государственного секретариата по иностранным делам.

В. МИЧУНОВИЧ известен как сторонник сохранения Югославией нейтралитета между двумя блоками. До недавнего прошлого в официальных беседах он в довольно резких тонах критиковал позицию СССР по германскому, австрийскому и другим вопросам. Известно также, что к нормализации отношений он относится положительно, полагая, что помимо больших выгод, которые может извлечь из этого Югославия, это поднимет престиж и авторитет югославского правительства.

В. МИЧУНОВИЧ по натуре националист. В беседах сух, сдержан, а иногда даже способен на резкие и грубые ответы. Имели место случаи, когда он на приемах без стеснения одергивал своих коллег, пытавшихся держаться более или менее откровенно с представителями советского посольства.

Брат Велько МИЧУНОВИЧА — генерал Вуле МИЧУНОВИЧ является политическим комиссаром военно-морского флота Югославии. После 1948 года проявил себя как ярый противник резолюции Информбюро коммунистических и рабочих партий по вопросу о положении в КПЮ.

НАЧАЛЬНИК 5 ОТДЕЛА ПЕРВОГО ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

[подпись]⁶⁷ БУДНИК

«[13]⁶⁸» мая 1955 года.

Документ 3.

Инструкции И. Броз Тито В. Мичуновичу

перед отъездом в Москву в должности посла СФРЮ в СССР

(пока еще в изложении)

Белград, 23 марта 1956 г.

Во время последней встречи с товарищем Тито в его рабочем кабинете (Ужицкая улица, 15) я стремился, чтобы мы утвердили нечто как общее правило, которое могло бы быть действительным для нас всех без различия, в наших делах с русскими и в Москве, и в Белграде, и в дипломатии, и в торговле, и в партии и где бы то ни было. Наш разговор об этом Тито завершил выводом, что следует избегать столкновений и ссор с русскими в той мере насколько это зависит от меня. Им не следует также уступать в вопросах, которые имеют крупное политическое значение. Таким образом, я оказался на месте, где буду способствовать тому, чтобы это правило ввести в жизнь.

Я сказал Тито, что если мы сможем так себя вести, то это будет иметь самое большое значение. Лично я опасаясь, что русские будут постоянно оказывать давление и требовать от нас уступить. Я не могу ни уступить, ни ссориться, а неуступчивая позиция обычно приводит к ссоре. Тито улыбнулся и сказал, что именно поэтому они и посылают в Москву меня. Я сказал, что если мне все же придется выбирать, то я не уступлю, но может возникнуть ссора, хотя и не потому, что я к этому стремился. Тито повторил, что не следует допустить, чтобы произошло либо одно, либо другое. В завершение мы пришли к выводу: если у нас не будет лучшего выбора, то возможность начать ссору нужно предоставить русским, а мы только не будем допускать уступок.

Я также разговаривал с Тито о его предстоящем через два месяца визите в СССР. Это первый визит Тито в Россию после нашего конфликта восемь лет назад. Все вместе это имеет большое политическое значение, выходящее за рамки наших отношений с русскими. Тито потребовал, несмотря на мои регулярные доклады правительству и ГСИД, оповещать его лично каждый раз, когда я посчитаю это необходимым. Относительно его официального визита в Москву, Тито сказал, что сейчас мы предоставим инициативу русским, а мне будет необходимо приехать в Белград перед визитом для того, чтобы договориться о наших действиях.

Затем я разговаривал с товарищем Тито о том, что история наших экономических отношений с русскими не менее драматична, чем история наших политических отношений. У русских и сегодня, как и в прошлом, торговля — самое прямое средство для политических действий. Мы опасаемся, что так будет и с кредитом для нашего алюминия.

Односторонним отказом от всех торговых договоров и последующей после 1948 г. экономической блокадой Югославии русские нанесли большой материальный ущерб нашей стране. Я напомнил товарищу Тито, что

мы разговаривали об этом с делегацией Хрущева в прошлом году и называли русским некоторые весьма высокие цифры, свидетельствующие о размерах прямого и косвенного ущерба, который они нам нанесли. Хрущев отказался от того, чтобы это было предметом наших переговоров. Он сказал, что не хочет «выплачивать нам репарации», даже когда бы наши цифры были и много меньше, чем они есть на самом деле. На следующий день русские нам представили свои цифры о югославских долгах СССР. Главной ставкой в этом было трофейное вооружение, которое СССР поставлял нашей армии до 1948 г. Русские цифры были даже выше наших. Наше «экономическое досье» на переговорах с Хрущевым было похоже на нормальную документацию в спорах между государствами в таких условиях, в то время как русские свои требования читали с листочка бумаги. Было очевидно, что они подготовили за одну ночь в Белграде после высказывания нами наших требований⁶⁹.

Когда мы сделали вывод, что не получится договориться, мы оставили этот вопрос открытым и перешли к обсуждению других тем. Это оказало определенное давление на русских и увеличивало их опасения, что между нами не будет никакого соглашения. Поэтому они были более сговорчивы в принятии некоторых наших политических позиций. Потом мы приняли советское предложение «подвести черту» под нашими взаимными финансовыми требованиями из прошлого⁷⁰.

О сотрудничестве «по военной линии» мы договорились с Тито, что сейчас этот вопрос не поднимать. Нужно еще время с тем, чтобы посмотреть, какое место мы занимаем в общей политике СССР и в отношении нас самих и в отношении других. Следует подождать и визита Тито в Москву...⁷¹

По пути в Москву, 24 марта 1956 г.

...⁷² Товарищи из нашего посольства напомнили мне, что мы приближаемся к Кремлю, и что тут и ночью есть на что посмотреть. Его башни и стены были хорошо освещены и производили большое впечатление, хотя из автомобиля я смог увидеть лишь одну часть. Но и эта первая встреча с Кремлем не изменила хода нашего разговора, который мы начали в машине сразу после выезда из аэродрома Внуково. Товарищи из посольства продолжили рассказывать мне во всех подробностях о том, как в здании нашего посольства недавно была открыта и уничтожена сеть советских тайных устройств и систем прослушивания. Было обнаружено девятнадцать микрофонов, соединенных проводами. Они были вмонтированы во всех комнатах под паркетом, а кое-где и на потолке под штукатуркой и бетоном. В комнатах попросторнее было обнаружено и по два микрофона, а в комнатах меньшего размера было достаточно и одного. Они рассказывают, что было организовано прослушивание всего посольства, начиная от спальни посла.

Эта секретная система прослушивания, технически весьма устаревшая, судя по всему, отлично работала. Мы в том здании уже десять лет. До нас там были японцы, они покинули его после объявления русскими войны Японии. В то время русские вселили туда югославов и продолжили их прослушивать. Как бы то ни было, сейчас у меня за спиной, с первого дня, будет и советская полиция, по всей видимости в больших масштабах, чем у моих предшественников, несмотря на наше «примирение». Русские, вероятно, знают, что это я направил в Москву команду наших специалистов из государственной безопасности еще три месяца назад. Этот шаг достаточно много комментировали в Белграде, а это легко могло стать известно и русским⁷³.

Про наш общий подход в поведении в отношении русских я сказал товарищам, я передал слова товарища Тито о том, что «с русскими не надо ссориться, но и не надо им уступать». В каждом случае будет нелегко придерживаться этого правила. Непросто будет определить, когда нужно ссориться с тем, чтобы им не уступить, а когда им нужно уступить для того чтобы не поссориться. Неблагоприятно и то, что я должен решать это чаще всего сам, находясь в промежутке между Белградом и Москвой.

Перевод с сербско-хорватского А. Б. Едемского.

Печатается по: *Mićunović V. Moskvske godine. S. 33–34; 38–39.*

Документ 4.

Из заявления В. Мичуновича на аэродроме в Белграде
перед вылетом в Москву в должности посла СФРЮ в СССР

Секретно. 26 марта 1956 г. ТАСС Лист 180-С.

Заявление вновь назначенного югославского посла в СССР.

Белград, 24 марта. Агентство ТАНЮГ передает: Новый югославский посол в Советском Союзе Велько Мичунович выехал сегодня из Белграда в Москву. Перед отъездом Мичунович сделал заявление, в котором отметил, что в сравнительно короткий срок, истекший с момента установления хороших отношений между Югославией и Советским Союзом, были достигнуты важные результаты в области сотрудничества между двумя странами.

Контакты между представителями политических, экономических, культурных и спортивных кругов значительно содействовали установлению взаимопонимания и расширению дружественного сотрудничества....⁷⁴

Сотрудничество между любыми двумя странами, сказал в заключение Мичунович, основывающееся на уважении принципа свободы, независимости и равноправия, ныне является лишь вкладом или, точнее, неотъемлемой частью совместных усилий, проявляемых нашими наро-

дами с целью установления взаимопонимания и доверия, сотрудничества, мира и прогресса на всем земном шаре. Значительную роль в этом деле играют советско-югославские отношения, в связи с чем народ Югославии выступает за усиление сотрудничества и дружбы между обеими странами и приложит все силы к достижению этой цели.

РГАСПИ. Ф.495.

Документ 5.

Из беседы Д. Т. Шепилова и В. Мичуновича 7 ноября 1956 г.

(из дневника Шепилова)

Запись беседы Д. Т. Шепилова с В. Мичуновичем

7 ноября 1956 г.

Секретно. Экз. 11

Из дневника Д. Т. Шепилова

В 14. 00 принял посла Югославии в СССР Мичуновича. Я сказал ему, что мною получено донесение о беседе министра иностранных дел Коча Поповича с советским послом Фирюбиным, в котором Коча Попович заявил, что 6 ноября в 12 часов 45 минут (по будапештскому времени) из советского танка, находящегося возле здания югославской миссии в Будапеште, был открыт огонь из орудия. Направление стрельбы не установлено, но в здании югославской миссии выбиты все стекла и повреждены рамы, и этот случай привел к панике среди находившихся в миссии людей.

Я сказал Мичуновичу, что только что беседовал с командованием советских воинских частей в Будапеште и поручил им провести тщательное расследование правдоподобности этого факта. Это будет сделано и результаты расследования будут сообщены послу. Однако в предварительном порядке командование советских воинских частей в Будапеште категорически заявляет, что такого рода инцидент не мог иметь места, так как в районе нахождения югославской миссии совершенно спокойно и ведение огня из находившихся около миссии танков вряд ли вызывалось какой-нибудь необходимостью. Однако я еще раз подтвердил, что результаты расследования правдоподобности или вымышленности этого эпизода, о котором сообщил Коча Попович нашему послу, будут сообщены дополнительно.

В этой связи я сказал Мичуновичу, что 5 ноября с. г. советник Югославии в Венгрии Солдатич обратился с просьбой к послу СССР в Венгрии т. Андропову убрать расположенную поблизости от здания миссии советскую воинскую часть, так как в настоящее время нахождение этой воинской части около югославской миссии не вызывается необходимостью.

Я сказал Мичуновичу, что советское военное командование в Будапеште со своей стороны считает возможным удовлетворить эту просьбу югославской миссии и снять находящуюся около миссии советскую воинскую часть.

Я сказал также Мичуновичу, что нас не может не поражать заявление Коча Поповича, «что общественное мнение в Югославии весьма сильно возмущено». Если уж говорить о чувствах, то наше население, как и все венгерские патриоты, в гораздо большей степени возмущены тем фактом, что обанкротившиеся перерожденцы и пособники контрреволюции типа Надя и компании, с ведома которых на улицах Будапешта вешали рабочих — революционеров и коммунистов, укрылись после своего поражения в югославском посольстве...⁷⁵

Д. Шепилов

Публикуется по: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы и материалы. М., 1998. С. 618–619.

Документ 6.

Из беседы Д. Т. Шепилова и В. Мичуновича 7 ноября 1956 г.
(из мемуаров Мичуновича)

Москва, 8 ноября 1956 г.

7 ноября меня пригласил Патоличев, один из заместителей министра Шепилова. Приглашение в день национального праздника — вещь необычная, если это не происходит в необычных обстоятельствах. Он сделал это, вероятно, для того, чтобы показать мне, что между нами больше нет никаких особых отношений (хотя они были еще три дня тому назад) и все сейчас будет рассматриваться исключительно по дипломатическим каналам. Непосредственная цель этой встречи, вероятно, была в том, чтобы оповестить меня официально, до моей встречи с Хрущевым после обеда, что их ответ на письмо Тито от 5 ноября о Имре Наде и товарищах полностью отрицателен. Наше письмо было направлено лично Хрущеву. Помимо Тито его подписали также товарищи Кардель и Ранкович. Они, вероятно, считали, что так будет лучше, поможет разрешить положение Надя. Получается, что наше письмо, подписанное тремя самыми ответственными личностями Югославии, нисколько не помогло, если о советском ответе Патоличев сообщает мне в МИДе!

Когда Патоличев сообщил мне эти «новости», он сказал, что меня вызывает Шепилов. Было ясно, что русские обо всем договорились заранее. Патоличев высказал мне то, что было подготовлено, поднялся из-за стола и, протянув мне руку, не дав мне таким образом возможности что-либо сказать, заметил, что меня приглашает министр иностранных дел

СССР. Не плохая техника ведения разговора! Я встречаюсь с ней в советском МИДе впервые после моего приезда в Москву.

Я просил о встрече с министром Шепиловым для того, чтобы выразить решительный протест правительству СССР из-за вооруженного нападения советских войск в Будапеште на югославское посольство и людей, которые в нем находились. По их словам, «советский танк занял соответствующую позицию на площади перед зданием нашего посольства, затем совершенно неспровоцированно и неожиданно открыл пулеметный огонь по окнам в нижней части здания, в котором находилось много людей. В результате был убит сидевший за рабочим столом секретарь нашего посольства Милованов. Тем самым русские совершают грубое давление на нас и на венгерских беженцев. Кроме того, представляется, что русские пытаются сделать невозможными условия жизни в здании посольства.

Шепилов не принимает мой протест, хотя дело кристально ясное: русские, которые безо всяких провокаций со стороны, открыли огонь из пулемета и убили нашего дипломата в здании посольства. Шепилов даже не выражает сожаления по этому поводу. Он высказывает полностью лживую, советскую версию случившегося. О том, как якобы взорвалась граната в непосредственной близости советских танков, которые блокировали наше посольство. Только после этого русские танки открыли огонь «в направлении, откуда исходила угроза», т. е. по зданию югославского посольства.

Шепилов держался вызывающе, высокомерно, показывал, что ему разговор об этом более чем скучен и с самого его начала он считает его лишним. Было очевидно, что ему приказано не принимать мой протест, а советская сторона выдумала ложную версию о взрыве вблизи советского танка. Якобы этот [танк] оказался в ситуации «необходимой обороны», хотя никакого взрыва не было. Шепилов является министром иностранных дел СССР около полугода. Ранее он никогда не служил в советской дипломатии, и свое очень грубое поведение он выдает за свое osobito достоинство.

Перевод с сербскохорватского А. Б. Едемского.

Публикуется по: *Mićunović V. Moskovske godine. S. 174–175.*

Документ 7.

О БЕСЕДЕ Мичуновича с ХРУЩЕВЫМ

(из телеграммы Мичуновича в БЕЛГРАД от 12 ноября 1956 г.)

Very urgent Br.23 od 2⁷⁶

Кардель, Марко, Коча.

Письмо товарища Тито для Хрущева я получил сегодня в 1 час утром⁷⁷, а Хрущев принял меня сегодня в 3 часа после обеда. Х. ожидал, что я принесу

ему ваш ответ на их последнее послание от 10 ноября⁷⁸, ибо они ответили немедленно на основе телеграммы Фирюбина⁷⁹. Хрущев прочитал мне целиком их ответ. Я думаю, что новая компромиссная позиция русских приемлема и что проблему Надя и остальных можно решить в рамках последнего русского предложения. В связи с переброской Имре Надя (и остальных, которые будут с этим согласны) в Румынию Хрущев вновь рассказывает, на этот раз более детально, о телеграмме, которую Надь⁸⁰ послал Дежу⁸¹ в субботу 3 ноября⁸². Хрущев назвал эту телеграмму потрясающим жестом отчаяния человека, который был потерян и одинок, не знал что творит⁸³. У меня сложилось впечатление, что таким образом Хрущев исправляет заявления и характеристики, которые он высказывал мне в остром разговоре 7 ноября⁸⁴. Тогда мы говорили о том же самом предмете, а также о том, что Надю следовало бы быть уверенным в том, что в Румынии он будет ощущать себя в совершенной безопасности. Хрущев настаивал на том, что переезд Надя в Югославию нанес бы непоправимый урон. Я считаю, что следует оказать влияние на Надя, чтобы он согласился с предложенным решением, ибо это в конечном счете более полезно для урегулирования в Венгрии. Я разговаривал с Хрущевым в здании ЦК около полутора часов. После этого Хрущев позвал меня на обед в свой дом, где была вся его семья, два его друга из Украины, моя супруга и я. Мы задержались до 11 часов ночи. Об остальных вопросах из разговора сообщу позднее [...]

12, 12, 12⁸⁵ ноября 1956 г.

Перевод с сербскохорватского А. Б. Едемского.

Источник: Arhiv Jugoslavie (Beograd). F.507. IX. 119/I-80

Документ 8.

О БЕСЕДЕ В. Мичуновича с ХРУЩЕВЫМ
(из мемуаров Мичуновича)

Москва, 12 ноября 1956 г.

Вчера, в воскресенье 11 ноября, меня принял, по моей просьбе, Хрущев. После моих извинений, с учетом, что сегодня выходной, воскресенье, Хрущев сказал, что он пришел из-за встречи по моей просьбе, что он пригласил бы меня и раньше, но был за городом, когда ему сообщили, что я просил о приеме. Мне показалось, что Хрущев ожидал, что я пришел с новым ответом товарища Тито, а я принес оригиналы раннего письма товарища Тито от 9 ноября⁸⁶, на которое Президиум ЦК уже направил ответ в Белград, предложив новое решение для Имре Надя и остальных.

Хрущев прочитал мне целиком их ответ. Я высказал мнение, что их ответ конструктивен. После разговора в здании ЦК Хрущев пригласил меня и мою супругу Мишку на обед в кругу своей семьи. Я провел с Хрущевым несколько часов, и мы смогли поговорить о многом.

Хотя мы долго говорили о Венгрии, ни с одной стороны не было сказано чего-то существенно нового. Мы еще раз рассмотрели аргументы, которые были высказаны в нашей беседе от 7 ноября. Имре Надя и остальных Хрущев вчера третировал по-другому, чем в разговоре со мной 7 ноября. Тот разговор был острым и полным открытых угроз со стороны Хрущева. Тогда я почти ни в чем не мог согласиться с ним за исключением того, что хорошо что Ракоши⁸⁷ и Гере⁸⁸ открыто названы «кликой», и что Янош Кадар⁸⁹ — глава венгерского правительства. Согласие в этом лишь усиливало общее несогласие по другим вопросам.

Хрущев ожидает, что наш ответ на их последнее предложение (направление Имре Надя в Румынию) будет позитивно, и считает, что предложено единственно возможное компромиссное решение, совместно удовлетворяющее обе наши стороны, так и венгров (Кадара), а румыны согласились принять участие и оказать помощь. Помимо Надя, который не мог бы остаться в Венгрии, на очереди еще и Лошонцы⁹⁰. Вероятно потому, что русские думают, что Лошонцы имел связи с нами, они поспешили его скомпрометировать и осудить в воззвании правительства Кадара от 6 ноября⁹¹. Говорится о группе Надь — Лошонцы...⁹²

Перевод с сербскохорватского А. Б. Едемского.

Публикуется по: *Mićunović V. Moskovske godine*, S. 178.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Один из «номерных» секретных институтов, созданных летом 1943 г. на базе учреждений Коминтерна, упраздненного в мае того же года. Институт был подчинен Отделу международной информации ЦК ВКП(б). В его задачу входило ежедневное вещание на славянских языках (в здании имелись четыре студии), выпуск ежедневного информационного бюллетеня (распространялся для работников аппарата ЦК ВКП(б), загранбюро компартий, для центральной печати и СМИ), создание архива и базы данных (акцент на рабочее движение), ведение радиоперехвата передач радиостанций большинства европейских и ряда других стран, в том числе из Белграда, Братиславы, Варшавы, Загреба, Праги, Софии. Его работу курировал сектор Славяно-балканских стран Отдела международной информации ЦК ВКП(б).
- 2 Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1998. С. 66–67.
- 3 Там же. С. 283–284. Некоторые выступления были изданы в виде печатных материалов: *Влахович В.* Освободительная война народов Югославии. М., 1944; *Влахович В.* Четвертый год героической борьбы югославского народа. М., 1944.
- 4 Отношения России (СССР) с Югославией. 1941—1945 гг. С. 230–231.

- 5 Российский Государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1369. Л. 15–16. Состав Военной Миссии Национального Комитета Освобождения Югославии.
- 6 Текст договора см.: Советско-югославские отношения 1945–1956 гг. Документы и материалы. М., 2010. С. 10–12.
- 7 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 29. Пк. 3. Л. 7. Подробнее см.: Док. 2.
- 8 С югославской стороны в делегации были также Э. Кардель, А. Ранкович, В. Влахович и В. Мичунович.
- 9 10 ноября 1957 г. Влахович в составе делегации ФНРЮ был на приеме у Н. С. Хрущева, К. Е. Ворошилова и Н. А. Булганина. Вслед за этим делегация присутствовала на Совещании (общем) представителей коммунистических и рабочих партий (Правда 6.XI, 11.XI, 21.XI. 1957 г.).
- 10 Известия. 1963. 30.VII. Встреча в ЦК КПСС с руководящими работниками Союза коммунистов Югославии.
- 11 В беседе т. Влахович сердечно поблагодарил ЦК КПСС за приглашение в СССР на отдых и лечение крупных руководящих работников СКЮ и правительства СФРЮ... и подчеркнул, что «взаимные поездки руководящих работников наших стран на отдых и лечение — хорошая форма ознакомления с опытом коммунистического строительства в СССР и социалистического строительства в Югославии, при этом особенно является важным, сказал он, установление личных контактов между руководителями и простыми людьми. В прошлом году я, например, вместе с т.т. Пуцаром, Зековичем и Стефановичем был на отдыхе в СССР. Мы остались очень довольны пребыванием в Москве, Ленинграде, Волгограде, на побережье Черного моря. Для нас особенно памятными и интересными были встречи и беседы с руководителями КПСС, местных партийных органов и предприятий. Незабываемыми остались встречи со всеми советскими людьми, сказал тов. Влахович...» См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 29. Пк. 3. Л. 26. Выписка из записи беседы посла СССР в СФРЮ тов. Пузанова А. с членом Исполкома ЦК СКЮ тов. Влаховичем Велько от 3 февраля 1964 г. (документ вх. 07617 от 26.02.1964 г.).
- 12 РГАСПИ. Ф. 495. Д. 20. Пк. 3. Л. 26. Выписка из записи беседы посла СССР в СФРЮ тов. Пузанова А. с членом Исполкома ЦК СКЮ тов. Влаховичем Велько от 3 февраля 1964 г. (документ вх. 07617 от 26.02.1964 г.).
- 13 Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004. С. 775.
- 14 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 29. Пк. 3. Л. 26. Выписка из записи беседы посла СССР в СФРЮ тов. Пузанова А. с членом Исполкома ЦК СКЮ тов. Влаховичем Велько от 3 февраля 1964 г. (документ вх. 07617 от 26.02.1964 г.).
- 15 Там же. Л. 18–20.
- 16 Несколько подробнее см.: Едемский А. Б. Советско-чехословацкие отношения в оценках югославского руководства. Январь–июнь 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива). М., 2010. С. 231.

- 17 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 29. Пк. 3. Л. 34 зам.зав. Отделом ЦК КПСС (Л. Горчаков — от руки синими чернилами 17 октября 1964 г. от руки: исх. 15-О-1841
- 18 Там же. Л. 35. Справка. С согласия секретаря ЦК КПСС. 9 вх. 48008 от 19.XI.64 г.
- 19 Там же. Л. 47. Выписка из документа вх. 0269 от 27 января 1967 г.
- 20 Там же. Л. 56–57. Без даты. Справка на Влаховича Велько. По упоминаемым в документе последним фактам он был создан в 1967 году.
- 21 Там же. Л. 55 —57.
- 22 Там же. Л. 66–67. ВЕЛЬКО ВЛАХОВИЧ, член Исполнительного бюро Президиума СКЮ. Справка подготовлена совпосольством в СФРЮ 9см. вх.2078 от 27.V.69 г.
- 23 Там же. Л. 72. Выписка из сообщения совпосла в Белграде т. Бенедиктова о В. Влаховиче, вх. 34418 от 15.XI.69.
- 24 Там же. Л. 79–82. Влахович Велько. Член Исполнительного бюро Президиума СКЮ. (Основание: материалы личного дела. Мл. референт Отдела ЦК КПСС Е. Зубилина. 6.4.71 г. 1-ез).
- 25 Там же. Л. 83–84. Выписка из сообщения совпосла в СФРЮ т. Степакова от 17.6.71, вх. 19363.
- 26 *Влахович В.* Сознание и реальная жизнь. Београд, 1976.
- 27 Подпись и дата поставлены от руки фиолетовыми чернилами.
- 28 Вписано от руки.
- 29 По сообщениям югославских СМИ, делегация, которую возглавлял В. Влахович, вернулась из Москвы в Белград 10 ноября. До ее вылета из Москвы (в 13 часов) состоялась встреча с членом Президиума Кириленко и секретарем ЦК Андроповым, которая прошла «в теплой и дружеской атмосфере» (Борба. 1964. 11.XI С.1. «Југословенска делегација водила разговор у Москви»). В ЦК СКЮ документ был зарегистрирован 13 ноября 1964 г. См.: AJ. F.507. IX. 119/I-208. Str. Pov. Br.05-1857 «13» novembar 1964 god.
- 30 Крайгер Борис (1914–1967), югославский и словенский политический деятель, председатель Исполнительного веча Народной республики Словения (1953–1962); с 1963 г. — заместитель председателя Союзного Исполнительного веча Югославии, министр экономики. Член ЦК СКЮ с 1948 г. Двоюродный брат словенского политического деятеля Крайгера Сергея (в 1958–1963 гг. — министр промышленности, в 1963–1967 гг. — заместитель председателя Союзной скупщины СФРЮ).
- 31 Шпиляк Мика (1916–2007), в 1963–1967 гг. — председатель Исполнительного Совета Социалистической Республики Хорватия; в 1967–1969 гг. — председатель Союзного исполнительного веча Югославии.
- 32 Никезич Марко, с октября 1958 г. по сентябрь 1962 г. посол ФНРЮ в США. В 1964 г. — заместитель Государственного секретаря по иностранным делам СФРЮ. С 22 апреля 1965 г. — государственный секретарь по иностранным делам СФРЮ.
- 33 Бернов Ю. В. — в 1962–1966 гг. заведующий сектором отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

- 34 Запись выступления члена Президиума и секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова на пленуме ЦК КПСС см.: Никита Хрущев 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 255–267.
- 35 7–8 июня 1964 г. после визита в Финляндию состоялся краткий неофициальный визит Тито в Ленинград, где он встречался с Н. С. Хрущевым. С югославской стороны в беседе принимали участие государственный секретарь по иностранным делам К. Попович, посол Югославии в СССР Ц. Миятович и руководитель секретариата Президента страны Б. Црнобрня.
- 36 Примечание сделано составителем документа югославским дипломатом С. Петровичем.
- 37 Примеры пропагандистской политики нового руководства в Москве и регионах см.: Никита Хрущев. 1964. С. 271–280. В том числе перечень вопросов, заданных на собраниях партийного актива райкомов КПСС и отраслевых парткомов 15 октября 1964 г. (Там же. С.272–274). Вопросы были достаточно.
- 38 Село Калиновка Курской губернии — место рождения Н. С. Хрущева.
- 39 Мохиеддин Захария (1918–2009) — египетский политический деятель. В 1952–1953 гг. руководил военной разведкой Египта, министр внутренних дел с 1953; руководил МВД в ОАР в 1958 г., вице-президент Египта и руководитель МВД с 1961 г., в 1965 г. назначен премьер-министром и вице-президентом.
- 40 Имеется в виду статья «Необходима преемственность в борьбе за мир и социальный прогресс» в белградской «Борбе» 22 октября 1964 г., подготовленная Влаховичем по итогам обсуждения сообщения о смещении Н. С. Хрущева, состоявшемся на заседании высшего югославского руководства 21 октября. (См.: Arhiv Jugoslavije. Fond 507. IX. III/103.)
- 41 Миятович Цвиетин (1913–1992) — югославский партийный и государственный деятель, носивший партийный псевдоним «Майо». Работал гл. редактором органа ЦК СКЮ — еженедельника «Коммунист» и на других постах, в том числе посла СФРЮ в Польше. В 1961–1965 гг. — посол СФРЮ в СССР. В 1980—1981 гг. председатель Президиума СФРЮ.
- 42 Джуверович Никола — союзный секретарь СФРЮ по внешней торговле, в это время находился с визитом в Советском Союзе. В программе его пребывания (в Москве и Ленинграде) были встречи с председателем Государственного комитета Совета министров СССР по внешнеэкономическим связям С. А. Скачковым и министром внешней торговли СССР Н. С. Патоличевым. Результатом визита стало подписание Протокола о товарообмене и соглашения о поставках судоходных объектов (Борба. 1964. 11.XI. С.1; Борба. 1964. 11.XI. С.2.).
- 43 Документ был зарегистрирован в Комиссии по международным связям ЦК СКЮ 13 ноября 1964 г. (См. AJ. F.507. IX. 119/I-208. Str. Pov. Br. 05-1857 13. novembar 1964 god. Zapažanja iz razgovora u Moskvi). По всей вероятности, Влахович в какой-то форме (лично или по телефону) доложил Тито эти сообщения. 11 ноября — беседа совпосла А. М. Пузанова с И. Броз Тито, в ходе

которой югославский лидер явно использовал данный отчет. (См.: Никита Хрущев. 1964. С. 357–362. Док. 34. Запись беседы А. М. Пузанова с И. Броз Тито. 11 ноября 1964 года).

- 44 Гомулка В. (1905–1982) — с октября 1956 г. по декабрь 1970 г. первый секретарь ЦК ПОРП. В 1957–1971 гг. член Государственного совета ПНР.
- 45 В тот же день, 10 ноября, советская делегация, в которой были Брежнев, Косыгин, Микоян, Подгорный, Андропов и Громыко, провела переговоры с партийно-правительственной делегацией ГДР. В официальном сообщении было написано, что они проходили в «обстановке дружбы, сердечности и полного единства взглядов». В тот же день Брежнев встречался с делегацией ВНР во главе с Я. Кадаром, а Косыгин с делегацией Польши во главе с Гомулкой (Правда. 1964.10.XI. С.1).
- 46 В беседе в Белграде с советским послом Пузановым 29 ноября 1964 г. Влахович сказал, что делегация довольна приемом и пребыванием в Москве и беседами с руководством КПСС. Он отметил, что делегация была подробно информирована о причинах освобождения т. Хрущева от занимаемых постов, «информация была аналогичной той, которую вы сделали И.Тито после возвращения из Москвы. Влахович также сказал Пузанову, что с китайской делегацией у них никаких встреч и бесед не было, хотя руководитель делегации Чжоу Энь-лай при встречах здоровался с ним, а руководитель корейской делегации Ким Ир — ни одного раза не поздоровался (АВП РФ. Ф. 144. Оп. 25. Пк. 58. Д. 7. Л. 146–147. Из дневника Пузанова А. М. Запись бесед с руководителями Югославии и послами на приеме у Президента СФРЮ И. Б. Тито по случаю Дня республики 28 ноября 1964 года.)
- 47 В материалах о поездке делегации Влаховича отсутствует отчет об отдельной встрече с Брежневым. По всей вероятности, мог состояться всего лишь краткий обмен фразами во время обычного обмена рукопожатиями в ходе ряда крупных мероприятий во время празднования.
- 48 Подробнее о позиции Гомулки в это время см.: *Стыкалин А. С.* О реакции В. Гомулки на снятие Н. С. Хрущева (октябрь 1964 года) // *Славяноведение*. 2007. 3. С. 89–104.
- 49 Клишко Зенон (1908–1989) — польский политический деятель, в 1959–1971 гг. — член Политбюро ЦК ПОРП, в 1957–1970 гг. — секретарь ЦК ПОРП.
- 50 «Марко» и «Лека» — партийные псевдонимы А. Ранковича.
- 51 Вукманович Светозар (1912–2000), партийный псевдоним «Темпо». В 1958–1967 председатель Центрального веча Совета синдикатов (профсоюзов) Югославии. С 1966 — член Президиума ЦК СКЮ.
- 52 Долорес Ибаррури Гомес (1895 —1989), известная также как «Пасионария» (исп. «пламенная») — деятель испанского и международного рабочего движения, лидер испанских коммунистов.
- 53 Судеев В. А. (1904–1981) — кандидат в члены ЦК КПСС в 1961–1966 гг., в 1962–1966 гг. главнокомандующий войсками ПВО СССР — заместитель министра обороны СССР. В октябре 1964 г. в составе официальной советской делегации

- принимал участие в проходивших в Белграде (столице СФРЮ) торжествах по случаю 20-летия освобождения города от немецко-фашистской оккупации.
- 54 *Mičunović V. Moskvske godine 1956/1958. Beograd, 1978; Mičunović V. Moskvske godine 1969/1971. Beograd, 1984.*
- 55 Среди первых переводов был французский: *Micunovic V. Journées de Moscou: 1956–1958. Paris, 1978.* Затем последовали переводы на другие языки: *Mičunović V. Moscow Diary. London, 1980; Mičunović V. Moskauer Gagebucher (1956–1958). Stuttgart, 1982.* Краткий вариант вышел в 1980 г. в Польше: *Mičunović V. Dziennik moskiewski — 1956. Nowa, 1988, и т. д.*
- 56 Значительная часть встреч отражена в публикации Р. Лубурича.
- 57 Подробнее о деятельности М. Джиласа, в том числе о его отношениях с М. Пияде, см. недавно опубликованную монографию Милоша М. Миликича (*Миликић М. М. Ратним стазама Милована Ђиласа. Подгорица, 2009. С. 7–96.*).
- 58 РГАСПИ. Ф. 495. Д. 100. Л. 43.
- 59 Там же. Л. 34. Выписка из записи беседы с Фадилом Ходжей. Вх. 05937 23.02.70. 2-ег (Е. Гусева).
- 60 Там же. Л. 28. Выписка из постановления Президиума Верховного Совета СССР от 19.4.1970 г. 5022-VII.
- 61 Там же. Л. 19.
- 62 Минчев Николай — посол Болгарии в СФРЮ с 10.07.1972 г. до 1975 г. После 1976 — заместитель министра иностранных дел НР Болгарии. Автор благодарит сотрудницу Института балканологии БАН Мариану Стамову за консультацию.
- 63 Д. 100. В мае 1971 г. Д. 100. Л. 14. Выписка из записи беседы с Н. Минчевым (вх. 16771 от 05.05.1971 г.). Л. 18.
- 64 *Гибанский Л. Я. Н. С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. 1. С. 10–29.*
- 65 *Mičunović V. Moskvske godine 1969/1971. Beograd, 1984. S. 41, 46–48, 50, 52–53.* Не следует исключать, что коррективы могли вноситься на всех стадиях работы над рукописью, что особенно заметно во вводном тексте.
- 66 *Едемский А. Б. Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова. М., 2010. С. 348, 351–353.*
- 67 От руки
- 68 От руки
- 69 Советское руководство действительно решило не обсуждать финансово-экономические проблемы сотрудничества до 1949 г. намеренно, желая достичь политических договоренностей в ходе визита. На самом деле материалы по этому вопросу были достаточно детально проработаны и неоднократно предоставлялись советскому руководству.
- 70 Советское письмо, сообщающее о решении правительства в июне 1955 г.
- 71 Отточие составителя

72 Отточие составителя

73 Допуская, что находка прослушивающих устройств могла вызвать и профессиональное недовольство соответствующих служб КГБ СССР и их желание «отомстить», все же представляется, что Мичунович здесь лукавит. Как видно из Док. 1, советской стороне было хорошо известно, что новый югославский посол не только генерал, но и куратор разведывательной деятельности, которая велась по дипломатической линии. Известный югославский политолог Р. Петкович в своей книге «Субъективная история югославской дипломатии. 1943—1991», повествуя о Мичуновиче, сразу в нескольких местах своего замечательного исследования впервые довольно подробно дал ему развернутую характеристику в разделе о деятельности сотрудников югославской госбезопасности («УДБа као судба»). В 1952 г. в рамках МИД ФНРЮ был создан Координационный отдел (в первые годы им руководили Антун Вратуша, Ранко Зец, Михаил Бата Яворски, Бошко Видакович, Антон Духачек и др.), разместившегося на четвертом этаже здания по ул. Князя Милоша, д. 24 и имевшего в своей структуре разведывательный отдел и отдел контрразведки. По его словам, Мичунович, «без сомнения, продумал и претворил в жизнь идею Ранковича о перемещении аппарата УДБ в Министерство иностранных дел в 1952 г. Поскольку и сам Мичунович перешел работать в здание внешнеполитического ведомства в ранге заместителя министра, он мог непосредственно курировать и направлять работу Координационного отделения. Но, поскольку Мичунович был не «только» полицейским, но и революционером, который занимается политикой, а перейдя в МИД он все больше становится дипломатом... благодаря «капиталу», который он "скопил" на дипломатической службе, он переживает падение Ранковича и расхождения с Тито». (Петковић Р. Субјективна историја југословенске дипломатије 1943 —1991. Београд, 1995. С. 116–119).

74 Отточие составителя.

75 Отточие составителя.

76 Так в документе.

77 Так в документе.

78 Имеется в виду Письмо ЦК КПСС ЦК СКЮ от 10 ноября 1956 г., которое было согласовано с руководством Венгрии и Румынии и направлено на имя Тито за подписью Хрущева. Текст письма и подробности согласования см.: Советский Союз и венгерский кризис. Документы. 1956 г. М., 1998. С. 633–636. Док. 190.

79 Мичунович имеет в виду Письмо ЦК СКЮ ЦК КПСС от 8 ноября 1956 г., в котором был изложен взгляд руководства СКЮ на события в Венгрии. По всей вероятности, Хрущев сообщил Мичуновичу, что это письмо Фирюбин сразу по его получении немедленно передал в Москву. Текст письма см.: Советский союз венгерский кризис, С. 622–625. Док. 185 шифротелеграммой.

80 Надь Имре (1896–1958) — политический лидер Венгрии. Находился в СССР с 1928 по 1944 г. В 1944–1945 — министр земледелия во Временном

- Правительстве Венгрии, с 1947 — член политбюро компартии. В 1953 Надь стал премьер-министром и приступил к осуществлению программы реформ, однако в 1955 был отстранен от власти. В октябре 1956 во время восстания против режима коммунистов Надь стал премьер-министром революционного коалиционного правительства. Арестован 22 ноября 1956. В июне 1958 г. тайно казнен в Будапеште и захоронен в безымянной могиле. В 1989 реабилитирован и повторно захоронен с почестями.
- 81 Георгиу-Деж Георге (1901–1965) — государственный и политический деятель Румынии. С 18 лет участвовал в рабочем движении. С октября 1945 генеральный секретарь ЦК КПП (в октябре 1955 — марте 1965 первый секретарь ЦК партии). Смарты 1961 председатель Государственного совета РНР.
- 82 О событиях 3 ноября в Будапеште см.: *Райнер Я. М.* Имре Надь — премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006. С. 184–185.
- 83 В своих стилизованных под дневниковые записи мемуарах Мичунович записал 8 ноября, что характеристику письма Надя Георгиу-Дежу от 3 ноября Хрущев высказал в беседе 7 ноября вечером около 18 часов. Как видно, Мичунович дописал фразу Хрущева: «Хрущев назвал содержание письма Надя "потрясающим", что это доказательство одиночества и отчаяния человека, которого события выбросили на поверхность и победили, а он не знает, что делать, и умоляет Дежа о помощи, почти о спасении» (*Micunovic V. Moskovske godine. S. 175*).
- 84 Вариант этой «острой» беседы с Хрущевым 7 ноября, изложенный В. Мичуновичем в его «мемуарах», см.: *Micunovic V. Moskovske godine. S. 171–173, 175*.
- 85 Так в тексте.
- 86 Скорее всего Мичунович имеет в виду письмо ЦК СКЮ ЦК КПСС с изложением взгляда руководства СКЮ на события в Венгрии от 8 ноября.
- 87 Ракоши Матяш (Матиац) (1892–1971) — с 1953 г. первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ), одновременно в 1952–1953 гг. председатель Совета Министров ВНР. 18 июля 1956 г. на пленуме ЦК ВПТ освобожден с поста первого секретаря и члена Политбюро. 26 июля 1956 г. выехал в СССР.
- 88 Гере Эрнё (1898–1980) — в 1951–1953 гг. секретарь, с 18 июля до 25 октября 1956 г. первый секретарь ЦК ВПТ. С 29 октября 1956 до 1960 г. находился в СССР.
- 89 Кадар Янош (1912–1989) — в 1946–1951 гг. зам. Генерального секретаря ЦК ВКП (ВПТ), в 1948–1950 гг. министр внутренних дел Венгрии. В 1951 г. был приговорен к пожизненному заключению, в 1954 г. реабилитирован. С июля 1956 г. — член Политбюро и секретарь ЦК ВПТ. С 25 октября 1956 г. первый секретарь ЦК ВПТ, с 28 октября вошел в состав Исполкома вновь созданной Венгерской Социалистической Рабочей Партии. С 30 октября по 4 ноября государственный министр в правительстве Имре Надя. После 4 ноября 1956 г. до июня 1957 г. председатель Временного Исполкома и Временного ЦК ВСРП.
- 90 Лошонци Геза (1917–1957) — журналист, с 1945 г. заведующий отделом газеты «Сабад неп», зам. министра культуры, кандидат в члены ЦК ВПТ. В 1951 г.

репрессирован, в 1954 г. реабилитирован. 23–24 октября 1956 г. кооптирован в ЦК ВПТ, избран кандидатом в члены Политбюро ЦК. С 30 октября государственный министр в правительстве И. Надя, с 1 ноября член Исполкома ВСРП. 4 ноября получил убежище в югославском посольстве, 23 ноября 1956 г. депортирован в Румынию.

⁹¹ Имеется в виду Обращение Временного Центрального Комитета Венгерской Социалистической Рабочей Партии. Строки, о которых идет речь (о необходимости «столь же решительно порвать с группой Надя Имре, Лошонци и Доната, расчистившей путь для реакции и изменившей тем самым делу социализма»), были внесены советской стороной. Но в проекте Обращения временного ЦК ВСПРП имя Доната Кадаром было снято (см.: Советский Союз Венгерский Кризис, С. 604–605; 607–608. Док. 176.).

⁹² Отточие составителя

ОСТАВШИЕСЯ В СССР

Ниже мы публикуем короткие заметки Е. Бойович и А. Кнежевича о своих отцах, а также В. А. Павлович и А. Татар-Лешевич о своих супругах — черногорских антифашистах, приехавших учиться и оставшихся навсегда в СССР после известного конфликта Сталина и Тито в 1948 г. Конечно, таких людей, выходцев из всех югославских республик, было много больше, и они заслуживают отдельного рассказа. Эти судьбы приводятся нами лишь в качестве примера.

Перепечатано из книги «Из Югославии в СССР или непридуманные истории из жизни одного поколения» (СПб, 2009), изданной на средства членов Санкт-Петербургского общества южных славян «Югославия».

Е. М. Бойович

Бойович Милич Еремиевич 1923–2005

Милич Бойович родился в селе Буче (район Беранье), Черногория, в многодетной семье, детей было десять, двое погибли на войне.

Его отец был учителем гимназии, затем заместителем министра образования Черногории.

Бойович Милич с 1939 г. принимал участие в подпольном коммунистическом движении Югославии.

С июля 1941 по 1945 год находился в Народно-освободительной армии Югославии, в составе 2-й Пролетарской дивизии.

После войны был направлен на учебу в Советский Союз. В СССР прибыл 17.01.1947 года, где и начал учебу в Высшем военно-морском инженерном училище им. Дзержинского. Завершил учебу 22.12.1952 года.

После окончания учебного заведения был направлен на военную службу в Архангельск, в дальнейшем служил в Кронштадте.

Уволен в запас 22.04.1961 года в звании капитана 2-го ранга.

После увольнения с военной службы продолжительное время работал инженером-инспектором Северо-Западной инспекции Речного Регистра РСФСР.

Был женат, дочь — Бойович Елена, внук — Люблинский А. Г.

Милич Бойович скончался на 83-м году жизни 30.04.2005 года.

Как участник войны награжден двумя югославскими орденами — «За мужество» и «Заслуге за народ», а также орденами СССР — Отечественной войны 2-й и 3-й степени и многочисленными медалями.

2008 г.

А. Р. КНЕЖЕВИЧ

КНЕЖЕВИЧ РАДИВОЕ

Кнежевич Радивое Миленкович родился 18 декабря 1918 г. в селе Велика вблизи городка Андриевичца в Черногории, вошедшей к этому времени в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 3 октября 1929 г. — Королевство Югославия). По национальности — черногорец. Его отец Миленко (Миленко Вучков Кнежевич) был офицером Черногорской, а затем Югославской королевской армии, участником 1-й и 2-й балканских и Первой мировой войн. Мать Любица, урожденная Крджич, была домохозяйкой. Оба деда были крестьянами, но как и все черногорцы того времени неоднократно участвовали в вооруженных столкновениях с турками.

В 1922 г. в городе Крагуевце, где служил отец, родилась сестра Радмила. Отец умер в 1923 г. в звании пехотного капитана I класса. Мать умерла в 1924 г. Оставшиеся круглыми сиротами дети были воспитаны родственниками, жившими в селах по соседству. Радивое больше жил у деда по отцовской линии, сестра — у деда и дяди по материнской линии.

В 1931 г. Радивое окончил начальную школу в своем селе и поступил в реальную гимназию в городе Печ, где, живя на частных квартирах, окончил 6 классов. Затем переехал в город Лесковац к двоюродному брату матери и окончил 7-й и 8-й классы гимназии. Учился Радивое хорошо и в 1939 г. после окончания гимназии поступил на медицинский факультет Белградского университета, где окончил почти 4 семестра.

С 6-го класса гимназии Радивое втянулся в революционное движение. Поступив в университет, принял активное участие в деятельности СКОЮ (югославский комсомол), стал членом «Общества студентов медицины», «Народной студенческой молодежи». От «Общества студентов медицины» был избран постоянным делегатом в «Акционный отбор» студентов Белградского университета. Распространял листовки и другую нелегальную литературу, помогал в организации демонстраций и манифестаций, был связан с активными членами Коммунистической партии Югославии (КПЮ) Радованом Зоговичем и Милованом Джиласом.

Учеба была прервана нападением фашистской Германии на Югославию. 6 апреля 1941 г. во время немецкой бомбардировки Радивое находился в Белграде. Вскоре, уходя от немецких войск через территорию Албании, вернулся к родственникам в Черногорию в местечко Мурина. Там вместе с товарищами и родственниками участвовал в организации и вооружении Машничкого партизанского отряда, в составе которого 13 июля 1941 г. вступил в борьбу против итальянских оккупантов. В сентябре отряд был переформирован в Грачаничко-Машничкий партизанский отряд. В августе 1941 г. в первичной парторганизации этого отряда Радивое был принят в кандидаты, а в ноябре того же года — в члены КПЮ. С ноября 1941 г. был культпросветработником в Андриевичком батальоне

Комского партизанского отряда. С конца декабря 1941 г. до середины февраля 1942 г. был секретарем партийной ячейки Машиничко-Грачаничко-Величкой организации КПЮ. За это время участвовал во всех вооруженных операциях и диверсионных действиях. В середине февраля 1942 г. партизанские отряды из Черногории ушли в Боснию, а Андриевичкий батальон был оставлен на месте, но уже к концу февраля он был разбит и перестал существовать как боевая единица.

Радивое со своими товарищами был вынужден уйти в подполье. В октябре 1942 г. он тяжело заболел (видимо, воспалением легких), и товарищи в течение трех месяцев скрывали его на территории Албании. После выздоровления с января 1943 г. продолжал нелегальную работу в качестве руководителя СКОЮ в селах Велика, Ржаница, Мурина.

В мае 1943 г. был организован новый отряд — Андриевичкий батальон, в котором Радивое был культпросветработником, а затем референтом санитета (фельдшером) и одновременно культпросветработником в Андриевичко-Беранском батальоне. Участвовал в формировании 2-го Андриевичкого батальона, где был комиссаром роты. В конце октября 1943 г. батальон присоединился к 4-й Пролетарской черногорской бригаде, в которой Радивое вначале был референтом санитета 4-го батальона, а затем начальником госпиталя бригады. С начала июня и до конца июля был начальником госпиталя и одновременно помощником начальника санитарной службы 3-й Сербской ударной бригады. В начале 1944 г. его направляют в Италию, где в городах Грумо и Андрия он был санитарным работником и одновременно секретарем партийной организации санперсонала в госпиталях югославских партизан.

С декабря 1944 г. до 15 мая 1945 г. был начальником санитарной службы артиллерийской группы 2-го ударного корпуса и помощником начальника санитарной службы корпуса. Затем был направлен в Сараево для участия в формировании артиллерии новой Югославской 6-й армии. Но уже 8 июня 1945 г. приказом Санитарного управления Генерального штаба Югославской армии был послан на учебу в Белград в 1-й Дом военных «медиков». За время учебы был секретарем парторганизации 1, 2 и 3 курсов и членом бюро парторганизации медицинского факультета.

В апреле 1944 г. Радивое было присвоено воинское звание подпоручика, в апреле 1945 г. — звание поручика Народно-освободительной армии Югославии. Он был награжден орденами «За храбрость» и «За заслуги перед народом» 2-й степени.

В середине января 1946 г. был направлен на учебу в СССР в Ленинградскую Военно-медицинскую академию (ВМА), куда и прибыл 27 января 1946 г.

После июньской Резолюции Информбюро Радивое был поставлен перед трудным выбором и принял решение не возвращаться в Югославию. Он продолжил учебу. В мае 1949 г., так же как и его товарищи Ч. Касалица, Ф. Ластва, А. Павлович, Б. Шварцвальд, он получил гражданство СССР и

был зачислен в Советскую Армию. Тогда же ему было присвоено звание капитана медицинской службы.

До 1956 г. сотрудничал в газете югославских политэмигрантов в СССР «За социалистическую Югославию». В 1954 г. решением Политбюро ЦК КПСС был принят в КПСС с зачетом партийного стажа в Коммунистической партии Югославии.

В 1950 г. окончил Военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова и до 1956 г. проходил службу в частях Северо-Кавказского военного округа в должности начальника медпункта полка. В то же время прошел специализацию по ЛОР-болезням.

В 1956 г. был зачислен в адъюнктуру при кафедре общей и военно-морской гигиены ВМА, по окончании которой занимал должности начальника лаборатории кафедры военно-морской гигиены, младшего, а затем и старшего преподавателя этой же кафедры.

После увольнения в запас по болезни в 1964 г. в звании подполковника медицинской службы работал на должности младшего научного сотрудника в Ленинградском научно-исследовательском химическом институте (ЛенНИХИ), затем старшим лаборантом кафедры общей гигиены Ленинградского педиатрического института, а также заместителем председателя профсоюзного комитета института.

Во время работы в ВМА занимался преподавательской и научной работой по изучению теплообмена человеческого организма, условий работы и защиты организма в условиях применения оружия массового поражения, по разработке защитной одежды. В ЛенНИХИ работал над аналогичными проблемами. В Педиатрическом институте участвовал в организации учебного процесса кафедры и общественной работе.

Он опубликовал 4 научные работы в открытой печати и ряд работ по закрытой тематике.

В 1950 г. Радивое женился на Ларисе Яковлевне Збарж, в то время студентке Ленинградского педиатрического института. Уехав с мужем, она окончила в Краснодаре Кубанский медицинский институт и затем работала офтальмологом. В 1952 г. в Краснодаре у них родился сын Александр.

16.11.1989 г. Радивое Кнежевич скоропостижно скончался от сердечной недостаточности в Ленинграде. С 1947 г. в Югославии он ни разу не был.

В. А. Павлович

ПАВЛОВИЧ ЙОКО (07.07.1924 — 27.02.1996)

Место рождения — с. Крушевица, Бока Которска, Черногория.

Его отец был рабочим, мать — домохозяйкой.

Три его сестры и три брата живут в Югославии.

Национальность — черногорец;

Образование — Экономический техникум в Белграде; ВВМУ им. М. В. Фрунзе в Ленинграде, офицер корабельной службы; Высшие офицерские классы при Черноморском ВВМУ им. П. С. Нахимова, штурман дальнего плавания.

Участие в борьбе с фашизмом — с 1944 г. участник партизанского Сопротивления на территории Югославии, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За безупречную службу», «Ветеран Вооруженных Сил СССР», всеми юбилейными медалями в честь победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Места службы после окончания ВВМУ им. М. В. Фрунзе — Баку, Краснодарск, Севастополь, командир большого спасательного корабля «Карабах».

Все силы и знания он отдавал службе, в которую был влюблен и от которой получал удовольствие. После увольнения в запас вместе с семьей переехал в Ленинград, где с 1974 по 1981 г. работал в ЦКБ «Восток».

Одним из интереснейших и волнующих эпизодов его жизни был морской поход в Югославию, в Боку Которску в 1968 г. Так, через 22 года, он впервые посетил свою Родину.

Йоко Маркович был женат на Валентине Александровне (девичья фамилия Павлова). Валентина Александровна окончила в 1949 г. Азербайджанский государственный институт народного хозяйства в Баку.

Их дети:

Дочь — Лубочкина Марина Йоковна, родилась в 1954 г., окончила Ленинградский электротехнический институт, инженер, кандидат технических наук.

Сын — Павлович Марко Йокович, родился в 1958 г., окончил Академию гражданской авиации в Ленинграде, штурман.

Их внуки:

Павлович Йоко Маркович, родился в 1983 г.; Лубочкин Михаил Михайлович, родился в 1987 г.

1996 г.

А. ТАТАР-ЛЕШЕВИЧ

ТАТАР-ЛЕШЕВИЧ ЗДРАВКО МИЛУТОВИЧ

Татар-Лешевич Здравко Милутинович родился 01.09.1923 г. в городе Цетинье в Черногории. Умер 26.01.1994 г. в Санкт-Петербурге в возрасте 70 лет.

Он родился в интеллигентной семье. Отец был министром сельского хозяйства Черногории. В семье было четверо детей: три брата и сестра. Все они умерли в разные годы после войны.

В 1941 г. семнадцатилетним юношей Здравко вместе с братом ушли в партизаны. В боях он был контужен в голову. За боевые заслуги получил медали за храбрость и орден Славы. После войны Здравко приехал в СССР на учебу и в 1950 г. окончил Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе в Ленинграде. Служил на Балтике в городе Лиепая. В 1957 г. был демобилизован по состоянию здоровья. Здравко вернулся в Ленинград, закончил Инженерно-финансовый институт им. Тольятти и до ухода на пенсию работал инженером в различных учреждениях города.

Время с 1957 по 1978 г. было трудным для нас, так как у него, как у эмигранта, были сложности с приемом на работу.

Самым радостным событием в жизни Здравко была встреча с матерью в России после долгих лет разлуки.

У мужа было много хобби, но особенно он любил что-нибудь мастерить своими руками. Он построил дом на садовом участке, делал мебель, любил работать в саду.

Я — русская, юрист по образованию, работала юрисконсулом в системе исполкома. Пережила блокаду Ленинграда. Мы прожили в двухкомнатной квартире, которая нам осталась после смерти моих родителей. Я и сейчас живу здесь. Наш сын Янко 1954 г. рождения имеет трех сыновей — Арсена, Никиту и Милутина. После 12 лет ожидания они получили трехкомнатную квартиру.

Общество «Югославия» — это мой второй дом, без которого я сейчас не мыслю своей жизни. Я очень благодарна всей инициативной группе, создавшей это общество. Самое прекрасное в жизни — это возможность общения с друзьями.

1996 г.

ЧЕТЫРЕ ВИЗИТА МИЛОВАНА ДЖИЛАСА В МОСКВУ

Милован Джилас (1911–1995) относится к числу тех черногорцев, роль которых в развитии связей между СССР и югославскими народами была заметной и, без сомнения, важной. Следует, однако, указать, что его роль в советско-югославских отношениях, тем не менее, не была определяющей. Находясь до середины 1950-х гг. среди ближайших сотрудников И. Броз Тито, он, безусловно, выполнял все его поручения и не пытался играть самостоятельной роли. Вместе с тем, нельзя исключать особенности характера Джиласа (склонность к романтизму, горячность, искренность и т. п.). В силу этих обстоятельств его личность, гораздо больше, чем в силу случая, наложила яркий отпечаток на советско-югославские отношения в 1940-е и 1950-е гг., а его книги и иные печатные работы постоянно находились в сфере внимания советской политической элиты.

Влияние Джиласа (партийная кличка — Джидо) на отношения между народами двух стран в последующем, после его устранения из высшего югославского руководства, было не столь явным, но с течением времени становится все более очевидным. Несмотря на отсутствие властных рычагов, а порой и свободы, ограниченной стенами тюремных застенков второй половины 1950-х — большей части 1960-х гг., уже используя только интеллектуальную силу своей личности, Джилас продолжал оказывать важное влияние на состояние умов в обеих странах.

Интеллектуальные, духовные связи с Россией Джилас чувствовал с начала своей юности. Полученные им знания русского языка он в полной мере использовал в 1930-е гг., когда переводил на родной язык произведения русских писателей. Однако практическая политика, события Второй мировой войны отвлекли его от этих мирных занятий. Вместе с тем потребности практической политики тех лет связали его с советской Россией (тогда — Советским Союзом) еще крепче, чем довоенные литературные переводы.

Исследователи указывают, что в дни, последовавшие за 22 июня 1941 г., когда принимались срочные решения об организации деятельности по борьбе с оккупантами в Югославии, Джилас был постоянно рядом с Тито. Как и другие, он «порой перебарщивал, так как исходил из нереальной оценки, что Красная армия легко и быстро сломит хребет гитлеровской армии»¹. Впрочем, это было общее настроение компартии тех лет, состоявшей преимущественно из молодых фанатиков, группировавшихся вокруг И. Броз Тито. Как писал В. Дедиер, Тито в конце июня 1941 г. приказал Джиласу подготовить группу, которая займется организацией власти в Белграде после победы СССР, что тот и сделал. В частности, на самого Дедиера возлагались обязанности организации продовольственного снабжения, взаимодействие с ежедневной прессой и журналами².

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В СССР (АПРЕЛЬ — ИЮНЬ 1944 г.)

В Москве знали о Джиласе, по меньшей мере, с начала 1944 г., еще до прибытия советской военной миссии генерала Корнеева (23 февраля 1944 г.) на территорию оккупированной, но сражавшейся с фашистами Югославии. Джилас был известен по материалам, которыми советское руководство снабжалось из этой страны. 12 февраля 1944 г. в Москве была получена телеграмма Тито с текстом статьи о катынском расстреле, трактовавшемся как преступление гитлеровских нацистов. В конце текста был назван его автор — «Милован Джилас — публицист, член Верховного штаба НОА и партизанских отрядов Югославии». Советское руководство способствовало популяризации статьи, а тем самым и ее творца³.

О его материалах в Москве знали и в последующем. В телеграмме от 12 марта 1944 г. Тито доложил о выходе первого номера журнала «Новая Югославия», в котором также была помещена статья Джиласа «Положение нашего освободительного движения после Московской и Тегеранской конференций»⁴.

После появления в Югославии советской военной миссии Джилас был в числе тех в партизанском руководстве, кто постоянно общался с советскими офицерами, выслушивая их рекомендации. В донесении в Москву 22 марта сотрудник миссии В. М. Сахаров отметил недостаточную популярность славянского вопроса в Югославии, сообщив, что в этом с ним были согласны М. Джилас и К. Попович. По его словам, Джилас, признав, что «славянский вопрос в Югославии не был достаточно популярен», говорил, что «сербь и черногорцы имеют большие славянские чувства», и считал, что «популяризация в Югославии славянского вопроса имеет актуальное значение и будет перспективной», обещал уделять этому больше внимания⁵.

Среди членов югославской военной миссии, прибывшей в СССР в апреле 1944 г., Джилас был первым в списке. Составивший его В. Влахович указал: «Генерал-лейтенант Милован Джилас. 1914 г. рождения. Черногорец. Публицист. Член КПЮ с 1932 г. Член Верховного Штаба Народно-Освободительной Армии. С 1939 г. член Политбюро ЦК КПЮ»⁶.

Общий обзор перелета из Югославии в Москву был сделан генералом Терзичем для Тито в отчете от 26 мая 1944 г. Маршрут следования потрясал воображение: Медено поле — Бари — Тобрук — Каир — Хабания — Тегеран — Баку — Москва. Более чем на один день группа останавливалась только в Бари, Каире и Тегеране. Перелет из Бари в Каир был сделан советским самолетом в сопровождении генерал-майора Судакова, из Тегерана в Каир делегацию доставил английский самолет. Из Баку до Москвы перелет был совершен на советском самолете в сопровождении советских офицеров. Перед вылетом на тегеранском аэродроме почетный караул — рота Красной армии оказала делегации воинские почести⁷.

Советская печать сообщила о прибытии в Москву военной миссии Национального комитета освобождения Югославии во главе с генерал-лейтенантом Велимиром Терзичем 13 апреля, на следующий день после ее прибытия. Газеты опубликовали длинный список из советских (в основном военных и общественных деятелей, не было представителей НКВД) и югославских (Б. Масларич, В. Влахович, С. Симич, М. Лозич, М. Месич) лиц, кто встречал миссию на аэродроме. Из прибывших помимо Терзича не было упомянуто других фамилий. Этим подчеркивался исключительно военный характер делегации. Тем не менее, в ее составе было и два высоких представителя новой политической власти — Августинчич, заместитель председателя Национального комитета освобождения Югославии (избран 29 ноября на втором заседании Антифашистского вече народного освобождения Югославии; далее — АВНОЮ), и Джилас. Из всей делегации политический вес Джиласа был наиболее весомым.

Ведущую роль в югославской военной миссии Джилас (он находился в СССР с 12 апреля до начала июня 1944 г.) играл еще и потому, что из ее одиннадцати членов лишь он владел русским языком (делегации пришлось взять на работу переводчиком С. Самарджича)⁸. Во время нахождения в СССР он сразу по нескольким каналам (через посла Симича, комиссара НКГБ Жукова, начальника Генштаба Красной армии Антонова и во время встреч с Молотовым и Сталиным) пытался влиять на формирование представлений советского руководства на происходящее в Югославии. В то же время его встречи в СССР (в том числе и поездка на 2-й Украинский фронт, где он был принят его командующим Коневым) подняли авторитет Джиласа в окружении Тито. Помимо этого он был первым представителем высшего руководства КПЮ времен Второй мировой войны, которого принимал Сталин (в конце мая и, повторно, 4 июня 1944 г.).

С первых дней своего появления в СССР Джилас демонстрировал лояльность И. Броз Тито и готовность последовательно исполнять его указания. Уже в первые дни приезда делегации через Симича была передана просьба Августинчича и Джиласа напечатать на сербском языке листовки и брошюры для заброски их в сербские районы, в которых «маршал Тито в настоящее время особенно содействует военным операциям партизан»⁹. Во время встречи с Молотовым Джилас твердо и последовательно пытался добиться от Москвы ускорения признания Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ).¹⁰ Выполняя поручение Тито «получить разъяснения по вопросу о признании Комитета освобождения Югославии», Джилас несколько раз возвращался к этой теме. И в итоге добился от Молотова фразы: «Мы приняли подготовительные меры к такому шагу»¹¹. При этом Джилас довольно искусно дал понять, что Тито рассчитывает только на СССР, охарактеризовав англичан как ненадежных союзников Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ)¹².

Несомненно, что Джилас был переполнен впечатлениями, встречами и поездкой на фронт, куда миссия ездила в сопровождении корреспондента «Правды» Б. Полевого. Были и картины с описанием неизбежных, но не становившихся от этого привлекательными, жестокостей войны. Джилас впоследствии писал и о том, как неразговорчивый Конев, сообщая о подробностях Корсунь-Шевченковской операции, «не без ликования рисовал картину окончательной немецкой катастрофы: почти восемьдесят тысяч отказавшихся сдаться немцев были сбиты на небольшом пространстве, затем танки смяли все их тяжелое вооружение и пулеметные гнезда, после чего их добила казачья конница. Сказанная с улыбкой фраза маршала»: «Мы дали казакам рубить сколько душе угодно — они рубили даже руки тем, кто подымал их, чтобы сдаться» — обрадовала в тот момент Джиласа.

И сам он с гордостью рассказывал Сталину о способах ведения и жестокости войны в Югославии. Джилас пояснил: «Мы не берем немцев в плен, потому что и они каждого нашего убивают», на что Сталин, перебив его, с улыбкой рассказал о том, как один красноармеец, конвоировавший группу пленных немцев, буквально выполнил приказ главнокомандующего «Перебить всех до одного» — привел в штаб единственного пленного¹³.

Среди иных ярких моментов этого первого посещения страны социализма было присутствие при скандале, который устроил советским лицам, обслуживавшим югославскую делегацию, ее глава Терзич. Это произошло после поступившего от них предложения воспользоваться возможностями спецснабжения для иностранных дипломатов¹⁴. В Москве Джилас передал в Политический архив МИД СССР ряд материалов из военного архива КПЮ (в том числе и о Д. Михайловиче)¹⁵, по всей видимости, не только снабжая советских дипломатов материалами для дискуссий с союзниками на предстоящих конференциях «большой тройки», но выполняя задумки руководства набирать соответствующие политические очки в борьбе с конкурентами и, возможно, готовить процесс против них в освобожденной стране.

После нескольких недель консультаций, 28 апреля 1944 г. начальник югославской военной миссии в СССР В. Терзич представил Генеральному штабу Красной армии реестр необходимого для вооружения, снаряжения и снабжения военных соединений под командованием Тито¹⁶. Это было последнее, что требовалось Сталину для принятия соответствующего решения о содействии. При всем нетерпении югославов скорее получить помощь, этот документ был необходим для принятия официального решения.

8 мая 1944 г., через три недели после приезда югославской военной миссии Государственный Комитет Обороны принял постановление «О мероприятиях по оказанию помощи НОАЮ» (5847 сс). Этим постановлением маршалу авиации Голованову предписывалось выделить 30 экипажей из состава 5 гвардейской авиадивизии для доставки в Югославию воздушным путем оружия, боеприпасов, медикаментов, продовольствия

и др. снаряжения со специальной перевалочной базы для концентрации, сортировки, упаковки и подготовки для транспортирования грузов, предназначенных для НОАЮ в Калиновке (место дислокации 5 авиадивизии советских ВВС). Начальник Тыла Красной армии Хрулев должен был сконцентрировать на базе в Калиновке все грузы, подлежащие транспортировке, необходимое количество грузовых парашютов для этого груза, а также организовать радиосвязь базы с Москвой (начальником базы был утвержден полковник В. Я. Прянишников).

Маршалу Голованову также поручалось организовать в Бари (Южная Италия) авиабазу и временно ее использовать как запасную для посадки самолетов, осуществляющих снабжение НОАЮ из СССР, в случае неблагоприятной обстановки на обратный рейс. Ответственность за организацию аэродромной службы (радиосвязь, метеослуживание и сигнализация) по приему самолетов на территории НОАЮ возлагалась на военную миссию СССР при Верховном штабе НОАЮ (тов. Корнеева)

Помимо этого Наркомату обороны был разрешен отпуск необходимого для НОАЮ вооружения (винтовок, ручных и станковых пулеметов, противотанковых ружей, автоматов, ручных и противотанковых гранат, зенитных пулеметов, мелкокалиберных зенитных и противотанковых пушек, минометов, а также боеприпасов к ним из числа имеющегося немецкого трофейного вооружения и советских образцов); медикаментов; продовольствия (соль, крупа, концентраты) и форменной одежды. Для отпуска всех грузов (от оружия до продовольствия) требовалась санкция В. М. Молотова.

Задача составления планов снабжения НОАЮ и согласования этих планов с ее миссией в СССР возлагалась на комиссара НКГБ Жукова. Этим же постановлением Наркомат финансов СССР должен был совместно с представителями военной миссии НОАЮ в СССР выработать условия военного займа Югославии и представить советскому правительству соответствующий проект решения.

Среди других пунктов постановления ГКО следует отметить решение об изготовлении в течение мая-июня 1944 г. 55.000 комплектов формы по образцам, представленным военной миссией НОАЮ, поручение Госзнаку (тов. Андреев) в двухмесячный срок изготовить для НОАЮ по образцам, представленным военной миссией НОАЮ, орденов и медалей, а также поручение об организации в этот же срок изготовления нагрудных знаков и кокард для НОАЮ также по образцам, представленным военной миссией НОАЮ в СССР.

Данное постановление также содержало и ряд решений по организации основ современной югославской армии. В частности, ВВС КА (Новикову) было поручено организовать подготовку в военных школах советских ВВС 300 летчиков из числа югославов (истребителей и бомбардировщиков), а НКВД СССР получил поручение через посольство в Иране организовать доставку в СССР 200 чел. югославов, находящихся в Иране, для вступления их

в югославскую часть на территории СССР. Также предписывалось «в связи с наличием призывного контингента югославских национальностей в лагерях НКВД для военнопленных приступить с 15/V-1944 года к формированию: второго югославского батальона в СССР, отдельной радиороты».

Один из вопросов постановления самым непосредственным образом затрагивал и деятельность военной миссии НОАЮ в СССР, которую с этих пор следовало «содержать на дополнительной смете НКО», организовать ее питание и обслуживание¹⁷.

Обе встречи со Сталиным (советские записи бесед о них по-прежнему исследователям недоступны) были чрезвычайно важны. Особенно вторая, чрезвычайная встреча 4 июня 1944 г., состоявшаяся после получения сообщений из Югославии о чуть было не завершившейся успехом гитлеровской операции «Ход конем» по захвату руководства югославских партизан. Во время этой встречи Сталин передал Тито через Джиласа как доверительную информацию о возможных планах англичан на Балканах, подразумевавших устранение руководства ЮНА, так и ряд рекомендаций относительно необходимых мер по конспирации главного штаба партизан и ограничению деятельности западных военных миссий при НОАЮ.

Не исключено, что в тот момент, помимо гитлеровской операции, на откровенный разговор с Джиласом советского вождя подтолкнула и разведывательная информация из Каира от 1 июня об английской политике в отношении Тито¹⁸. Важной была и рекомендация Сталина о желательной линии поведения Тито в отношении короля Петра II: «Обдумать какой-то временный фиктивный модус взаимоотношений и сотрудничества... в целях того, чтобы изобразить уступчивость в отношении к хозяевам короля и тем заставить этих хозяев перестать вредить НОАЮ»¹⁹. В результате, Джилас стал носителем весьма доверительной информации, еще больше приобщившей его к Тито, проявив способности к выполнению доверительных поручений самого разного рода (в частности, после одобрения Сталиным займа НКОЮ в 10 млн. долларов США 200 тыс. Джилас привез с собой)²⁰.

В целом же Сталин произвел на Джиласа яркое впечатление, несомненно, поразил его, в том числе, своей информированностью, любознательностью, меткими замечаниями и чувством юмора — он много шутил и благодарно реагировал на анекдоты, рассказываемые Джиласом²¹.

В результате продолжительного визита в СССР Джилас оставил впечатление активного человека, которому можно доверить выполнение самых различных поручений. Тот факт, что он предпочитал информировать Тито не через советскую военную миссию, а лично, мог означать как недоверие к чужому каналу информации (и радиосвязи вообще), так и свидетельствовать о его скромности, нежелании лишний раз беспокоить советских товарищей обращением за помощью. Впрочем, может быть, и просто тем, что перегруженность работой и впечатлениями, частая смена событий не оставляли времени для размеренных регулярных докладов Тито.

Неуступчивый, взрывной характер Джиласа, его яркая полемичность проявились и во время дискуссий по национально-федеративному устройству будущей Югославии с сербским патриотом, югославским послом в Москве Симичем (кстати, оба участника дискуссии проинформировали о ней советское руководство). Симич критиковал НКОЮ за отсутствие «достаточно четкой программы относительно судьбы всех составных частей будущей федеративной Югославии». Он считал необходимым «внести ясность» в программу Национального Комитета по сербскому вопросу и «декларировать право на автономию для всех частей страны, где имеются сербские элементы, если Национальный Комитет не считает возможным объединить в одно федеративное целое все сербские территории»²². Джилас на это не реагировал, а в беседе с Молотовым заметил, что «у Симича есть некоторые слишком сербские настроения»²³.

Впрочем, острая дискуссия не повлияла на выполнение Симичем его профессиональных обязанностей. В беседе с советскими дипломатами (и еще до советских подозрений о том, что англичане могли быть как-то замешаны в попытке гитлеровцев уничтожить партизанский штаб во время операции «Ход конем») Симич выражал беспокойство по поводу возвращения Джиласа в Югославию ввиду того, что о его отъезде знали англичане, сообщив об этом по BBC, что, по его мнению, увеличивало опасность «особенно при перелете его на английском самолете»²⁴.

Гитлеровское нападение на партизанский штаб на Дрваре в рамках операции «Ход конем» лишь подтвердило опасения Симича в отношении англичан (в беседах в НКВД СССР он высказывал предположение, что «попытка окружения штаба Тито» имела место в результате того, что немцам помог кто-то из англичан, находящихся при штабе Тито)²⁵. Перед самым отлетом Симич попросил Джиласа «передать маршалу Тито о необходимости быть особенно осторожным во взаимоотношениях с английской миссией и со всеми иностранцами, пребывающими в районе штаба Тито». Симич рекомендовал также отделить штаб Тито от военных миссий, с которыми Тито имел бы сношения через официальных представителей не в районе штаба, а в определенном пункте для официальных приемов²⁶, что совпадало с советскими рекомендациями, высказывавшимися Джиласу на встрече со Сталиным 4 июня²⁷.

6 июня Джилас вылетел из Москвы. Его путь в Югославию лежал через Каир и Бари. Вместе с ним летели Стойнич, Данилович, Лозич и сын Тито Жарко. Помимо впечатлений, долларов США и пропагандистской литературы, он вез с собой и одиннадцатый номер журнала «Война и рабочий класс», вышедший 1 июня 1944 г. В нем была напечатана его статья «Маршал Югославии Иосип Броз Тито». За день до вылета Джилас направил радиogramму И. Броз Тито, сообщив о приеме у Сталина и очень длительной беседе в присутствии Молотова, «а позднее товарищей Берия и Микояна». В телеграмме содержались и предостережения «в связи с местом, где Вы находитесь»

(т. е. пребыванием в расположении англичан. — А. Е.) о «серьезнейшей опасности». Джилас призывал Тито быть внимательным во время возвращения в Югославию, держать в строгом секрете время выезда и не забывать, что «бывают случаи, когда самолеты ломаются в воздухе». В послании содержался и прямой призыв «остерегаться иностранных “друзей” самым тщательным образом»²⁸.

ВМЕСТЕ С ТИТО (АПРЕЛЬ 1945 г.)

К весне 1945 г. Джилас прочно занял ведущее место в югославском руководстве²⁹. В апреле 1945 г. он был в составе официальной делегации во главе с Тито, которая прибыла в Москву для подписания межправительственного договора с СССР.

Первый официальный визит руководства новой Югославии в СССР был описан в отечественной историографии еще в 1990 г. в известной книге Ю. С. Гиренко. С этих пор новых фактов, а тем более документов по данному вопросу в отечественной литературе не появилось³⁰. Вместе с тем и исследование Гиренко, с учетом того, что основное внимание в нем было уделено Сталину и Тито, должно быть дополнено наблюдениями самого Джиласа. Соответствующая часть его книги «Беседы со Сталиным» по-прежнему остается единственным источником, описывающим пребывание югославской делегации в Москве в апреле 1945 г.

Еще до этого, в конце октября 1944 г. Джилас становится одним из участников выяснения отношений между Москвой и Белградом по поводу поведения советских солдат и офицеров на территориях восточной части освобожденной Сербии, перенесенного в итоге на уровень высшего политического руководства Советского Союза. Особую остроту этой теме придавала советско-югославская переписка, когда этот случай был упомянут в одном из советских писем в адрес югославских руководителей, а также версия, изложенная В. Дедиером в биографии Тито в 1953 г.³¹

Спокойный поиск истины, предпринятый с начала 1990-х гг., установил, что на совещании в ночь с 25 на 26 октября 1944 г., созванном Тито в связи со случаями хулиганских действий, изнасилований, грабежей, совершенных некоторыми солдатами и офицерами Красной армии, начальнику военной миссии СССР Корнееву был высказан ряд претензий³². Прозвучало и высказывание Джиласа о том, что подобные преступления используют «наши противники», сравнивающие поведение советских военнослужащих и офицеров британской военной миссии в Югославии, которые так себя не ведут. Корнеев довольно подробно проинформировал советское руководство о совещании, сообщив, что «претензии предъявлялись как от имени председателя Национального Комитета, то как от главного командующего, то как от коммуниста», и довольно подробно приводил высказывания Тито, Джиласа и остальных. По его словам, «предъявление претензий происходило, хотя и в сдержанном, но в очень возбужденном состоянии»³³.

Слова Джиласа, воспринятые в Москве как сравнение не в советскую пользу, сделали его «героем» письма Сталина от 31 октября в адрес Тито. «Семья без уroda не бывает, и было бы странно оскорблять семью из-за одного урода, — писал Сталин. — Если красноармейцы узнают, что Джилас и те, которые ему не возражали, считают английских офицеров в моральном отношении выше советских офицеров, то они завывли бы от такой незаслуженной обиды»³⁴.

Ответная реакция Джиласа в виде письма советскому вождю на русском языке, в котором он попытался уточнить свою позицию³⁵, так и не было отправлено. Вместо этого он написал яркую хвалебную статью о Сталине, которая была опубликована в самой тиражной газете страны — белградской «Борбе» 21 декабря. Ее полный перевод на русский язык с пояснением, что материал вышел в «белградской коммунистической газете», был сделан в Москве и доложен высшему советскому руководству в начале января 1945 г. Вместе с тем, судя по воспоминаниям Джиласа, последующие несколько месяцев он продолжал находиться под влиянием данного инцидента и воспринимал события в советско-югославских отношениях в этот период исключительно через его призму.

В новейшей историографии, затрагивающей отдельные бесчинства красноармейцев в Сербии осенью 1944 г. на основе сочетания новых документов из подольского архива МО РФ и воспоминаний поэта Б. Слуцкого, выдвигается версия о том, что помимо всего прочего, Джилас был лично оскорблен поведением советских воинов-освободителей в связи с их домогательствами его супруги М. Митровиц³⁶.

До некоторой степени в пользу этой версии свидетельствовал и сам М. Джилас, находившийся, как он писал в «Беседах со Сталиным», всю зиму 1944/45 гг. под впечатлением недавней полемики. Из Москвы доходили слухи о недовольстве Сталина поведением Джиласа (в это время в СССР с визитом находилась югославская делегация во главе с А. Хебрангом, а в ее составе супруга Джиласа — Митровиц). Советский вождь будто бы то расхваливал Красную армию, то сетовал по поводу слов Джиласа, то шутил, то провозглашал тосты, то целовался с женой Джиласа, «потому что она сербка»³⁷.

Вспоминая о событиях апреля 1945 г., сам Джилас считал, что не было серьезных оснований для включения его в состав югославской официальной делегации, которая отправилась в Москву для подписания советско-югославского договора «О дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве»³⁸. Его собственная роль в подготовке данного документа свелась лишь к сверке соответствия русского и сербско-хорватского вариантов.

Согласно версии, изложенной Джиласом в мемуарах, Тито включил его в состав делегации именно для того, чтобы подвести черту под недавним инцидентом в октябре 1944 г.

План встречи, пребывания и проводов Тито был заверен В. М. Молотовым 4 апреля 1945 г. Согласно ему на аэродроме в Москве Тито и Шубашича помимо Молотова должны были встречать А. Я. Вышинский, генерал

армии Антонов, ген.-полк. Ф. И. Голиков³⁹, ген.-лейт. Гундоров, М. А. Яснов⁴⁰, А. А. Лаврищев, К. Р. Синилов, Г. М. Фомин.⁴¹

Из воспоминаний Джиласа известно, что Тито весь полет страдал от качки, но усилием воли взял себя в руки и как ни в чем не бывало принял участие в церемонии встречи. Из плана встречи, подготовленного в советском НКВД, известно, что аэродром был украшен флагами СССР и Югославии, был выставлен почетный караул, а также исполнены государственные гимны Югославии и СССР. (При этом вместо старого национального гимна Югославии исполнялась песня «Гей, славяне».)

Данный документ подтверждает некоторые детали из мемуаров Джиласа, добавляя к ним и новые. Было известно, что Тито и трех человек из числа сопровождавших его сотрудников поселили на даче в Заречье, отдельно от остальной делегации. Оказалось, что с аэродрома до дачи Тито сопровождал генерал-полковник Ф. И. Голиков. К тому же Тито была выделена спецмашина из гаража НКГБ СССР, а на все время пребывания в Москве был прикреплен старший референт Протокольного отдела Кубышкин и капитан Ежов от Отдела внешних связей (ОВС) НКО. Для обслуживания же остальных лиц было выделено три автомашины из гаража СНК СССР и шесть номеров в гостинице «Националь», которые должен был подготовить «Интурист».

Согласно программе на следующий день после прибытия Тито наносил визит В. М. Молотову, а затем И. В. Сталину. На вечер второго дня было запланировано присутствие Тито и Шубашича в Большом театре. Согласно протоколу в центральной ложе вместе с ними с советской стороны было запланировано присутствие Молотова, Вышинского, Садчикова, ген.-полк. Голикова, А. А. Лаврищева и Г. И. Фомина. В ложе бенуара был приглашен дипломатический корпус Москвы. Центральную ложу украсили югославским и советским флагами. Перед началом спектакля оркестр исполнил национальные гимны Югославии и СССР.

Центральным пунктом официальной части программы был обед в Кремле, который должен был дать И. В. Сталин перед отъездом Тито из СССР.

Во время одного из неофициальных приемов инцидент октября 1944 г. был обсужден со Сталиным и, как полагал Джилас, вопрос был сочтен исчерпанным, а отношение Сталина к Джиласу, как тому показалось, «стало сердечным как прежде»⁴².

В конце визита (Шубашич к тому времени уже улетел) Тито принял решение возвращаться в Белград через Киев. 17 апреля делегация покинула советскую столицу, а в столице Украины задержались на три дня. У Джиласа сохранились самые светлые воспоминания о днях, проведенных с украинским руководством. Яркая и меткая характеристика Хрущева, данная ему Джиласом в начале 1960-х гг., нередко в сопоставлении его со Сталиным и другими советскими руководителями того периода, несомненно, носившая в себе отпечаток прошедших лет, и несмотря на это — свидетельство несомненного литературного таланта Джиласа⁴³.

Интересно, что и Хрущев сохранил в памяти впечатление о Джиласе. В полной версии его мемуаров содержится рассказ о том, как украинское руководство принимало югославскую делегацию, возвращавшуюся из Москвы в Белград. Он с теплотой вспоминал о Джиласе: «Сейчас мы даем другую оценку Джиласу, но тогда и он произвел очень хорошее впечатление не только на нас, но и на Сталина: умный, подвижный человек с чувством юмора». Хрущеву запомнилось то, как он мог создавать непринужденную атмосферу, рассказывая анекдоты. На закате своей жизни бывший советский лидер даже вспомнил один из них — о спустившемся с гор в город осле, которого, как только это животное появилось, жители немедленно захотели выбрать в депутаты парламента⁴⁴.

ТРЕТИЙ ВИЗИТ В МОСКВУ (В НАЧАЛЕ 1948 г.)

Сфера деятельности Джиласа в Югославии в первые годы после изгнания немецко-фашистских оккупантов из страны была далека от непосредственных контактов с Москвой — отвечал за положение в Черногории и хорошо знал ситуацию в граничившей с нею Албании. На заседании Политбюро ЦК КПЮ 11 июня 1945 г. он сделал доклад о Черногории и Албании⁴⁵. Советской стороне было ясно, что Джилас — одна из главных фигур в образовании Республики Черногория в составе «второй» Югославии. В июле 1945 г. советский посол Садчиков, не понимая необходимости создания Черногории (по его словам, «не мог отделаться от впечатления», что ее выделение в самостоятельную федеральную единицу «является несколько искусственным»), «так и не получил вразумительного ответа» относительно того, какие же национальные особенности руководители Черногории «думают учитывать и развивать в процессе национального строительства». Его собеседник, премьер-министр Б. Йованович «порекомендовал обратиться лучше к Джиласу, как к знатоку этого вопроса»⁴⁶.

К настоящему времени в российских архивах открыто не так много документов о беседах Джиласа с советскими дипломатами относительно Черногории, Албании и перспектив развития ситуации в этой части Балкан, но известно, что он достаточно охотно встречался с ними, обсуждая различные проблемы⁴⁷.

Сталин помнил о Джиласе. Еще 27 мая 1946 г. во время беседы с югославской правительственной делегацией во главе с Тито, судя по югославской записи беседы, советский лидер дважды интересовался персоналиями в югославской политической элите. Сначала, иронически, спросил о своих «друзьях» Шубашиче и Гроле, а затем, уже без иронии, о Карделе и Джиласе, что свидетельствовало о высокой оценке обоих сотрудников Тито⁴⁸.

Уже хорошо изучено то, как посольство СССР в Белграде (в основном усилиями посла и военного атташе Сидоровича) накапливало и отсылало в Москву компрометирующий материал на югославское руководство⁴⁹.

И в атмосфере нагнетания напряженности советским посольством Сталин захотел увидеть в Москве именно Джиласа, когда в конце 1947 г. возникли разногласия между Москвой и Белградом в отношении положения в Албании⁵⁰.

Отъезд из Белграда состоялся 8 января 1948 г. В этот раз Джилас воспользовался возможностью доехать до Москвы поездом, с остановкой в Бухаресте, где были встречи с румынским руководством. Его впечатления от путешествия были записаны им самим, являя собой, как всегда, яркие наблюдения над повседневными деталями, которые тут же сочетались с обобщениями больших размеров: проводник вагона класса «люкс» с медными дверными ручками и величественным клозетом, который по бедности и необходимости прокормить большую семью вырачивал в своем собственном купе в клетке кур; широкие просторы страны и вывод о России, которая словно «подтверждала неизменность своей человеческой и национальной души, сопротивляясь суеде индустриализации и веселию администрации». Внимательный взгляд Джиласа не упустил и то, что «Украина и Россия, заваленные снегом до крыш, все еще представляли собой картину военного опустошения и ужаса — сгоревшие станции, бараки, женщины в платках и валенках, расчищающие пути, кипятки и кусок черного хлеба⁵¹. Представляется, что и эта картина продолжающегося опустошения должна была зародить в нем сомнения в реальности возможности удовлетворения завышенных югославских запросов к руководству СССР — первой социалистической страны в мире.

Прибыв в Москву в составе югославской военной делегации для обсуждения вопроса о поставках советских вооружений для Югославской Народной армии (ЮНА), Джилас пытался действовать как умелый лоббист, рассчитывая на добрые отношения со Сталиным. Уже в первый день приезда, приглашенный Сталиным на встречу, а затем и на ужин (и там, и там из всей делегации был только он), Джилас, как ему показалось, не только сгладил разногласия в отношении Албании, но и остался уверен, что ему удастся повлиять на решение вопросов хозяйственного характера (с начала января 1948 г. в Москве находилась Югославская торгово-экономическая делегация, задачей которой было подписание на 1948 г. соглашения с советской стороной по торгово-экономическим вопросам).

При помощи Сталина Джилас добился немедленных встреч как с Булганиным, так и с Микояном. Последовавший за этим переговорный процесс поначалу воспринимался югославской стороной как успешный⁵². Однако затем он осложнился политическими вопросами, возникшими из-за резкого недовольства Кремля событиями на Балканах — сначала в связи с заявлением Г. Димитрова на пресс-конференции 17 января 1948 г. о возможном создании федерации или конфедерации балканских и придунайских стран, с включением в нее Польши, Чехословакии и Греции, а потом в связи с полученными от посла Лаврентьева сведениями о намерении югославского

руководства направить в Албанию югославскую дивизию, сделав это без консультаций с советскими военными советниками.

Лоббистских талантов Джиласа оказалось недостаточно. В отличие от Сталина, окружение советского вождя воспринимало его иначе: в советской записи беседы с Микояном 3 февраля он именовался исключительно «господин Джилас»⁵³. Советский министр обороны Булганин вообще избегал встреч с югославской делегацией, и с югославами встретился А. И. Антонов, первый заместитель начальника Генштаба. Это заставило Джиласа в телеграмме Тито от 11 февраля 1948 г. сообщить о стагнации всего переговорного процесса. Судя по этому донесению, у него, как и у остальных членов делегации, к этому времени уже имелась версия объяснения происшедшего, но он не стал доверять ее шифровальщикам. Джилас лишь сообщил, что в самое ближайшее время начальник штаба ЮНА К. Попович и С. Вукманович-Темпо (в армии он отвечал за политическую работу) вернутся в Белград, и советовал Тито «поговорить с ними обо всем, тогда тебе все будет ясно». Сам же он рассчитывал дожидаться приезда Карделя и вместе с ним «все вопросы поставить перед Молотовым или Сталиным»⁵⁴.

Пауза, возникшая в связи с тем, что советская сторона не давала ответы ни на один из запросов югославов, затянулась. Проходили дни томительного ожидания решения советской стороны. На этом фоне некоторые события, которыми хозяева стремились заполнить программу пребывания гостей, запомнились надолго. Одним из них стало посещение мавзолея Ленина, мумию которого только что вернули на Красную площадь из эвакуации. Встреча с тем, что осталось от вождя мирового пролетариата, вызвала у Джиласа «новый и до этого неизвестный протест» против того мистического ощущения, которое он почувствовал при посещении мавзолея (все было так и устроено, чтобы создать в человеке именно такое ощущение — гранитные блоки, застывшая охрана, невидимый источник света над Лениным «и сам его труп, ссохшийся и белый, как известковый, с редкими волосиками, как будто их кто-то сажал». Джиласу казались неестественными, антиматериалистическими и антиленинскими «эти мистические сборы возле ленинских останков»⁵⁵.

Еще одним ярким воспоминанием, на этот раз положительным, стала поездка в Ленинград, которая «внесла облегчение и свежесть». Город произвел впечатление. По словам Джиласа, он «превосходил югославскую революционную действительность — может быть не сколько геройством, сколько коллективной жертвенностью... столкнувшись с реальностью — с конкретными случаями жертвенности и героизма и живыми людьми, которые их совершали или были их свидетелями, мы ощутили всю грандиозность ленинградской эпопеи и увидели, на что способен русский народ, когда под ударом находятся основы его духовного, государственного и иного существования»⁵⁶.

Очень теплые воспоминания остались у Джиласа и от встреч с ленинградцами. Делегация общалась преимущественно с руководящими работ-

никами города, и встречи с ними добавили к восхищению городом человеческую теплоту. В большинстве своем это были простые, образованные и трудовые люди, которые, по выражению Джиласа, «пронесли на своих плечах и еще несли в своих сердцах трагическое величие города». Ему также бросилось в глаза то, что они подходили к жизни своего города и граждан «более непосредственно и по-человечески», и их методы работы и отношение к городу отличалось от того, что они видели в Москве⁵⁷.

Волею судьбы Джилас оказался непосредственным участником затянувшихся в тугой узел военных, экономических и геополитических вопросов на Балканах, связанных в то время в одной точке, в Москве. Советско-болгаро-югославские консультации, состоявшиеся в Москве 10 февраля, подробно описаны в отечественной историографии⁵⁸. Сам же Джилас в тех событиях не имел самостоятельной роли, являясь, скорее, одним из внимательных участников-статистов. Солировали и дирижировали хозяева, прежде всего сам Сталин, а также Молотов. Встреча, продолжавшаяся в течение двух часов, повергла Джиласа в уныние. К тому же в этот раз Сталин не стал приглашать участников встречи на совместный ужин у него на даче, что также было своего рода знаком беды.

Позже Джилас описал настроение, с которым он улетал из Москвы: «На заре нас отвезли на Внуковский аэродром и безо всяких почестей закинули в самолет. Во время полета я все сильнее ощущал детскую, но одновременно серьезную, строгую радость. Я ли это меньше четырех лет тому назад стремился в Советский Союз — преданный и открытый всем своим существом? Еще одна мечта погасла, соприкоснувшись с реальностью»⁵⁹.

По возвращении в Белград именно Джилас докладывал о встречах в Москве. В этот период на заседаниях высшего югославского руководства мнение Тито было определяющим, но роль Джиласа 19 февраля 1948 г. можно назвать ключевой. Зачитав текст своего отчета (по 1-му пункту повестки заседания — «Вопрос наших отношений с СССР»), Джилас переключился на конспектирование выступления Тито, который и сделал решающие выводы⁶⁰. По замечаниям Тито можно предположить, что сообщение Джиласа содержало не только рассказ о трехсторонней встрече, но и общую характеристику всего комплекса возникших проблем. После его отчета Тито не стал акцентировать внимание на расхождениях между Белградом и Москвой по ряду внешнеполитических вопросов, заметив, что «серьезных расхождений нет. Наша линия остается во внешней политике прежней»⁶¹.

Исследователи до настоящего времени все же не имеют единого мнения относительно содержания самого отчета, представленного Джиласом⁶². Однако его критический и весьма решительный настрой в контактах с советскими представителями был очевиден. После заседания югославского руководства 19 февраля именно он (впрочем, это входило в его полномочия) в беседе с советским послом 23 февраля выразил недоумение, почему в СССР не издан доклад Тито на II съезде Народного фронта

Югославии, увязав это с возможным несогласием советской стороны с некоторыми положениями доклада⁶³.

Краткая протокольная югославская запись хода заседания 1 марта, которую принято считать официальной, не позволяет составить подробную картину обсуждения. Но из нее следует, что в отношении советского руководства Джилас был критичен. Он говорил и об Албании, и о реакции Димитрова на прошедшие в феврале трехсторонние консультации с участием Сталина, и о том, что в Москве «о югославской армии не информированы». Он довольно жестко охарактеризовал свое пребывание в Москве: «По многим вопросам мне ничего не сказали. Не хотят публиковать материалы о нашей стране». Он констатировал также и о разногласиях по вопросам строительства армии в государствах «народной демократии». Описывая действия советских лидеров, Джилас заметил, что они «проводят курс на то, чтобы мы зависели от них». Определенно он высказался и при обсуждении вопроса о федерации Югославии и Болгарии: «По отношению к Болгарии следует быть активнее. Не думаю, что русские ограничатся экономическим давлением на нашу страну». Главную подспудную причину расхождений между Белградом и Москвой Джилас видел в «вопросе о том, будет ли социализм развиваться свободно или путем расширения СССР»⁶⁴.

Несколько тезисов, звучавших на этом заседании, были переданы в Москву в изложении Жуйовича в телеграмме советского посла в Белграде (в том числе и туманные предположения Джиласа о пределах «давления» со стороны СССР). Они, несомненно, должны были возмутить советское руководство. Как представляется, достаточно было всего лишь фразы о том, что «мы сами себя освободили, нас не освобождала Красная армия». Слова Джиласа о том, что «СССР будет оказывать на Югославию все большее давление, ибо она — самый сильный центр идеологического сопротивления», показывали, что происходящее — не плод недоразумений, а осознанная позиция. Так же должны были воспринять в Москве и реплики Джиласа об экономической зависимости Югославии от СССР и его замечание о том, что «Коминформ — это захват других партий»⁶⁵.

7 марта Молотов поручил Лаврентьеву сообщить Жуйовичу благодарность ЦК ВКП(б) за «хорошее дело», которое тот сделал, «разоблачая мнимых друзей Советского Союза из югославского ЦК»⁶⁶. Донесение было достаточно широко (без раскрытия источника информации, как «Сообщение доверенного лица») распространено в советской верхушке. В частности, 8 марта помощник Сталина Поскребышев направил его в Московский комитет ВКП(б) «для ознакомления руководящего состава об отношениях между СССР и Югославией»⁶⁷.

Действия Джиласа в латентный предконфликтный период не способствовали разрядке нарастающей напряженности между Москвой и Белградом, а наоборот, подталкивали вызревавший конфликт к его новой стадии. Его поведение в Будапеште на торжествах 100-летия венгерской революции

14 марта 1948 г. вызвало негативные комментарии советской стороны. Как заметил советский посланник в Венгрии Г. М. Пушкин, Джилас «вообще не подходил к нашей делегации», «не поздоровался с кем-либо из ее членов», в своей речи «явно переоценивал роль освободительной борьбы югославов», а «говоря о сотрудничестве и дружбе народов, делал упор на странах и народах Балкан и Средней Европы»⁶⁸. Столь же негативно был воспринят и текст выступления Джиласа в венгерском парламенте, перевод которого был передан Пушкиным Молотову 24 марта⁶⁹.

Информация, полученная от Жуйовича советским посольством в ФНРЮ, давала возможность в ином свете воспринимать все негативные оценки югославских действий в Албании и не только там. Любые факты и оценки, которые до этого ранее требовали осторожной интерпретации, больше в перепроверке и соответствующих югославских разъяснениях не нуждались. 10 марта 1948 г. среди советских руководителей была распространена записка одного из ответственных сотрудников аппарата ЦК ВКП(б) о положении в Албании. Он указал, что «из бесед с руководящими деятелями албанской компартии и некоторыми советскими товарищами, работающими в Албании, а также личных наблюдений у меня сложилось мнение о ненормальных отношениях Югославии к Албании»⁷⁰. Можно с высокой степенью уверенности предполагать, что подобные документы также ухудшали отношение Москвы к Джиласу, который, будучи одним из руководителей Черногории, был, как уже упоминалось, самым тесным образом связан с развитием ситуации в этой стране.

Роль Джиласа и в апреле 1948 г. оставалась весомой. 12–13 апреля югославское руководство провело пленум ЦК КПЮ⁷¹. Единственным, кто не согласился с предложенной Тито линией поведения в отношении Москвы, был Жуйович, заявивший, в частности, что «наши экономические возможности и теоретические установки о строительстве социализма повиснут в воздухе, если мы не пойдем по линии координации нашей экономики с советской». Его позиция была осуждена всеми участниками заседания. Тито заявил, что «никто не имеет права меньше любить свою страну, чем СССР». Критику усилил Джилас, назвавший Жуйовича и Хебранга «сторонниками советского курса». Он указал, что «тот, кто передает информацию наверх, тот враг», подчеркнув, что «работа на разведслужбу СССР несовместима с пребыванием в партии»⁷².

Дневниковые записи Жуйовича, переданные на хранение послу СССР в Белграде перед самым его арестом, были переведены на русский язык и распространены среди советских руководителей Суловым 15 мая 1948 г.⁷³ Из этого документа, где ход заседания 1 марта был приведен более полно, чем в присланном в начале марта посольством «Сообщении доверенного лица», было ясно, что именно взгляды Тито являлись определяющими в формировании югославских оценок Советского Союза и его руководителей. Тито напомнил участникам заседания как об отказе

СССР от заключения хозяйственного договора, так и о его нежелании помогать в развитии черной металлургии. Разъяснение Тито («русские» поступают с нами так, чтобы поставить нас под свою зависимость и сделать нас экономическим придатком) и его комментарий советских действий в Чехословакии в феврале 1948 г. («Они говорят, что мы их не спрашивали, но они нас также не спрашивают. Они нас не спрашивали о Чехословакии. Поездка Зорина в Прагу — плохое дело, разве за это не могут ухватиться империалисты») демонстрировали всю глубину противоречий⁷⁴.

В своих записях Жуйович специально выделил позицию Джиласа, включая и его высказывание «о возможности строительства социализма в одной стране, вне Советского Союза» и насмешливую фразу о том, что «Черный-Жуйович думает, что за ним 200 миллионов». Эти и другие высказывания Джиласа могли лишь усилить его негативное восприятие в Москве в годы советско-югославского конфликта 1948–1953 гг., когда он часто выезжал на Запад и был самым ярким критиком советской системы и создавшего ее руководства. По обоим причинам он надолго остался главным врагом советских верхов.

Это негативное отношение никак не могло улучшиться ни после выступления Джиласа с новыми идеями в конце 1953 г., ни после публикации им в июне 1956 г. (сразу же после публикации в «Нью-Йорк Таймс» закрытого доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС и во время визита И. Броз Тито в СССР) под общей рубрикой «кремлевская опасность» нескольких статей о советском руководстве⁷⁵. Отрицательный образ Джиласа еще больше закрепился в подсознании советской правящей партийно-государственной элиты после публикации им в конце 1956 г. в США статьи «Буря в Восточной Европе», давшей анализ событий в Польше и Венгрии, в том числе подавления венгерской революции в ноябре. Этот материал фигурировал в обвинении и явился одной из причин его тюремного заключения. Появление на Западе его книг «Новый класс» (в 1957 г.), из-за которой ему было добавлено несколько лет к приговору 1956 г., и «Беседы со Сталиным» (последняя обеспечила ему новый тюремный срок в 1962 г.), а затем статей с осуждением интервенции войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г. лишь еще больше добавили черных красок в мрачную картину представлений о Джиласе, нарисованную советскими СМИ экспертами за многие годы⁷⁶.

Безусловно, что и его статьи в первой половине 1970-х гг. в журнале «Посев»⁷⁷, как и заочное участие⁷⁸ в работе редакции выходившего в Париже журнала «Континент», не оставляли ему никаких шансов на то, что его произведения будут известны советским читателям иным образом, чем в пересказе по радио «Свобода», «Би-Би-Си», «Немецкая волна» или «Голос Америки». Сам же Джилас вновь оказался в Москве лишь через долгих сорок два года.

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЕЗДКА В МОСКВУ (ЯНВАРЬ 1990 г.)

Изменения, инициированные советской перестройкой в 1986–1987 гг., докатившись до пост-титовской Югославии, непосредственным образом сказались и на дальнейшей судьбе Джиласа. 19 января 1987 г. ему вернули паспорт, что означало фактически разрешение выезжать за границу, чем он с удовольствием воспользовался. Этот документ прежде всего давал возможность чаще видеть сына Алексу, который в сентябре 1987 г. получил место профессора в знаменитом Русском исследовательском центре Гарвардского университета, а также выезжать для участия в международных конференциях (Англия, ФРГ, Франция, Болгария, Израиль, Италия и др.)⁷⁹, число которых в связи с продолжавшейся в СССР горбачевской перестройкой резко возросло.

Но перемены на этом не закончились. Весной 1989 г., когда Джилас после выступления в Вашингтоне на конференции о развитии ситуации в социалистических странах Восточной Европы гостил в Бостоне у своего сына, в Югославии с инициативой о его реабилитации выступил С. Вукманович-Темпо⁸⁰. Фраза о необходимости реабилитации Джиласа, высказанная им одному из информационных агентств, была подхвачена многими СМИ.

По телефону корреспонденту одной из югославских газет Джилас, назвав инициативу Темпо и внимание к ней СМИ «приятной неожиданностью», выделил несколько аспектов своей реабилитации. Литературный аспект, по его мнению, не был главным, поскольку к тому времени в Югославии уже были опубликованы некоторые его работы. Он особо остановился на реабилитации в правовом смысле, так как был уверен, что, несмотря на все три приговора, он был «совершенно невиновен». При этом Джилас подчеркнул, что в книге «Встречи со Сталиным» он на самом деле защищал югославскую официальную политику в отношении СССР после 1948 г. Особое значение он придавал моральному аспекту реабилитации, напомнив, что после решения о помиловании 1966 г. ему не были возвращены ордена и звание генерал-полковника. «В военном смысле, — подчеркнул он, — звание не имеет никакого значения, однако в моральном отношении для него это означало бы много, так как звания и ордена он получил во время войны, а заслуженно или нет — другая история»⁸¹.

По возвращении в Белград Джилас имел возможность гораздо подробнее и в более спокойной обстановке высказаться по этому же поводу в интервью популярному белградскому еженедельнику «НИН». Он считал, что «проблема реабилитации» состоит из трех частей — моральной, юридической, что на самом деле одно и то же, реабилитации его как писателя и политической реабилитации. Морально-правовая реабилитация, по его мнению, должна была включать пересмотр или, даже лучше, — уничтожение приговоров как юридически необоснованных. Джилас подчеркивал, что юридически он еще не реабилитирован, «но в моральном смысле реабилитация, хотя еще

не доведенная до конца, уже произошла». Он также считал, что «реабилитация его как писателя происходит уже самим тем, что стала возможной публикация его литературных работ». Реабилитация же политическая, в виде возвращения в политику, Джиласа, по его словам, не интересовала. Вместе с тем он не зарекался от участия в политическом процессе в смысле помощи, в соответствии со своими возможностями, каждому реальному демократическому явлению в стране». Он полагал, если «дело дойдет до этого, то все произойдет само собой», и «для этого не нужна никакая реабилитация»⁸².

События в мире реального социализма в эти месяцы способствовали тому, что Джилас все больше поднимался над историческим процессом, оценивая его с философских позиций, иронизируя по поводу суеты сегодняшнего дня. Рассуждая о реабилитации, произошедших к этому времени в Советском Союзе, он заметил: «В них есть что-то бессмысленное, почти гротескное. Что означает реабилитация человека, которого погубили 40–50 лет назад? Это совершенно бессмысленно. Их даже восстанавливают в партии». Он назвал все это «остатком тех полумистических культов в отношении партии, когда ее считали почти безгрешной и святой. Как будто реабилитация должна принести некое высшее счастье, переместить невинно загубленных несчастных людей куда-то на более высокое положение на небесах в сравнении с тем, где они находятся сейчас, в том случае если вообще от них что-либо осталось»⁸³.

Переоценка прошлого с неизбежностью вызывала интерес и к роли, сыгранной Джиласом в советско-югославских отношениях, а также к их влиянию на его судьбу. В ответ на вопрос, насколько отношения Югославии и СССР повлияли на его «падение» в январе 1954 г., Джилас заметил, что тому нет никаких подтверждений, ни интуитивных, ни фактических. Вместе с тем он достаточно уверенно заметил, что все последующее отношение к нему было «абсолютным образом связано с отношениями с Советским Союзом». И первый, и второй аресты, а также тюремное заключение он связал «с потребностью сближения с русскими»⁸⁴.

Его не оставлял интерес к событиям в Советском Союзе, а также Польше, Венгрии и других восточноевропейских странах. В подготовленном им тексте для Пятой конференции о будущем социализма (Мадрид, 27–29 сентября 1989 г.) есть оценки, свидетельствовавшие о том, что Джилас оставался одним из серьезных аналитиков эпохи. Он полагал, что «общественно-политическая формация того типа, которая в Советском Союзе и восточноевропейских государствах была установлена при Ленине и Сталине, неудержимо идет к распаду и преобразованию в новую формацию. Это исчезновение и преобразование будет различным от государства к государству и по темпу, и по формам. В Советском Союзе оно будет, вероятно, длиться дольше и получит более драматические и трагические формы. Но общая тенденция у всех — политический и экономический плюрализм, в том числе и у тех, как, например, Румыния, у которых еще сохраняется тоталитаризм».

Джилас верил в то, что «Россия всегда будет великой державой и сверхдержавой», но считал при этом, что изменение коммунистического режима может проходить «в непредсказуемых формах, возможны застои и повторения проявлений экспансии». Поэтому, указывал он, даже при уменьшении поводов для военного противостояния, «неразумно вести себя как будто его причины исчезли навсегда». При этом Джилас называл «нереальной и вредной политикой, которая бы стремилась, либо путем кредитов, либо путем концессий и давления, отделить восточноевропейских союзников от Советского Союза». Такие действия (он назвал их проведением политики «сфер влияния» и «соотношения сил»), по его мнению, не дадут желаемого результата, а будут играть на руку прежде всего консервативным, «сталинистским» силам в СССР.

Джилас также предвидел неизбежный «постепенный, хотя и не безусловный», поворот не только восточноевропейских стран, но и Советского Союза в сторону Западной Европы и США. При этом он подчеркивал, что Советский Союз «в сегодняшней фазе не может согласиться с изменением соотношения сил (насколько бы он ни проявлял толерантность к внутренним изменениям в союзных восточноевропейских государствах и осознавал необходимость помощи Запада): имперский дух и национальная гордость этого не допустят». Поэтому, по его мнению, Запад, прежде всего США, должны быть открыты для всех видов соглашений, но вместе с тем быть «всесторонне — духовно и дипломатически, экономически и в военном отношении, готовы к неожиданностям». Джилас напоминал, что «с началом перемен в Восточной Европе человечество входит в самый драматичный и, для современной демократии, решающий период»⁸⁵.

К осени 1989 г., как и предсказывал Джилас в мае, его литературная реабилитация набирала обороты. Его произведения, выходявшие ранее за рубежом, получали новую жизнь на родном языке. Так, появилась изданная в Лондоне еще в 1982 г. на сербскохорватском (на английском в 1984 г.) книга «Темница и идея»⁸⁶. Вместе с тем, в условиях нараставших в обществе острых антикоммунистических настроений имя Джиласа стало все чаще упоминаться и при переоценке кровавых действий КПЮ по захвату и упрочению власти. Об этом ему был задан вопрос в ходе подготовки осенью 1989 г. в издательстве «Аквариус» книги «Верующий и еретик». Ответ свидетельствовал о том, что его автор также мучительно думал об этом: «Я никогда не был исполнителем Партии, — заметил Джилас. — Я был революционер, вождь, делал то же самое, что и другие». Жестокости, с которыми стали связывать его имя, Джилас отнес к мифам, созданным уже значительно позже и вследствие того, что их появления желало югославское руководство. «Легенды о моей жестокости сложились позднее, когда я пал с вершин власти. Так было им нужно....».

За следующую ночь он написал «более пространственный ответ», который редакция опубликовала во введении книги. «Выглядит так, будто я един-

ственный среди вождей революции Сатана, а все другие — ангелы, — писал Джилас. — Повсеместно рассказывают и пишут только о моих "преступлениях". И все это по прошествии сорока лет! Эти рассказы и эти тексты появились в конце 1970-х — начале 1980-х годов после публикации моих военных мемуаров "Революционная война"⁸⁷, в которых я не замалчивал ужасы войны и революции, не поддерживал романтического представления о ее вождях, которое было нарисовано в официальной пропаганде⁸⁸. Я никогда не скрывал, что я, как один из вождей, принимал решения о смерти и жизни противников, а также о тех, кто подрывал авторитет и нарушал порядок в партизанской армии. А как же иначе может быть создана новая армия и совершаться революция? ... А рассказы о том, как я уничтожал целые семьи и убивал священников из-за веры в Бога, — это в нашей армии и партии никому не было позволено, за это любой бы был приговорен к расстрелу...»⁸⁹

Нападки, на которые таким образом ответил Джилас, не могли остановить набравшего силу его признания на родине. Вместе с тем дело двигалось еще к одному виду «реабилитации», или же, до некоторой степени, подтверждению правоты его взглядов, за которые он подвергся преследованиям в прошлом. В ноябре 1989 г. в Москве на русском языке был издан небольшой отрывок из его сочинения «Новый класс». Он появился в ноябрьском номере журнала «Слово» в рубрике «История» вместе с выдержками из работ Н. Валентинова, Л. Троцкого и И. Шафаревича⁹⁰.

Публикацию сопровождала статья Е. Бондаревой «Возвращение Джиласа»⁹¹, написанная с позиций уважения к последовательности его действий, в том числе к тому, что в отличие от тех югославских деятелей, в том числе из среды интеллигенции, позиции которых в 1987–1989 гг. «максимально радикализировались», его «приверженность к методам сугубо демократическим» и вечному кредо прирожденных еретиков «Если и все, то не я» сохранилась⁹².

Весь ноябрь 1989 г. Джилас имел возможность наблюдать заключительную часть процесса дезинтеграции некогда единого советского блока, получившего обвальный характер после падения берлинской стены. В комментариях к происходившему Джилас, указав, что «такое развитие событий следовало ожидать», не стал скрывать того, что был удивлен «скоростью событий». Он предсказывал: «кризис будет расти и будет страшнее», даже в том случае если советское руководство «станет делать самые лучшие и самые точные ходы». Он обратил внимание на то, что Москва сама инициировала этот процесс и его контролировала, но «выпустила события из рук и теперь сама удивляется происходящему». Вместе с тем Джилас отметил, что все это несколько не уменьшает заслуг М. Горбачева⁹³.

Джилас также полагал, что Советский Союз «не сможет ничего сделать без сотрудничества с Западом, но не подготовлен к нему. Он не сможет принять помощь в сто миллиардов долларов, даже если она ему будет предложена». Джилас считал, что СССР «не адаптирован... к подлинному

экономическому сотрудничеству, а может принять лишь товары широкого потребления». «Формы собственности и бюрократический контроль над ними таковы, — считал Джилас, — что всякое сотрудничество становится невозможным. Поэтому вся сложность проблем открывается только сейчас и кризис еще не достиг своего дна»⁹⁴.

Особое обращение Джиласа к советским темам в это время объяснялось не только «бархатными революциями» в Восточной Европе, но и его предстоящей поездкой в Москву. В середине января 1990 г. белградский еженедельник «НИН» опубликовал статью своего московского корреспондента А. Новачича «Еретик на Красной площади», в которой предсказывалось: «недалек тот день, когда Милован Джилас будет снова прогуливаться по Красной площади, возможно и вместе с автором книги "Архипелаг ГУЛАГ" Александром Солженицыным. Из секции грампластинок ГУМа будет доноситься голос Булата Окуджавы со словами песни о Генералиссимусе, а над рекой Москвой будет кружить дух Льва Троцкого, Василия Гроссмана и Джорджа Оруэлла»⁹⁵.

Слова о возможной прогулке Джиласа по Красной площади не были простой аллегорией, а своеобразным анонсом организованного московской «Литературной газетой» и белградским еженедельником «НИН» круглого стола о причинах, ходе и последствиях советско-югославского конфликта 1948 г. Через два дня, из Белграда в Москву рейсом авиакомпании «Аэрофлот» вылетела югославская делегация в составе М. Джиласа (в сопровождении супруги Штефании), писателя Д. Чосича, философа С. Стояновича, историка Б. Петрановича, политолога А. Крешича, а также журналиста «НИН» В. Зечевица⁹⁶. Перед вылетом все югославские участники круглого стола сфотографировались на фоне самолета югославской авиакомпании⁹⁷.

Несмотря на рекламную фотографию, группа прибыла в Москву регулярным рейсом «Аэрофлота» почти без опозданий и довольно долго задержалась при пересечении границы, выполняя необходимые формальности. Участники предстоящего круглого стола, рассуждая о причинах столь долгой задержки при въезде в некогда закрытую страну, философствовали о том, что «в ней упорно сохраняются формы поведения, принятые при большевизме, которые, наверное, переживут и сам большевизм»⁹⁸.

После вручения протокольного букета красных гвоздик супруге Джиласа Штефании — части протокольных формальностей, предусмотренных «Литературной газетой», гости на автомобилях выехали из построенного к Олимпиаде-80 аэропорта «Шереметьево-2» (он показался им всего лишь похожим на десятки аэродромов в мире). Уже в автомобиле Джилас пожелал немедленно заехать на Красную площадь, заявив об этом столь безапелляционно, что, несмотря на январские минус девять градусов, никому и в голову не пришло напомнить, что в июне ему исполнится 79 лет. Для теплолюбивых жителей Балкан картина вечерней Красной площади казалась почти фантастической, созданной, как им казалось, «теми мастерами, которые

десятилетиями создавали и совершенствовали огромных размеров символы сталинской эпохи». «Под ногами скрипел свежий снег, над головами снежинки, а на самых вершинах двух кремлевских башен жаркий красный свет просто струится из высоко размещенных пятиконечных звезд, — чуть позже написал Зечевич для «НИН». — Стены Кремля блестят и в то же время едва видны. Лучшую иллюстрацию для того, чтобы получить полное представление о прежних мечтах коммунистов, трудно и представить». «Эта картина, — заметил также репортер, — до определенной степени, действительно, оправдывала их юношеские увлечения идеями, которые символизировали Красная площадь и, конечно, мавзолей Ленина»⁹⁹.

Помимо репортерских заметок для еженедельника «НИН», свои впечатления о том вечере по свежим следам записал и Чосич, некогда подчиненный Джиласа по идеологической работе в послевоенной Югославии, к тому времени уже известный писатель-диссидент, а в самом недалеком будущем — крупный югославский государственный деятель¹⁰⁰. Запомнившаяся ему в тот вечер метель придала событию еще больший колорит. «Как только мы вступили на освещенную светом прожекторов Красную площадь, Милован Джилас замедлил шаг и замолчал. Я понял, что он хочет остаться только со своей Штефицей. Мы так и сделали, двинулись к храму Святого Василия Блаженного, оставив их перед мавзолеем Ленина, — записал Чосич. — Вид заслуживал того, чтобы его запомнить. Запорошенный снегом Милован в кепи, сгорбленный, сохшийся со своей Штефанией, темнел перед мавзолеем Ленина... Перед своим некогда богом, бальзамированным Лениным, заложенным в красном мраморе. Молчит веривший в него отступник и противник. О чем он думал, некогда коммунистический фанатик и партийный вождь, который по-ленински за счастливое будущее человечества выносил смертные приговоры своим противникам и тем, кто всего лишь сомневался в победе? О чем молчал самый знаменитый отступник коммунизма второй половины XX столетия, самый значительный низвергатель ленинизма и большевизма? Спрашивал ли себя Милован Джилас, на что он растратил юность и дар писателя и за что провел в тюрьме девять лет, не считая и тех лет в Королевстве? Может быть, он каялся в том, что разрушал великую веру нашего столетия?»¹⁰².

Лишь на следующий день, словно прерывая то молчание перед мавзолеем Ленина, Джилас сказал только одну фразу: «Ленин — гений революции». «Я с ним согласился», — заметил Чосич¹⁰³.

Редакция «Литературной газеты», подбирая партнеров для представительной югославской делегации, так и не сумела найти равную Джиласу советскую фигуру. Л. М. Каганович, один из тех в советской политической верхушке, кто травил югославское руководство в те годы, «не был ни готов, ни способен для встречи». О Д. Т. Шепилове, дожившем до 1995 г., кажется, никто и не вспомнил. Советскую часть участников круглого стола составили ученые-обществоведы (политологи Института экономики мировой социалистической системы АН СССР Е. А. Амбарцумов,

М. П. Павлова-Сильванская и др.)¹⁰⁴ и ведущие отечественные историки-югослависты из Института славяноведения и балканистики АН СССР (его директор В. К. Волков и Л. Я. Гибианский)¹⁰⁵.

18 января 1990 г. в помещении редакции «Литературной газеты» был проведен круглый стол о советско-югославском конфликте 1948 г. Выступление М. Джиласа (после краткого вводного слова организатора — заместителя редактора «ЛГ» О. Н. Прудкова) стало событием, затмившим в тот день все. Как справедливо заметил в своем репортаже Зечевич, «в отличие от остальных, которые интерпретировали события, Джилас о них свидетельствовал»¹⁰⁶.

С этой оценкой солидаризировался и Чосич, отметив, что Джилас, «разумеется, был главной личностью той конференции. Он, хотя не высказал новые и неизвестные факты, его свидетельства и взгляды о событиях 1948 г. интересны и как всегда важны. Этот человек обладает выраженным даром политического мышления и авторитетной самоуверенностью, приобретенной на высоких должностях в коммунистическом движении»¹⁰⁷. «На конференции, — заметил Чосич, — выступило трое из нас, приехавших вместе с Джиласом. Несмотря на то, что наши выступления были теоретически и историографически интересны, они остались в тени его личности»¹⁰⁸.

Начав с того, что в письмах Молотова и Сталина, направлявшихся весной 1948 г. в адрес югославских руководителей, чувствовались опасения Сталина, что Югославия желает занять приоритетное положение в отношении Советского Союза и всего мирового коммунистического движения, Джилас заверил собравшихся, что такой идеи югославское руководство не имело. «Несмотря на наш революционный энтузиазм и нашу революцию, из которой югославы вышли полные революционного энтузиазма и, конечно, революционных иллюзий, переоценивая свои силы и возможности... мы понимали, что у нас нет сил и возможностей вытеснить или заменить Советский Союз».

Он также описал настроения югославской коммунистической элиты в отношении Советского Союза, появившиеся с тех пор, как после войны начали проявляться различия во взглядах на экономические отношения. «Мы в Югославии, — заметил Джилас, — переоценивали возможности Советского Союза, который понес во время войны огромный урон. Наши ожидания помощи, которую Советский Союз мог нам предоставить, были завышены. И мы часто выдвигали требования, которые он объективно не мог выполнить. Были и стремления сталинского правительства ввести несправедливые экономические отношения с социалистическими странами и Югославией. По этой причине, из-за серьезных экономических причин, в югославском руководстве имелось внутреннее сопротивление советскому руководству, а частично и Советскому Союзу. «Это сопротивление можно было назвать и небольшой критикой: вот, русские хотят это, Советы хотят то, а у них ничего не получается», — вспоминал он.

Джилас отметил, что подобные настроения не могли быть тайной для советского руководства. Оно «имело своих людей в нашем самом высшем руководстве, которые передавали ему информацию политического характера». «И как это обычно бывает в политике, — подчеркнул Джилас, — все это часто неверно истолковывалось и преувеличивалось». Существенным было и то, что «в авторитарной природе Советского Союза и таком же характере Сталина не было привычки признавать свои ошибки даже тогда, когда они были очевидны»¹⁰⁹.

Заметив, что он останавливается только на том, что помнит, Джилас утверждал, что за начало конфликта 1948 г. «вина падает на советское руководство, в основном на Сталина». Он напомнил, что в Югославии, за исключением «малочисленной сталинской группки, которая не играла активной роли в политике, повсеместно считали, что это был конфликт между небольшой коммунистической страной и большой коммунистической страной». «Основную ошибку Сталина» Джилас видел в том, что он уравнил интересы «коммунистического движения со своими личными целями». По его мнению, Сталин «понимал мировой коммунизм как расширение советского влияния». Он отметил, что конфликт с Югославией возник как раз «в области, которую Сталин хотел контролировать — в области расширения советского государства, но не в смысле конституционно-правового государства, а в смысле контроля над своим народом и другими государствами». Помешало же этому то, что КПЮ вышла из войны и революции «настолько сильной, с сильным партийным аппаратом», что не могла подчиниться. Это и вызвало расхождение, заключавшееся в том, что идеологически связь с СССР была очень тесной, а в то же время организационно и политически югославы были «самостоятельным государственно-политическим организмом».

Оценка Джиласом действий советского лидера в 1948 г. оказала в последующем значительное влияние на развитие историографии. «Нападение Сталина на Югославию не оказалось его полным поражением, — утверждал он. — Оно стало поражением только в отношении Югославии, но в то же время в результате этого нападения Сталин взял под контроль все остальные восточноевропейские страны». «Я думаю, — указал Джилас, — что с самого начала Сталин поставил две цели. Первую — подчинить Югославию, а через Югославию всю Восточную Европу. Мы полагали, что он имел в голове и второй вариант: если не получится подчинить Югославию, то, по крайней мере, удастся подчинить Восточную Европу. И это ему удалось»¹¹⁰.

В самом конце выступления, уже во время ответов на вопросы остальных участников, отвечая на вопрос профессора Белградского университета, крупнейшего югославского историка Б. Петрановича, «был ли он фаворитом Сталина в 1948 г. в преддверии конфликта»¹¹¹, Джилас высказал мнение, что советский вожь рассчитывал на него «в своих комбинациях»¹¹².

Развивая этот тезис, Джилас напомнил о встрече и ужине у Сталина в январе 1948 г., на которые был приглашен он один из всех членов только что приехавшей в Москву югославской делегации. В этот раз его рассказ несколько отличался от того, что было изложено в «Беседах со Сталиным»¹¹³ в начале 1960-х гг.: «...в один из моментов наступило мрачное молчание. Словно нужно начать что-то новое и перейти к другой теме. Неожиданно я начал расхваливать Тито. Я хотел заранее отбросить всякое их сомнение и всякую комбинацию, в которую был бы вовлечен и я. Сталин смотрел на все это, не произнося ни слова. Сначала уставился на меня, а потом — на каждого из присутствующих по очереди. Тем самым разговор был закончен. Я верю в то, что Сталин знал о моей любви к нему, так как он был для меня символом коммунизма. Поэтому, несомненно, он думал, что мною будет легко манипулировать. Вот и все, что произошло на самом деле. Я не могу категорически заявить, что в комбинациях Сталина я был его фаворитом на место Тито, но некоторые сомнения на этот счет у меня существовали»¹¹⁴.

Записавший и изложивший эти слова Зечевич интерпретировал данное высказывание Джиласа исключительно по-журналистски — неточно, но хлестко: «В Москве во время работы круглого стола Джилас впервые открыл, что накануне разборок между Сталиным и Тито он был не только „принцем“ Политбюро КПЮ, но и потенциальным фаворитом Сталина. По его словам, до 1948 г. преклонение перед Сталиным, которое он испытывал к советскому вождю, не мешало ему неограниченно доверять Тито»¹¹⁵.

Ответы Джиласа на остальные вопросы свидетельствовали, что он не испытывал злобы ни к Сталину, ни к Тито, стремясь к взвешенным характеристикам этих вождей. О Сталине он заметил: «И сейчас считаю, что как политик Сталин был весьма одарен. Он будил мысль и был убедителен. Он знал, как приспособиться к ситуации, чтобы неблагоприятные обстоятельства обратить в свою пользу. В этом отношении до некоторой степени равен ему был только Черчилль»¹¹⁶. Не менее лестная характеристика прозвучала и в адрес Тито. Джилас назвал его «талантливым политиком, который, в отличие от исчерпавших свои силы за шесть месяцев вождей французской революции, успешно прошел все фазы революции. Он был успешен и в дальнейшем». По его словам, Тито «однозначно был опытным, сильным политиком, с развитым чувством реализма. Я не встречал, — заметил Джилас, — другого такого человека, который бы столь ясно чувствовал, с какой стороны ему грозит опасность». Вместе с тем он заметил, что конфликт 1948 г., победа в котором считается «самой большой заслугой Тито, был ему навязан». В те годы у него не было намерения конфликтовать, повторил Джилас, подчеркнув, что конфликт навязал Сталин. Хотя он справедливо критиковал руководство КПЮ за «переполненность революционными иллюзиями». Сталин считал, что Югославия желает «занять приоритетную роль в международных связях Советского Союза и в отношениях коммунистических партий. Но таких идей у нас тогда не было», — вспоминал Джилас¹¹⁷.

Чосич писал: «Милован Джилас, самый значительный и самый решительный бунтовщик в Европе против сталинизма, его жертва, узник Тито, получил возможность говорить в Москве о Сталине и сталинизме, давать интервью московскому телевидению и журналистам печатных изданий. Все это стало для него возможным благодаря горбачевской "перестройке" и "гласности", в реформаторскую энергию которых, как и в изменение советского порядка, Джилас не верил. Если кто-то другой из югославских революционеров при жизни стал историческим победителем, то это — Милован Джилас. Он пережил крах идеологии и порядка, против которого восстал в 1948 г. и от которого пострадал в дальнейшем. Он — единственный югославский политик, идеи которого одержали победу»¹¹⁸.

И действительно, в этот приезд в Москву Джилас был объектом пристального внимания СМИ. Отвечая на вопрос корреспондента «Радио Югославии», вещавшей на СФРЮ на сербскохорватском языке, о его самом ярком впечатлении в этот приезд, он назвал посещение Красной площади.

О приезде Джиласа в Москву и участии в круглом столе кратко сообщили многие СМИ. К тому же в один из дней Джилас провел несколько часов в разговоре с политологом Амбарцумовым, одним из ярких разносторонних мыслителей и блестящих перьев последних лет советской эпохи. Беседа была опубликована в «Литературной газете» от 31 января 1990 г.¹¹⁹

Приезд Джиласа в Москву и его участие в дискуссии в редакции «ЛГ» означали и своего рода полную его реабилитацию в Советском Союзе. Публикация в ноябре 1989 г. в журнале «Слово» отрывка из эссе «Новый класс» была лишь предвестником появления его произведений на русском языке. Издатели предполагали, что читательская аудитория будет заинтересована увидеть его книги в СССР целиком. Еще в день проведения круглого стола в «ЛГ» представитель московского издательства «Прогресс» попытался договориться с Джиласом «о переводе и издании его автобиографических книг». Джилас ответил, что не видит к этому никаких препятствий¹²⁰.

Уже в конце января в прессе с уверенностью сообщалось о скором появлении книг Джиласа в Москве. В публикации его беседы с Амбарцумовым в «Литературной газете» была помещена короткая справка о Джиласе. В перечне его наиболее «примечательных книг» («Новый класс» и «Беседы со Сталиным»), также указывалось, что он написал также биографию Тито и четырехтомную автобиографию, которая готовится к публикации в московском издательстве «Прогресс»¹²¹. В следующие месяцы литературно-публицистическое наследие Джиласа начало появляться и в изданиях радикально-демократического направления в советской журналистике: отрывки из его работ и интервью с ним появились в «Огоньке» и «Новом времени»¹²². В научных изданиях публиковались и аналитические эссе Джиласа, а также отклики на его выступление на круглом столе в «ЛГ» в январе 1990 г.¹²³

Договоренность января 1990 г. о публикации произведений Джиласа в серии издательства «Прогресс» была выполнена лишь частично и с серьезной задержкой. 11 сентября 1990 г. Джилас закончил написание предисловия к русскому изданию сразу трех своих работ («Беседы со Сталиным», «Новый класс» и «Несовершенное общество»). Скорее всего, делалось это еще в рамках январской договоренности, анонсированной в «ЛГ». Но издания этих произведений и российским читателям, и самому автору пришлось ждать до 1992 г.

В это же время Джилас пишет еще одно предисловие для русского издания. На этот раз не для своего, а для книги, связанной с его «Новым классом» самым непосредственным образом. Русское издание книги М. Восленского «Номенклатура» было подписано к печати 24 июля 1991 г. и разошлось среди читателей в том же году, до августовского путча и распада СССР в конце того же года. В последних абзацах предисловия к этому, формально еще «советскому», изданию Джилас пишет: «Я хотел бы присоединиться к М. С. Восленскому, сказав: советская система не располагает никакими сколько-нибудь значительными или обнадеживающими внутренними способностями к подлинно радикальной реформе этой системы, а отсталость и коррупция неумолимо толкают ее к экспансии. Уже давно советская система перестала быть проблемой для критического политического мышления. Однако экспансионистские устремления отсталой и обнищавшей великой державы нельзя остановить ни разумными словами и добрыми намерениями, ни точным научным анализом, как бы ни было полезно и необходимо и то, и другое»¹²⁴.

По всей вероятности, недавнее посещение Москвы позволило Джидо написать и следующее: «Новое издание книги М. С. Восленского особенно своевременно сегодня. Эта работа может оказаться итоговой. Диктатура номенклатуры приблизилась к своему историческому краху. Этот крах уже произошел на наших глазах в ряде стран Восточной Европы. Он свершился с поразительной легкостью. Дело в том, что развернулся объективный процесс разложения системы номенклатурного господства и протекает столь же объективный процесс демократизации общества. Мы наблюдаем его и в Советском Союзе, первые его признаки видны в Китае». В этом тексте Джилас также предсказал (ошибившись в отношении КНР) и относительно мирный характер завершения господства советской коммунистической номенклатуры. По его словам, ее слабость заключается в том, что она «сама отгородилась от общества, которым управляет, и оказалась верхушечной структурой без корней в народе. Поэтому я думаю, что ее уход и в больших странах "реального социализма" произойдет мирно, без гражданской войны: просто не найдется достаточно граждан, готовых воевать за номенклатуру»¹²⁵.

Три главные историко-публицистические произведения Джиласа («Новый класс», «Беседы со Сталиным» и «Несовершенное общество») с написан-

ным к ним предисловием 1990 г. дошли до читателя пост-коммунистической России в конце 1992 — самом начале 1993 г. Все они вышли под общей обложкой «Лицо тоталитаризма»¹²⁶ в издании «Новости» впечатляющим тиражом в 50 тысяч экземпляров.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Муликућ М. М.* Ратним стазама Милована Ђиласа. Подгорица, 2009. С. 29.
- 2 *Dedijer V. Veliki buntovnik Milovan Đilas . Prilozi za biografiju.* Beograd, 1991. S. 176.
- 3 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 2. Д. 1369. Л. 67–69. Сов. секретно. Расшифрованная телеграмма Из Югославии. 12.2.44. Вход. 213 Для «Свободной Югославии». Статья о преступлении немцев в Катynie. Вальтер. В документе имела пометка: [«Надо опубликовать В.М», «Свободной Югославии»] Внизу в левом углу документа: «Передано по Р.С. 14 и 17 фев. 1944 г.» (Там же. Л. 67).
- 4 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1369. Л. 85. Расшифрованная телеграмма Из Югославии 12 марта 1944 г. 419.
- 5 Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 798. Л. 5. На бланке НКГБ 1-е управление. 22.Ш.1944 г. 1/1/4088. Начальник 1-го Управления НКГБ Союза ССР Фитин — в НКВД Союза СССР тов. Деканозову.
- 6 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1369. Л. 15. Состав Военной Миссии Национального Комитета Освобождения Югославии.
- 7 Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1998. С. 253.
- 8 С. Самарджич — эмигрировал в СССР в 1932 г., в 1936–1939 гг. — участник гражданской войны в Испании.
- 9 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 28. Пк. 114. Д. 4. Л. 49. Из дневника В. А. Зорина. Прием югославского посла Симича 19/IV-44 года.
- 10 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 28–35. Док. 2.
- 11 Отношения России (СССР) с Югославией. С. 239.
- 12 Там же. С. 240.
- 13 *Джилас М.* Беседы со Сталиным // Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 45, 62–63.
- 14 Этот инцидент описал Симич: «Когда они узнали, что они могут получить в магазине для дипломатического корпуса лимитные книжки для снабжения, ген. Терзич заявил Симичу с возмущением, что он не просил никаких книжек, никакого снабжения и что им ничего не надо, они вполне довольны тем, что они получили в Доме Красной Армии» (АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 28. Пк. 114. Д. 4. Л. 48. Из дневника В. А. Зорина. Прием югославского посла Симича 19/IV-44 г.).
- 15 Было согласовано, что Политический архив НКВД примет от югославов Военно-политический архив Верховного штаба НОАЮ и начнет его разработку «в первую очередь в части, касающейся деятельности генерала Михай-

ловича» (Отношения России (СССР) с Югославией. С. 235. Док. 297). Осенью 1944 г. М. Пияде, готовясь к возвращению в Югославию, высказал пожелание руководству НКВД вернуть архив, привезенный Джиласом, в Белград (АВП РФ. Ф. 0144. Пк. 114. Д. 8. Л. 156.). Во второй половине 1980-х гг. видный исследователь отношений России и Югославии Н. Попович обнаружил в Архиве Й. Броз Тито пометки Ранковича от 22 февраля 1946 г. на одном из писем главы Военной миссии югославской армии в СССР Р. Приморца: «Джидо взял с собой, когда первый раз поехал в Москву. 1. Все депеши между нами и Москвой. 2. Четнический архив (три мешка), который, вроде бы, Моша вернул в страну. 3. Что-то из архива Верховного штаба» (*Popović N. Jugoslovensko-Sovjetski odnosi u Drugov svetskom ratu. Beograd, 1988. S. 125. Fusnota 55*).

16 Отношения России (СССР) с Югославией. С. 242–243. Док. 303.

17 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 332. Л. 35–37.

18 Указывалось, что вопреки заявлению Черчилля военные возможности Тито «будут использованы», но ему не будет оказано поддержки в закреплении роли политического лидера Югославии. «До сих пор англичане вынуждены были уступать русским в ряде вопросов, в частности, итальянском, греческом, югославском, так как военные успехи были на стороне русских, но теперь положение изменилось: инициатива перешла в руки союзников, и поэтому английская политика в отношении СССР, в частности, в балканских вопросах будет более твердой». Также сообщалось, что «англичане решили не пускать русских на юг от Дуная, если даже для этого придется когда-либо применить силу. Англичане считают, что решать югославский вопрос будут прежде всего они, англичане» (См.: Вперед на Запад. 1 января — 30 июня 1944 года. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 5. Кн. 1. М., 2007. Док. 1892. С. 488).

19 Советская версия изложения этой встречи свидетельствует, что он не лез за словом в карман, в частности, «Джилас выражал сомнения в возможности такого сотрудничества, но будет об этом говорить с Тито» // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1370. Л. 79–80. Алексеев—Корнееву [между 11 или 12 июня 1944 г.].

20 Отношения России (СССР) с Югославией. С. 247–249. Док. 311.

21 *Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 63.*

22 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пк. 58. Д. 795. Л. 46–47. Из дневника В. А. Зорина. Секретно. 26 апреля 1944 г. Прием югославского посла Симича 25 апреля 1944 г.

23 Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. I. 1944–1948 гг. С. 34. Док. 2.

24 Отношения России (СССР) с Югославией. С. 262.

25 Там же. С. 267.

26 Там же. С. 267.

27 О советских рекомендациях в изложении Молотова в телеграмме Корнееву (между 11 или 12 июня 1944 г. (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Л. 1370. Л. 79–80)), по всей вероятности, уже в связи с возвращением Джиласа в Югославию и его возможной встречей с Корнеевым) см.: *Едемский А. Москва и антифашистское*

- движение И. Броз Тито (январь — начало октября 1944 г.) // Ослобођење Београда 1944. године. Београд, 2010. С. 57.
- 28 Отношения России (СССР) с Югославией. С. 265.
- 29 Среди документов, готовившихся для советского руководства, была и справка о составе Центрального комитета Компартии Югославии. В списке Джилас был четвертым после Тито, Карделя и Ранковича. Вслед за ним — Лескошек, Хебранг, Пияде и Жуйович. «Милован Джилас, он же Мирко, Велько — Секретарь ЦК КПЮ по агитпропаганде. Родился в 1911 г. в городе Колашич, Черногория. Окончил 8 классов гимназии, а затем учился 3 года на философском факультете в Белграде. Литературный работник. В партию принят в 1932 г. В 1932 г. был членом комсомольского руководства Белградского университета. В 1933 г. за революционную деятельность был приговорен к 3 годам тюремного заключения, отбывал в Бачке. В 1937 году член Белградского горкома, Белградского обкома и член Крайкома компартии Сербии. В 1938 году член ЦК КПЮ, назначенный тов. Тито; на V общегославской конференции в 1940 г. избран в члены Политбюро ЦК КП Югославии. Бывший член Верховного штаба народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии. Редактирует популярную газету «Борба» — партийный орган ЦК КПЮ. Теоретически и политически хорошо подготовлен. Член Президиума антифашистского Веча национального освобождения Югославии. В новом югославском правительстве, образованном 7.III-45 г. маршалом Тито, является министром по делам Черногории» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 10. Д. 777. Л. 210).
- 30 Издатели сборника документов и материалов по истории советско-югославских отношений в 1945–1946 гг., вышедшего под эгидой министерств иностранных дел России и Сербии, подбор документов в отношении событий апреля 1945 г. ограничили перепечаткой уже ранее публиковавшихся материалов и не поместили новых документов о пребывании югославской делегации в СССР. См.: Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 10–14.
- 31 *Dedijer V. Prilozi za biografiju Josipa Broza Tita (reprint iz 1953) // Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Prva knjiga. Rijeka, 1981. S. 410.*
- Опубликованный В. Дедиером второй вариант «Хронологии конфликта Тито и Сталина с 1941 по 1948 г.», подготовленный им совместно с В. Ягером при участии А. Ранковича и М. Джиласа в 1951 г. во время работы над книгой «Приложения для биографии Йосипа Броза Тито», в какой-то мере показывает причины этих политизированных неточностей. См.: *Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Treći tom. Beograd, 1984. S. 221–222.*
- 32 Отношения России (СССР) с Югославией. С. 585. Примеч. 940.
- 33 Корнеев — Молотову. Телеграмма 47170 от 28-го октября 1944 года. (Рукописный архив чл.-корр. РАН В. К. Волкова) Вслед за этим и Тито в послании от 29 октября сообщил Сталину об этом же. См.: Отношения России (СССР) с Югославией. С. 361–362. Док. 474.
- 34 Там же. С. 363. Док. 476.

- 35 «Внешнее поведение английских офицеров по отношению к нашим офицерам в Италии и в Югославии лучше, чем поведение советских офицеров здесь. Конечно, у англичан подлые намерения. И враг все это будет использовать, если советские командиры не будут относиться к нам, как к друзьям и союзникам» // Там же. С. 585. Сноска 940.
- 36 Тимофеев А. Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии 1941–1945. М., 2010. С. 318. Исследователь ссылается при этом на воспоминания писателя Б. Слуцкого (*Слуцкий Б. Записки о войне // О других и о себе. М., 2005. С. 62, 74*), а также на книгу самого Джиласа «Разговоры со Сталиным», указывая ее выходные данные — Белград, 1962 (Там же. С. 394. Примеч. 1041). Версия, впрочем, не новая, ибо еще в изданной в 1953 г. Дедиером биографии Тито мимоходом упоминалось, что «среди изнасилованных девушек была и одна товарищ, секретарь Окружного комитета молодежи в Воеводине. И даже напали на супругу одного из членов Национального комитета», что могло в завуалированной форме указывать на Джиласа, см.: *Dedijer V. Prilozi za biografiju Josipa Broza Tita (reprint iz 1953) // Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Prva knjiga. Rijeka, 1981. S. 410.*
- 37 *Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 71–72.*
- 38 Текст договора см.: Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 10–12.
- 39 Связи Ф. И. Голикова с югославскими партизанами были давними. Известно, что в июне 1944 г. ГКО СССР поручил начальнику Главного управления кадров Красной Армии подобрать персонал для советской базы в Бари (Италия). См.: Связи России (СССР) с Югославией. С. 273.
- 40 Яснов М. А. — заместитель председателя Моссовета. Он был также и среди встречавших военную миссию НКЮ 12 апреля 1944 г. (Там же. С. 233).
- 41 Рукописный архив чл.-корр. РАН В. К. Волкова.
- 42 *Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 81–83.*
- 43 Там же. С. 87–88.
- 44 *Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть (Воспоминания в 4-х кн.). Кн. 3. М., 1999. С. 142.*
- 45 По его итогам было принято решение о вооружении албанских дивизий, которые находятся под командой Пятой армии, с тем, чтобы помочь им вооружить и остальные свои дивизии. Согласно принятому тогда решению, Джиласу было поручено направить это вооружение «как можно скорее». Также было принято предложение ЦК Албании о регулярных визитах «товарищей из ЦК Албании» в ЦК КПЮ для консультаций по важным вопросам. См.: *Politbiro Centralnog Komiteta Komunističke Partije Jugoslavije 1945–1948. Beograd, 1995. S. 66–67.*
- 46 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29. Пк. 117. Д. 28. Посол СССР в Югославии Садчиков — Заведующему Отделом балканских стран НКВД СССР тов. Лаврищеву А. А. 23 июля 1945 г.
- 47 Там же. Л. 139–145. Опубл.: Восточная Европа в документах... С. 330–335.
- 48 Упоминание было только в югославской записи беседы (Исторический архив. М., 1993. 2. С. 24–27), тогда как в советской записи они отсутствовали

(Там же. С. 21–22). То обстоятельство, что Сталин не спросил о Хебранге, скорее свидетельствовало о том, что он не намерен обсуждать отношения внутри югославского руководства.

- 49 Бухаркин И. В., Гибианский Л. Я. Первые шаги конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. 5. С. 160–163. О необъективном характере претензий посла свидетельствовало его замечание по поводу выступления Тито 27 сентября 1947 г. на II съезде Народного фронта Югославии о том, что тот ни слова не сказал о помощи СССР, хотя выступление было совершенно не об этом (Там же. С. 160–161).
- 50 Гибианский Л. Я. У начала конфликта: балканский узел // Политические исследования. 1991. 2. С. 179.
- 51 Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 101.
- 52 В самом их начале М. Джилас, вдохновленный обещаниями И. В. Сталина на встрече 17 января 1948 г., оценивал их ход почти восторженно. См.: Гибианский Л. Я. Вызов в Москву // Политические исследования. 1. 1991. С. 204.
- 53 Советско-югославские отношения. С. 214–215. Док. 111.
- 54 Там же. С. 216–217. Док. 112.
- 55 Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 119.
- 56 Там же. С. 120.
- 57 Там же. С. 120–121.
- 58 Гибианский Л. Я. Вызов в Москву // Полис. 1991. 1. С. 207; Он же. К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Советское славяноведение. 1991. 4. С. 27–29.
- 59 Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 133.
- 60 Там же. С. 233–235.
- 61 Zapisnici sa sednica... S. 234. Dok. 34. Sastanak Politbiroa CK KPJ. 19-II-1948.
- 62 Российский исследователь Л. Я. Гибианский в ходе проводившихся им интенсивных исследований в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Белграде, обнаружил в Архиве Й. Б. Тито «обширный... рукописный восьмистраничный отчет Джиласа» (АЈВТ. КМЈ I-3-b/651, I. 33–40), который был составлен им «сразу по возвращении делегации в Белград для информирования узкого круга «югославской верхушки». Документ был написан «не только по памяти, но и на основе заметок Джиласа, сделанных прямо на заседании в Кремле 10 февраля 1948 г. (Гибианский Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Советское славяноведение. 1991. 3. С. 19). Историк полагает, что В. Дедиер, являвшийся в начале 1950-х гг. официальным биографом Тито, описывая ход советско-болгарско-югославской встречи в Кремле 10 февраля 1948 г., «без каких-либо указаний на источник просто заимствовал из данного отчета Джиласа текст, «раскавычив значительные части, однако при этом подверг их произвольному редактированию». В результате этого ход встречи в Кремле «представал в весьма огрубленном

виде, со смещением ряда существенных акцентов, зафиксированных у Джиласа» (Там же. С. 19).

Сам Дедиер, ссылаясь на показанный ему Тито «обширный письменный отчет Джиласа, который заканчивался словами о том, что Сталин питает большое доверие в отношении всего Центрального комитета и «больше всего в отношении товарища Тито» (см.: *Dedijer V. Veliki buntovnik Milovan Đilas*. Beograd, 1990. S. 329), полагает, что именно этот документ побудил югославского лидера быть крайне осторожным в процессе десталинизации и завершить выступление на V съезде КПЮ в июле 1948 г. словами «Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует Советский Союз» (Isto, S. 239–230). Ввиду этого можно предположить, что существовало два документа, написанных Джиласом, один из которых только о совещании у Сталина, а второй — более общего плана.

- 63 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 32. Пк. 128. Д. 8. Л. 107. В историографии имеется предположение, что Джилас был знаком с критической телеграммой советского посла по поводу данного выступления Тито (*Губианский Л. Я.* От первого ко второму совещанию Коминформа. С. 362). Вне всякого сомнения, Джилас точно чувствовал обстановку: Отдел балканских стран МИД СССР с санкции заместителя министра Зорина в начале марта обратился в Госполитиздат с предложением срочно включить данный доклад Тито в сборник его статей и речей, который готовился в переводе на русский язык к печати (АПВ РФ. Ф. 0144. Оп. 32. Пк. 129. Д. 18. Л. 7–8).
- 64 Zapisnici sa sednica... S. 239. Dok. 34. Sastanak Politbiroa CK KPJ. 19-II-1948.
- 65 В том же духе донесение сопровождалось комментарием, то ли высказанным самим Жуйовичем, то ли дописанным послом: «...то обстоятельство, что все присутствующие на заседании в той или иной форме поддерживали Тито, говорит о глубоком изменении, которое произошло и происходит в самом ЦК в отношении к Советскому Союзу» (Из архива чл.-корр. РАН В. К. Волкова).
- 66 *Гиренко Ю. С.* Сталин–Тито. М., 1991. С. 347–350.
- 67 Из рукописного архива чл.-корр. РАН В. К. Волкова.
- 68 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 873. Док. 283.
- 69 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М., 1999. С. 571. Примеч. 1.
- 70 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 58. Л. 40–46.
- 71 *Гиренко Ю. С.* Сталин–Тито. С. 362–364.
- 72 Там же. С. 367.
- 73 Суслов направил их Сталину, Молотову и Жданову, указав, что они «составляют часть большого архива, переданного недавно Жуйовичем на хранение советскому послу Лаврентьеву» (ГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 58. Л. 123).
- 74 Там же.
- 75 *Djilas Milovan.* A top Communist Exposes the Main Kremlin Danger. Khrushchev Held Bigger Threat to Free Nations // San Francisco Examiner. 1956. June 10. P.01; 31; *Djilas Milovan.* Khrushchev Grabs More Power in Turmoil // San Francisco

- Examiner. 1956. June 11. P.01, 19; *Djilas Milovan*. Russ Still Aim for Socialist World. Stalin Delayed Change in Tactics, Yugoslav Says // San Francisco Examiner. June 12. 1956 P.04; *Djilas Milovan*, Kremlin Danger: How Red Nations Agreed on Cominform // San Francisco Examiner. 1956. June 13. P. 12.
- 76 Примером лексики, которой авторы пользовались, упоминая Джиласа в советских СМИ, могут служить следующие, использованные всего лишь в одной статье в органе ЦК КПСС «Правда» после его поездок в Англию и США в конце 1968 г.: «автор нескольких грязных пасквилей на коммунистическую идеологию»; «лай из подворотни», «лексикон Джиласа изобилует выражениями из словаря буржуазных пропагандистов», «социал-предатель», «со старанием обученного попугая», «на трех страницах журнала Джилас ухитрился налить столько грязи на международный коммунизм, на социалистические страны, что другому "кремленологу" хватило бы на монографию». См.: *Орехов Б. Слезьте с треножника, господин Джилас!* // Правда (Москва). 1969.28.I. С. 4.
- 77 Сотрудничество с данным журналом было начато с публикации в нем эссе о В. И. Ленине (См.: *Джилас М. Ленин* // Посев. Общественно-политический журнал. Год XXVI. 1970. Март. 3 (1154). С. 39–43). Это был перевод статьи, написанной им специально для лондонской «The Times» // The Times. (London) 1969. December 6.
- 78 Джиласу было запрещено публиковать свои произведения в СФРЮ, а после состоявшейся в конце 1968 г. поездки в США (через Лондон) югославские власти изъяли у него паспорт, лишив, тем самым, легальной возможности выезжать за рубеж.
- 79 Одним из первых было выступление на «Франкфуртском форуме -87». См.: *Джилас М. Иллюзии и надежды. Цели и границы горбачевских реформ* // Время и мы (Нью-Йорк). 1988. 101. С. 144–154.
- 80 О позиции С. Вукмановича, высказанной им 10 декабря 1994 г., см.: *Вукмановић-Темпо С. Милован Ђилас — ућуткани глас прогреса* // Милован Ђилас (1911–1995). Зборник радова / М. Џемовић (координатор). Београд, 1996. С. 33–41
- 81 *Роровс М. 'Tempu hvala, ali...'* // Osmica 18.05.1989 (вырезка из газеты в архиве автора).
- 82 *Вучелић М. Ранковић то ни је заслужио. Милован Ђилас говори за НИН* // НИН (Београд). 28 мај 1989. С. 16.
- 83 Там же.
- 84 Там же. С.51.
- 85 *Socijalizam i «realni socijalizam»* // Djilas. M. Vernik i jeretik. Beograd: Akvarius, 1989. S. 370.
- 86 *Milovan Đ. Tamnica i ideja*. Beograd, 1989.
- 87 Имеются в виду вышедшие в США в 1977 г. воспоминания М. Джиласа о событиях 1941–1945 гг. (*Djilas M. Wartime*. New York, 1977. 470 p.). Под заголовком «Революционная война» эта книга вышла на сербскохорватском языке в Белграде в 1990 г.: *Ђилас М. Револуционарни рат*. Београд, 1990.

- 88 В этом Джилас оказался прав. Не так давно среди документов, хранившихся в Архиве Президента Тито (ныне эта коллекция находится в Архиве Югославии в Белграде), был обнаружен подготовленный в Отделе по пропаганде за рубежом Президиума ЦК СКЮ «План действий по дискредитации взглядов Милована Джиласа на события в Югославии во время Второй мировой войны (в связи с его «Мемуарами» от 11 апреля 1977 г.). Он подразумевал дискредитацию Джиласа за рубежом через его «разоблачение и очернение», прежде всего, в Югославии (в СМИ и т. д.). В правом верхнем углу первого листа документа имеется пометка «V», означавшая, что И. Броз Тито с ним ознакомился (Arhiv Jugoslavije (Beograd). Kolekcija «Arhiv J.Broza Tito». KPR. Fond. II-4a. Br.kutije 168). На русском языке документ будет опубликован в соответствующем разделе книги «Анатомия конфликтов: Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. 1. Начало 1970 — первая половина 1980-х годов», выход в свет которой запланирован на 2011 г. в издательстве «Алетейя».
- 89 *Djilas. M. Vernik i jeretik. S 5.*
- 90 *Джилас М. Новый класс // «Слово». Литературно-художественный журнал Госкомпечати СССР и Госкомпечати РСФСР. 1989. 11. С. 63–68.*
- 91 *Бондарева Е. Возвращение Джиласа // Там же. С. 61–62.*
- 92 *Там же. С. 62.*
- 93 *Глигоровић М. Распад идеологије. Сведок времена Милован Ђилас // НИН (Београд). 26 новембар 1989. С. 55.*
- 94 *Там же.*
- 95 *Новачић А. Јеретик на Црвеном тргу // НИН. 14 јануар 1990. С. 45–47.*
- 96 *Участие в поездке журналиста редакции «НИН» В. Зечевица, опубликовавшего в первом квартале того же года в еженедельнике целую серию репортажей с выступлениями югославских участников круглого стола, позволяет со значительной степенью точности воспроизвести большую часть четвертого посещения Джиласом России. Советский вариант дискуссии на круглом столе в «ЛГ» был опубликован в разделе «Дискуссии» журнала Института славяноведения и балканистики АН СССР. См.: СССР — Югославия. 1948 год в современном прочтении // Советское славяноведение. 1990. 4. С. 3–18.*
- 97 *Снимок с подписью «Перед поездкой в Москву» был размещен в номере еженедельника от 28 января 1990 г. над анонсом «Стенограмма бесед в Москве» (См.: «Стенограм московского разговора» // НИН. 28 јануар 1990. С. 73.). Заголовок анонса гласил «Конфликт всемирно-исторического значения в новом свете» (Сукоб од светскоисторијског значаја у новом светлу!) (Там же).*
- 98 *Зечевић В. Милован Ђилас на Црвеном тргу // Там же. С. 71.*
- 99 *Там же. С. 72.*
- 100 *В дневнике Чосича эти строки помечены датой 29 января 1990 г.*
- 101 *Ђосић Д. Пишчеви записи (1981–1991) Београд, 2002. С. 286–287. «Я стоял со Светом вблизи храма Святого Василия Блаженного и смотрел на своего когда-то вождя, мрачный, что сегодня ночью на Красной площади перед*

мавзолеем Ленина нас двое — всего лишь туристы», — записал в дневник Чосич (Там же. С. 287).

102 Там же.

103 Если судить по репортажам НИН, то советские участники совершенно не имели намерений защищать позицию Сталина в произошедшем в 1948 г. конфликте. Общее настроение выразил один из них. «Что же тут можно защищать, — заметил Л. Любимов, — когда оказалось, что почти все, что было создано в ту эпоху, ценно только для того, чтобы быть отброшенным». И если по крайней мере двое из югославских участников (сам Джилас и А. Крешич, который учился в 1948 г. в СССР и принял решение вернуться домой) могли говорить, опираясь на собственные воспоминания, то большая часть историков, привыкшая оперировать данными архивных документов, лишь разводила руками, даже не в силах проверить, насколько память подводит югославских ветеранов (*Зечевић В. Милован Ђилас... С. 72*).

По свидетельству Д. Чосича, русские занимались сбором фактов, но они не удивили нас открытиями и оригинальными позициями о тех событиях, которые означали вершину идеологического и политического империализма Советского Союза, и вместе с тем — начало идеологической энтропии и распада сталинизма и советской империи. «Югославские коммунисты и Тито изнутри, фракционной деструкцией, начали и продолжали разлагать Сталинскую и советскую монолитную идеологическую систему», — записал Чосич в своем дневнике (см.: *Ђосић Д. Пишчеви записи. С. 285*). Его выступление также было опубликовано белградским еженедельником НИН (см.: *Ђосић Д. Збива се цивилизацијска револуција // НИН. 11 март 1990. С. 59–62*).

104 Эти участники были авторами наиболее серьезной к тому времени статьи о событиях конца 1940-х гг. См.: *Волков В. К., Гибианский Л. Я.* Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. 7. К тому времени конфликт 1948 г. стал темой обсуждения ряда круглых столов, в том числе совместно с учеными-обществоведами СФРЮ. См.: Политические уроки одного конфликта: Авторизованная стенограмма советско-югославской партийно-научной консультации «Политические уроки конфликта КПЮ с Информбюро (1948–1953 гг.)». М., 1989; Советско-югославский конфликт 1948–1953 гг.: причины, развитие, последствия и уроки («Круглый стол») // Рабочий класс и современный мир. 1989. 3; и др.

Тема советско-югославского конфликта начала активно обсуждаться после визита М. С. Горбачева в Югославию в марте 1988 г. Одной из первых была опубликована статья ответственного сотрудника в аппарате ЦК КПСС Ю. С. Гиренко (см.: *Гиренко Ю. С.* СССР — Югославия: 1948 год // Новая и новейшая история. 1988. 4). В то же время сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР, профильного исторического института, специализированно занимавшегося в том числе историей Югославии, имели более чем ограниченный доступ к архивным документам.

- 105 *Зечевич В.* Ђилас — Сталинов фаворит // НИН. 4 фебруар 1990. С. 67.
- 106 *Ђосић Д.* Пишчеви записи. С. 287.
- 107 Там же.
- 108 *Зечевич В.* Стенограм московских разговора // НИН. 11 фебруар. 1990. С. 66.
- 109 Там же. С. 67.
- 110 *Петрановић Б.* Моја питања Ђиласу // Там же. С. 69.
- 111 Там же. С. 67.
- 112 *Джилас М.* Беседы со Сталиным // Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 114.
- 113 *Зечевич В.* Ђилас — Сталинов фаворит // НИН. 4 фебруар 1990. С. 70.
- 114 Там же.
- 115 Там же.
- 116 Там же. С. 71.
- 117 *Ђосић Д.* Пишчеви записи... С. 286.
- 118 Милован Джилас о времени и о себе. Беседовал Е. Амбарцумов // Литературная газета. 31 января 1990. 5 (95279). С. 14.
- 119 *Зечевич В.* Ђилас — Сталинов фаворит // НИН. 4 фебруар 1990. С. 67–68.
- 120 Милован Джилас о времени и о себе. Беседовал Е. Амбарцумов // Литературная газета. 31 января 1990. 5 (95279). С. 14.
- 121 *Джилас М.* Новый класс // Огонек. 1990. 9. С. 25; *Он же.* Разные плоды революции // Новое время. 1990. 10. С. 16–17.
- 122 *Джилас М.* Настоящее и будущее социалистической идеи // Рабочий класс и современный мир. 1990. 3. С. 83–93. В частности, отклики появились на вариант выступления Джиласа в материалах круглого стола «СССР — Югославия. 1948 год в современном прочтении», опубликованных в четвертом номере журнала Института славяноведения и балканистики АН СССР «Советское славяноведение» (см.: *Кузнецhevский В. Д.* Письмо в редакцию // Советское славяноведение. 1991. 4. С. 27—29).
- 123 *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 11.
- 124 Там же.
- 125 *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. Книга была подписана к печати 16 декабря 1992 г. Эти работы Джиласа вышли в переводах П. А. Щетинина, Н. А. Поллак, О. А. Кирилловой.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЧЕРНОГОРЦЫ В РОССИИ

Издательство «Индрик»

Корректор *Т.И. Томашевская*

Оригинал-макет и оформление *А.С. Старчеус, С.Д. Боярская, Г.А. Шнэт*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications
may be ordered by

e-mail: market@indrik.ru

or by tel./fax: +7 495 954-17-52

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) —
95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.

22,5 п. л. Тираж 500 экз.

В 2011 году Россия и Черногория отмечают знаменательную дату — трехсотлетие установления прямых межгосударственных отношений. Это событие произошло в эпоху царя Петра I и митрополита Данилы, когда общность русских и черногорских интересов в борьбе против Османской Турции вывела на качественно новый уровень связи двух братских славянских народов. За прошедшие с того времени века отношения двух стран пережили целый ряд драматичных перемен и поворотов — от борьбы с общими врагами к взаимным обидам и разочарованиям, и в обратную сторону. Однако народы двух стран неизменно связывали чувства братской любви и искренней симпатии.

Книга «Черногорцы в России» представляет собой сборник научных статей российских и черногорских исследователей, в которых рассматриваются практически все значимые страницы истории российско-черногорских связей за последние триста лет. Особое внимание уделяется истории черногорцев в России — представителей царственных домов, духовенства, военных и моряков, мужчин и женщин, людей выдающихся и обыкновенных.

Сборник предназначен как для специалистов-историков, так и для всех интересующихся страницами прошлого российско-черногорских отношений.